Знаменитая сага популярной американской писательницы

Джулиан

МЭЙ

ИЗГНАННИКИ В ПЛИОЦЕН

УЗУРПАТОР

На Молодой Земле эпохи Благоприятной Колонизации начинает происходить что-то странное...

Узурпатор
Джулиан Мэй

Аннотация
Джулиан Мэй. Узурпатор
ПРОЛОГ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭПОХА ПОСЛЕ ПОТОПА
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВЕЛИКАЯ ЛЮБОВЬ
1
2
3
4

5
6
7
8
9
10
11
12
13
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. БИТВА ГИГАНТОВ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КОРОЛЬ ШУТОВ
1
2
3
4
5
6

7
8
ЭПИЛОГ

Аннотация

В третьем романе популярной «Саги об изгнанниках в плиоцен» известной американской писательницы Джулиан Мэй герои, попавшие на Землю в эпоху плиоцена, продолжают вести нелегкую, полную драматических событий жизнь, борясь за свое освобождение, выживание ичеловеческое достоинство. Однако авантюрист Эйкен Драм путем интриг пробирается на королевский трон и начинает борьбу за власть на Многоцветной Земле.

Джулиан Мэй
Узурпатор

Дэйву-неумехе и Сэму – пивному фанату еще одно напоминание о мамуле!

Что бы мы ни делали, в сердце одинокого человека всегда останется место для крайностей.

Все мы носим в себе наши потери и поражения, преступления и поздние раскаяния. Но мы не должны выпускать все это на волю, необходимо бороться с ними внутри себя. Бунтующий человек не сдается – именно это лежит в основе самоуничтожительной борьбы и заставляет нас сопротивляться жестокому бесформенному движению истории.

Альбер Камю. «Бунтующий человек»

ПРОЛОГ

Тела погибших и раненые были убраны, и теперь освещенный светом плиоценовой луны лес, покрывающий склон вулкана Мон-Доре, казался мирным и безмятежным. Воздух был пропитан ароматом аралий и орхидей. Выбравшиеся из своих укрытий белки-летяги бесшумно планировали между березами и рябинами.

Высоко на склоне, там, где деревья росли реже, зловеще поблескивала полусфера диаметром около пятнадцати метров. Зеркальная поверхность придавала полусфере вид гигантского, полузакопанного в грунт ведьмина шара, проткнутого длинной тонкой жердью.

Какая-то отчаянная белка на бреющем полете выскочила из зарослей, сделала «свечку», притормозила и совершила безукоризненно мягкую посадку на жердь вблизи зеркальной поверхности.

— Вот храбрая зверюшка, — пробормотал Лейр.

— Просто любопытная, — мягко сказал человек Себи-Гомнол.

Зверек пустился вниз по ошкуренному стволу и, вытянув лапку, потрогал полусферу. Ничего не случилось. Опустив голову, белка принюхалась и, по-видимому, приняла какое-то решение. Она пробралась на поверхность зеркала, но тут же потеряла точку опоры и съехала вниз, упав на землю взъерошенным комочком.

Зверек бросился наутек, а наблюдатели невесело рассмеялись.

— Теперь ей известно столько же, сколько и нам, — заметил лорд Ронии Бормол. — Если бы наши уроки стоили нам так же дешево!

Шесть излучающих свет фигур стояли на почтительном расстоянии от полусферы. Один из них был человек с непомерно большим носом, а остальные принадлежали к красивой расе тану и возвышались над ним более чем на две головы. Все они были облачены в фантастические стеклянные доспехи, утыканные гранеными шипами и самоцветами, их открытые шлемы с изображением геральдических животных венчали рога. Фигуры лучились приглушенным внутренним светом. Человек курил сигару.

— Убито шестнадцать воинов Ронийского боевого товарищества, — сказал Кандатейр, заместитель Бормола. — Я уже не говорю о двадцати

или тридцати в серых и серебряных торквесах, погибших в Привратном Замке. Эти люди — активные метапсихотики! Великая Тана, раньше они никогда не дозволяли «активным» проходить через врата времени! Вот почему мы сразу же вызвали тебя, Стратег.

Ноданн наклонил голову в знак своего одобрения. В золотисто-розовом свете, исходящем от его величественной фигуры, голубые и зеленые доспехи остальных казались тусклыми, а произносимые им слова звучали необыкновенно мягко:

— Врата времени. Проклятые врата времени…

— Ментальные удары, сразившие стражу замка, мои сподвижники по Охоте отразили с легкостью, Стратег, — сказал Бормол. — Но у первобытных было еще и какое-то сверхсложное оружие, испускающее направленные пучки энергии. Когда мы в конце концов загнали их в угол, они применили против нас это оружие. Наши метапсихические экраны оказались против него бессильны. Но мы с Кандатейром догадались использовать согласованную массированную мозговую защиту. Надо признать, что мы вспомнили о древнем искусстве как раз вовремя.

Себи-Гомнол улыбнулся правителю Ронии

сквозь дым сигары.

— И вы приняли решение отступить за этот барьер. Весьма благоразумно с твоей стороны, Брат Принудитель.

— Я научился быть благоразумным, когда дело касается людей… Брат Принудитель.

Оставив без внимания эту маленькую оскорбительную заминку, Гомнол обратился к Ноданну:

— Стратег, не вызывает сомнений, что люди применили оружие типа портативной фотонной пушки. Оно действует по тому же принципу, что и ваш священный Меч Шарна, главный приз Великой Битвы.

Ноданн показал на зеркальную полусферу:

— И они скрываются за вот той штукой?

— В моем мире будущего наука называет это силовым сигма-полем. Могу предположить, что захватчикам потребовалось некоторое время, чтобы запустить генератор.

— Проклятый серебряный пузырь не пробивается ни каким-либо нашим оружием, ни психогенным энергетическим полем, — сказал Бормол. — Хотя и удается трансментально воспринять слабые импульсы, но чужестранцы пользуются каким-то практически непостижимым мысленным кодом. Большинство из них вот

уже несколько часов как отправились спать… к вящей нашей радости.

Лорд Алутейн, президент Гильдии Творцов, спросил у Гомнола:

— И насколько сильно сигма-поле, сынок?

— Оно совершенно непроницаемо для любых наших атак, Творец. — В улыбке человека сквозила гордость за свою расу.

Лейр бросил грозный взгляд на Гомнола.

— А я считал, что людской кодекс использования врат времени запрещает транспортировку подобных устройств из вашего мира.

— Совершенно верно. Современное оружие не разрешается перебрасывать в плиоцен. Это строго запрещено. — Гомнол пожал плечами под сапфировым латным оплечьем. — Разумеется, наложен запрет и на переселение людей, наделенных активными метафункциями.

Старый дородный Алутейн разразился витиеватой бранью:

— Но каким-то образом больше сотни ублюдков умудрились пробраться сюда! И отшибли яйца нашему брату Бормолу! И что теперь делать, я спрашиваю? А, *теперь-то* что? — Он погрозил мерцающим изумрудным кулаком округлости силового поля, в которой отражалась луна и

пародийно искривленная линия горизонта с силуэтами деревьев.

— Я призвал вас сюда в надежде получить добрый совет, Брат Творец, — с достоинством ответил Бормол, — а не для словопрений. Пришельцы-захватчики сейчас спят, но скоро они проснутся. И когда это случится… Могу предположить, что у них есть возможность стрелять из своего оружия изнутри сигма-поля.

— Все зависит от типа генератора, — сказал Гомнол. — Но такую возможность исключать нельзя.

Шестеро тану объединили усилия в неуклюжей попытке проникнуть в полусферу трансментальным взглядом; но внутри различалось только смутное, расплывчатое пятно. Удалось уловить лишь циклические волны мыслепотока спящих и единственную тугую нить бодрствующего сознания часового, чьи мысленные импульсы почти целиком находились за пределами диапазона восприятия тану.

Наконец Гомнол сказал правителю Ронии:

— Восстанови еще раз печальные события этого дня. И не упускай никаких подробностей.

Сознание Бормола, к которому подключился и Кандатейр, развернуло перед остальными пол-

ную картину случившегося несчастья. Прибытие группы метапсихически активных чужаков было обнаружено солдатом в сером торквесе, стоявшим на крепостной стене Привратного Замка. (К счастью, он уцелел в последовавшей бойне.) Захватчики прошли через врата времени не на рассвете, что за многие годы путешествий во времени стало уже незыблемой традицией, а во внеурочное время. Снаружи замка не оказалось никого, кто мог бы перехватить их в краткий период растерянности, сопровождающей выход из временного разрыва; когда серые стражники появились наконец из замка, чтобы выяснить, что случилось, они были сметены мощным метапсихическим вихрем. Это всполошило коменданта в серебряном торквесе, который поспешил поставить в известность о происшествии двух лордов тану, присутствовавших в замке.

Затем метапсихически активные пришельцы обратили свое ментальное оружие, а также какие-то низкоэнергетические ручные установки фотонного типа против обитателей самого замка. Телепатический сигнал тревоги долетел до Ронии, отстоящей от замка на тридцать с лишним километров. Через два часа во главе Летучей Охоты прибыли Бормол с Кандатейром, но к этому

времени чужаков уже и след простыл. Наместники тану и около половины гарнизона замка были мертвы, а обычные путешественники во времени, сидевшие в тюремном бараке, были ввергнуты чужаками в ступор какой-то опустошающей сознание мозговой операцией.

Воины Бормола были задержаны метапсихическими барьерами и миражами, наспех расставленными чужаками; но в конце концов преграды рассеялись, и стали легко различимы следы небольших вездеходов чужаков. Они держали курс на запад, через степную местность и дальше в леса, раскинувшиеся вокруг грандиозного вулкана Мон-Доре. Когда погоня вышла на низменную пересеченную местность, верховые халики участников Летучей Охоты получили преимущество перед вездеходами чужаков. Около дюжины этих хитрых механизмов с широченными колесами были брошены водителями на густо поросшем бамбуком болоте; чуть позже обнаружили еще два вездехода, превращенные в сплошное месиво слонами.

Вскоре после захода солнца спасающиеся бегством чужаки совершили оплошность, войдя в тянущееся на запад тесное ущелье, упиравшееся в отвесную каменную стену. На краткий миг

ментальный экран измученных, выдохшихся, загнанных в ловушку пришельцев дрогнул, и наиболее искусные трансакцепторы Бормола сумели рассмотреть, с каким врагом они имеют дело. Группа пришельцев состояла из ста одного человека, все были обладателями активных метафункций, хотя некоторые находились в крайне плачевном физическом состоянии и практически все перенесли тяжелую ментальную травму. В своем распоряжении люди имели восемьдесят девять снабженных прицепами миниатюрных транспортных механизмов, забитых разными предметами двадцать второго века.

Бормол со своими лучшими психоиндукторами провел осторожную разведку боем, вызвавшую весьма слабое сопротивление. Судя по всему, стычка в замке и долгое преследование окончательно измотали пришельцев. Теперь они были загнаны в ловушку.

Посчитав ментальный бой унизительным для своего достоинства, Летучие Охотники, испустив задорный мысленный боевой клич, бросились в атаку и… были встречены фотонной пушкой. После кровопролитного отступления, выноса с поля боя раненых и передислокации выяснилось, что пришельцы разворотили своей пушкой одну

из стен ущелья, свалили обломки по пологому откосу и ускользнули из тупика. С наступлением сумерек разведчики донесли Бормолу о новом феномене — о гигантской зеркальной полусфере, и тогда правитель Ронии решил остановиться и вызвать на подмогу Ноданна Стратега и его главных советников…

— Меня весьма настораживает один момент, — задумчиво сказал Ноданн. — Состояние рядовых путешественников во времени, содержащихся взаперти в Привратном Замке. Ты говоришь, их сознание было опустошено?

— Вычищено лучше, чем Серебристо-Белая равнина, — уверенно заявил Бормол. Такой дьявольской работы я в жизни не видел. Хорошо еще, что все произошло в начале недели и у нас была всего лишь двухдневная партия путешественников во времени. Сейчас эти шестнадцать первобытных ничуть не лучше растений. Психокорректору, который над ними поработал, помогал сам дьявол.

— И психокорректор вызнал у узников все, что им было известно о нас,

— проворчал Лейр.

— И начисто стер их сознание, — добавил Гомнол. — Значит, недавно прибывшие путе-

шественники во времени могли снабдить нас какой-то важной информацией о чужаках. Интересно…

— Следует предположить, что некоторые из пришлых, если не все, обладают способностями — как называют их люди — «Великого Магистра», — сказал Кандатейр. — Иначе бы им не удалось убить наместников тану. Лорд Моранет и леди Сеневар были очень сильны как в психокоррекции, так и в психоиндукции.

Ноданн раскрыл свое сознание, сделав достоянием остальных величественный строй мыслей:

«Некоторые из чужаков обладают потрясающей метапсихической мощью, превосходящей нашу. Однако они не использовали свой потенциал в полную силу против Летучей Охоты Бормола, а сделали ставку на оружие. К тому же они предпочли бегство от наших войск позиционной обороне. Некоторые из пришлых выказывают явные признаки физической слабости. Они больны. Этих людей-операторов, цвет своей расы, довели до такой крайности, что они ушли в изгнание, избрали путь, официально для них запрещенный. Ergo, пришельцы преступили законы Галактического Содружества. Но ведь это же логическая несуразность! Все операторы

мира будущего объединены в ментальное содружество. Там не может быть отверженных и не бывает бунтовщиков».

— Да, нам неизвестно об их существовании, Стратег, — вслух произнес Гомнол. — Но знания о Старой Земле тану волей-неволей черпают от людей — путешественников во времени. А что могут реально знать о сообществе операторов и о внутреннем функционировании Галактического Содружества «нормальные» люди или даже подобные мне латентники? — Он коснулся синего стекла своего латного нагрудника, под которым прятался золотой торквес, и улыбка скривила его губы. — Нам нужно было явиться сюда, в плиоцен, чтобы обрести истинное братство объединенных разумов, обрести могущество, равное богам. Спасибо вам, тану.

Мысль Ноданна, словно яркий солнечный луч, высветила глубоко в сердце человека-психоиндуктора черные споры злобы; но лик Аполлона, как всегда, остался безмятежным.

— Твоя признательность оценена нами. Теперь докажи ее на деле! Ты в отличие от нас имеешь возможность спросить чужаков, кто они такие и что им нужно. Воспользуйся людским модусом трансментальной речи, который мы, тану, вос-

принять не способны.

Предательская волна страха, накатившая на Гомнола, вызвала со стороны Стратега лишь равнодушное подтверждение:

— Да, Эусебио Гомес Нолан. Нам об этом известно. Мы допускаем невинно-детскую игру в секретность ради того, чтобы потешить гордость людей в золотых торквесах. Но сейчас подобное обстоятельство может сослужить нам хорошую службу. Обратись мысленно к захватчикам-первобытным. И будь добр передать мне их ответ без утайки.

Источающая синий свет фигура Гомнола чуть покачнулась, лицо под причудливым шлемом стало пепельно-серым, а сигара вывалилась изо рта. На миг его коснулась метапсихическая хватка Стратега, сочетающая в себе все пять видов ментальных воздействий, сфокусированных в одном точном ударе по нервным окончаниям. Более страшной боли Гомнолу никогда не доводилось испытывать. Через какое-то мгновение боль сменилась томительным наслаждением.

Ноданн терпеливо выждал, пока человек придет в себя, а затем повторил:

— Поговори с ними, лорд Принудитель.

Гомнол медленно выдохнул. Он уже успел под-

нять свои ментальные заслоны, чтобы скрыть замешательство и ненависть.

— Ты… и Творец встаньте в стороне на тот случай, если захватчики поведут себя агрессивно. Эта пушка…

— Мы в паре с Ноданном установим небольшой прочный щит, — сказал старый Алутейн. — Пока ясно, что можно ожидать, мы прикроем остальных. А ты делай свое дело, сынок.

К Гомнолу быстро вернулась самоуверенность. Он важно кивнул, принял внушительную позу и, собрав воедино всю свою мощь, послал мысленный сигнал. Теперь тану не могли расшифровать его ментальный код, но им было под силу оценить высочайшее мастерство исполнения — мысленный сигнал тонкой струйкой просочился сквозь силовое поле, резко сгустился в приливную волну и, понуждаемый толчком мыслей Гомнола, проник в безучастное, утомленное сознание, которое укрывалось внутри зеркальной сферы. Гомнол заговорил и заставил насторожившегося часового ответить.

По каналу мысленного общения тану прозвучал горький комментарий Лейра по поводу действий его подопечного:

«Вы только посмотрите, Братья, на работу этого

спесивого коротышки! Всего десять лет, как мы пожаловали ему золотой торквес, а его способности к психоиндукции уже чуть ли не сравнялись с моими! Долго ли еще станет он довольствоваться своим положением Второго?»

Вопрос был не из приятных, и остальные предпочли держать свои мысли при себе.

Спустя некоторое время сознание Гомнола покинуло полусферу, и он с большим усилием заговорил:

— Часовой сказал… эти люди всего лишь хотят, чтобы их оставили в покое. Они покинут Европу, поскольку здесь господствуют тану, и уйдут в Северную Америку. Без возврата.

— Слава Тане! — прогремел Бормол. — И чем скорее они так сделают, тем лучше.

Но Гомнол принялся горячо возражать:

— Ты не понимаешь. Все эти люди, все до единого — активные операторы магистерского уровня! В моем мире, который отстоит от вашего на шесть миллионов лет, в будущем, произошла неудачная попытка какого-то метапсихического государственного переворота. Эта группа — остатки потерпевших поражение. Но они едва не победили! Маленькая группа мятежников едва не одержала верх над операторами-магнатами

всех шести рас Галактического Содружества!.. Сейчас они в ужасном состоянии, но скоро оправятся. И если бы нам удалось сделать их своими союзниками…

— Чужаки должны быть уничтожены. — Сила голоса и мысли Ноданна была подобна буре.

— Но ты подумай о всех выгодах подобного союза! Фирвулаги…

— Какую бы выгоду ни сулил такой союз, в выигрыше от него окажутся люди. Активные операторы не наденут золотого торквеса. Они никогда не смогут стать частью нашего Содружества.

— Ты, разумеется, прав, Стратег! — воскликнул Лейр и тут же отдал Гомнолу мысленное распоряжение: «Держи себя в руках».

В мыслях Алутейна зазвучали уничтожающие интонации:

«Черт возьми, сынок, а с чего бы людям-метапсихотикам объединяться с нами, если они, когда отдохнут и поправят здоровье, вполне могут захватить всю Многоцветную Землю целиком?»

— Да к тому же наладят еще одну-другую фотонную пушку, — проворчал Бормол.

— Если мы все объединимся в метапсихической гармонии, наша воля возобладает, — настаи-

вал Гомнол. — Нас, носящих золотые торквесы, тысячи, а «активных» чужаков всего лишь горстка. Некоторые из них чуть ли не при смерти. Остальные подавлены постигшей их неудачей и вынужденной разлукой с родным миром. Они с радостью примут предложение дружбы, уверяю вас!

— У меня состоялась телепатическая беседа с королем, — не терпящим возражений тоном сказал Ноданн. — Он согласен с моим решением.

Гомнол предпринял последнюю попытку и, воспользовавшись приватным режимом, несколькими стремительными импульсами передал Ноданну свои мольбы:

«Подумай, Стратег, подумай! Это уникальная возможность! Предводитель чужаков — магнат Марк Ремилард. Вся семья Ремилардов — операторы наивысшего уровня в Конфедерации землян Галактического Содружества! Марк плюс остальные — это потенциальный КОЗЫРЬ в замыслах потомства Нантусвель против фирвулагов…»

«Нет».

«Я видел, что Марк травмирован, он поддастся внушению. Другие гораздо слабее его. Используя метагармонизацию и психопобуждение, клан Нантусвель легко…»

«Нет».

«Марк — брат Джона Ремиларда! А Джон — это Джек Бестелесный!!! Я помню, что Марк по силе почти равен брату...»

«Нет».

Лунный свет поблескивал в капельках пота, змеящихся по лицу Гомнола. Из глубины леса донеслось тихое ржание и топот когтистых ног. Закованные в латы скакуны-халики, следуя телепатической команде Лейра, рысью подбежали к собеседникам. Силой левитации Ноданн поднялся в седло, и его феерическая золотисто-розовая аура разрослась, обняв украшенный самоцветами чепрак животного.

— У меня состоялся также трансментальный разговор с моими братьями, — сказал Ноданн, глядя сверху вниз на Гомнола. — Хуал Великодушный и Митейн, правитель Сазарана, подготовят Большую Облаву. Хуал доставит из Гории Меч Шарна, и я выступлю с ним против шайки первобытных. Митейн приведет с собой из Сазарана сухопутные войска, воины которых сильны в психокинезе, психоиндукции и принуждении. Мы позволим пришельцам уйти на запад, а где-нибудь в Диких Гротах выберем место и уничтожим их.

— Да сбудется воля Таны, — смиренно проговорил Гомнол. Утерев лицо белым носовым платком, он достал новую сигару, взобрался на своего халика и ускакал прочь вместе с остальными.

Три дня спустя близ реки, которой в будущем предстояло получить название Дордонь, рыцари тану массированным ударом обрушились на медленно ползущую колонну транспортных механизмов двадцать второго века. Но даже в ослабленном состоянии люди-операторы намного превосходили тану в трансментальном видении, поэтому попытка застать их врасплох не увенчалась успехом. Хитроумное снаряжение, которое спасающиеся бегством мятежники второпях захватили с собой из двадцать второго века и с которым они даже не были должным образом знакомы, теперь было подготовлено к бою. Солнечные батареи полностью заряжены, ручное оружие роздано, наведены индивидуальные силовые экраны и выбрана тактически грамотная позиция для фотонной пушки.

В последовавшей стычке полегли четыреста девятнадцать рыцарей тану, в том числе правитель Сазарана и Хуал Великодушный. Те, кто остался жив, практически все получили ранения

и остались лежать на поле боя.

Летучую Охоту Ноданна уничтожили, а сам Ноданн едва не уронил драгоценный Меч Шарна в реку и утратил не только свое Аполлоново величие, но и присутствие духа.

Лорд Гильдии Принуждения Лейр лишился в схватке руки, половины ноги и части печени. Восемь месяцев провел он на излечении в коже, а за это время его младший коллега, человек Эусебио-Гомнол, укрепил свое положение и решил на следующий год бросить своему угасающему начальнику вызов.

Пришельцы вышли к Атлантическому побережью. Там они собрали из своих вездеходных модулей корабли, подняли паруса, раздули сильный психокинетический ветер и уплыли в сторону заката.

Врата времени после двухмесячного перерыва вернулись к нормальному режиму работы.

Вняв совету Ноданна, Тагдал, Верховный Властелин Многоцветной Земли, издал указ, которым объявлял слухи о появлении каких-то пришельцев-чужаков и якобы учиненном ими разгроме не соответствующими действительности.

В течение двадцати семи последующих лет королевство тану благоденствовало, но лишь до

того дня, когда вскрылся Гибралтарский пролив и Средиземное море заполнилось водой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭПОХА ПОСЛЕ ПОТОПА

1

Над разоренной Мюрией кружил огромный ворон. В последнее время ему приходилось все дальше улетать от своей горной вершины: добыча на близлежащем побережье Испании была выбрана почти подчистую, трупы все глубже и глубже погружались в ил наступающего Средиземного моря. Много месяцев назад начал ворон свою охоту за золотыми торквесами и за это время отыскал их столько, что стал обладателем несметных сокровищ.

Под собой ворон видел лежащую в развалинах Мюрию. После почти четырехмесячного сезона дождей бывшая столица тану в Многоцветной Земле уступила натиску буйной плиоценовой растительности. Теперь, когда большинство маленьких садовников-рамапитеков погибло, побеги, ростки и стебли декоративных кустарников беспрепятственно заполняли пространство внутренних двориков, устилали величественные лестницы, вились по беломраморным стенам. Молодая поросль пробивалась даже сквозь двери и окна зданий и, взламывая красные и синие черепицы, карабкалась на крыши. Из растрескав-

шихся древесных стволов лезла путаница новых побегов. Разносимые водой и ветром семена и споры с поистине вурдалачьей настырностью прорастали в трещинах каменной кладки и между дорожными плитами.

Растительность безжалостно ломала и крушила величественные постройки, возведенные тану и их искусными рабами-людьми: просторные эспланады, особняки, спортивную арену, торговую площадь. По некогда блестящим алебастровым поверхностям и по ныне потускневшим мозаикам расползлись плесень, мхи и примитивные цветковые. Безудержно разросшиеся мелкие бурые грибы превратили массивные колонны дворца короля Тагдала в невзрачные столбы. Давно не возжигаемые серебряные фонари, окаймляющие пустынные бульвары, почернели от морских испарений. Темный пятна плесени обезобразили геральдические щиты, украшавшие фасады палат пяти ментальных гильдий. Даже высокие стеклянные шпили с навсегда потухшими феерическими светильниками покрылись коркой кристаллов соли и коростой лишайников.

Летая кругами, ворон сосредоточил свои поиски на северной оконечности разрушенного

города. Район доков был полностью затоплен водой. Свинцовые волны плескались уже на середине склона, уходящего вверх, к комплексу зданий Гильдии Принуждения. Стеклянная крыша одной из секций громадной постройки была разбита, и теперь в находящемся внутри цехе по производству золотых торквесов не осталось ничего ценного. Ворон позаботился об этом.

Его трансментальный взгляд проникал сквозь воду и скалы, достигая подводных пещер, что некогда были сухими и возвышались над солончаками, опоясывающими Каталонский залив. Много месяцев назад, когда город Мюрия был еще цел, в одной из пещер ворон скрывался со своими обреченными друзьями. И именно туда являлся тот предатель! (Но и о нем ворон уже позаботился.) Раньше или позже займется ворон и другими неоконченными делами, потому как это создание, эта птица, что в неустанном поиске скользила по серому мартовскому небу над серыми водами нового моря, была на редкость последовательна в своем безумии.

Одну за другой ворон просвечивал взглядом пещеры, загроможденные всяким хламом, занесенным сюда первым гибельным валом потопа, а потом погребенным под толщей воды. Но верхние

полости некоторых пещер до сих пор оставались заполненными воздухом. Из одной такой пещеры и исходил предательский импульс от драгоценного металла.

– *Золото*!

Пронзительный торжествующий крик эхом разнесся но утесам Авена. Ворон камнем рухнул вниз, но над самой поверхностью свинцового моря недвижно завис, распластав огромные, черные как смоль крылья. И вот уже вместо ворона возникла хрупкая женщина с копной белокурых волос, облаченная в вороненый панцирь, наколенники и латные рукавицы. Фелиция громко рассмеялась и в один миг предстала обнаженной — с белым, словно схваченным соляной изморозью телом, с широко распахнутыми глазами.

Без единого всплеска, словно стрела из плоти и крови, вошла она в воду. Одним броском, будто торпеда, преодолела подводный туннель, ведущий в пещеру. Источая бледный голубоватый свет, подобный огням святого Эльма, подошла по воде к узкому выступу, на котором лежало тело. При виде мертвого врага Фелиция снова громко рассмеялась, но неожиданно поняла, что потускневшее стекло доспехов имеет рубиново-красный цвет, а вовсе не аметистовый, как вначале ей по-

казалось в лучах обманчивого голубого сияния. Красный — цвет Гильдии Целителей.

— Нет! — пронзительно вскрикнула Фелиция, падая на колени перед трупом рыцаря тану.

Его глаза были прикрыты набрякшими веками, челюсть безвольно отвисла, к раздробленному черепу прилипли светлые волосы. Золотой торквес был забрызган ошметками гниющей плоти.

— Ох, нет, — запричитала Фелиция. — Только не он…

Подвывая и судорожно всхлипывая, она стала соскребать плесень, покрывшую геральдические символы на нагруднике. Наконец рисунок полностью открылся взору. Это было стилизованное изображение дерева, отягощенного самоцветными плодами, а не пронзенный стрелой череп — эмблема Куллукета.

По сырой пещере разнеслись громоподобные раскаты смеха. Какая же она дура. Ну конечно, это не он!

Вскочив на ноги, Фелиция вцепилась в соединенные шарнирами нагрудные пластины рубиновых доспехов, рывком содрала их, и они попадали на каменный пол пещеры с громким гулким звуком. А вслед за доспехами покатилась отделившаяся от тела голова, потому что

Фелиция с такой яростью рванула торквес, что сломала позвоночное сочленение.

Она подняла торквес высоко над головой, и он ослепительно заблестел в своей первозданной чистоте. Фелиция нырнула в воду, а через мгновение в небо стрелой взмыл ворон, зажав в мощных когтях золотой обруч. Мысленный голос птицы полнился торжеством и абсолютной свободой. Как часто случалось, она воззвала к своему Возлюбленному, перейдя на декламационный режим телепатической речи, и сигнал этот полетел над континентами и океанами, раскатываясь по всему миру подобно отзвукам замирающего грома:

«Куллукет!»

Высоко в сером, унылом небе над затопленным Авеном Фелиция звала его.

И дьяволы ответили ей.

Восторг Фелиции сменился ужасом. Она сжалась внутри непроницаемого ментального экрана и со скоростью снаряда понеслась к землям Испании, прикрывшись от обжигающих струй воздушного потока психогенным щитом в форме усеченного конуса. Лишь достигнув окрестностей горы Муласен, она замедлила свой безумный полет и отважилась на робкую вылаз-

ку за пределы своего кокона, чтобы посмотреть, не взяли ли след дьяволы.

Дьяволов не было. Она опять ускользнула от них.

Фелиция свернула все защитные экраны, издала хриплое, дерзкое карканье и полетела к дому, крепко сжимая в когтистых лапах свое новое сокровище.

2

В восьми тысячах километров к западу от Европы огромные тарпоны плиоценовой эпохи начали очередную весеннюю миграцию к местам нереста, расположенным вокруг островов Окала и неразгаданных Бермуд. Для Джека, старшего брата святого, пришла пора оторваться от своих изнурительных звездных поисков ради единственной утехи, которую он позволял себе — охоты на этих серебристых чудищ.

Недвижимо и безмолвно сидя в лодке среди мангровых зарослей и цветущих эпифитов эстуария Сувонны на западной оконечности острова, рыболов трансментальным зрением наблюдал за проплывающими мимо рыбами. Он намеренно ограничивал поле зрения руслом реки в пределах нескольких сот метров от своего укрытия, потому как сам устанавливал для себя правила охоты на крупных тарпонов и не хотел — по крайней мере умышленно — нарушать их.

Повинуясь видовому инстинкту, рыбы всплывали к поверхности блестящей голубоватой воды и заглатывали воздух. От их чешуй размером больше человеческой ладони, как от зеркал,

отражались лучи тропического солнца. Выпяченная нижняя челюсть, блестящие черные глаза и растопыренные жабры фантастически алого цвета делали тарпонов похожими не на обычных рыб, а на каких-то водных драконов. Многие из них достигали в длину трех метров, но рыболов хорошо знал, что некоторые особи бывают еще крупнее. Попав на крючок, тарпоны люто сопротивлялись и могли до двенадцати часов кряду с маниакальным упорством бороться за жизнь.

Рыбак наблюдал, как рыбы проплывают мимо, а солнце тем временем поднималось все выше над горизонтом, и вскоре его дочерна загорелая кожа заблестела от бисеринок пота. На рыбаке были лишь рабочие брюки из хлопчатобумажной саржи, выцветшие от времени и соленой воды. Его самоомолаживающееся тело с узлами крепких мышц, как всегда, было налито силой, но по лицу, словно по карте, сложенной из костей и плоти, можно было прочесть наполненную испытаниями одиссею идеалиста-неудачника. Лишь когда мимо проплыл особенно крупный тарпон, челюсти которого покрывали рубцы, полученные в схватке, случившейся несколькими годами раньше, губы рыболова, вспомнившего об этом редкостном удовольствии, тронула кривая

усмешка.

— Нет, мне нужен не ты, — сказал он громадной рыбине. — Ты уже имел возможность посидеть на крючке. Теперь мне нужен другой, крупнее тебя.

Несмотря на поглощенность наблюдением за тарпонами, рыбак тем не менее сразу почувствовал легкое как перышко прикосновение чужого взгляда — трансментального взгляда детей. Они снова подглядывали за ним, хотя всем жителям Окалы было известно, что беспокоить его во время хода рыбы категорически запрещено. Никто из мятежников старшего поколения, доживших до нынешних времен, не мог бы и помыслить о подобной наглости, слишком хорошо памятуя о силе того, кто привел их к конфронтации с галактикой. Но второе поколение, уже вступившее в начальную, самую неугомонную пору взросления, не отличалось склонностью к проявлениям почтительности. Даже его собственные дети Хаген и Клу (так ничего и не узнавшие о планах своего родителя относительно их будущего в случае успешного исхода Мятежа) считали, что ментальная мощь отца ослабла от времени и от тщетных, изнурительных попыток обнаружить среди примерно тридцати шести тысяч обследованных им плиоценовых звездных систем расы,

обладающие ментальным сродством.

Лишь однажды он сбил с юнцов спесь. Случилось это прошлой осенью, когда доведенная до отчаяния Фелиция Лэндри взмолилась о помощи. Генерируемый девушкой призывный сигнал был настолько сильным, что активные операторы Окалы, даже находясь на другом краю Земли, поняли, что она пытается сотворить с Гибралтаром. А Марк, улыбнувшись своей причудливой улыбкой, сказал: «Почему бы Ангелу Бездны не поддержать свою репутацию?» И тотчас, собрав воедино и сконцентрировав психическую энергию сорока трех уцелевших участников метапсихического восстания — и присовокупив к ней еще незрелую, но уже довольно внушительную психогенную мощь их тридцати двух взрослых детей, отдал всю эту суммарную энергию в распоряжение помешанной. И котлован Средиземного моря заполнился водой.

То был всего лишь намек, всего лишь слабый отголосок его истинного потенциала, но и этого оказалось достаточно, чтобы наиболее сообразительные юнцы изменили свое отношение к одинокому звездному скитальцу.

— Сидящий в лодке рыбак снова почувствовал, что к нему приглядываются, хотя и крайне

осторожно. Он знал, что на уме у молодежи. Им наскучила жизнь в изгнании на Окале, надоели бесконечные интригу и строгие запреты взрослых, а больше всего их тяготила собственная неспособность влиться в Единство разумов (ибо никто из беглых мятежников не прошел специальной подготовки, необходимой для операторов-наставников). Теперь, когда стало известно, что в Европе, в таинственной и притягательной Многоцветной Земле, воцарился хаос, наиболее честолюбивые представители второго поколения стали вынашивать планы завоевательных кампаний. Методичное, терпеливое зондирование планет в поисках родственного разума — все это было не по ним. Дети питали надежды на обретение могущества и Единства прямо здесь, на плиоценовой Земле. А самые самоуверенные вынашивали еще более грандиозные, поистине невообразимые планы.

На стрежне в лучах солнца сверкнула громадная рыба.

Рыбак достал из футляра удилище, открыл коробку с рыболовной снастью, проверил катушку, просветив механизм трансментальным взглядом, установил ее на удилище и принялся стравливать леску. Свое клееное бамбуковое

удилище он сам любовно сработал более двадцати лет назад. Катушка тоже была самодельная. Лишь леска была изготовлена в том мире, который отстоял во времени от эстуария Сувонны эпохи плиоцена на шесть миллионов лет. Эта сбалансированная и неизнашиваемая, аккуратно армированная по всей длине леска, способная противостоять стальным челюстям тарпона, заканчивалась тонким поводком из плетеного волоса, рассчитанным на нагрузку всего лишь в 6,75 килограмма: такая оснастка придавала ловле дополнительный спортивный интерес, уравнивая шансы рыбака и рыбы. Поймать на спиннинг с таким волоском-паутинкой даже самое мелкое из этих величественных созданий (само собой, не прибегая ни к каким метапсихическим ухищрениям!) уже было величайшим достижением. Но в этом сезоне рыбак решил превзойти самого себя и достичь пределов совершенства. Он намеревался поймать какого-нибудь патриарха тарпоньего племени, сверкающего левиафана под четыре метра длиной и под триста килограммов весом. И вытащить такую рыбину он собирался при помощи самодельного бамбукового удилища и непрочной снасти.

«У меня получится», — сказал он сам себе, улы-

баясь очаровательной кривой ухмылкой: один древний монстр собирался помериться силами с другим.

Рыболов снова почувствовал скользящий трансментальный взгляд детей.

Отгородив сознание от всех посторонних сигналов, Марк Ремилард поудобнее устроился на солнцепеке в своей лодке и стал поджидать добычу.

3

После полуночи, когда зашла луна, покров облаков над побережьем Бретани рассеялся, и в великолепным мартовском небе над Горией стали видны многочисленные падающие метеориты. Поддавшись легкомысленно-веселому настроению, Эйкен Драм распорядился погасить в городе огни, поднять с постели Мерси и привести ее к узкому парапету, окаймляющему самый высокий шпиль Стеклянного замка.

— Ах! — воскликнула Мерси, ступив под своды изумительно красивой ночи.

Западную часть небосклона прочерчивали дугообразные белые проблески, метеориты покрупнее оставляли за собой светящиеся серебристые шлейфы, время от времени небо пронизывали фосфоресцирующие оранжевые росчерки болидов. Все эти небесные частицы разлетались в стороны от некоего плотного центрального ядра и походили на спицы звездного колеса или на непрестанно раскрывающиеся лепестки звездной хризантемы. Пролетая над головами Эйкена и Мерси, метеориты исчезали за островом Бретон по ту сторону пролива. Некоторые из них угаса-

ли, падая в черные воды моря. Ночь полнилась тихими шелестящими звуками, словно кто-то перешептывался в межзвездном эфире.

— Все это — для тебя! — царственно провозгласил Эйкен Драм, обводя зрелище хозяйским жестом. — Это одно из моих самых скромных творений, но и оно достойно королевы тану!

Мерси, рассмеявшись, приблизилась к нему.

— Пока я еще не королева, мой светозарный хвастунишка, несмотря на все твои пылкие заверения. Но этот звездный дождь прелестен, хотя я ни на миг не поверила, что он твоих рук дело.

— Опять сомневаешься в моих способностях, женщина?

Невысокий мужчина в золотистом костюме, сплошь покрытом карманами, воздел руки. С небосклона с пугающим свистом прямо к его ладоням упала дюжина метеоритов и, объединившись, образовала корону из белых, мерцающих ослепительным светом огоньков. С торжествующей ухмылкой Эйкен Драм преподнес корону Мерси.

— Венчаю тебя королевой Многоцветной Земли!

— Обманщик! — воскликнула она. — Вот тебе за этот иллюзорный дар любви, лорд Луганн

Эйкен Драм!

Мерси щелкнула пальцами, и звездная диадема развалилась, огни посыпались меж пальцев Эйкена, словно догоревшие угли сквозь каминную решетку. Но, увидев его вытянувшееся лицо. Мерси неожиданно улыбнулась ему в мерцающей тьме, и сердце Эйкена зашлось от хмельной радости.

— Но я и вправду люблю настоящие метеориты, так что очень рада, что мой милый мошенник пригласил меня полюбоваться ими.

Широко распахнув безумные глаза, Мерси поцеловала Эйкена долгим, страстным поцелуем и в тот момент, когда его ментальные щиты сдвинулись со своих мест и он остался беззащитным, провела психозондаж.

— Ты на самом деле любишь меня! — воскликнула она.

— Черта с два.

Эйкен принялся приводить в порядок защиту и восстанавливать самоконтроль, стараясь уйти от изучающего ментального взгляда Мерси, не причиняя ей боли. Его могучая метапсихическая сила, окрепшая за зимние месяцы, та сила, что вызывала у одной части уцелевших лордов тану восторженное подобострастие, а у другой — бла-

говейный страх, слабела перед Мерси-Розмар.

— Я не люблю тебя! — возмутился он. — Этого не требуется.

Мерси развеселилась.

— Ах, не требуется? Но ведь ты не отказался бы принять от меня сладостные дары, а, архиплут? И неважно как — по любви или нет… Тебя и сейчас снедает желание, признайся! Ну что же, раз так…

Трансментальный луч, терзавший плоть Эйкена, словно бы притупился, утратив свою остроту, и породил сладостное жжение, волной прокатившееся по его нервам, обдавшее пламенем сексуального восторга и повалившее его навзничь.

— Чародейка, — простонал распростертый на стеклянном полу башни Эйкен, запутавшийся в длинном, доходящем до самых пят пеньюаре Мерси. Опомнившись, он принялся хохотать, маскируя смехом свои чувства.

Мерси опустилась на колени и, обхватив голову Эйкена, стала успокаивать его, целуя в веки.

— Не бойся, — сказала она. — Я все сделаю так, как ты задумал.

— Я ничего не боюсь! — возмутился он. — Вместе мы одолеем кого угодно, леди Возжигательница страсти.

— Я говорю не об этом, мой интриган… — Мерси посмотрела на Эйкена: размякнув в ее объятиях, он положил голову ей на колени, прижавшись к полному животу. — Но я и вправду почти поверила в то, что ты способен возродить былое величие.

— Способен! Верь мне. Я все продумал: как прибрать к рукам фирвулагов, как добиться расположения несгибаемых тану, как восстановить экономику. Я буду королем, а ты королевой, и все, о чем мы с тобой мечтали этой зимой, воплотится в жизнь.

Лицо Эйкена со страшноватой, как у пугала, улыбкой напоминало маску, сделанную из пустой тыквы. Вдруг он почувствовал, что Мерси пришла в такое сильное возбуждение, что в ее утробе зашевелился ребенок.

— Я уже где-то видела твое лицо, — удивленно произнесла Мерси. — В Старом Мире. Точно… Это было в Италии, во Флоренции.

— Ерунда. На Старой Земле я побывал всего один раз, по пути в пансионат «У врат», и кроме Франции никуда не заезжал.

— И все же я тебя где-то видела, — продолжала настаивать Мерси. — Или это было твое изображение? Может быть, в Палаццо Веккьо? Чей же

там был портрет?

— В моем органоне нет итальянских генов, — прошептал Эйкен Драм, гладя ее по волосам. Метеориты высвечивали над головой Мерси сюрреалистический нимб. — Я вырос на Далриаде, это шотландская планета. И все наше пробирочное отродье было снабжено патентованными тартановыми хромосомами.

Силой левитации Эйкен поднялся в воздух, и их губы встретились. Как он и ожидал. Мерси снова растворилась в нем, пробежав сладостным пожаром по его нервной системе, пожаром, погасить который не мог даже гнездящийся в нем страх. Когда Эйкен очнулся, он снова лежал, положив голову на колени Мерси, младенец толкал его в ухо, а проклятые метеориты строили свои пиротехнические эффекты.

— Как тебе не совестно тревожить мою родную Аграйнель? — сказала Мерси.

Эйкен почувствовал, что она мысленно запела колыбельную, чтобы успокоить еще не родившуюся девочку. Внезапно на его глаза без всякой видимой причины навернулись слезы. Устыдившись, Эйкен порывисто водворил на место самый непробиваемый из своих ментальных экранов, чтобы Мерси не почувствовала, как он завидует

ребенку.

— До родов остался всего месяц, — сказал он. — А потом ты будешь полностью моей, леди Возжигательница! Не могу дождаться момента, когда ты станешь сбивать меня с орбиты и сама получать сполна!

— Нет, не раньше мая, — возразила Мерси. — На праздник Великой Любви, как мы договорились.

— Э, нет!.. Тогда будет официальная свадьба. Но ты же не собираешься так долго томить меня! И вот еще о чем я подумал… Почему бы мне метапсихически не овладеть тобой прямо сейчас, точно так же, как ты ментально удовлетворяешь меня? — Руки Эйкена сомкнулись на плечах Мерси и с силой потянули ее вниз. Его психоэнергетическая субстанция начала тыкаться в мягкую плоть Мерси. — Научи меня заниматься магическим сексом! Научи, а не то я сам дойду до этого методом проб и ошибок!

— Не смей! — воскликнула Мерси, делая ответный ментальный выпад, чуть не ослепивший Эйкена. — Помимо нервного стресса это приводит к сильному сокращению матки, что очень вредно для ребенка. Уж так мы, женщины, устроены.

Эйкен отпустил ее. Снова подступил проклятый страх, а вместе с ним — слезы.

— Черт бы побрал этого ребенка.

Мерси наклонилась над ним: негодование на ее лице сменилось нежностью.

— Ах, мой бедный малыш. Я так тебя понимаю…

Она хотела губами осушить его слезы.

Распластанный по полу Эйкен неистово задергался, желая уклониться от физических объятий. Его рот сжался в узкую щель, широко раскрытые глаза потемнели.

— Вот этого мне от тебя не надо! Ни сейчас, ни потом.

— Ну что же… — пожала плечами Мерси. — Только не стоит пугаться. Ведь так естественно, когда две живые сущности соединяются в любви.

— Ты не любишь меня, а я не люблю тебя. К чему притворяться? Не нужна мне, черт побери, твоя жалость! — Эйкен лихорадочно искал доводы, которые заставили бы Мерси почувствовать себя неправой. — Почему ты ни разу не дала мне ублажить тебя? Вогнать меня в кому — вот к чему ты всегда готова, а к себе не позволяешь даже прикоснуться. Я что, такой урод?

— Не говори глупостей. Я же объясняла — это из-за ребенка.

— Когда ты была с Ноданном, то вы трахались так, что только пыль столбом стояла, и тогда тебя не беспокоило здоровье младенца. Ты удовлетворяла любые сладострастные прихоти несчастного антрополога-недоноска. В чертовой столице любому было известно, что вы вытворяете!

Мерси снисходительно улыбнулась:

— Тогда шел лишь второй триместр беременности, и Аграйнель не выказывала никакого неудовольствия. А теперь ей совсем тесно и не терпится поскорей родиться.

— Нечего мне голову морочить. — Эйкен поднялся на ноги, его лицо перестало лучиться, в голосе послышался металл: — Ты не допускаешь меня к себе из-за того, что до сих пор скорбишь по Ноданну.

— Да, скорблю, — холодно признала Мерси. Поднявшись с пола, она встала перед Эйкеном. В свете звездной карусели казалось, что по бледному шифону ее одеяния пробегает рябь.

— Мейвар все рассказала мне о твоем драгоценном Солнцеликом! — в бешенстве закричал Эйкен. — Хорош бы получился из него король. Правителю тану надлежит передавать народу свои выдающиеся гены, а ты знаешь, что твой бесподобный Ноданн, черт бы его побрал, был чуть

ли не стерильным? Тоже мне, Великий Стратег! Он прожил восемьсот лет, а породил всего лишь жалкую кучку детей. Причем способностями они отнюдь не блещут! Создательница Королей Мейвар его забраковала. И кронпринцем его провозгласили только потому, что клан Нантусвель надавил на Тагдала. Как ты думаешь, почему Мейвар была так рада, когда появился я? Почему, по-твоему, она провозгласила меня Луганном?

Мерси перехватила руки бурно жестикулирующего Эйкена. Они стояли друг перед другом лицом к лицу, и Мерси возвышалась над ним на несколько сантиметров, хотя оба были без обуви.

— Верно, ты был избран Создательницей Королей, — спокойно сказала она. — Может быть, ты и победил бы Стратега в поединке на Серебристо-Белой равнине… а может быть, и нет. Ноданн мертв. Он утонул. А ты, лорд Эйкен-Луганн, жив и занимаешь место Ноданна, место хозяина Гории. Когда мы встретились с тобой в ритуальном котле, болтавшемся посреди Великого Потопа, насквозь промокшие, блюющие, словно щенки, кто бы мог подумать, что все обернется таким образом! Мы знакомы с тобой меньше пяти месяцев, но у меня такое чувство, будто я знаю тебя целую вечность. Ты будешь королем, не сомневайся! Я

вижу… я знаю это! Ни среди тану, ни среди людей с золотыми торквесами не найдется ни одного с равными тебе ментальными способностями. Никто, кроме тебя, не сможет собрать по кускам этот мир и начать отстраивать его заново. Вот почему я останусь с тобой и буду работать рядом, плечом к плечу. А после того, как я рожу дочь Тагдала, я выйду за тебя замуж и стану королевой. Это будет в мае, на праздник Великой Любви, как мы и договорились. А что касается твоих собственных детей… Увидим, чем одарит нас милосердная богиня.

Ярость Эйкена испарилась, оставив после себя лишь одну неотступную мысль: если бы только она полюбила меня, я был бы спасен.

Переменчивая, как западное море. Мерси мысленно улыбнулась ему в ответ. В такую игру они не переставали играть с первых дней своего знакомства, и до сей поры Эйкен верил, что победитель в этой игре — он, что он невосприимчив к той магии, с помощью которой Мерси была способна привязать к себе любого.

— Ты боишься меня и рассчитываешь, что, пользуясь моей любовью, сумеешь удержать в своих руках. Но готов ли ты к ответной любви, готов ли отдавать и делиться? Или ты собираешься

только повелевать?

Внутри у Эйкена распались мощные барьеры, скрывавшие правду.

— Ты знаешь, что я уже полюбил тебя.

— Но настолько ли, чтобы не требовать ничего взамен? Бескорыстна ли твоя любовь?.

— Не знаю.

Мысли Мерси стали шаловливыми, голос зазвучал беспечно:

— А что, если я не отвечу на твою любовь? Что ты со мной сделаешь?

Эйкен обнял ее, зарывшись лицом в благоуханные волосы, каскадом ниспадавшие на плечи. Он ощутил ироничное торжество, скрывающееся за этим вопросом. Она знает, она все знает…

Отпустив Мерси, он отступил в сторону. Тусклый рассвет уже окрасил небо серым. Метеоритный дождь пошел на убыль.

— На самом деле я не вызывал звездный дождь, — признался Эйкен. — Каждую весну именно в это время начинается активное падение метеоритов. Такова примета окончания сезона дождей. Просто я хотел преподнести тебе сюрприз.

— И все-таки, что ты со мной сделаешь, если я так и не полюблю тебя?

— повторила свой вопрос Мерси.

— Думаю, ты и сама хорошо знаешь.

Эйкен подал ей руку, и они удалились под темные своды башни, оставив последним метеоритам прочерчивать огнями неприветливое небо.

4

Еще один день, и Тони Вейланд вырвался бы на свободу. Будь у него этот день, он спокойно ушел бы с караваном в Ржавый форт, а уж чтобы убежать оттуда, большого ума не требовалось.

Но ревуны напали на рудник Железной Девы прежде, чем караван успел тронуться в путь, и Тони понял, что теперь его ожидает неминуемая смерть…

В плиоценовой эпохе Тони считался rara avis note 1

— был инженером-металлургом и полноценным носителем серебряного торквеса (его ментальные способности были весьма средненькими, а своим высоким статусом у тану Тони был обязан тому, что предложил применить на Финийских бариевых рудниках усовершенствованную технологию очистки), поэтому новые хозяева из комитета первобытных держали его под своим неусыпным контролем во избежание возникновения опасных для жизни ситуаций. Поездки по рудным поселкам, всегда чреватые

---

note notes: Note1
редчайшей птицей (лат.)

различными неприятностями, Тони совершал обычно лишь при свете дня, когда враждебно настроенные экзотики редко покидали пределы своих владений. И повсюду за ним следовал сэр Дугал, дюжий телохранитель, подобранный для Тони стариком Каваи. Псевдосредневековые чудачества Дугала с лихвой окупались фанатичной преданностью своему хозяину и мастерским владением усовершенствованным луком. К тому же Тони, сказать по правде, льстило, что хоть один человек до сих пор величает его «лордом». Большинство же членов металлургической общины первобытных относилось к бывшим обладателям серебряных торквесов вроде Тони с оскорбительным панибратством, а то и с откровенным высокомерием. Он сотрудничал с тану и делал это по собственной воле, следовательно, считался предателем человеческой расы.

Нет, никто, разумеется, не осмеливался в чем-то попрекнуть Тони в лицо! До этого не доходило, ибо он обладал бесценными талантами. Раз уж вольные жители вогезских дебрей — первобытные и объединившиеся с ними беженцы из Финии — не хотят попасть в рабство к тану, не хотят жить в страхе перед ревунами, не хотят постоянно опасаться вероломства фирвулагов, то им

необходимо поддерживать производство железа как стратегического сырья. «Кровавый металл» был смертелен для всех членов внегалактической расы, делящей пространство плиоценовой Европы с представителями человечества. Применение сделанного из железа оружия стало решающим фактором в уничтожении союзными силами первобытных и фирвулагов принадлежащей тану Финии. Тони Вейланд стал военной добычей этой триумфальной кампании, причем добычей весьма ценной. Когда лорд Велтейн эвакуировал жителей своего обреченного города, большинство невоеннообязанных обладателей серебряных торквесов благополучно были переправлены воздухом на территорию, занятую тану, но Тони не повезло…

Банда глумливых первобытных захватила его in fragrante delicto note 2 в финийском Храме наслаждений, когда обалдевший после буйных игрищ с чаровницей-тану Тони был не способен отличить шум, царящий в городе — Gotlerdammerung — Гибели богов от грохота петард, рвущихся у него в голове. И вот Тони выволокли на улицу, поставили перед лицом трибунала первобытных

---

note notes: Note2
на месте преступления (лат.)

и предложили выбор, который после падения Финии предстояло сделать каждому человеку, носившему торквес: жить свободным или умереть. Убежденный прагматик Тони согласился на снятие серебряного торквеса и на неизбежные многодневные муки ломки психики. Но при этом он ничего не забыл и ничего не простил. При первой удобной возможности он сбежал бы обратно к тану, не случись еще более грандиозной катастрофы, разрушившей столицу экзотиков Мюрию и сгубившей большую часть правящей элиты. Великий Потоп произвел такие разрушения, что Топи не мог придумать ни одного способа побега, который не был бы заранее обречен на неудачу. Сторожевые посты людей в серых торквесах вдоль тракта, ведущего к Привратному Замку, давным-давно были покинуты. Сама эта твердыня, сказавшаяся бесполезной после закрытия врат времени, была, по слухам, занята фирвулагами. Маленький народ захватил также и небольшую цитадель Бураке, стоящую на пути в Арморику и Горию.

Короче говоря, у Тони практически не было иного выбора, кроме как остаться в Вогезах с вольными людьми. Тони делал вид, что помогает повстанческим силам первобытных от чистого

сердца, хотя по сравнению с утонченной роскошью Финии жизнь в рудных поселках, недавно возведенных на берегу Мозеля, представлялась ему не более чем скотским прозябанием.

Поселений было шесть, численность жителей доходила до четырехсот человек, среди которых преобладали мужчины. Пять поселков располагались в районе будущего французского города Нанси и носили названия Железная Дева, Гематит, Месаби, Офарневиль и Вулкан. В каждом имелся открытый карьер и примитивная плавильня, обнесенные частоколом из толстых бревен. В Железной Деве, самом крупном из поселков, устроили склад, где хранился металл, произведенный в остальных поселениях. Склад стоял на опушке сухостойного хвойного леса и по предложению Тони был оснащен старыми перегонными устройствами, дававшими побочную продукцию. В Вулкане и в Офарневиле имелись небольшие примитивные домны и прокатные станы. В девяноста километрах к югу от пяти поселков, вверх по течению реки, примерно на полпути к штаб-квартире первобытных в Скрытых Ручьях, располагалось самое большое из всех поселений — Ржавый Форт. Здесь находились главные кузнечные цеха, в которых железные

чушки и болванки превращались в оружие. В Форте располагался также цех по производству негашеной известии несколько печей, в которых дрова пережигали на древесный уголь. Это весьма важное сырье, а также провизию и другие припасы на плотах сплавляли по течению Мозеля к рудным и плавильным поселениям. В Ржавый Форт железо перевозили караванами вьючных халикотериев.

Поскольку производство только разворачивалось, попытки снабдить железом другие группы первобытных практически не предпринимались. Молва, однако, распространялась быстро, и в дождливый сезон в Вогезы стали прокрадываться отважные группы из Парижской низины, с отрогов Гельветид и даже из Бордо и Альбиона. Люди требовали причитающуюся им долю кровавого металла. Из вновь прибывших сколачивались трудовые бригады, которых на несколько недель отправляли дробить известняк или подбрасывать топливо в ненасытные коксовые печи, после чего с ними расплачивались холодным оружием и в полном боевом снаряжении отправляли восвояси.

Начиная с конца ноября и всю долгую зиму Тони работал но двенадцать-четырнадцать часов

в сутки. В одном лице он являл собой и индивидуального наставника, и лаборанта-аналитика, и начальника производства, и контролера за качеством продукции, и перемазанного сажей ишака-разнорабочего. Его все хвалили, но никто не предлагал ему своей дружбы, за исключением спятившего Дугала, который, словно актер шекспировского театра, постоянно забывающий реплики, то выпадал из образа странствующего рыцаря, то снова входил в него. Тони ничего не оставалось, как ждать своего часа и надеяться на то, что политическая ситуация в Многоцветной Земле когда-нибудь да утрясется.

И вот, судя по слухам, принесенным последней ватагой ходоков за железом, его время наконец-то пришло! Говорили, что какой-то человек-выскочка, заняв место Ноданна Стратега, объявил себя правителем богатой горийской области Бретани. Вскользь упоминалось, что узурпатор вполне благосклонно, чуть ли не с радостью принят деморализованными остатками Высокого Стола тану. Поговаривали, что он собирается взять в жены вдову Стратега и намеревается возвысить людей, носящих торквесы, до положения аристократов-парвеню! (Как же зазудела бедная голая шея Тони при таком известии, с какой жгучей

болью вспомнил он восторги, даруемые утраченным торквесом!) Когда сезон дождей подошел к концу, Тони начал разрабатывать план побега. Он решил скрытно увязаться за группой первобытных с верхнего Лаара, когда те отправятся из Ржавого Форта с грузом топоров, ножей и железных наконечников для стрел. Потом, когда каравай отойдет на приличное расстояние от Вогез, а погона, неминуемо посланная за ним вслед, выдохнется и повернет назад, присоединиться к первобытным. Верный и не склонный к расспросам Дугал пойдет с ним, стоит лишь сыграть на его рабской преданности. Если им удастся добраться до Лаара, то по нему можно будет спуститься, к самой Атлантике и оказаться практически около Гории. Тони ни секунды не сомневался, что у новоявленного монарха их с Дугалом ожидает радушный прием, а помимо этого — пара золотых блестящих торквесов…

Но замысел Тони был грубо и безжалостно расстроен нападением ревунов.

Булыжник размером с тыкву скатился по склону оврага, влетел сквозь проем в изгороди и словно пушечное ядро врезался в бревенчатую стену барака.

— Черт, из арбалета их пока не достать! —

Горный мастер Орион Блу, туповатый мужик с худым, ввалившимся лицом, кашлял и отфыркивался.

С каждым новым ударом щель между дубовыми бревнами полуметровой толщины становилась все шире. Внутри крошечной крепости осажденные давились от кашля в столбах пыли, состоящей из частиц глины, волокон мха и опилок.

Сэр Дугал не обращал на бомбардировку ни малейшего внимания. С его рыжей бороды скатывались грязные капли пота и падали на титановую кольчугу, но рыцарский балахон с вышитым на груди гербом (голова льва на золотом поле), как всегда, был безупречно чист: ионизированная ткань, продукт двадцать второго века, отталкивала частицы грязи.

— Покажитесь, псы поганые! — кричал он, посылая сквозь бойницу стрелу за стрелой из своего мощного лука.

В стену ударил очередной валун, сотрясший барак до самого основания. Когда дрожь утихла, вдалеке послышался зловещий рев.

— Ага! Ага! — заорал Дугал. — Умри, ублюдочная ревущая сволочь!

Орион Блу осторожно выглянул в бойницу.

— Вон какой огромный камень поволокли.

Дуги, не дай им катнуть его.

— Нет, не достать, — без всякого выражения ответил рыцарь.

С вершины холма донесся оглушительный грохот.

Беньямино отпрянул от бойницы и закричал, срываясь от страха на фальцет:

— Назад! Все назад, мать вашу! Огромный прет! И прямиком на нас!

Матерясь, осажденные бросились в разные стороны. И лишь Тони Вейланд, словно парализованный, замер у своей амбразуры, не в силах отвести взгляда от огромной глыбы гранита, которая неслась вниз по склону, подпрыгивая на кочках. На далекой вершине холма, недосягаемые для стрел рудокопов, скакали и улюлюкали гоблины, плохо различимые в туманной утренней дымке.

— Берегитесь, милорд! — закричал Дугал.

Обтянутые кольчугой руки сграбастали Тони и отбросили его на несколько метров вправо. В следующее мгновение раздался страшной силы удар, вдавивший внутрь огромное бревно в западной стене барака. Верхние венцы просели с громким скрипом. Сруб еще стоял, но попади одна из каменных глыб в крышу, сделанную из

тонких неошкуренных жердей и горбыля, и все строение рухнуло бы на головы осажденных.

Распластавшийся на земляном полу Орион даже не дал себе труда подняться на ноги. Он пополз в северо-восточный угол барака, где за штабелями кожаных мешков с железными заготовками для наконечников скорчилось большинство уцелевших рудокопов.

— Хана нам, ребята. Из всей здоровенной кодлы нас осталось всего девять душ. Разнесут они к ядреной матери эту лавочку, а потом выжгут нам мозги, как тем несчастным недоноскам, что остались снаружи.

Тони, продолжая сжимать в одной руке бесполезный теперь арбалет, пополз к остальным. Лишь несгибаемый Дугал остался стоять у западной стены; бьющие в нее камни продолжали в щепу кромсать дубовые бревна. Он саданул себя кулаком по золотому гербу на груди.

— Прочь ребяческий страх! Неужели пред лицом сил ночной тьмы поразит вас малодушие, сучьи дети? Нет, так просто меня не взять! — Дугал сграбастал новую порцию стрел. — Ну что же, боги, охраните ублюдков!

При очередном выстреле тетива лопнула, и все многочисленные шкивы лука беспомощно

завертелись волчками.

— А-а, дерьмо! — сказал Дугал.

Отойдя от бойницы, он приблизился к кучке отчаявшихся рудокопов, опустился перед Тони на одно колено, вытащил стальной кинжал и поднял его на уровень лица острием вверх.

— Я не уберег вас, благородный лорд. И пусть расплатой за это станет моя жизнь. Но коли будет на то ваше повеление, я избавлю вас и этих презренных от мучительной смерти от рук демонов-ревунов.

— Кого это ты называешь презренными? — рыкнул Орион.

Несколько рудокопов, разинув рты, отшатнулись от коленопреклоненного Дугала.

— Психопат чертов! — проворчал один.

— Окороти его, Вейланд! — взмолился другой.

Но в этот момент в стену один за другим ударили три огромных валуна, и сломанное бревно еще больше вдавило внутрь барака. Маленький Беньямино облизал губы и выкатил налитые кровью глаза.

— Дуги прав, парни. Те, кто попал в засаду снаружи форта, умерли быстро. Но если эти долбаные ревуны захватят нас, то тут уж они вволю поизмываются, точно так же, как в прошлом месяце,

когда они сцапали бедных Альфу и Вен Хонга.

Острие кинжала пошло вниз и замерло на уровне диафрагмы Тони.

— Скажите лишь слово, милорд. И мы встретимся вновь пред троном Аслана.

— Постой! — воскликнул металлург, вжимаясь в восточную стену. Он протянул Дугалу свой арбалет. Помедлив, Дугал вложил клинок в ножны и принял оружие с учтивым поклоном.

— У нас еще есть арбалеты, сэр Дугал, — сказал ему Тони, — пусть даже они и не столь дальнобойны, как ваш усовершенствованный лук. Бревна хоть и подаются, но пока еще держатся. В Ржавом Форте и в других поселках, должно быть, уже знают, что мы попали в переплет. Мы нарушили расписание поставок. Если нам удастся продержаться до прибытия подмоги…

— Размечтался, Вейланд, — с горечью сказал один из рудокопов.

Другой поник, свесив голову между коленями, и затрясся в беззвучных рыданиях. Хамид, заведовавший перегонным агрегатом для получения скипидара, сверившись с закрепленным на запястье гирокомпасом, определил направление на Мекку, которой предстояло появиться на Земле лишь через шесть миллионов лет, а затем распро-

стерся ниц и принялся возносить предсмертные молитвы.

Орион Блу подошел к одной из восточных бойниц, выходящих на Мозель, и через небольшую подзорную трубу стал смотреть на подернутую туманом гладь реки.

— Адов огонь и бледная молния! — возопил он, отшатнувшись от амбразуры, словно его ударило током. — Кое-что и вправду близится! Только это никак не войска из Ржавого, уж будьте уверены.

Все, кроме Хамида и плачущего рудокопа, сгрудились у бойницы. К пристани подтягивался большой плот. На нем стояла башнеподобная деревянная машина, напоминающая подъемный кран на колесной платформе. В верхней части устройства имелась поворотная стрела, на одном конце которой был закреплен контейнер в виде ковша, а на другом — какой-то объемистый бесформенный предмет. Стрела соединялась с основанием машины сложной сетью веревочных растяжек. Когда плавучее сооружение было накрепко пришвартовано, трое уродливых ревунов привязали к деревянной конструкции канаты, впряглись в них на манер русской тройки и поволокли механизм к открытым нараспашку воротам поселка.

— Проклятье! — взвыл Беньямино.

— Что это еще за хреновина? — спросил Тони.

Дугал изучал машину с профессиональным интересом.

— Мангоню. Или, может быть, перрье? Бриколь? Странно… никогда не слышал, чтобы ревуны применяли механические орудия.

— Да объясните же, что такой штукой делают? — завопил выведенный из себя Тони.

— А может быть, это просто онагр? — вслух размышлял Дугал. Он степенно повернулся к Ориону Блу. — Могу ли я позаимствовать на полмгновения вашу подзорную трубу?

Горный мастер молча передал рыцарю трубу. Дугал внимательно разглядывал механизм, бормоча вполголоса:

— На классическую баллисту не похоже. Противовесы… О Господи… Кажется, я узнал! Это требюше! — Сияя, он вернул подзорную трубу Ориону.

Голос Тони едва не сорвался на визг:

— Да что же этой штукой делают?

Рыцарь пожал плечами.

— Это такая средневековая катапульта. Они прикончат нас, подавая каменные «свечки» нам на крышу.

— Адов огонь! — простонал Орион. Тони с ужасом следил за неотвратимым приближением осадного орудия. Коренником в упряжке шло отвратительное чудище, которое передвигалось неуклюжими скачками, поскольку имело одну-единственную колонноподобную ногу. Из его цыплячьей груди торчала огромная, шириной более метра, кисть, оканчивающаяся черными когтями. На голове, словно у циклопа, имелся лишь один глаз, а из лягушачьего рта непристойно свешивался вертлявый язык. Две другие образины в упряжке имели несколько более традиционный облик: двухметровый ящер с гребнем на голове и пылающими глазами-карбункулами и громадная бородавчатая свинья небесно-голубого цвета, передвигающаяся на задних ногах.

Вступив на территорию лагеря, троица ревунов огласила воздух победными воплями. Их товарищи с высокого холма над фортом ответили им радостными криками, после чего обрушили на бревенчатый барак настоящую лавину камней. Но по счастливой случайности мощь этой атаки обернулась для запертых в ловушке рудокопов некоторой передышкой. Перед западной стеной выросла груда валунов, образовавшая выступающий угол, этакую клиновидную на-

сыпь, отклоняющую катящиеся снаряды вправо и влево от цели. Когда ревунам стало ясно, что маневр с пусканием булыжников утратил свою эффективность, они прекратили бомбардировку, дожидаясь прибытия на место требюше.

Дугал воздел руки. В пыльном полумраке сияющее плетение кольчуги и алый сюртук придавали его фигуре фантастический вид.

— Вознесись, вознесись, дух мой, твоя обитель в горных высях! Понеже плоть бренная моя низринется в пучину тлена. — С печальным театральным вздохом он закрыл глаза.

— Придурок чертов! — Орион подхватил брошенный рыцарем арбалет и кожаную сумку со стрелами, снабженными железными наконечниками. — Кончай ты. Дуги! Волоки свою задницу к стене. Эти засранцы с машиной окажутся сейчас в пределах арбалетного выстрела!

Дугалов ореол отрешенности развеялся.

— О чем глаголешь ты, долговязый неумытый мастеровой?

— Они подтащили свою чертову рогатку к цеху при военно-морском складе и полезли на нее. Я так мыслю, что готовят ее к бою. Сейчас эти козлы на виду, и ты можешь накрыть их, если как следует рассчитаешь траекторию.

Дугал, Тони и большинство рудокопов поспешили к северной стене, где стоял Орион. Утрамбованная площадка между бараком и производственными постройками была усеяна трупами людей и халиков. Ревуны нанесли свой неожиданный удар как раз в тот момент, когда караван, груженный железными чурками, уже был готов отбыть в Ржавый Форт. Теперь требюше занял позицию примерно в девяноста метрах от барака, его частично заслонял навес над установкой. Прикрытием врагам служила большая куча еловых пней, сваленных по соседству с цехом при военно-морском складе, но из барака можно было разглядеть темную фигуру, перемещающуюся поверху осадного орудия и поправляющую, судя по всему, растяжки.

— Враг пришел в движение! — сообщил Беньямино, ведший наблюдение у одной из западных бойниц. — Они спускаются с холма и отворачивают к северу. Бьюсь об заклад — собираются помочь своим дружкам боеприпасами для бомбарды.

В пространстве между частоколом и железорудным карьером, там, где красная руда, словно открытая рана в теле земли, создавала разительный контраст с зеленью джунглей, скользили

какие-то фигуры. Повисла жуткая тишина, прерываемая лишь скрипучими звуками требюше, с которым возился механик-ревун.

Дугал прицелился. «Ваннг», — пропел арбалет. Издалека донесся захлебывающийся рев. Небесно-голубая туша кувыркнулась с башни требюше и, прежде чем исчезнуть из вида, съежилась в маленькую черную фигурку. Из-за кучи пней раздался хор гневных воплей.

— Хей-йя! — Не отрывая глаз от подзорной трубы, Орион радостно хлопнул себя по бедру. — Гляди в оба! Вон, с другой стороны кучи! Слабое шевеление в пальмовнике!

«Ваннг».

Фантом, похожий на мохнатый клыкастый шар, подскочил вверх, молотя по воздуху рудиментарными конечностями, и заверещал, словно дикий кот. Прежде чем свалиться вниз, он тоже изменил форму.

— Попадание, совершенно явное попадание! — закричал Дугал.

— Второй готов! — загоготал Орион.

Тони хлопнул огромного рыцаря по кольчужному плечу.

— Отличная работа, друг мой.

— Всегда к вашим услугам, милорд.

— Эй! — выдохнул Беньямино. — Метательная стрела машины двигается. Они, наверное, уже приготовились стрелять.

Дугал отчаянно отыскивал мишень сквозь прицел арбалета.

— Не вижу ни одной долбаной твари… Я хочу сказать, милорд, ворог бежит от моего взгляда… Эва, а вот и началось!

Рычаг, оттягиваемый противовесами, склонился вниз. Требюше задрожал. Внезапно противовес упал, стрела взметнулась вверх, и глыба гранита весом килограмм в пятьдесят просвистела над крышей барака.

— Бисмалла! — возопил Сын Пророка, в очередной раз падая на колени. — Пришла наша погибель.

— Сделай что-нибудь, Дугал! — принялся понукать своего героического вассала Тони.

Но рыцарь бессильно покачал рыжей бородой.

— Я не могу узреть этих демонов, милорд. Они затаились за навесом над перегонным кубом.

— Перегонный куб! — Лицо Тони озарилось. — Военно-морской склад! Смола, деготь, бочонки со скипидаром в перегонном цехе. Если бы ты смог попасть туда горящей стрелой…

Тяжкий грохот ознаменовал падение нового ва-

луна, на этот раз — метрах в пяти перед бараком.

— Они взяли нас в вилку, — простонал Орион. — Уходите с линии огня!

Все рассыпались в разные стороны. Отчаянно ругаясь, Тони пытался подстрогать ось лучной стрелы так, чтобы ее можно было выпустить из арбалета. Кто-то отыскал мех, наполненный легковоспламеняющимся дегтем, а Беньямино, пустив в ход свое искусство лагерного повара, быстро разжег огонь.

Первый снаряд, угодивший точно в цель, пробил крышу как раз в тот момент, когда Тони удалось-таки справиться со стрелой. Раздался треск, и с потолка дождем посыпались обломки. Переломившаяся балка упала на одного из рудокопов, придавив его к полу. Пока остальные пытались вызволить орущую и кашляющую жертву, Тони привязал к древку стрелы клок вымазанной дегтем ветоши и запалил его. Пылающий факел он вручил Дугалу.

— Это наш последний шанс. Целься прямо в открытое окно перегонного цеха. Ну, рази, великан!

Дугал прицелился и выпустил стрелу. Остальное, казалось, произошло одновременно. На крышу, как раз над той бойницей, у которой

стояли Тони с Дугалом, упал еще один огромный валун. Сверху посыпались стропила и доски. В ушах у Тони раздалось оглушительное «бумм», он почувствовал, что падает, а потом услышал долгий перезвон и далекие неистовые вопли ревунов.

Когда Тони окончательно, словно сломанная кукла, погребенная под грудой гигантских счетных палочек, увяз в путанице обрушившихся с крыши жердей, раздался победный клич Ориона.

Тони догадался, что огненная стрела поразила цель, а потом провалился в забытье.

Очнулся Тони весь в лубках и бинтах. Над ним сияло улыбкой напоминающее вылепленную из асфальта маску лицо Денни Джонсона, временно исполняющего обязанности Главнокомандующего первобытных. Здесь же были медик из Скрытых Ручьев по имени Джафар и старикан Каваи собственной персоной.

Тони попытался заговорить, но челюсти не двигались.

— Шо со мной? — спросил он так, словно рот у него был набит кашей.

Доктор приподнял голову Тони, поднес к его губам стакан воды с соломинкой и помог на-

питься.

— У вас сломана челюсть, и я наложил шину, поэтому рот не открывается. Не волнуйтесь.

— Фем луффе. — Металлург сподвигнулся на кривобокую улыбку. — Знафит, каалерия носфела как раз фофремя, да?

Денни кивнул:

— Отряд бойцов из Ржавого Форта высадился с баржи, как раз когда эти засранцы заливали водой горящую катапульту и пытались помочь своим раненым. Мы перебили их всех.

— Вы и другие защитники проявили изумительную силу духа, Вейланд-сан,

— сказал старикан Каваи. — Свободное человечество в неоплатном долгу перед вами.

— Дофольно доохая обеда, — устало пролепетал Тони. — Зас'анцы прикончили тьицать-соок наших.

Каваи поспешил с объяснениями. Его желтое, до неправдоподобия морщинистое лицо затряслось от воодушевления:

— Людские потери прискорбны, Вейланд-сан, но тем не менее наши товарищи погибли не напрасно. В результате этой стычки мы получили бесценные сведения.

— А Дуги? Где Дуги? — перебил его Тони с ка-

призностью тяжелобольного.

Доктор копошился в каком-то устройстве, которое было прилеплено ко лбу Тони.

— Он перевозбуждается.

Тони попытался приподняться. Глаза его расширились.

— Фы шо, хофифе сказась, саик Дуги мертв?

— Сэр Дугал жив и теперь уже поправляется, — поспешил успокоить его старик Каваи. — Так же, как и пятеро других ваших товарищей.

Тони испустил вздох облегчения и обмяк.

— Хоо-оо… — Он начал было погружаться в забытье, но тут вдруг его глаза распахнулись, и он воззрился на престарелого японца пронизывающим взглядом. — Вы говорили — сфедения? Какие сфедения?

Над постелью склонился Денни Джонсон.

— Вину за все вероломные нападения, случившиеся за последние месяцы, мы возлагали на ревунов, на этих безобразных мутантов, которые не признают союза между людьми и фирвулагами. А маленький народец мы считали нашим добрым приятелем с тех самых пор, как пала Финия. Так мы считали.

— Ты хочеф сказать, что эти заф'анцы…

Черные глаза-пуговки Каваи сердито сверк-

нули:

— Трупы нападавших изменили форму и вернулись к своему нормальному состоянию. Останки, которые отряд Денни обнаружил во время ликвидационной операции, принадлежали не мутантам, а обычным фирвулагам. Нашим так называемым союзникам. — Он покачал головой. — Мадам Гудериан никогда не доверяла маленькому народу, и вот ее сомнения подтвердились. Фирвулаги наносили свои предательские удары, чтобы вынудишь нас уйти из рудных поселков. Они боятся кровавого металла, несмотря на наши официальные заявления о том, что мы никогда не станем применять железное оружие против своих друзей.

Тони мигнул.

— Моэт быть… это п'офто какие-то фифалагские сорвиголофы?

— На трупах были обсидиановые доспехи, — сказал Денни. — Это регулярные части армии короля Шарна и королевы Айфы. А использование осадного орудия свидетельствует, что сейчас баланс сил изменился в пользу фирвулагов, и они не теряют времени попусту, а осваивают новые методы ведения войны.

— Мы бы никогда этого не обнаружили, если

бы не ваше доблестное сопротивление, — добавил Каваи.

Тони застонал. Он уже с трудом что-либо соображал.

— Он должен отдохнуть, — настойчиво проговорил врач.

Израненный металлург промямлил еще одну, последнюю фразу, после чего погрузился в сон.

Лоб Каваи обеспокоенно сморщился.

— Доктор Джафар, что он сказал?

Врач озадаченно нахмурился.

— По-моему, он сказал: «Отпустите меня обратно в Финию!»

5

Леди Эстелла-Сирон, земная женщина, вдова правителя Дараска, была совершенно уверена, что шале понравится Элизабет, поэтому заранее послала для его обустройства своего мажордома и добровольцев, вызвавшихся нести охрану и выполнять работу по дому. Основная часть беженцев стояла лагерем у западной оконечности Провансальского озера. Отсюда до охотничьего домика на Черной скале, в самом центре региона Южной Франции, было всего лишь полдня пути.

Стараниями грозного Хьюги Б.Кеннеди VII сельское убежище его хозяйки было вычищено, отремонтировано и к моменту прибытия Элизабет, четверых ее друзей и их эскорта из законопослушных людей и тану в золотых торквесах полностью готово к приему гостей. В столовой, примыкающей к хозяйским покоям (в которых, как предполагалось, поселится Элизабет), накрыли стол, сервированный в соответствии с представлениями мажордома-ирландца о «легком ленче»; маринованные грибы, паровые лягушачьи ножки в желе, фаршированные зеленые оливки, копченый лосось, яйца ржанки a la

Christiana, ветчинное суфле с головками спаржи, перепела под черешневым соусом, холодное жаркое из гиппариона, салат «Уолдорф», pate de foie fras [note 3], хлебные шарики из дрожжевого теста, апельсины и булочки с ломтиками рожкового дерева.

Для пятерых вожаков мюрийской эвакуации это была первая за многие месяцы спокойная и цивилизованная трапеза. К еде приступили в торжественной атмосфере, хотя и не без примеси горечи.

Никто не сомневался в том, что это горное пристанище вполне соответствует чаяниям Элизабет, была очевидно также, что Крейн останется здесь вместе с нею, в то время как остальные намеревались продолжить переход до Скрытых Ручьев. Вполне могло случиться, что они расставались с Элизабет навсегда. И хотя и Бэзил, и вождь Бурке носили теперь золотые торквесы, с помощью которых могли поддерживать связь с Элизабет, горечь предстоящей разлуки лишила всех аппетита и мешала связному течению разговора.

В конце концов попытки изобразить наигранное оживление были оставлены, и присут-

---

note notes: Note3
паштет из гусиной печенки (фр.)

ствующие пустились в воспоминания о своем страшном путешествии, которое наконец-то завершилось. Они вспоминали казавшийся нескончаемым переход вдоль разоренного полуострова Авен, во время которого проблемы материального обеспечения и психосоциального климата разноплеменной толпы эвакуирующихся превратились в сущий кошмар. Они вспоминали вероломный побег фирвулагов, которые скрылись лунной ночью, за несколько дней до наступления сезона дождей, прихватив с собой большую часть необходимых для поддержания жизни вещей. Вспоминали мучения с больными и ранеными, с павшими духом и с теми, кто рвался на подвиги. Вспоминали безоглядное бегство от Селадейра Афалийского и его банды фанатиков старого режима. Вспоминали жуткий переход через Каталонскую пустошь по нехоженой тропе, которая постепенно превратилась в трясину, кишащую ядовитыми змеями, гигантскими комарами и кровожадными пиявками…

Вспоминали они и долгожданное избавление, предгорья Восточных Пиренеев с многочисленными рудниками и плантациями и до опасного предела обескровленные города Тарасию и Джеронию, жаждущие новых жителей. (К то-

му времени на юг уже просочились с дальнего севера новости о взятии фирвулагами Бураска, витали слухи о том, что и некоторые другие недостаточно надежно укрепленные города попали в число объектов для нападения.) Примерно треть из трех тысяч семисот лишившихся крова людей и тану решили обосноваться в Испании. Остальные, не теряя надежды добраться до родных мест, продолжили поход к приветливым берегам Провансальского озера, где щедрость и радушие Эстеллы-Сирон Дарасской одарили их дождем всевозможных радостей жизни. (В конце концов все они были товарищами Элизабет, спасшей леди жизнь во время родов.) Обезлюдевшие города наперебой засылали в лагерь беженцев своих вербовщиков. Еще более заманчивые предложения поступали из Арморики, из далекой Гории, где Эйкен Драм, стремившийся усилить свои позиции, сулил высокие чины и богатство любому бесприютному тану, вставшему под его знамена, и золотой торквес любому человеку, присягнувшему на верность и готовому сражаться за лорда Эйкена-Луганна. Персональное телепатическое приглашение Эйкен послал и самой Элизабет, пообещав ей полную автономию «под его покровительством». Холодно поблагодарив, Элизабет

отказалась.

Главный Целитель лорд Дионкет и другие уцелевшие члены фракции мира двинулись своей дорогой, решив присоединиться к Минанану Еретику в его удаленном пиренейском анклаве. Былой Стратег тану возглавлял теперь крошечную общину, состоящую из тану, фирвулагов и нескольких вольных людей, живущих одной семьей в спартанских условиях, но в атмосфере дружбы и согласия. Дионкет настойчиво уговаривал Элизабет ради ее собственной безопасности отправиться с ними. Но, даже не прибегая к метапсихическому предвидению будущего, Элизабет понимала, что ее удел в Многоцветной Земле никак не связан с подобным уходом в пацифизм. Еще сложнее оказалось объяснить вождю Бурке, Бэзилу Уимборну и сестре Амери Роккаро, почему она не станет сопровождать их и Скрытые Ручьи — столицу первобытных. На какой-то срок Элизабет нуждалась в уединенном прибежище, где она могла бы восстановить силы и поразмышлять над новой, добровольно избранной для себя ролью.

— Ну что же, — улыбнулась Элизабет, поднимаясь из-за стола и стряхивая крошки со своего черного платья, — неизбежный момент почти настал. Не выйти ли нам на балкон?

Никто еще не успел пошевелиться, а Крейн уже вскочил со своего места и распахнул застекленные двери. Перед трапезой он переоделся, сменив грубую походную одежду на парадную, алую с белым мантию высокопоставленного психокорректора. Когда Крейн вслед за остальными вышел на солнечный свет, зрачки его сузились в точку, а радужки глубоко посаженных глаз стали матовыми и приобрели неземной голубой цвет. Его светлые волосы были по-походному коротко острижены, и сейчас он возвышался позади Элизабет, похожий на изнуренного серафима с полотен Эль Греко, такого земного и уязвимого. Крейну было шестьсот тридцать четыре года, и всю оставшуюся жизнь он был готов при необходимости провести в охотничьем домике на Черной скале верным слугой при земной женщине, которую Бреда, Супруга Корабля, называла «самым важным лицом во всем мире».

Бэзил облокотился о перила, делая вид, что любуется открывающейся на востоке панорамой.

— Должен признать, это место идеально подходит для тебя, Элизабет! — Голос его звучал излишне бодро. — Уединенность, безопасность, изумительная природа. А наши друзья из Дараска совсем рядом и смогут обеспечить тебя всем

необходимым. Леди Эстелла-Сирон была права: охотничий домик — прекрасное место для отшельника. Это трон Одина! Восседая на нем, ты будешь обозревать мир!

Ментальный образ, который Бэзил спроецировал вовне, вызвал смех у всех присутствующих, кроме не носившей торквеса Амери, проворчавшей:

— Опять эти дьявольские телепатические штучки.

— Смешная картинка. — Элизабет взяла монахиню за руку. — Представь себе третьеразрядную постановку вагнеровской оперы. Алебастровая гора, множество стробоскопических молний и жестяной гром. И на вершине этой бутафории сижу я в облике нордической богини в крылатом шлеме и с чрезвычайно напыщенным видом озираю под собой Срединную Землю. Если я замечаю среди смертных какое-нибудь непотребство, то на этот случай под рукой у меня полная кошелка громов и молний, которыми я караю грешников.

— Только на самом деле ты никого не караешь, — сказала Амери.

— Нет, не караю.

— Вот в этом и заключается вся ирония. — Пеопео Моксмокс Бурке говорил горячо, даже запаль-

чиво, все время пытаясь закрепить подпорки безыскусного ментального экрана, целомудренно скрывающего от Элизабет его чувства. Проклятый золотой торквес! Не будь в нем такой нужды…

Старина Бэзил почувствовал смятение Бурке, мучившую его тревогу, грозящую вылиться слезами, от которых и самой Элизабет, и всем остальным стало бы лишь еще хуже. И со всем своим профессорским тактом Бэзил обратился к Крейну по приватному каналу:

«Помоги ему. Помоги нам всем справиться со своими чувствами».

Тану не подал никаких признаков того, что призыв Бэзила услышан. Но в тот же миг двое люди почувствовали себя способными обуздать свои дурные предчувствия, поняли, что лицо цивилизованного человека можно сохранить не только внешне, но и в своей ментальной ауре, в том ее слое, который обращен к другим. Бэзил стал олицетворением практичного здравого смысла. Бывший судья Бурке обрел исконные качества краснокожего — стоицизм и непреклонность.

Если Элизабет и распознала метапсихическое вмешательство, то никто из присутствующих этого не почувствовал. Она прогуливалась но балкону, оценивая затейливый деревянный декор и

восхищаясь захватывающим дух видом. На юго-западе ослепительно-белая полоса пиренейских вершин, словно проведенная по геральдическому полю, отделяла синеву неба от темной зелени низин. Воздух был неестественно прозрачен, что в горах часто предвещает бурю, а его паяная недвижимость действовала немного гнетуще.

— Моему трансментальному зрению открывается страна Минанана, — сказала Элизабет. — Долина, словно Шангри-Ла, окруженная со всех сторон снежными пиками.

— Рядом с Минананом и Дионкетом тебе было бы безопаснее, — сказала Амери. — И даже с нами, в Скрытых Ручьях. Этому чудовищу Селадейру доверять нельзя. Ты же знаешь, он способен летать, да к тому же еще и нести одного человека с собой. Что помешает ему явиться сюда и похитить тебя? Ведь ты — очень удобная заложница. Точно такие же виды на твой счет могут быть и у нашего маленького плутоватого приятеля Эйкена Драма.

Элизабет развернулась лицом к трем людям, к трем своим друзьям, объяв их мощной волной утешения. Крейн неуверенно топтался сзади.

— Я уже пыталась объяснить, почему не могу жить у Минанана или в Вогезах с вольными людьми. Я не имею права демонстрировать при-

верженность кому бы то ни было. Если я хочу, чтобы моя новая роль увенчалась успехом, то должна оставаться доступной для всех политических сил Многоцветной Земли. И особенно это касается Эйкена Драма и Селадейра Афалийского.

Бэзил обвел пальцем контур гротескного резного изображения на балюстраде — лицо гоблина.

— А как насчет фирвулагов? Сейчас их численность превышает нашу примерно вдесятеро, а Шарн с Айфой принадлежат к совершенно другому типу, нежели бедный старый король Йочи. Как говорил мне Кеннеди, слуга леди Эстеллы, с помощью трансментального видения обнаружено, что из Гельветид маленький народ стекается в район Барделаска. Барделаск — это совсем небольшая крепость на берегу Роны, примерно в восьмидесяти-девяноста километрах к северу от Провансальского озера. Лорд Дарелл и большинство его лучших рыцарей утонули вовремя Потопа, поэтому городок остался совершенно беззащитным. Кеннеди считает, что фирвулаги, невзирая на наше хрупкое мирное соглашение, планируют один за другим покорить наиболее ослабленные города. Шарн с Айфой всегда могут свалить вину за нападения на ревунов.

— Если бы ты отправилась с нами в Скрытые Ручьи, — сказал Бурке, — мы бы защитили тебя с помощью железа.

Элизабет положила свою миниатюрную ладонь на мощное, покрытое шрамами предплечье краснокожего американца.

— Теперь у меня есть свой способ защиты. Фирвулаги не причинят мне вреда. Равно как и никто другой.

Бурке помрачнел и ритуальные жестом прикоснулся к своему новому золотому торквесу.

— Если возникнет малейшая угроза с любой стороны, ты должна призвать нас на помощь. Мы не должны забывать того, что сказала о тебе Бреда.

— Бреда! — рассмеялась Элизабет. — Старушка всегда была склонна к мелодраматическим преувеличениям. Она прекрасно знает, как заставить других плясать под свою дудку! — Великий Магистр раскинула руки, словно охватывая огромными крыльями души всех троих. — Но принуждение — не мой метод. Я хочу привлекать, а не заставлять.

Амери обратилась за помощью к психокорректору-тану:

— Если мы ей понадобимся, ты позовешь нас,

Крейн?

— Позову, сестра. — Крейн помялся, затем с сожалением добавил: — Если вы хотите продолжить путешествие с сегодняшним караваном, то вам пора идти. Я буду ждать внизу, чтобы попрощаться. — Отвесив великосветский поклон, он удалился.

В глазах Амери блеснули слезы. Неизбежный момент разлуки трех друзей с Элизабет наступил для них слишком быстро.

— Не тревожьтесь. — Элизабет улыбнулась. — Со мной все будет в порядке. У каждого из нас есть дело, и это нам поможет.

Бэзил первым разрушил чары. Шагнул вперед и взял Элизабет за руку.

— Крейн… отличный малый. Он самый настоящий человек, без всяких скидок. Он и его люди будут хорошо заботиться о тебе. Я в нем уверен.

— Милый Бэзил. — Элизабет поцеловала его в обветренную щеку. Он отступил назад, но у балконной двери задержался.

— Ты можешь рассчитывать на меня в деле с Суголлом. Я сделаю все от меня зависящее. А когда с этим будет покончено и страсти поулягутся, мы с тобой, как я и обещал, совершим восхождение в горы.

Элизабет сделала вид, что сомневается:

— Ты все-таки хочешь доказать мне, что где-то в Альпах существует плиоценовый Эверест! Но почему-то я ментальным зрением не могу различить ничего подобного.

— И все-таки он есть! — Бэзил укоризненно помахал указательным пальцем. — Видишь ли, новичку бывает очень трудно оценить истинную высоту горы. Тем более мысленным взглядом. — Сделав прощальный жест, он скрылся внутри шале.

Настала очередь Бурке. Сохраняя каменное лицо, он навис над женщиной в черном и сбивчиво мысленно заговорил, используя непривычный для него золотой торквес.

«Я научусь трансментальной речи. Буду разговаривать с тобой через сотни километров».

«Мой дорогой… Я до сих пор не уверена, что вы с Бэзилом поступили мудро, надев золотые торквесы».

«Крейн проверял нас. Нам можно. Он подтвердил. За нас не волнуйся. Только отвечай, когда нам потребуется совет».

— Ты же знаешь, что я всегда готова помочь советом, — вслух произнесла Элизабет. — Таково мое предназначение. Но возглавлять человече-

ство и экзотиков доброй воли должны сильные, такие, как ты и Бэзил, а не я. Эвакуация из Мюрии — всего лишь первый шаг, но это хорошее начало, и благодарить за него нужно главным образом тебя. Даже сбежавшие фирвулаги поняли, что дружба между людьми и экзотиками не только возможна, но и необходима.

— Ха. Сразу после катастрофы, пока в глазах еще не прояснилось от потрясения, экзотики были достаточно податливы. Ни у тану, ни у фирвулагов земля еще никогда не уходила из-под ног, не то что у нас, жалких человеческих придурков-путешественников во времени! Так что при переходе из Авена они довольно охотно подчинились моему руководству. Но ты же видела, как все изменилось, как только мы вышли на материк и приблизились к Афалии. Они всего лишь раз нюхнули старых порядков — и все! Появились прежние умонастроения. Тану стали такими же надменными, а фирвулаги — кровожадными. Все могло обернуться довольно паршиво, не слиняй как раз в этот момент маломерки в кусты.

На мгновение мысли их объединились в безмолвном взаимопонимании. Потом Элизабет спросила:

— Сколько беженцев ты планируешь довести

до самых Скрытых Ручьев?

— Мы выбрали тридцать самых верных и стойких. Все они — технически образованные люди, которые не спасуют перед трудностями нашей экспедиции по розыску летательных аппаратов. Мы наскребли двенадцать бывших специалистов, прошедших в свое время летную подготовку.

— Чудесно! И если вам помогут Суголл с Катлинель…

— Хорошо бы. — Бурке был мрачен. — К сожалению, Фелиция и те, кто знал точное местонахождение Могилы Корабля, мертвы.

Элизабет и Бурке забыли об Амери. Но при упоминании имени Фелиции монашка не смогла сдержать сдавленный стон. Мысли Бурке были написаны у него на лице: «Во всем виноват мой длинный язык». Вслух он сказал:

— Мне пора идти. — Обхватив Элизабет огромными ручищами, индеец бросил: — Прощай! — и быстро ушел с балкона.

— Извини, что я прервала вас, — натянуто произнесла Амери. — Но когда он напомнил мне, что… Фелиция… — Лицо монашки свело мукой. — И еще этот Гибралтар у нее за душой… Такая смерть…

— Мне кажется, лучше, чтобы остальные считали Фелицию мертвой, — сказала Элизабет. — Но ты любила ее и заслуживаешь того, чтобы знать правду.

Сестра Амери Роккаро не носила золотого торквеса и не обладала сколько-нибудь выраженными метапсихическими талантами, но в этот момент страшное известие проникло в ее мозг непосредственно из сознания другой женщины.

— Фелиция жива, — сказала Амери.

— Да.

— Ты давно узнала об этом?

— Примерно полтора месяца назад. Я слышала — трансментально слышала — совершенно особенные призывы. Поначалу я даже не приняла их за человеческие и не обратила особого внимания. К тому же во время перехода возникало столько проблем… Чтобы сберечь силы, приходилось отгораживаться от чужих мозговых сигналов, иначе просто сойдешь с ума от засоренности ментального «эфира». Но ее зов…

— Ты уверена, что это была Фелиция?

— Телепатически она говорила со мной всего однажды, когда вы спускались по Роне, чтобы захватить фабрику торквесов. Но я хорошо помню ее трансментальный почерк. — Элизабет

отвернулась, вглядываясь в далекие горы. — В таких вещах мы, Великие Магистры, разбираемся достаточно хорошо.

— Элизабет, но почему… почему… — Амери силилась овладеть собой, но голос ее сорвался. — Почему она так поступила? Я, конечно, понимаю, она хотела отомстить… Когда нас с ней проверяли в Привратном Замке и женщина-тану сказала, что нам, как и другим рабыням, придется вынашивать детей тану, Фелиция была вне себя от ярости. Она… она восприняла порабощение плиоценового человечества словно личное оскорбление.

— Ты ведь не только монахиня, ты ведь еще и врач. И мне ли тебе объяснять? Ты любишь Фелицию, но ведь ты знаешь, какая она.

— Знаю. — В голосе монахини послышалась обреченность.

Элизабет двинулась вдоль балкона, и Амери последовала за ней. Они оказались на восточной стороне шале. Лазурная гладь Провансальского озера у горизонта тускнела и превращалась в стальную. Именно с той стороны должна была прийти буря.

— Помнишь Куллукета, Королевского Дознавателя? — спросила Элизабет.

— Я видела его только один раз. Когда наше нападение на фабрику торквесов провалилось и нас схватили, именно он зацепил на нас серые невольничьи ожерелья и отправил в тюрьму умирать. Да, я его помню. На нем были светящиеся доспехи из красного стекла, и я никогда не видела более красивого мужчину-тану.

— Он забрал Фелицию и пытал ее.

— О, Иисусе!

— Куллукет надавил на Фелицию чуть сильнее, чем требовалось для вытягивания информации. Мне об этом во время перехода рассказал Дионкет. Он был главой Гильдии Целителей и знал о том, что вытворяет Куллукет, но у него не было возможности вмешиваться в частные дела клана Нантусвель. Запредельные болевые ощущения во время пытки активировали метапсихические способности Фелиции, и у нее появилась возможность отомстить в полной мере. Отомстить так, как она это понимает. — Элизабет сделала паузу. — Кроме того, действия Куллукета, судя по всему, привели к возникновению между ним и Фелицией какой-то извращенной связи. Вот почему Фелиция все время разыскивает Куллукета, громко выкликая его имя. У Фелиции нет уверенности в том, что ее дорогой мучитель пережил

Потоп. К несчастью, такая уверенность есть у меня. Куллукет жив, он подался в Горию: надеется, что там Эйкен сможет защитить его от Фелиции. Один только Бог может помочь Куллукету, если она когда-нибудь его выследит.

В душе Амери врач вступил в спор с любящим человеком; и в какой-то момент профессионал взял верх.

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду. Личность Фелиции, без сомнения, несет на себе глубокую печать садомазохизма. Дознаватель не только причинил ей чудовищную боль, но и пробудил в ней психическую силу, о которой она мечтала всю жизнь. Не удивительно, что она влюбилась в него…

Элизабет промолчала.

— Но что… что же теперь делать с Фелицией? Ведь у нее такие способности!.. Боже мой, даже святой Джек Бестелесный или Алмазная Маска не смогли бы в одиночку пробить Гибралтарскую стену!

— После наводнения Фелиция больше не использовала свой разрушительный потенциал. Большую часть времени она проводит, воображая себя черной птицей-санитаром: она собирает золотые торквесы и где-то их прячет. Кроме тех

моментов, когда она призывает Куллукета, она очень умело возводит защитные экраны. Кроме тех моментов…

Женщины стояли у перил бок о бок — Элизабет в длинном черном платье и высокая Амери в белом комбинезоне с тугим, закрывающим шею воротничком. Темные ели, стеной окружавшие подножие одинокого холма, на склоне которого примостился охотничий домик, чуть качались от легкого ветра. Где-то послышался тревожный крик каменного дрозда, предвещавший скорую перемену погоды.

— А ты не могла бы применить искусство психокорректора и помочь Фелиции? — спросила Амери. — Может быть, ее психоз удастся излечить?

— Возможно. Но для этого необходимо ее собственное твердое желание вылечиться. Вот только… Может быть, будет безопаснее не выводить Фелицию из ее нынешнего состояния, уж коли, находясь в нем, она не способна использовать свой метапсихический потенциал в полную силу? Мне нужно хорошенько подумать над этой проблемой… Крепко подумать.

Монашка отпрянула назад, глядя на подругу взглядом, в котором читался зарождающийся

ужас. Элизабет лишь кротко улыбнулась.

— Тебе предстоит принять много решений, — сказала Амери.

Элизабет поежилась и отвернулась, чтобы монашка не могла видеть ее лица.

— На Олимпе холодно и одиноко.

— Если бы только я могла чем-нибудь помочь! Если бы вообще кто-нибудь из нас мог тебе помочь!..

Элизабет стискивала деревянные перила с такой силой, что пальцы побелели.

— Одну вещь ты можешь сделать, Амери. Помоги мне еще раз. Очисти мою совесть.

— Да. Конечно. — Амери достала из кармана комбинезона узкую фиолетовую полоску материи, поцеловала ее и повесила на плечи. В очередной раз она прочитала по памяти древнюю молитву — как читала она ее над пробуждающейся от сна женщиной в горном приюте, из которого наблюдали они потоп; как читала ее бессчетное число раз во время долгого перехода, ночами, когда плач Элизабет сливался со звуками зимних дождей, барабанящих в крышу их наскоро сооруженного укрытия.

— Только нужно верить, Элизабет.

— Я постараюсь… постараюсь…

Амери осенила крестом голову Элизабет.

— Приди, чадо Божие, и облегчи свою душу. Ибо: «В Боге спасение и слава моя; крепость силы моей и упование мое в Боге» note 4.

— Благословите, сестра, ибо грешна я.

— Придите все страждущие. Придите все жаждущие принять дар жизни вечной.

— Каюсь в гордыне. Каюсь в высокомерии, в грехе чванливой самонадеянности. Каюсь в богохульные речах против исцеляющего Духа Святого. Каюсь в небрежении к меньшим. Каюсь в том, что предавалась отчаянию. Каюсь в своих тяжких прегрешениях и молю о прощении. Прости меня. Помоги мне поверить! Помоги мне поверить, что есть Бог, прощающий то, что невозможно простить.

Помоги мне поверить, что я не одинока.

Помоги мне.

---

note notes: Note4
Библия, Пс. 61, 8

6

Крупный дикий халик драл когтями настил, пыхтел, отфыркивался и молотил массивным крупом по прочным деревянным доскам до тех пор, пока скреплявшие их гвозди не начали поддаваться. Его пытались удержать четыре ковбоя в серых торквесах — двое за корду, привязанную к недоуздку, а двое

— за ножные путы. К тому времени, когда возле загона появился Бенджамин Баррет Трэвис с тремя Светлейшими, которых он привел посмотреть на укрощение, от ковбоев уже исходили волны дикой паники.

— Господи, неужели ты и вправду собираешься обломать этого когтелапого убийцу, Бен? — с благоговейным страхом осведомился Эйкен Драм.

Измотанный халик поднялся на задние ноги и издал гулкий рык. Это было животное чалой, отливающей синевой масти, высотой ладоней в двадцать, а то и больше, с черными щетками на лапах, черной гривой и устрашающе выпученными глазами, обведенными черной каймой.

— Левая сиська Таны? — выругался Альборан Пожиратель Умов. — Да он же здоровый, как

носорог?

Бенджамин тронул пальцем свой серебряный торквес. Халик, издав громкое «Вууууф!», подался назад в загон.

— Да не такой уж он буйный. Я окорачивал дичков и покруче. Он и ведет себя неестественно. Просто напуган до полусмерти.

— Трэвис совершенно прав, — сказал Куллукет. — Сознание животного затоплено глубинным страхом. Сбруя, путы на ногах, седло, лишение свободы, присутствие людей — все это доводит его до грани безумия. Только природная смышленость халика да еще тот факт, что ему не причинили никакого вреда, удерживают животное от гибельного неистовства.

Бенджамин улыбнулся психокорректору.

— И не забывайте, лорд Кулл, что я толкую с ним уже целую неделю. Видели, как он подался, когда я мысленно свистнул ему? Халики тоньше лошадей чуют дружеское отношение.

— Тогда почему бы для укрощения животного просто не применить мысленное принуждение? — полюбопытствовал Альборан. — Зачем нужна вся эта материальная тягомотина с ковбойским родео?

— Халика надо обломать и так и эдак. Иначе он

будет хорош только для наездников в золотых и серебряных торквесах. Ни серый, ни голошеий не смогут даже подойти к нему. Сначала халика надобно усмирить и научить обычным командам, которые подаются голосом и ногами, а уже потом обрабатывать ментально. Я, конечно, беседую со своими животинами постоянно, даже во время физического обучения. Моим методом можно выдрессировать в двадцать раз больше диких животных, чем вашим ментальным обузданием, а времени на это уйдет меньше. Вместо сереброносцев можно использовать серых или голошеих объездчиков до заключительного этапа, когда вводится телепатическое обучение. Это не сильно отличается от дрессировки прочего домашнего зверья. Даже проще. Но Стратег… — Бенджамин замешкался, проследив за реакцией Эйкена. — …Я имею в виду покойного Стратега, хотел, чтобы к началу Великой Битвы конница в Гории была лучшей во всей Многоцветной Земле. А для этого требовалось много диких животных.

С дальнего конца загона донеслось ржание халика. Бенджамин извлек из нагрудного кармана маленькую жестяную табакерку и засунул щепотку табака за щеку.

— Итак… готовы ли вы, Светлейшие, к неболь-

шому представлению?

— Задай ему ББ! — фыркнул Эйкен.

Дрессировщик направился к загону, а Эйкен, Куллукет Дознаватель и Альборан Властелин Ремесел подошли поближе к изгороди, кольцом охватывающей площадку, и выбрали местечко почище. Хотя дождя не было, небо было серое и хмурое, и дул холодный ветер с Редонского пролива. На всех троих были надеты традиционные дождевики из разноцветной кожи с островерхими капюшонами и сапоги выше колен. Дождевик Эйкена был золотистого цвета с черным кантом, Куллукета — темно-красный, а Альборана

— голубой — свидетельство его принадлежности к Гильдии Творцов. Шоколадная кожа Альборана, выдававшая в нем примесь человеческой крови, составляла разительный контраст с его зелеными глазами и шапкой курчавых белокурых волос, выбивавшихся из-под капюшона. Метис, член Высокого Стола, был на полголовы выше Куллукета, а над крошечным Эйкеном возвышался подобно великану из волшебной сказки.

— Мой покойный брат Ноданн считал Трэвиса одним из ценнейших слуг, — заметил Куллукет.

На противоположной стороне загона Бен-

джамин наблюдал, как с передних ног халика убирали путы.

— Хотелось бы мне иметь таких еще штук пятьдесят, — вздохнул Эйкен. — Большое количество обученных скакунов — основа моей стратегии борьбы против фирвулагов. По крайней мере так будет до тех пор, пока я не найду летательные аппараты.

— Маленький народ отказывается от своих старых предрассудков против верховой езды, и это — дурной знак, — предупредил Куллукет.

Эйкен кивнул.

— Один из моих осведомителей доложил, что они даже пытаются одомашнивать маленьких гиппарионов, чтобы на них ездили гномы! Нам также стало известно, что с пастбищ вокруг восточных городов они крали ручных халиков для боевых дружин.

— Блейн телепатически сообщил мне, — сказал Альборан, — что нечто подобное до сих пор происходит в окрестностях Росилана. Набеги, тайные вылазки, засады. Все, конечно, обвиняют ревунов, но ситуация постепенно становится неуправляемой, а временные контрмеры теряют свою эффективность. Мелкая знать и люди в торквесах просто не признают верховенства Блейна, даже

когда леди Иднар повелевает им слушаться его. Хотя Блейн ее зять, но он — человек со стороны и не имеет никакого авторитета. Черт возьми, Эйкен!.. Мне пришла в голову отличная мысль: надо поехать туда и жениться на Иднар теперь же, не дожидаясь майского праздника Великой Любви!

— Не выйдет, — возразил Куллукет. — Это распалит страсти еще больше, чем действия Елейна. Старая леди Морна-Ия упряма как осел и ни за что не согласится нарушить траур по своему покойному сыну. Она считает, что даже май — это слишком рано для свадьбы.

Альборан помрачнел.

— Зря я спас эту старую вешалку, пусть бы утонула. Но на плавающих обломках она была вместе с Иднар, что мне оставалось делать?

— Смотрите-ка, похоже, что там возникли какие-то осложнения, — заметил Эйкен, просовывая голову между прутьями ограды.

Ковбои открывали загон. Бенджамин, задумчиво жуя, сжимал в левой руке корд, а в правой держал другую веревку, опутывающую передние лодыжки халика. Животное бежало из загона в густую грязь, ворочая из стороны в сторону выпученными глазами и переступая когтистыми лапами с громким чмокающим звуком.

— Черт, что за наряд у него на ногах? — спросил Альборан. — Я-то думал, Бен собирается оседлать эту животину.

— Заткнись и смотри, — приказал Эйкен.

Бенджамин перестал увещевать халика с помощью своего серебряного торквеса. Теперь он словно нарочно провоцировал зверя на непослушание, резко дергая за веревку, привязанную к недоуздку. Бока животного заходили ходуном, шея подергивалась, а голова словно окаменела. Бен, маневрируя, вывел его на середину загонами тут халик вдруг начал брыкаться словно безумный. Стремена большого, как кресло, седла молотили его по холке. Во все стороны летели комья грязи.

Теперь Бен начал осторожно выбирать веревку, которая шла от правой стороны седла вниз, потом через кольцо, закрепленное путами на правой лодыжке, уходила к подбрюшью, через шкив на подпруге снова шла вниз, к путам на левой ноге, затем вверх к высокому стременному упору и, наконец, к дрессировщику.

— Бен называет это скользящим W, — пояснил Эйкен. — Им надо уметь правильно пользоваться, иначе загубишь халика. Но это W и вправду нагоняет на спесивых тварей страх Божий.

Натянувшаяся веревка заставила огромного халика упасть на колени в мерзкую жижу. Бен придержал его в этом положении, что-то ласково приговаривая, а потом стал с обеих сторон оглаживать шею животного, стараясь не попадать в поле зрения его панически-испуганных глаз. Спустя несколько минут он ослабил веревку и позволил халику подняться. Продолжая разговаривать с ним, он стал тихонько подергивать за веревку, понукая халика стронуться с места. Халик, пронзительно заверещав, взвился на дыбы и собрался было пуститься вскачь; но прежде чем он успел сделать хотя бы шаг, Бен натянул веревку. Запнувшись, громадное животное снова медленно опустилось на колени, зарывшись в жидкую грязь.

— Теперь Трэвис глубоко засел в сознании зверя, — сказал Куллукет, на лице которого было написано восхищение, озарившее внутренним светом его мрачную красоту. — Он дает понять, кто здесь хозяин, но довольно мягко. Видите? Животное слушается. Не такое уж оно и глупое. Хотя еще раз наверняка попытается вырваться на свободу.

Процедура повторилась: Бен, мурлыча себе под нос какую-то бессвязную мелодию, добился от

халика того, чтобы он, повинуясь натяжению корды, сделал с дюжину шагов, после чего животное вдруг словно сорвалось с цепи, принялось взбрыкивать и молотить воздух когтистыми лапами. Бен сплюнул табачный сок и небрежно опрокинул расходившееся животное в грязное месиво. Нагнувшись над халиком, он с ласковыми увещеваниями стал оглаживать его морду. Кожистые уши повернулись вперед, тугие канаты шейных мускулов расслабились. Бен позволил огромному животному подняться, тряхнул корду и удовлетворенно улыбнулся, наблюдая, как послушный халик затрусил вокруг него неспешной рысцой. Бесстрастный мысленный голос Вена произнес:

«Теперь он полностью обломался, Светлейшие».

Мужчины приветствовали его одобрительными «Сланшл!».

Дрессировщик сделал знак одному из своих помощников, чтобы тот забрал у него веревки, постоял несколько минут, зондируя сознание халика, дабы убедиться, что тот не замышляет больше никаких проказ, затем побрел по чавкающему грунту загону обратно к Эйкену, Куллукету и Альборану.

— Так ты что, не оседлаешь его сегодня? — разо-

чарованно спросил метис.

— Можно было бы, но я, пожалуй, не буду. На рысях когти запросто могут перерубить веревку. Главнее — он смекнул, кто здесь хозяин. Пусть теперь привыкнет к недоуздку, а тогда начнем объезжать верхами. Думаю, этому малышу путы уже не понадобятся.

— Потрясная работа, Бен! — воскликнул Эйкен.

— Можно предположить, что на Старой Земле ты содержал домашний скот,

— заметил Альборан.

Бенджамин Баррет Трэвис сплюнул через плечо.

— А вот и нет, лорд Альби. Я-то был и не прочь заняться скотоводством, да только в наследство от папаши мне достался стол ревизора в «Вестекс Фудекс» в Эль-Пасо. Это крупнейший в Содружестве экспортер латиноамериканской провизии. — Его выцветшие глаза мигнули. — До конца жизни не буду смотреть на замороженные бобы… — Бенджамин поддернул джинсы. — Я сейчас отправляюсь на мысленную обломку по-настоящему крутого белого жеребца, лорды. Не желаете присоединиться? Если поработаем все вместе, мысленная программа засядет крепче.

— Заманчивое предложение! — с энтузиазмом

отозвался Альборан.

— Ты иди с Беном, — сказал Эйкен, — а нам с Куллом нужно кое-что обсудить. — Он повернулся к объездчику: — Сегодня вечером приезжай на ужин в Стеклянный замок, Бен. И прихвати с собой Салли Мей.

— Схвачено, Стратег.

Небрежно помахав на прощание, человек в затвердевших от грязи джинсах «Ливайз» и воин-гигант неторопливо направились прочь, телепатически делясь друг с другом воспоминаниями о своенравных скакунах, с которыми им приходилось иметь дело.

— Я только что трансментально говорил с командиром Конгривом, — громко сказал Эйкен Куллукету. — Прибыла большая партия рекрутов, и нам с тобой лучше вернуться назад и разобраться с ними. Там тридцать восемь тану и около сотни людей, из них двенадцать в золотых торквесах, а остальные — специалисты разного профиля — в серебряных. Большинство из Афалии. Старый Селадейр провел что-то вроде чистки — всех людей, бывших ранее на ответственных постах и руководивших техническими отраслями, вышвырнул, а аристократам из числа метисов создал такую веселую жизнь, что они все

поголовно ударились в бега.

— Я быстро выясню, что у них там творится.

— Остальные прибыли из испанского города Каламоска.

— Милосердная Богиня! Ведь это наверняка трусливые сволочи из Реторты, которых должны были казнить по окончании Битвы! И ты примешь этакое отребье?

Эйкен окатил Куллукета холодным сверлящим взглядом.

— Нечего вкручивать мне мозги, красавчик. Или ты забыл, что в Многоцветной Земле теперь совсем другие порядки? Когда-то и меня самого считали подонком!.. Все, полетели.

Они опустили прозрачные лицевые щитки капюшонов и взмыли в воздух. Мелкие дождевые капли падали на их тела. Они пролетели над фермой халиков, расположенной на берегу пролива к северу от Гории, миновали сады, рощи маслин, парки и приблизились к городу.

Гория была возведена на огромном холме и занимала площадь около четырех квадратных километров. Большинство зданий, за исключением величественной центральной цитадели и отдельных жилищ аристократии, были выстроены из аккуратно побеленного камня и покрыты

розовой и красной черепицей. Особняки тану украшали шпили и резные контрфорсы розового и золотистого цветов — дань геральдическим традициям гильдии Психокинеза, которую возглавлял покойный Ноданн. Некогда та же цветовая гамма отличала и Стеклянный замок, но с тех пор, как появился узурпатор, розовая отделка была заменена на агатово-черную и сумрачно-фиолетовую — именно эти неповторимые оттенки выбрал для себя новый Стратег. По ночам жилища простонародья расцвечивались мириадами маленьких масляных ламп, развешанных гирляндами вдоль крыш и парковых оград. Феерические огни самых разных цветов, разжигаемые ментальной энергией, обегали по всему контуру постройки тану, а Стеклянный замок блистал ярче, чем в пору правления Ноданна, золотым и аметистовым, служа путеводным огнем, видимым за тридцать километров, от самого устья реки Лаар.

Когда двое левитантов начали спускаться к площади возле восточных ворот города, служившей местом приема новоприбывших, Эйкен заметил:

— Командир Конгрив в сегодняшней партии обнаружил действительно маститого человека-златоносца. Его имя Салливан Танн, он из Финии,

что на реке Рейн. Слышал когда-нибудь о нем?

Куллукет грязно выругался:

— Жирный засранец! Если бы он использовал свои способности так, как подобает воину, Финия, возможно, выдержала бы атаку Гудериан! Еще бы я о нем не слышал! — И Куллукет тут же развернул перед мысленным взором Эйкена досье:

«Алозий К.Салливан, известен под именем Салливан Танн. Девяносто шесть лет, прошел процедуру омоложения, в плиоцене проживает около тридцати двух лет. Ранее — профессор теологии в Фордхемском университете, впоследствии высокопоставленный инспектор-психокинетик под началом лорда Велтейна Финийского. Имеет необычайно развитые метафункции (силой левитации способен поднимать в воздух сорок человек или около пяти тонн инертной массы), однако польза, приносимая им тану, могла бы быть существенно большей, если бы не его пацифизм, которым он прикрывает непреодолимую робость. Он неизменно отказывался применять свои способности во время Великих Битв, Летучих Охот или других военных событий, но остальные свои обязанности выполнял добросовестно. После падения Финии принимал участие в эвакуации по воздуху невоеннообязанных и в конечном

счете добрался до Привратного Замка, который в ту пору служил центром помощи беженцам. Когда случилось наводнение, Танн благополучно отсиделся в небольшом испанском городке Каламоске, дежуря при своей невесте-тану, юной леди Олоне, которая вынуждена была пропустить Великую Битву из-за перелома позвоночника, полученного в результате опрометчивой попытки к самостоятельному полету, и излечивалась в это время с помощью Кожи. Олона, восхитительная блондинка с волосами медового оттенка, обладает громадным, хотя еще не сформировавшимся талантом к психоиндукции. В Горию прибыла вместе с Танном».

— Я проведу для тебя глубинный зондаж этой парочки, — сказал Куллукет, — но и так ясно, зачем они явились. Отец Олоны погиб во время потопа, а Танн, возможно, всего лишь самонадеянный осел. Оли — лукавая девчонка, но мне кажется, что мы вполне можем рассчитывать на их лояльность.

Эйкен с Куллукетом опустились возле бараков. Здесь шел прием новоприбывших, здесь же тану и людей в золотых торквесах отделяли от более заурядных членов пополнения. Конгрив, нескладный обладатель золотого торквеса, об-

лаченный в доспехи насыщенного синего цвета, ударил себя по нагруднику в приветственном салюте и, не теряя времени даром, представил телепатический отчет:

«Приветствую вас, Стратег и Светлейший лорд Дознаватель! За исключением Салливана Танна и леди Олоны, остальные златоносцы сегодняшней партии — в основном посредственности. Те, что прибыли из Афалии, — почтенные вельможи из числа метисов, не вынесшие реакционного диктата лорда Селадейра. Одиннадцать чистокровных тану из Каламоска — бывшие товарищи Алутейна по заключению в Великой Реторте».

«Спасибо, Конгрив. Это, разумеется, отбросы. Среди наших экзотиков-арестантов четверо изменников, шестеро женоубийц и один уклонявшийся от налогов. Но раз тану в живых осталось так мало, каждый, кто изъявляет желание стать моим последователем, должен быть принят радушно».

«Кулл… ты их как следует проверь. Особенно изменников!»

«Разумеется, Лучезарный. А с теми двадцатью заурядными златоносцами из Каламоска я поработаю в той же манере, как и с подонками из Реторты, что были приговорены к смерти за

трусость, проявленную в Битве. А сейчас будь любезен, прояви обходительность с Танном и его потаскушкой, которые с явным неудовольствием переносят заключение под стражей».

— Привет тебе, победоносный Стратег Эйкен-Луганн! — с пафосом проговорил осанистый человек, наряженный в роскошные одеяния светло-вишневых и золотистых тонов. Но прежде чем Салливан Танн успел продолжить свою тираду, раздался гортанный выкрик:

— Эйк! Эйк! Неужто это и вправду ты?

Из пестрой группы людей в золотых торквесах выскочил худой человек с льняными волосами и приплюснутым носом, в чертах лица которого смутно улавливалось что-то монголоидное. На нем была клетчатая фланелевая рубаха, саржевые штаны и тяжелые егерские башмаки с торчащими языками. Упав на колени перед тщедушным узурпатором Гории, он пробормотал:

— Я хотел сказать… лорд Луганн, прости, что ворвался поперед очереди, но…

Эйкен, словно пораженный громом, откинул золотистый капюшон своего дождевика.

— Раймо! Ты ли это, старый дровосек!

— Если я тебе нужен, малыш, я весь твой. Кстати, я привел с собой несколько приятелей.

— Если ты мне нужен!.. — завопил Лучезарный.

Гогоча словно сумасшедшие, они упали друг другу в объятия.

— Так вот как! — заледеневшим от надменности голосом произнес Салливан Танн, выпрямляясь во весь рост.

Трогательная встреча была прервана мыслепотоком Куллукета, обратившегося к Эйкену по приватному каналу:

«Предварительное зондирование Конгрива выявило: этот Раймо Хаккинен начинен свежей информацией. Убедительно прошу разрешить мне немедленно провести глубинное сканирование».

«Об этом забудь. Не гневи меня...»

— Рай, мальчик мой, так ты хочешь сказать, что тебя собирались поджарить? Только за то, что ты драпанул с Битвы?

«Послушай, Лучезарный. Этот тип имеет массу сведений о фракции мира, Дионкете, Минанане Еретике, о тактике борьбы против Селадейра Афалийского, а также...»

Салливан Танн истошным голосом возопил:

— Лорд Эйкен-Луганн, прошу вас, позвольте же мне продолжить!

Мысли Эйкена и Куллукета все еще циркулировали на приватной волне ментального эфира:

«Допрашивай этого идиота Тонна, Кулл. Раймо не трогай. Он МОЙ!»

«Я знаю — Раймо твой друг, Лучезарный, но ему очень многое известно. Даже про Фелицию. Дозволь распотрошить его…»

«Держи свои лапы подальше от Раймо. Ты уже свихнулся на своей Фелиции, Кулл Пытознатель».

«Раймо известно, что Фелиция подняла КОПЬЕ со дна Нового Моря».

«Иисусе!»

«Именно так. Такие сведения достойны твоего внимания. Ну что? Разрешаешь снять показания?»

«…Раймо знает, где Фелиция с Копьем?»

«Таких данных нет. Погибший приятель Раймо видел девушку-птицу, пролетающую над Бетикой. Местный фирвулаг рассказал этому приятелю, что Копье у Фелиции. Для получения достоверной информации необходимо глубокое зондирование. Ты согласен?»

«Нет!.. Да… А, дерьмо! Ладно, потом. Я сам скажу когда. Но сканирование проводить только под моим надзором, а затем ты полностью вос-

становишь его мозг. Ты понял, Брат Корректор, Великий Визирь, Кулл Красавчик?»

«Я понял и склоняюсь пред твоей властью, король. Но мы должны найти эту скотофилку-садомазохистку, сучью богиню, прежде чем она найдет НАС. И почему я только не убил ее, когда была возможность?»

«Презренный. Сам не знаешь?»

— Итак! — бодро воскликнул Эйкен вслух. Ментальная пикировка с Куллукетом заняла примерно десять секунд. Эйкен отгородился от продолжающихся мысленных увещеваний Куллукета и весь запас своего обаяния излил на Раймо, Салливан Танна, стройную леди Олону (которая с самого момента появления Эйкена внимательно наблюдала за ним) и на других новоприбывших тану и людей, стоящих возле мрачного приемного помещения.

Приободрившийся Салливан Танн воскликнул:

— Этот вооруженный холуй возмутительно обращался с нами, лорд Луганн. Его люди имели наглость осмотреть наш багаж, а вот этот неуклюжий увалень уронил бесценную бутылку «Джеймсон Ризэв» двадцатичетырехлетней выдержки! Хорошо, что я обладаю психокинезом и едва успел вовремя подхватить ее.

— Форменное безобразие! — сказал Эйкен, нахмурившись. Он телепатически подмигнул коменданту города. — Ты, конечно же, знаешь, Конгрив, что светлейшие особы ранга лорда Салливан Танна не должны подвергаться подобным процедурам. Тебе полагается выговор.

Ударив себя в грудь, Конгрив вскинул руку в салюте.

— Я и сам корю себя. Стратег. Подобный досмотр — это обычная предосторожность для обеспечения безопасности, он издавна применялся ко всем людям, прибывающим в Горию на постоянное жительство. Из-за риска, связанного с кровавым металлом, лордом Поданном был отдан на этот счет строжайший приказ.

— Ноданн, — заметил Эйкен, — сейчас кормит рыб. А я повелеваю, чтобы с сего дня и людям, и тану, прибывающим в город, оказывался одинаково радушный прием. Запомни это, или будешь нести ответ лично передо мной.

Салливан Танн расплылся в довольной улыбке. Он вытолкал вперед жеманящуюся Олону и представил ее Эйкену и Куллукету.

— Леди Олона Каламосская, дочь покойного лорда Онидана Герольда, в нынешнем году на празднике Великой Любви она станет моей неве-

стой.

Олона грациозно поклонилась, Лучезарный, усмехаясь, запечатлел на ее руке долгий поцелуй.

— Правда ли, лорд Стратег, что вы будете королем? — низким голосом спросила девушка.

Черные глаза Эйкена сверкнули.

— Коли будет на то воля Таны, милая!

— Со всеми… королевскими прерогативами? — На коралловых губах заиграла легкая улыбка. Лицо Салливан Танна сохраняло неподвижность.

— Игра, — заверил ее Эйкен, — будет вестись по всем правилам.

Он прошагал к сияющему глупой улыбкой Раймо, изящно опустил руку на плечо своего старого приятеля и провозгласил:

— А теперь, ребята, — веселиться! Эйкен Драм с вами! Больше никакого содержания под стражей, никаких обысков, никаких мерзких дознаний. Все отправляемся в мой Стеклянный замок и устраиваем грандиозную пирушку!

7

Старый Айзек Хеннинг нудел не переставая до тех пор, пока Голда — хотя и знала, что собирается дождь, — не согласилась совершить утомительное восхождение на мыс и нести дозор до полуночи.

— Мы — единственные, кто может дать предупреждение, деваха! — Длинные костлявые пальцы впились в ее сильные плечи. Подернутые пленкой глаза Айзека беспокойно скосились в сторону внутреннего грота пещеры. — Сейчас самое опасное время! Полнолуние после весеннего равноденствия! Охота непременно явится. Так случается каждый год. А теперь слушай меня, деваха! Когда заметишь, как они летят над лагуной из Авена, зажжешь сигнальный костер. В твоих руках судьба всего Керсика!

— Хорошо, дедуня.

— Он, может быть, зовет их! Даже в этом своем сне! — Голос старика превратился в злобный свист.

— Хорошо, дедуня.

Дрожа, Айзек нагреб в глиняную чашу углей из очага и присыпал золой, чтобы не так сильно

горели. Голда взяла чашу и приготовленный дедом толстый факел из пропитанного жиром тростника.

— Что со всем этим делать, знаешь, — рявкнул он.

— Что? — спросила Голда.

— Вот чертова глупая корова! — взорвался старик. — Сигнал! Если увидишь Летучую Охоту, зажжешь факел от горячих углей. А факелом подожжешь большую груду дров!

Голда улыбнулась.

— Зажечь факел. Зажечь дрова. Хорошо, дедуня.

Старик прямо зашелся от ярости.

— Но только если увидишь Летучую Охоту, черт тебя раздери! Если увидишь, как они летят на нас из межзвездной пустоты — изгибаясь, поднимаясь и падая, словно свивающаяся кольцами змея из радужного света!

— Ладно!

Голда стояла, пристально глядя на старика сверху вниз, словно на чужого. В ней не было красоты, лишь сила и здоровье. Щеки и губы лоснились от жира жареных сонь, которых они ели на ужин. Замшевая сорочка тем не менее была довольно чистой. Груди, набухшие по причине, которую

Айзек очень даже хорошо угадывал, натягивали замшу меж торчащих в разные стороны сосков.

— Ну? — заревел он. — Ступай, шлюха перезрелая!

Голда осталась стоять возле входа в пещеру, вяло свесив руки вдоль бедер.

— Ты не причинишь вреда Богу, пока я хожу, дедуня?

Взгляд старика метнулся в сторону.

— Давай топай на мыс. Делай свое дело, а его предоставь мне. — Старик часто дышал. — Может статься, Летучая Охота уже на пути к Керсику!

— Ты не причинишь Богу вреда?

Голда опустила горшок с углями и незажженный факел на каменный пол. Айзек попытался улизнуть, но он не мог тягаться в проворности с Голдой. Она ухватила его за тонкие, как прутики, руки, сграбастала в охапку и приподняла над землей. Айзек брыкался, орал, исходил яростью, но женщина-титан продолжала держать его в воздухе на вытянутых руках. В конце концов старик разразился слезами. Голда осторожно опустила его, присела рядом с ним, сжавшимся в комочек, на корточки и вытерла его лицо уголком своей юбки.

— Ты не причинишь вреда моему Богу с мо-

ря, — спокойно сказала она.

— Нет. — Айзек не мог унять дрожь. Исходящий от нее мускусный запах валил его с ног.

— Тогда я пойду. И если увижу Летучую Охоту, то зажгу твой сигнальный костер. Хотя на Корсике больше нет никого, кто сможет его увидеть.

— Есть, есть, — всхлипнул старик, закрывая лицо руками.

— Нет, — увещевающе произнесла Голда. — Все уплыли, когда поднялась соленая вода. Здесь остались только ты, я, а теперь вот и Бог. — Она ласково потрепала Айзека по веснушчатой лысине и собрала принадлежности для разжигания огня. — И Летучая Охота никогда больше сюда не прилетит. Вода слишком глубока. Достаточно глубока, чтобы залить щель, куда садится солнце, так что охотники больше не смогут приходить за нами.

— Проклятая безмозглая корова, — пробормотал Айзек. — Иди-иди. Да гляди как следует.

— Ладно. Хуже не будет.

Оставив съежившегося в комок старика, Голда шагнула в сумерки. Небо над водой было цвета утиного яйца, а над хребтом Керсика — глубочайшей синевы, будто исхлестанной фиолетовыми конскими хвостами. Зажглись первые, еще туск-

лые звездочки. На ходу Голда что-то фальшиво мурлыкала себе под нос. Было холодно и промозгло, но ее это не беспокоило. А Бог был хорошо укрыт пледом, сшитым из кроличьих шкурок.

При мысли о Боге сердце Голды зашлось от радости. Он такой красивый, дарующий неизбывное наслаждение даже в своем бесконечном сне. (Скоро ленивый дедуня закончит полировать песком его бедную увечную руку, наведет глянец, и рука будет в полном порядке.) Если она после этого никому не нужного бдения сразу поспешит домой, то у нее еще останется время поклониться Богу, а дедуня проснется, увидит и станет ворчать.

— Я ненавижу тебя, дедуня, — прошептала Голда.

Продравшись сквозь густые заросли, она наконец вышла к морю; среди искривленных зонтичных пихт виднелась полянка со сложенной на ней высокой кучей серебристо-серых дров. Голда опустила на землю факел и горшок с углями и пошла прямо на западную оконечность мыса. Она уселась над обрывом, свесив вниз свои сильные ноги и ощущая, как усиливающийся ветер щекочет кожу, задувая под подол юбки.

Вот здесь внизу она и нашла его, в этой бухточ-

ке, на острых рифах, которые теперь покрывает вода. Диво. Чудо. Бог с моря. В течение нескольких месяцев, что она ухаживала за ним, его глаза ни разу не открылись; но она знала, что теперь, когда его ужасные раны зажили, в один прекрасный день это случится. Бог проснется и полюбит ее.

— И тогда мы убьем дедуню, — решила Голда.

8

Черные волны, омывающие побережье Магриба, разбивались об основание гряды Риф и древних вулканических холмов, сгрудившихся вокруг разбитой бетонной дамбы.

Моросило. Кугал Сотрясатель Земли отыскал обрывистое вади note 5, по дну которого сочилась тоненькая струйка воды — она терялась в песках, так и не дотянув до нового моря. По берегу этого ручья росли пальмы, цветущие акации да пучки розовых нарциссов с терпким, пьянящим запахом.

Он прикрыл относительно сухую расселину плетеной лодчонкой фирвулагов и уложил под ней Фиана. Слабым психокреативным импульсом запалил костери приготовил скудный ужин: финики, два яйца, недовысиженных какой-то птицей, восхитительные на вкус, но несытные цветки акации, поджаренные на остатках суркового жира. Огромная змея (у Кугала при виде этой змеи слюнки потекли) проворно уползла. Нарциссов вокруг было сколько угодно, но Кугал

---

note notes: Note5
пересохшее русло (араб.)

слышал, что их луковицы ядовиты.

Мелкий дождик усилился и прерывисто забарабанил по днищу лодки. Стоны брата бередили душу.

ХОЛОДНО!

холодно холодно ХОЛОДНО я знаю ХОЛОДНО ХОЛОДНОХОЛОДНО ХОЛОДНОХОЛОДНО холодно холодно холодно холодно ХОЛОДНО

Одеяла, сшитые из звериных шкурок, рвались по швам. Вместо ниток он использовал сухожилия, и они быстро сгнили, а мех клочьями отваливался от тонкой мездры. Кугал пробовал залатать их свежими шкурами, но старые куски рассыпались в руках. Он как мог укутал Фиана в эту рвань и стал рыскать по берегу в поисках сушняка, чтобы поддержать огонь. В верховьях ручья увидел высохшее дерево с колючими ветками. Пока обламывал их и тащил к чадящему костру, ободрал в кровь все руки. Потом на четвереньках пролез под лодку, стащил с себя промокшее замызганное пончо из антилопы и занавесил им вход, надеясь удержать тепло. От шкуры исходила жуткая вонь.

Фиан заворочался, начал теребить бинты из золотисто-розовой ткани; обнажились страшные раны на голове. Кугал одной рукой обхватил его

запястья, другой поправил повязки. Еще плотнее подоткнул одеяло. Руки у брата быть потные, кожа туго обтянула кости, под паутинкой кровеносных сосудов едва трепетал пульс.

Умираю…

Нет.

Мы умрем вместе…

Нет.

Мы умрем от холода?

НЕТ!

Какхолоднокровьсердцестынет…

НЕТ, Я СОГРЕЮ НАС!

Состыкованный ум отчаянно боролся. Одна половина жаждала оторваться и положить конец многомесячным страданиям. Другая, безжалостная в своей братской любви, побуждала ее жить.

(психо А кинетическая) (сосудо А расширяющая) (стиму А ляция) А А А Х !

Брата мучит боль от пораженного лицевого нерва. А еще промозглая стужа. Надо с помощью психокинеза восстановить кровообращение, а затем применить коррекцию, взять на себя хотя бы часть боли. Только хватит ли сил? Он не спит десятую ночь подряд и уже дошел до точки. Ему бы отлежаться и съесть чего-нибудь посущественнее. Да и Фиана подкормить, а то воля его к

жизни почти иссякла.

Спи, Фиан.

да Спи, братмой.

да Спи, зеркалодуши.

да Спи, милыйпровидец.

да Спи, роднойсамоубиица.

да Спи, Фиануммоегоума, спи.

(волнообразный ритм замедляется) Спи

Фиан почти все время бредил, и мозговые штормы правого полушария так измотали защитный механизм левого, что у самого Кугала начались галлюцинации.

Он бредет вдоль нескончаемого побережья, тащит Фиана по мелководью в допотопном суденышке фирвулагов. И вдруг в тумане над водой видит город, светлый, как солнце, обращенное к Земле. Возрожденная Мюрия во всем своем великолепии! Соплеменницы поют Песню, подбадривают борцов на арене. Начался Весенний Турнир, слышны торжественные звуки фанфар и звон алмазных мечей о стеклянные щиты.

Остолбенев, он выпустил канат. Дома! Несчастные, голодные, почти свихнувшиеся, растерявшие всю былую силу изгои много месяцев шли на запад по берегам Африки… И вот чудо свершилось.

Кугал вытянул руки, рванулся вперед и с головой погрузился в волны. Но жестокие муки, видимо, обострили интуицию брата: он сразу распознал мираж. Его принудительный импульс заставил Кугала вернуться и снова взять в руки канат.

— Мы вместе поплывем к Благословенному Острову, — прошептал Фиан.

Безумный вихрь в мозгу Кугала уже промчался. Он упрямо избрал для них обоих жизнь и вытащил лодку на сушу.

— Ты же видишь, я медленно умираю, — сказал Фиан. — Почему бы не покончить со всем этим?

— Нет! Я тебе не дам. Мы вернемся на Европейский континент. Как только дождь перестанет и ветер повернет к югу, я смастерю парус для лодки.

— Зачем? Все же погибли в Потопе.

— Неизвестно. Наша телепатия так ослаблена, что ум воспринимает не больше, чем слух.

— Кугал! Ум моего ума! Нам суждена только смерть… если мы останемся вместе.

Хриплым криком Кугал заглушил его слова. Только не смерть! Только не разлука!

— Доверься мне, как прежде. Мы — единое целое. Следуй за мной.

Но ответом ему был поток боли и безнадежности.

— На сей раз ты следуй за мной. Иначе мне придется уйти одному.

— Нет!

В подсознании Кугала всплыла горькая истина: я боюсь…

Сидя под убогим прикрытием и слушая шум дождя, заместитель великого Ноданна в Гильдии Психокинеза крепко прижимал к себе свое спящее второе «я». Зашипели под дождем угольях; скоро костер совсем потухнет. Мозговое излучение Фиана было медленным и умиротворенным. В отличие от бодрствующего брата он уже не чувствовал боли.

(ритм угасает) (угасает) СТРАХ (угасает) (угасает)

9

К тому времени, как ронин Йошимитсу Ватанабе добрался до двенадцатого охраняемого троллями горного прохода на Редонском тракте, дождь лил как из ведра и уже почти стемнело.

— Подлые фирвулажьи вымогатели, — проворчал Йош.

Он натянул поводья и, превозмогая усталость, стал оценивать довольно мерзкую ситуацию. Он уже потерял много времени, вплавь преодолевая затопленные броды и огибая размывы и оползни. Если ему вообще суждено попасть в Горию, то случится это только под утро, когда путешественнику, даже если он при деньгах, трудно рассчитывать на гостеприимство. А если он лишится последних денег…

Изголодавшаяся кобыла-халик Йоша воспользовалась остановкой и выковыряла из слякоти несколько клубней. Негромким «Гоп, Кику» ронин послал ее вперед. Кобыла подошла к краю пропасти и, нервно фыркая, глянула вниз на бурлящий пенный поток. Ущелье было узкое, но невероятно крутое, внизу громоздились поваленные стволы деревьев. На другую сторону

был переброшен незатейливый мост из толстых бревен. На обоих концах моста сооружены «заставы» — каменные груды в человеческий рост с воткнутыми в них шестами, с которых свисал пергаментный фонарь в форме причудливого рогатого черепа. Крупные светлячки, посаженные внутрь фонарей, были единственным зыбким источником света.

Если путник котел перейти по мосту, он был обязан опустить в ямку при основании каменной пирамиды традиционную плату. Нарушителю обычая грозил риск быть съеденным троллем.

Йош расстегнул мино — дождевик из соломы, служивший ему подобием плаща, — и тот съехал на сторону, сделав доступным взгляду любого полуночного хищника зловещее великолепие его украшенных красным шнуром доспехов — ума-ерои. Два быстрых движения, и соломенная шляпа, прикрывающая голову от дождя, уступила место латному шлему — кабуто. Затем руки Йоша скользнули к плечам и сомкнулись на рукояти самодельного, но от этого не менее смертоносного самурайского меча — нодачи, который висел в ножнах за его правым плечом.

Он выставил меч перед собой. Всадник и кобыла застыли, словно конная статуя. Фонари

приплясывали на ветру, мерцая призрачным светом, по зеленому покрову джунглей барабанил теплый дождь, где-то рядом выводили свой весенний мадригал древесные лягушки.

— Эй, слушай меня, — звенящим голосом заговорил Йош. — Я — человек чести. Я держу сторону союза людей и фирвулагов. Всю дорогу от Парижской низины я плачу ваши чертовы пошлины и ни разу не сказал ни единого слова поперек. Но теперь у меня осталось всего три серебряные монеты. Если я отдам их, то, когда приеду в Горию, у меня не будет ни гроша. Мне нечем будет заплатить за еду, за кров, за корм для моего скакуна… Поэтому я не стану давать тебе денег! Взамен тебе придется отведать вот это!

Лягушки примолкли, наступившую тишину нарушал лишь шум дождя и смутный гул водопада. Внезапно у ближнего входа на бревенчатый мост появилось зеленое сияние. На тропе возник кто-то огромный, уродливый, сочащийся влагой, и угрожающе встал перед скакуном японского воина. Существо имело обличье ящера с перепончатыми лапами и чешуйчатым телом. Голова, обтянутая пузырчатой кожей, походила на рогатые черепа, а огромные выпученные глаза светились, словно два зеленых прожектора.

Прежде чем тварь успела броситься вперед, Йош распахнул рот и исторг «кийа» — ритуальный крик древних мастеров боевого искусства будзюцу. Вибрирующий голосовой клич одуряющей громкости и жуткого тембра подействовал на тролля не хуже физического удара. Существо отшатнулось и, припав на одно колено, стиснуло голову когтистыми перепончатыми лапами.

Повинуясь приказу Йоша, кобыла скакнула вперед. Передние лапы крупного, достигавшего девятнадцати ладоней в холке, животного, вооруженные полувтяжными когтями размером больше человеческой ладони, опустились на землю всего в нескольких сантиметрах от тела парализованного страхом тролля. Острие длинного меча Йоша покачивалось возле самого брюха фирвулага.

— Меч железный, не из бронзы и не из стекла, — предупредил Йош. — Ты понимаешь универсальный английский? Это оружие из кровавого металла! Нопар о бейн! Один укол, и от тебя останется лишь гора хладного мяса. Я убил этим мечом двадцать два ревуна и двух тану, и если ты бросишь на меня хоть один злобный взгляд, то я, не задумываясь, открою счет фирвулагам.

Тролль судорожно выпустил из легких воздух.

— Ты сказал, что держишь сторону союза, первобытный…

— До сих пор держал. Так что, мы договорились насчет пошлины?

Глаза чудища сверкнули.

— Разве я не имею права зарабатывать на жизнь? За зиму мост три раза смывало, а я его чинил. Две монеты — не так уж и дорого. Я даже не покрываю расходов на текущий ремонт. Да еще эти пройдохи из королевской налоговой службы сдирают с меня тридцать процентов.

Острие меча не дрогнуло.

— Я не могу позволить себе даже такую трату. Мир после Потопа перевернулся вверх дном, настали трудные времена, поэтому я и еду в Торию. Неужели ты готов умереть из-за двух вшивых монет?

Исходящее от монстра свечение потускнело.

— А, черт… Проходи, чтоб тебе пусто было. Слушай, можно я перевоплощусь и встану? А то от этой холодной грязищи у меня начнется жуткий прострел.

Йош кивнул и убрал меч. Ящероподобные формы чудища содрогнулись и рассыпались разноцветными искрами, которые, слепившись воедино, превратились в излучающее мягкий

свет тело экзотика среднего роста. У него было морщинистое лицо с длинным острым носом, из-под кустистых рыжих бровей сверкали маленькие глаза-бусинки. Одет он был в конический алый колпак, в такие же алые брюки, насквозь пропитавшиеся жидкой грязью, сорочку-гофре с кружевным воротником, кожаный жилет, расшитый причудливым орнаментом из переплетающихся стилизованных изображений животных, и в подбитые толстыми гвоздями ботфорты с загнутыми кверху носами.

— Слушай, давай заключим сделку, — предложил тролль. — До столицы Лучезарного тебе добираться — если мерить на манер первобытных — еще больше тридцати лье. Ночь ненастная, дорога долгая, да и в кошельке у тебя

— сам сказал — не густо. Чтобы найти приличный приют в Гории, тебе и трех твоих монет не хватит. А всего в нескольких километрах отсюда мой шурин Малахи держит отличную таверну, — там тебе за две монеты дадут и хорошую еду, и ночлег, и целую суму корней для твоей животины. А утром я пропущу тебя через мост по урезанной таксе: один серебряный вместо обычных двух. Ну что, идет?

Йош прищурился:

— Без брехни?

Фирвулаг поднял руки ладонями кверху.

— Люди и маленький народ — друзья! Король Шарн и королева Айфа официально скрепили союз. Под крышей у Малахи тебя никто не посмеет тронуть.

— Но человек, останавливающийся в таверне фирвулагов…

— Ну да, в центральных районах это, может, и непривычно, а в наших лесах становится делом обыденным, особенно с тех пор, как Лучезарный объявил о наборе пополнения. Теперь наш народ может вовсю заняться делом! Слушай, сегодня вечером я уже направил к Малахи двух первобытных. Они перли пехом. Так что там у тебя будет компания.

Йош усмехнулся. Меч скользнул в висящие за спиной ножны. Легкое касание пятками боков скакуна, едва приметное движение тела — и халик отступил от перемазанного грязью экзотика.

— Идет. Я согласен на сделку. Как найти это заведение?

— Езжай обратно по тракту до поворота к утесам, окаймляющим Редонский пролив. Возле рощи пробковых дубов сворачивай направо и езжай луговиной, пока не упрешься прямо в курган.

Там она и есть, Малахиева кутильня. Скажешь, что тебя послал Кипол Зеленозубый.

Экзотик поплелся к краю теснины, потом оглянулся.

— А этот твой боевой клич — на самом деле традиционная уловка фирвулагов. Все-таки старинные трюки — самые лучшие. Ладно, зла я на тебя не держу. — Сардонически отсалютовав, Кипол Зеленозубый исчез под землей.

Йош добрался наконец до затерявшегося в штормовой ночи кургана, одиноко возвышавшегося посреди вылизанной ветром пустоши примерно в полукилометре от моста. Размерами и формой курган походил на большой цирк шапито; его склоны густо поросли кустарником. На какой-то момент дождь прекратился, по небу, словно стая ведьм, неслись изодранные в клочья облака. На юго-западе горизонт был подсвечен жемчужным сиянием, на фоне которого вырисовывались силуэты низких прибрежных холмов. Этот брезжущий за мысом, мучительно притягательный свет исходил от Гории, новой резиденции Эйкена Драма, ставшей в настоящее время de facto столицей Многоцветной Земли. Теперь, когда древним королевством тану правил человек, жизнь в плиоценовом изгнании пошла

по совершенно иным законам.

— И мне не терпится вступить в эту игру, — сказал Йош своей многострадальной Кику.

Пусть он сегодня не доберется до Гории, зато, прибыв туда при свете дня, он придаст своему вступлению в город гораздо больше величия. Кику будет выглядеть отдохнувшей и сможет щегольнуть красивым нарядом, который Йош сам сделал для нее. Чтобы привлечь внимание горожан, они подтащат за собой прямо к городским воротам связку цветных воздушных шаров в форме хищных птиц. А потом он въедет в Горию, разряженный в великолепные самурайские доспехи эпохи Муромахи, с мечом, взятым «на караул». Этот ручной ковки меч он вверит лорду Эйкену-Луганну. И тогда Йошимитсу Ватанабе перестанет наконец быть ронином — не имеющим покровителя бродягой, несомым волнами жизни, — а превратится в госхо-самурая — воина императорской гвардии!

Йош на миг представил себе, что бы сказали его коллеги по «Роки Маунтин Роботехника», оставшиеся в двадцать втором веке, в добром старом Денвере, штат Колорадо, доведись им увидеть его в этот триумфальный час…

Но суровая реальность очень скоро вернула

Йоша на плиоценовую землю. Его тяжелые пластинчатые доспехи пропускали воду, словно решето. Пустой живот прилип к позвоночнику. Бедная Кику с голодухи жевала чахлый кустик ракитника.

Где же эта чертова таверна? Йош объехал курган кругом, освещая фонариком на солнечных батареях впадины и заросли кустарника. Единственное, что ему удалось обнаружить, — узкий камень высотой около полуметра с каким-то стилизованным черным изображением на нем. Когда Йош склонился с седла, пытаясь разглядеть изображение, словно откуда-то издалека до него донеслись музыка и грубый смех.

Откуда исходят эти звуки — из кургана?

— Эй! — прокричал японец.

Милые сердцу звуки растаяли в шуме ветра.

— Есть там кто-нибудь? Здесь Малахиева кутильня? Эй, меня послал Кипол Зеленозубый!

Раздался грохочущий, потом какой-то скрежещущий звук, и халик отпрянул назад. В склоне холма перед Йошем обозначился очерченный тусклым желтым светом прямоугольник метра три высотой и почти такой же в ширину. Грунт осел, открыв взору просторный туннель, освещенный укрепленными вдоль стен пылающими

факелами. Вправо и влево от туннеля ответвлялись коридоры. В дальнем конце была видна большая деревянная дверь с двумя смотровыми окошками, похожими на горящие малиновые глаза, — оттуда и исходил приглушенный шум: пьяный смех, пение, грохот разбиваемой посуды и другие звуки, сопутствующие буйному пиршеству.

— Ну что, первобытный, так и будешь стоять там ночь напролет или войдешь?

Фирвулаг-подросток, сутулый и с пятнами на лице, но со снисходительной улыбкой на губах, махнул Йошу, приглашая заезжать внутрь. Когда воин проследовал вслед за юным экзотиком в отходящий вправо коридор, вход в пустотелый холм закрылся. Стараясь не выдавать невольного волнения (испуг охватил и Кику, попавшую в совершенно неведомую для нее обстановку), Йош въехал в сухую земляную пещеру, где в беспорядке были свалены ткани, закупоренные кувшины, набитые мешки и разрозненные предметы домашней утвари.

Юнец сгорбился, привалившись к какому-то бочонку, поковырял грязным пальцем прыщ на носу и показал на одну из стен, возле которой на полу была расстелена солома.

— Животину поставь вон туда. Привяжи ее к кольцу в стене. Съедобные корни в мешках. Корми и чисть сам, а то меня халики не любят. — Он хихикнул, и по его лицу, исказив черты, пробежала зловещая злобная тень. Кику всхрапнула и закатила глаза, показав белки.

Йош спешился. Обихаживая кобылу, он чувствовал буравящий взгляд экзотика, направленный ему в спину, где на ремне висел длинный кривой меч.

— Свой меч из кровавого металла ты оставь здесь. В кладовке. — Фраза, произнесенная на ломаном английском, прозвучала довольно враждебно.

Даже не взглянув на парня, Йош продолжал обтирать Кику пучком соломы.

— Нет. Оружие и доспехи останутся при мне. Кое-что из своего снаряжения я здесь прикопаю, но утром проверю — все ли лежит на месте. И если что-то пропадет, я просто умру, умру от горя…

В мгновение ока Йош развернулся, меч, выхваченный из ножен приемом ай-дзюцу, молнией метнулся вниз и замер у самого лба опешившего фирвулага.

— …и ты тоже можешь умереть, малыш. Если хоть пальцем дотронешься до моего халика.

Понял?

— Мала-хи! — завопил юнец.

Когда в помещение влетел владелец таверны, экзотик-гном, Йош с невинным видом взрезал своим мечом мешок с корнеплодами.

— Что, что такое? Что за шум, Нукаларн, мальчик мой? У нас новый посетитель? Добро пожаловать, друг-человек! — У Малахи было пухлое розовое личико. Из-под шапки шелковистых белых волос выглядывали заостренные уши. На нем был кожаный фартук с нагрудником, рукава над чисто вымытыми руками были закатаны до локтей. Бросив быстрый взгляд на меч, он подмигнул Йошу:

— Разумеется, сэр, вы можете оставить оружие при себе. Только будьте любезны — держите его все время в ножнах. Демонстрация боевых искусств в Малахиевой кутильне запрещена.

Нукаларн, лицо которого вдобавок к своей обычной пятнистости пошло безобразными белыми метинами страха, изогнул губы, тужась изобразить из себя храбреца.

— Этот первобытный сказал, что убьет меня кровавым металлом! Сучий потрох!

Малахи взглянул на Йоша, укоризненно подняв бровь.

— Небольшое недоразумение. — Не обращая внимания на ругательства, которые бормотал себе под нос мальчишка, воин одарил Малахи любезной улыбкой. После того как меч был возвращен в ножны у него за спиной, Йош достал из кошелька две серебряные монеты и протянул хозяину таверны. — Позволь в знак чистосердечности моих намерений заплатить вперед. Твой славный свояк настойчиво рекомендовал мне твое заведение.

Малахи сверкнул глазками, взял деньги и повел нового постояльца в общий зал. Когда распахнулись деревянные двери, на Йоша обрушилась целая волна впечатлений: пульсирующий красный свет, шумный гомон, запах жареного мяса и разлитого пива. Толпа гуляк состояла из экзотиков всевозможных размеров, от крохотных человечков с круглыми, как яблоки, щеками, бражничающих где-то у самого пола, до одров, едва не задевающих головами люстры. Никто из фирвулагов не прятался за иллюзорным обличьем, хотя при контактах с представителями человечества для них это стало чуть ли не неизменной привычкой. Йош с интересом отметил, что, несмотря на различия в размерах, ни у кого из фирвулагов не было физических уродств, как у

мутантов-ревунов. Если индивидуумов среднего роста нарядить в одеяния двадцать второго века, они стали бы совершенно неразличимы в толпе завсегдатаев баров на Старой Земле.

Чтобы перекрыть гам, Малахи пришлось кричать:

— Идите вон туда, там есть отличный столик! Можете сесть с двумя своими соплеменниками!

Убранство общего зала состояло из узловатых полированных древесных корней, декоративных каменных плит, массивных бревен с резными украшениями, подпирающих свод. В отделке остроумно использовались грибные мотивы. Йош вслед за хозяином стал пробираться сквозь толпу; фирвулаги с настороженными лицами давали ему проход. Некоторые что-то хмуро ворчали. Несмотря на королевские указы, идея дружбы с трудом прокладывала себе дорогу среди простого люда.

В чадном сиянии в дальнем конце зала какой-то забулдыга гигантского роста размахивал в воздухе руками, словно полоумная ветряная мельница. Неожиданно густым баритоном он молитвенно пропел одно-единственное слово:

— Вааф-на!

Остальные хором подхватили:

— Вафна! Вафна!

Йош почувствовал, что его подталкивают к деревянному табурету в форме гриба и усаживают за столик у стены. Малахи проорал ему в ухо:

— Наслаждайтесь представлением! Ваш ужин сейчас принесут! За плату в две монеты вы можете есть и пить все что хотите! Ночевать будете в одной комнате вот с этими путниками! Благодарю за посещение!

Густой красный свет в дальнем конце зала становился все ярче, переходя в оранжевый. Йош бросил оценивающий взгляд на двух сидящих с ним рядом людей. Один из них был высокий юноша с едва пробивающейся бородкой, похожей на пушок персика; одет он был в поношенные бахромчатые штаны из оленьей кожи. Застенчивая улыбка, которой он приветствовал Йоша, выдавала в нем детское простодушие. Его спутник был значительно старше. На нем были потрепанная куртка и рваный плащ из комплекта обмундирования младших офицеров кавалерийских подразделений серых торквесов. Выдающаяся вперед челюсть поросла щетиной, сальные волосы падали на глаза, разрез которых свидетельствовал об агрессивном характере, а все его ухватки говорили о свитой в тугую пру-

жину энергии неисправимого скандалиста.

— Ну и снаряженьице у тебя, — крикнул Йошу молодой человек. — Прямо фугасный снаряд! Еще бы эти засранцы посмели не дать тебе места! Фууу! — Он понизил голос до заговорщицкого шепота: — А на спине у тебя меч, да? Неужто железный?

— Да, — кивнул Йош.

Скандалист сердито глянул поверх пивной кружки.

— А ты, узкоглазый, монгол, что ли?

— По происхождению японец, — ровным тоном сказал Йош. — Но родился в Северной Америке.

— Мы дико рады, наречь, что перехлестнулись с тобой! — сказал юнец. — У нас всего-то и есть на двоих, что бронзовый штык да скорняжный нож из витредура. Я уж прикидывал — порежут нас ночью в койках, как пить дать порежут. Фууу! Ну а с твоим железом мы что ж, мы уважаемые люди будем! Кстати, меня звать Санни Джим Квигли, а это — Вилкас. Ну а ты кем будешь?

— Меня зовут Ватанабе. — Ответ Йоша был почти заглушен очередным напевным завыванием здоровенного фирвулага:

— Ваааааф-на!

— Вафна! Вафна! Вафна! Вафна! — сканди-

ровали завсегдатаи, стуча по столам кубками, рукоятками ножей, кулаками. Ритм ударов подхватили невидимые барабаны. Внезапно послышалось шипение, раздался громкий хлопок, и зал озарился вспышкой света. Таверна затряслась от рукоплесканий.

Какой-то инструмент, напоминающий пианино, выдал энергичный пассаж в басовом регистре, и на залитую пламенеющим светом площадку, игриво вскидывая ноги, выскочили пять маленьких фирвулажек. Они запели зазывные, дразнящие куплеты на языке экзотиков, а мужская половина посетителей таверны вторила им густыми подвывающими голосами. На дамочках были широкие юбки, их шляпки, корсажи и отвороты алых башмачков были щедро украшены драгоценными камнями. Драгоценности поблескивали гипнотическим светом, а когда танцовщицы стали кружиться, все ускоряя и ускоряя темп, зал, казалось, наполнился крошечными вращающимися огоньками.

Йош силился проникнуть взглядом сквозь красный сумрак. Неужели это и в самом деле женщины?..

Пение становилось все более разнузданным. Зазывные куплеты танцовщиц и рев мужчин-

фирвулагов слились воедино, и эротические токи, наполнившие атмосферу зала, стали почти осязаемыми. Вот прозвучала короткая музыкальная фраза, и женщины, словно по команде, одна за другой поднялись в воздух. Когда они взлетели, их наряды растворились как дым, а сами они, словно гладкотелые нимфы с пылающими волосами, забились в корчах внутри раскаленной цветовой преисподней. Ударные инструменты взорвались грохотом и звоном, а разноголосый хор раскатился рокочущим крещендо. И раскаленные добела тела женщин распались. Звуки стихли, растаяв в истоме и печали по просыпавшимся на землю ярким угольками.

Освещение в зале медленно померкло. Потом материализовалась одинокая и зыбкая женская фигура с колышущимися лентами тумана, прикрывающими грудь и бедра. Женщина спела короткую лирическую песню, от искренности и печали которой, защемило сердце. Одновременно с замирающим звуком последней ноты погас и розовый свет.

Наступила тишина. Затем экзотики все как один повскакали с мест и проревели последнее оглушительное «вафна!».

— Господи, — вырвалось у Йоша.

По лбу юнца струились капельки пота.

— Фууу!

Голошеий человек с грубыми чертами лица, которого назвали Вилкасом, опорожнил свою кружку, грохнул ею о стол и выругался, помянув танусскую богиню.

— Классную они тут вам заманилку устроили, да? Балдеж, да и только… Ладно, салаги, ловите кайф да кусайте локти. Потому как ничего больше вам не обломится. Ни вам, ни этим убогим. — Широким жестом он обвел скопище завсегдатаев таверны: сидя с затуманенными взорами, с широкими блаженными улыбками, те медленно отходили от чар танцовщиц. — Чертовы фирвулажьи шлюхи! Пока ихние мужики на них не женятся, они делают это только дистанционно. А вот у нас, людей, не та частота, так что нам вообще ничего не перепадает, да и они знают, что мы ни в жисть их не снасильничаем из-за их проклятых зубов. Так что эти сраные мандищи просто смеются над нами! Знают, что у первобытных вряд ли когда бывают женщины-фирвулажки.

— Из-за зубов? — безучастно спросил Йош. — Мне никогда не случалось оказаться настолько близко к женщине-фирвулажке, чтобы можно было заглянуть ей в рот. А что у них такое особен-

ное с зубами?

Санни Джим сконфуженно смотрел в сторону.

Вилкас рассмеялся невеселым лающим смехом.

— Да не те это зубы, узкоглазый. — Секунду он смотрел на Йоша многозначительным взглядом, а потом прошептал: — Другие зубы. Там, внизу.

— А-а. — Ронин равнодушно улыбнулся. — Представляю, как это должно мешать. Ты не похож на тех, кто умеет просить вежливо. Да и на тех, кому предлагают бесплатно попробовать товар, тоже не похож.

Возле локтя Йоша возник официант и принялся разгружать поднос. Здесь было блюдо больших поджаренных ребрышек, политых острым соусом, миска чего-то, пахнущего как тушеное мясо устриц, каравай хлеба пурпурного цвета и невообразимых размеров кружка пива. Как последний штрих официант поставил на стол блюдце крошечных грибов с ярко-красными в белую крапинку шляпками.

Йош протянул руку:

— А это что? Закуска?

Волосатая рука сжала его запястье.

— Поосторожнее с этими хуби, узкоглазый. Фирвулаги их страсть как любят, но человек от

них отправляется к праотцам быстрее, чем от метилового спирта. — Вилкас нарочито медленно разжал пальцы. — Неужели ты такой простак, что готов клевать на дешевые наколки с грибами? — Он хмуро глянул на официанта. — Еще пива, черт возьми!

Санни Джим отважился на примирительную улыбку.

— Да ладно тебе, Вилкас. И чего ты развонялся? — Взгляд юнца обратился на Йоша. — Вилкас ничего плохого в виду не имел. Просто запьянел чуть — слишком много выдул гадского пива. В последние месяцы ему туго пришлось. Он была Бураске, когда ревуны разнесли город на куски, а перед тем…

— Заткнись, Джим, — прервал его Вилкас. Ему принесли еще пива, и он, ни разу не оторвавшись, осушил литровую кружку.

Йош бесстрастно разглядывал Вилкаса.

— Кампай! — сказал он и сделал глоток пенистого напитка. — Да, Бураск… А мне вот не повезло, эту потеху я пропустил. Но примерно неделю спустя я натолкнулся на группу тану, спасающихся бегством из города. — Йош взял ложку и приступил к отменным на вкус тушеным устрицам.

Джим вытаращил глаза.

— Да ни хрена ж себе, парень! И что произошло?

— Их боевые ментальные функции были ослаблены. Двоих я обезглавил, а остальные разбежались. К несчастью, золотые торквесы поверженных оказались попорчены моим мечом. Но за мои труды мне все-таки достался отличный халик.

— Повезло выродку, — пробормотал Вилкас, сдувая пену. — Повезло козлу узкоглазому. А вот как мне повезло, хочешь знать?

Джим поспешил в самом начале прервать рассказ, явно слышанный им уже неоднократно:

— И теперь ты держишь путь в Горию, да? — Йош кивнул, и Джим воскликнул: — Ха! И мы тоже туда! Как прошел слушок, что тот человек, который королем хочет стать, раздает золотые ошейники, так я чего, сразу оторвал задницу и давай выбираться из родимого болота! Ну и старина Вилкас вот… Да после Бураска его и уговаривать особо не пришлось.

— А до того была Финия! — закричал человек, одетый в куртку серого кавалериста. — Когда эти гребаные первобытные шею мне оголили, я сбежал от них, а тану в Бураске обошлись со мной

как с изменником! Нигде мне не везет. Ни тут, ни раньше, в Галактическом Содружестве. Литовцы — они уже родятся законченными неудачниками. Нам даже собственной планеты не дали! Вот анафема — даже у каких-то долбаных албанцев планета есть, а у нас нету. Знаешь, что нам, литовцам, сказали в этом распрекрасножопом Консилиуме? Давайте, говорят, колонизируйте новые миры! Вам, говорят, этнического динамизма не хватает! Вот же твою в бога душу мать… Так что нам разрешили только поделить одну планету с кучей вшивых латышей, костариканцев и каких-то там инопланетян! — Вилкас, давясь, заглотил последнюю порцию пива и повалился головой на замызганную столешницу. — Янки, сволочи, двенадцать планет имеют. Япошки, сволочи, — девять. А для бедных литовцев ни одной не нашлось. — Он начал всхлипывать.

— Эй, Вилкас, — сказал Санни Джим. — Ну ладно, ладно тебе…

Йош мысленно взвесил достоинства этой чудной парочки. Тут смотреть было особенно не на что, но даже два пусть и занюханных пехотинца-асигару прибавят значительности его въезду в Горию. У Йоша нашлось бы, чем их загрузить. Мальчишка может держать бечевку с

воздушными змеями, а беспутный солдат понес бы штандарт и сумку с головами тану.

— Дорога до Гории до сих пор опасная, — сказал Йош. — Если хочешь, Джим, можешь поехать со мной. И ты, Вилкас, тоже. Я лишь попрошу вас понести кое-какие мои вещи.

— Вот это было бы здорово! — возликовал Санни Джим. — Да ежели мы будем держаться тебя да твоего железного меча, к нам ни один засранец не привяжется! Отличная идея, правда, Вилкас?

Сальная голова оторвалась от стола.

— Гениальная. — Налитые кровью глаза, устремленные на Йоша, неожиданно стали до жути трезвыми. — Как, ты говоришь, тебя звать, узкоглазый?

Йош отложил ребрышко, которое обгладывал, и улыбнулся Вилкасу, словно капризному ребенку.

— Можешь называть меня Йоши-сан, — ответил он.

10

На Горийском причале группа встречающих ждала, когда корабль из Росилана укрепят на мелководной якорной стоянке.

Отсыревшие под мелким дождиком мрачных расцветок флаги, украшенные гербом лорда Эйкена-Луганна в виде воздетого в неприличном жесте золотого перста, повисли без движения. Аристократы, восседающие на скакунах, украшенных искусно отделанными чепраками, промокли до нитки; но Мерси предупредила Эйкена, чтобы сегодня он не допускал никакого вмешательства в действие стихийных сил. В глазах тану установка экрана против дождя, как и любое другое проявление необычайных метапсихических талантов, была бы нарушением правил приличия и свидетельством недостаточной скромности претендента на королевский титул.

Бригада докеров в серых торквесах установила наконец нарядные сходни. До самых мельчайших деталей соблюдая торжественный церемониал, вновь сформированная рота Эйкеновых пехотинцев-златоносцев выстроилась в почетном карауле; искрящиеся бисеринки дождевых ка-

пель подчеркивали великолепие их легких доспехов из латунно-серого и черного стекла. Альборан самолично вывел вперед для стоявших на палубе гостей четырех белых халиков. Чернорабочие установили у конца сходен скамью, чтобы облегчить прибывшим процедуру усаживания верхом.

На борту корабля горн пропел одинокую ноту. Несколько леди тану из кортежа Эйкена ответили фанфарами. Иднар, вдова покойного лорда Грэдлонна Росиланского, первой ступила на сходни, за ней последовали ее почтенная свекровь, леди Морна-Ия, сестра Иднар-Тирон Сладкоголосая и Блейн Чемпион, муж Тирон.

Эйкен снял золотистую шляпу с намокшим черным пером, осторожно поднялся в воздух и, встав в седле в полный рост, широко раскинул руки в приветственном жесте.

— Сланшл! — мысленно и вслух прокричал тщедушный узурпатор Гории, и сила его голоса заставила содрогнуться скалы, стеной огораживающие гавань.

— Сланшл! — повторил он, когда визитеры уже садились на дожидающихся их халиков, постаравшись на этот раз слить свой возглас с приветствием Мерси. От третьего громогласного

«Сланшл!» заплескались паруса корабля, а со свай и пирсов взмыли в воздух чайки, рассыпавшись во все стороны облаком серого, розового и белого конфетти. Из уст и в мыслях собравшихся на причале зазвучала общеизвестная танусская песнь, мелодия которой казалась до странности знакомой изгнанникам из двадцать второго века:

Ли ган нол поконе ньеси, Коун о лап ли пред неар, У тайнел компри ла нейн, Ни блепан алгар дедоун.

Шомпри поун, а габринель, Шал у кар метан преси, Нар метан у бор тайнел о погекоун, Кар метан сед гоун мори.

Есть такая земля, что сияет сквозь пространство и время, Край, благодатный от времен сотворения мира, И цветы разноцветные осыпаются на нее С вековых деревьев, в ветвях которых поют птицы.

Здесь все краски сверкают, здесь восторгом окутаны чувства, Музыкой полнится Серебристая равнина, Нежноголосая равнина Многоцветной Земли, Серебристо-Белая равнина, что лежит на юге.

Здесь нет ни слез, ни предательства, ни горя, Нет ни болезней, ни увядания, ни смерти.

Лишь сокровища, богатство многоцветья, Му-

зыка для услады слуха, лучшее вино для утоления жажды.

Золотые колесницы состязаются на Спортивном Поле, Многоцветные скакуны долгих погожих дней несутся во весь опор, Ни смерти, ни тлению Не подвластны жители Многоцветной Земли.

Почетные гости из Росилана присоединились к хору, но на последней строфе осиротевшие во время потопа Альборан и Иднар откровенно расплакались, морщинистое лицо престарелой леди Морны застыло маской скорби, а мысленный голос Мерси сбился с мелодии и застенал кельтским причитанием: «Увы мне, увы!»

Голоса поющих умолкли. Вспугнутые чайки больше не возвращались. Мертвенно-свинцовая гладь гавани была усеяна оспинами дождя.

— Добро пожаловать, Наисветлейшие Росилана, — сказал Эйкен. Разум же его выспренне объявил: «К нам еще вернутся и смех, и радость, и любовь, и спортивные игры, и многоцветные сокровища наших душ. Лучезарный клянется в этом!»

Леди Морна-Ия уперлась в Эйкена взглядом.

— А ты ниже ростом. Стратег, чем можно судить по твоему трансментальному образу. И значи-

тельно моложе.

— Накануне праздника Великой Любви мне исполнится двадцать два года, мыслеокая леди, — сказал прохиндей. — На моей родной планете Далриаде я бы уже четыре года как считался совершеннолетним. И имел бы полное право занимать любую выборную должность, если бы мои сограждане не выдворили меня как личность, представляющую угрозу общественному благополучию!

Слов Морны было не разобрать, но ее ментальный голос все-таки был слышен: «Оно и понятно».

— Что же касается моего роста, — самодовольно ухмыляясь, добавил Эйкен, — то Мейвар Создательница Королей, ваша покойная сестра по гильдии, вовсе не считала меня небольшим. — Морна заносчиво вскинулась было в ответ, но Эйкен уже понесся дальше: — И если бы потоп не помешал моему поединку с Ноданном, то я бы его укоротил.

— Это всего лишь твои слова, — возразила леди. — Сдается мне, что из всех припасов, заготовленных впрок в Гории, самый ходовой товар в этом сезоне — напыщенные речи, да еще пренебрежение священными традициями. — Она

скользнула взглядом по своей вдовствующей снохе Иднар, безмолвно любезничавшей с Альбораном, который держал под уздцы ее халика. — Ты, Стратег, имел дерзость, поправ наши поминальные обычаи, посвататься к Мерси-Розмар. И твой пример побудил Иднар осквернить память моего покойного сына.

Эйкен резко сменил тон, отбросив любые намеки на пижонскую браваду, и обратился к почтенной женщине по приватному телепатическому каналу со всей серьезностью и обаянием, на какие только был способен:

«Мыслеокая леди Морна-Ия, ты принадлежишь к Первопришедшим, ты — опора гильдии, женщина великой мудрости и огромной метапсихической силы. Ты не можешь не понимать, перед лицом какой опасности стоим мы ныне, когда столь многие из нашего боевого товарищества загублены потопом. Вороги настороже, они используют к своей выгоде любое проявление нашей слабости. Сейчас они численно превосходят нас, и вот они-то, не задумываясь, пойдут на нарушение любых традиций, если только это поможет ускорить наше падение! Посмотри на так называемое нападение ревунов, разорившее Бураск — захватчики использовали при этом лу-

ки и стрелы. А стычки в альпийских предгорьях вокруг Барделаска, когда огров и бесов, в нарушение одного из древнейших обычаев, видели восседающими на халиках и гиппарионах!

Недруги намереваются один за другим отвоевать те города, которые лишились своих могущественных лордов и леди-воительниц. Даже Росилан, хотя и стоит на Атлантическом побережье и находится под протекторатом Гории, уязвим для фирвулагов из Диких Гротов. Прелестная Иднар одарена созидательным талантом в области текстильного и кондитерского искусств, но вряд ли она способна взять на себя защиту вашего города от хорошо, вооруженной верховой армии чудовищ! Вот почему по моему настоянию Альборан наперекор вашим поминальным традициям поспешил со своим сватовством. Ведь ты не сомневаешься в его высочайшей компетентности? Так что для Росилана большая честь, что он будет управляться членом Высокого Стола и к тому же военным специалистом! Добавь к этому тот факт, что Альборан во время потопа спас жизнь Иднар и твою собственную…»

— Мы в неоплатном долгу перед лордом Альбораном, — одеревенев лицом, вслух произнесла Морна. — Мы принимаем его со смирением и

радостью. Но тем не менее…

«Да, я прекрасно понимаю, что на самом деле ты недовольна мной. Ты не одобряешь моего вмешательства в судьбу Росилана и нарушения ваших обычаев. Ты не хочешь, чтобы я правил Горией и удостоился королевского титула!»

«Ты — человек».

«И к тому же — проходимец! Все верно. Но если ты применишь свои сверхчувственные способности и посмотришь чуть дальше собственного носа, то увидишь, что, невзирая на маленький рост, невзирая на то, что я человек, невзирая на мою молодость, на мое бахвальство и на мой гадкий характер, я именно тот правитель, в котором сейчас так нуждается королевство. Я пообещал, что враг будет выдворен вон! И кто идет за мною? Кто поверил мне? Блейн и Альборан взяли мою сторону во время последней Великой Битвы и держат ее до сих пор. Мерси-Розмар, президент Гильдии Творцов, согласилась стать моей женой. Сейчас здесь находится второй лорд Гильдии Принуждения Куллукет, прибывший совсем недавно, дабы связать свою судьбу с Лучезарным. Четверо из пяти уцелевших правомочных членов Высокого Стола поверили моему слову и признали меня! Признаешь ли ты?»

— Верно говорят, что ты хитрец и лицемер. — На лице престарелой женщины все же появилось подобие невеселой улыбки. — То ты лукавый шарлатан, а то…

— Вполне вероятный кандидат в Верховные Короли! — Эйкен хихикнул, нахлобучил на голову свою широкополую золотистую шляпу и скосил глаза на повисший мокрый плюмаж. — Дома, на незабвенной, сырой Далриаде, мы говорили про такую погоду: чудесный денек с моросящим дождичком. Как вы, любезная леди, отреагируете на предложение прокатиться и взглянуть кое на что? Это всего лишь крошечный крюк по пути в Стеклянный замок. Мне бы хотелось, чтобы вы и другие Светлейшие Росилана посмотрели, какую огромную работу я проделал, начисто вылизав Майскую рощу перед предстоящим праздником Великой Любви. Вы будете приятно удивлены!

— О, очень хорошо, — сказала Морна. Степенно беседовавшие гости и участники встречи замолчали и с любопытством стали прислушиваться. Сидевшая в дамском седле на своем белом халике Мерси отреагировала на предложение Эйкена так, словно оно родилось внезапно, а вовсе не было задумано ими обоими.

— Давайте полетим! — воскликнула Мерси. —

Сегодня роскошный день для волшебного вояжа! — Она откинула капюшон своей бархатной накидки; от дождя ее пышные каштановые волосы потемнели и завились кольцами. — Прочь от всех солдат и этой свиты — до возвращения в Горию нам не понадобится никакого сопровождения. Дорогие гости, следуйте за мной, прошу вас! Полетели! Полетели!

Мерси взмыла ввысь, навстречу дождевым струям, и Эйкен на мгновение разинул рот. Предложение полететь явно не было обговорено заранее, да и из всех присутствующих лишь Куллукет обладал способностью левитировать. Эйкен был вынужден, нарушив все заповеди скромности, нести четверых росиланских гостей и самого Альборана. Мерси совершенно не рисковала потерей репутации, поскольку была беременна, и по танусскому обычаю ей дозволялись любые капризы; но своим порывом она здорово насолила Эйкену.

— Какая, к черту, разница, — пробормотал Эйкен, пожимая плечами. — Вперед и вверх! Чтобы спасти вас от фирвулагов, я нарушу еще много ваших нелепых священных установлений, так что пусть одной глупостью станет меньше прямо сейчас.

Он взмахнул руками. Отклоненные его психокинетическим полем капли дождя перестали попадать на аристократов тану.

— Будь мы на Далриаде, — сказал он, — мы бы с комфортом прокатились в прекрасном летательном аппарате, вместо того чтобы летать на этих репоедах. Держитесь крепче! Я сумею справиться и с этим небольшим затруднением.

Без видимого усилия Эйкен увлек кортеж за собой, и халики словно понеслись легким галопом сквозь напитанные влагой облака. Они быстро нагнали Мерси, которая лишь рассмеялась и спланировала на восток, держа курс над низкой грядой густо поросших лесом холмов. Вдали широкая лента реки Лаар отворачивала к северу, а дальше загибалась к Гнилому Болоту и выходила к Атлантике. В этом месте параллельно руслу реки шла тщательно разровненная дорога из Гории, на которой было заметно оживленное движение. Запряженные в повозки халикотерии и караваны вьючных халиков свозили на огромную свежевырубленную поляну на берегу Лаара тесаный камень, пиленый лес, рулоны дерна и обмотанные мешковиной декоративные растения. Все восемь летучих всадников стремительно снизились, сбавили скорость до прогулочного

шага и неторопливо поплыли над кронами высоких магнолиевых и эвкалиптовых деревьев. Внизу повсюду кипела работа. Люди — голошеие и в серых торквесах — надзирали за бригадами прилежных обезьян-рамапитеков ростом не больше ребенка, которые копали и разравнивали землю, сажали растения, бегали по поручениям и перетаскивали тяжести.

— Этот участок на берегу реки — нечто совершенно новое, он появился уже после того, как мы с Тирон поженились, — заметил Блейн. — Что здесь будет, Эйкен?

— Первоклассный стан для гостей-фирвулагов. Сюрприз!

У Блейна отвалилась челюсть. Он был похож на Зигфрида, пораженного громом.

— Зубы Таны! Неужели ты собираешься их пригласить?

— Ничего подобного история не знает! — сказала Морна. — Фирвулаги никогда…

— Они уже приняли мое приглашение, — беспечно оборвал ее Лучезарный.

— Были приглашены, разумеется, лишь самые важные персоны. Король Шарн, королева Айфа и наиболее приближенные к ним особы. Список гостей будет скромным. Две или три сотни. Если

повезет, они явятся с подарками.

— Но маленький народ всегда устраивает собственное празднование Великой Любви, — возразила Тирон Сладкоголосая. — Тану и фирвулаги сходятся вместе во время Битвы, как и пристало врагам. Но никогда на празднике Любви!

— Фирвулажье простонародье может поступать так, как ему заблагорассудится, милая отроковица, — сказал Эйкен. — Но у меня есть особые причины государственного порядка, делающие желательным присутствие на нашем празднике членов королевской семьи фирвулагов. Для них будет очень поучительно посмотреть, как тану и люди в торквесах сплотятся вокруг меня!

— Если бы только мы могли быть уверены, что правители городов продемонстрируют такое единодушие… — проворчал Альборан, в мыслях которого ясно сквозила озабоченность.

Эйкен понес всю группу к земле. Они поехали по широкой дороге, вьющейся в прибрежных дубравах.

— Мы с моим лордом Луганном, — сказала Мерси, — много размышляли над предстоящим майским празднованием. Всю долгую зиму мы строили планы, как бы устроить жителям Многоцветной Земли такой Праздник Любви, какого

они раньше никогда не видывали.

Сознание Мерси распахнулось перед остальными, нарисовав картину ее прежних занятий на Старой Земле, где она, в утеху сентиментальным жителям колоний, режиссировала постановки исторических мистерий, воссоздающих обстановку средневековья. Секреты театрального ремесла, которыми воспользовалась Мерси, должны были придать традиционному танусскому празднику плодородия — чарующему, но при этом немного наивному — новые краски и эротический ореол. С помощью Эйкена, этого универсального мастера на все руки, и благодаря собственному опыту президента гильдии Творцов Мерси удалось претворить в жизнь свои самые фантастические замыслы. И для нее не имело значения, что на это уйдут все материальные резервы Гории, а подготовка к празднику потребует привлечения всех трудовых ресурсов города: представление объявлено и должно состояться.

— Мы сохраним все славные старые традиции праздника Великой Любви, — сказала Мерси, направляя на леди Морну волну ментального увещевания. — Будут и союзы сердец, и танцы вокруг майского дерева, и бракосочетания, и любовные игры на майской лужайке, усыпан-

ной звездчатым бисером росы. Но кроме того, появятся и другие замечательные увеселения. — Зримые образы радужным каскадом посыпались из сознания Мерси. — Старые места свиданий будут заново украшены самым восхитительным образом. Они станут наряднее, чем наш славный народ мог мечтать! К привычным Удовольствиям добавятся новые: песни, танцы, комические представления, романтические постановки. Мы задумали новое действо с яркими маскарадными костюмами — Ночь Любовного Таинства. А угощение!.. Вы же знаете, что я просто обожаю придумывать рецепты всяких вкусностей. Вот подождите, вы еще попробуете наши новые блюда. Во время праздника будут устраиваться завтраки на траве, банкеты при луне, а апофеозом торжества станет грандиозный эротический свадебный пир! Даже приехавшие в гости фирвулаги не смогут устоять перед нашим гостеприимством. Вы же знаете, какой среди них царит культ запахов… Ну так вот, мы высадили в прибрежные затоны около шестидесяти повозок орхидей, жасмина и пахучих водяных лилий. Маленький народ просто захмелеет от благоухания!

— А когда они закончат разминать свои носы, — сказал Эйкен, — то у них появится возможность

размять и другие органы. На дальнем склоне мы устроили множество новеньких мшистых гротов. Именно в таких укромных гнездышках крохотули любят проводить свои весенние потешки.

— Есть и еще одно обстоятельство, — Куллукет неприветливо улыбнулся из сумрачной тени своего бордового капюшона. — Обратите внимание, что через вон тот северо-западный распадок отсюда до башен Стеклянного замка в Гории открывается линия прямой видимости. Ты заметила это, леди Морна?

— Очень ловко придумано, — согласилась она. — Нет никаких скальных образований, препятствующих наблюдению за врагом. Рада видеть хоть какие-то зерна здравого смысла посреди всей этой жуткой показухи.

Эйкен отреагировал на неодобрительное замечание победной ухмылкой.

— Здесь все устроено исходя из соображений здравого смысла, леди Морна. Неужели ты не видишь?

— Пожалуй, вижу, — нехотя признала она.

— Давайте посмотрим на оформление главной арены! — предложила Мерси и понеслась вперед, пустив своего скакуна галопом.

Вся компания двинулась вслед за ней. По обе

стороны традиционно прямой как стрела, убегающей в туманную даль дороги, слово часовые, возвышались древние платаны, крапчатые стволы некоторых из них достигали четырех метров в диаметре. Тут и там рамапитеки возились на клумбах, подстригали кусты, счищали мох со скамеек в многочисленных увитых вьющимися растениями беседках, которые предстояло принарядить перед праздником. Другие малорослые обезьяны, вскарабкавшись на крыши, удаляли осиные гнезда, убивали пауков-птицеедов и разгоняли колонии летучих мышей, расплодившихся в Майской роще со времени прошлогоднего праздника Великой Любви.

Они ехали не торопясь, и вот наконец впереди замаячило то, что было средоточием всего парка.

— Новое майское дерево! — восторженно воскликнула Иднар. — Какое высокое!

Она бросилась вперед, чтобы рассмотреть его как следует, а ее сестра Тирон после секундного замешательства со смехом устремилась следом. Когда они выскочили из-под прикрытия созданного Эйкеном купола, на них каскадом обрушился дождь, но сестры, казалось, не обращали на него внимания. Эйкен небрежно расширил радиус ментального силового поля примерно до

полукилометра.

— Благословенная Тана! — непроизвольно воскликнула леди Морна. — Да ты превзошел ментальной мощью членов клана Нантусвель Кугала и Фиана, которые использовали свои способности, чтобы накрыть спортивную арену и Мюрии!

— Неужели? — беззаботно прочирикал Эйкен. Он вытянул шею, следя за далеко опередившими их сестрами, которые остановились, чтобы принять от одного из специалистов по садово-парковой архитектур в серебряном торквесе букет нарциссов. — Приятно видеть малютку вдову Иднар в приподнятом настроении. Наверняка она предвкушает наступление мая.

Эйкен отвесил Альборану игривого ментального тумака, на что метис отреагировал всплеском эмоций, завуалированных покровом благопристойности.

— Моя сноха молода, — сказала Морна, — ей всего лишь семьдесят три, и после нашей трагической утраты она оправляется быстрее меня. — Леди отвела взгляд в сторону, где на распускающемся кусте залился нежной песней красноголовый щегол. — Но жизнь должна продолжаться…

— Особенно весной, — подтвердил Эйкен.

Мысли Мерси, молча шедшей рядом с ним, были подернуты плотной непроницаемой завесой. Потаенная улыбка чуть приподняла уголки ее рта.

Они выехали на открытый участок, который до того, как его преобразило воображение Мерси, представлял собой самый обычный луг. Теперь здесь возникла смарагдовая чаша, пологие склоны которой спускались амфитеатром к ровной площадке для танцев. На лужайке стадо овец щипало траву. Далее располагалось обложенное дерном возвышение сцены, обрамленное ветвями вечнозеленых растений, а позади него, венчая холм со срезанной вершиной, устремлялось ввысь майское дерево. Верхний конец голого деревянного ствола терялся в низко нависших облаках. Примерно в тридцати метрах слева от майского дерева стояла тяжелогруженая повозка.

— А теперь мой главный сюрприз! — объявил Эйкен и подмигнул Мерси. — Я позволил себе приберечь его напоследок, хотя уж не знаю, сообразуется ли это с правилами этикета.

К компании присоединились Иднар и Тирон.

— Майское дерево просто великолепно, — ска-

зала Тирон. — Интересно, где вам удалось найти такое стройное и такое высокое дерево?

— А мы и не искали, — лаконично пояснил Эйкен. — Перед вами обманка. Составная. Но это так, всего лишь цветочки. А вот сейчас будет и настоящий сюрприз! — Последовал телепатический оклик: «Ну как, ребята, все на местах?»

«Готово, хозяин», — хором ответили погонщики.

Эйкен сделал месмерический пасс руками. С повозки упали брезентовые чехлы, обнажив приземистые деревянные ящики. Еще один пасс — и с ящиков отскочили крышки и, стукаясь друг о друга, попадали на землю. Эйкен насупился, сдвинул шляпу на затылок, расстегнул манжеты своего золотистого костюма и засучил рукава.

— Посторонись! — проревел он и напряг все мышцы тела, собирая воедино свою психокинетическую мощь. — Сезам, откройся!

Из открытых ящиков ввысь взметнулись сотни тонких металлических пластинок и, как золотые листья, закружились в мглистом воздухе. Повинуясь дирижерскому жесту Эйкена, пластинки заплясали, взлетая и падая, будто стая бабочек. Из листков золотой фольги образовался длинный шлейф, потом расщепился надвое и закружил-

ся, трепеща и переплетаясь. Словно блестящая струя какой-то фантастической жидкости, шлейф завертелся вокруг столба; те пластинки, что оказались ближе других к дереву, закружились быстрее, как бы наплавляясь на него. Потоми остальные листочки в мгновение ока прилепились к столбу, снизу доверху одев его золотой оболочкой без единого шва, испускающей желтое сияние. Психогенная сварочная работа завершилась; от майского дерева под струями дождя исходил пар; рабочие аплодировали.

— Такого великолепного майского дерева никогда еще не было, — выдохнула Иднар. — Ты, конечно, знаешь, Сиятельный, что оно символизирует?

— О да, — с важностью кивнул Эйкен. — Именно полому я и работал столь усердно. А оттого, что зрелище будет иметь непосредственное отношение ко мне, оно станет еще грандиознее.

— И какой же урон был нанесен казне в погоне за подобным великолепием? — язвительно поинтересовалась леди Морна.

Тон Эйкена не утратил своей учтивости.

— Не столь уж большой… Тем, что я намерен получить от фирвулагов, мы раз в двадцать перекроем все расходы. И при этом, заметьте, ни-

какого разбоя! Если мне удастся уговорить Шарна с Айфой дать согласие на некоторые изменения условий. Великой Битвы в будущем октябре, все будет честь по чести.

— Это что, очередное человеческое нововведение? — У Морны уже не осталось сил ни возражать, ни возмущаться.

— Я просто переполнен идеями, — добродушно ответил Эйкен. — На празднике Великой Любви всем вам их перепадет сполна.

— Фестиваль нынешнего года, — сказала Мерси, — должен стать самым пышным за всю историю пребывания, на Земле изгнанников-тану, для того чтобы поднять дух нашего народа и произвести впечатление на фирвулагов. Нужно внушить им серьезное отношение к новой власти. Наше празднество будет длиться три дня без перерыва.

— А в качестве триумфального завершения, — добавил Куллукет, — все гости — и тану, и фирвулаги, и люди — станут участниками церемонии провозглашения лорда Эйкена-Луганна и леди Мерси-Розмар королем и королевой Многоцветной Земли.

Мысли метисов, их дам и росиланской вдовы остановили в изумлении свой бег. Никто даже не

заметил, что, пока Эйкен занимался золочением майского дерева, купол исчез и теперь все снова стояли под струями дождя.

— Не слишком ли рано? — воскликнул Блейн. — В будущем — да. Но сейчас чистокровные тану еще не готовы принять короля-человека, Эйкен! Нам с Альбораном пришлось ждать более шестидесяти лет, прежде чем нас допустили в Высокий Стол, а с Катлинель это случилось вообще лишь в прошлом году. И причиной тому — наши человеческие гены.

— Высокий Стол признал Гомнола, — возразил Эйкен. — А он был человеком.

— Он вынудил одобрить его членство, за это его и ненавидели, — отрезала Морна.

— Мерси — тоже человек, — сказал Эйкен.

— Ой ли, — пробормотал, улыбаясь, Куллукет. — Мой покойный брат Ноданн так не считал.

Подобное откровение было для Эйкена новостью.

«Что он говорит?» — переспросил он Мерси по приватному каналу.

В ответ последовал всплеск телепатического смеха.

«Ноданн поручил Грегу Даннету исследовать мой генотип. Этот милашка-старикан на полном

серьезе уверял, что во мне больше танусских генов, чем человеческих. Бедняга Грегги явно спятил».

«Я еще с этим разберусь, леди Возжигательница!»

Вслух Мерси сказала:

— Сейчас в живых осталось около двух с половиной тысяч чистокровных тану, причем, как правило, они не обладают большой метапсихической силой. У метисов физические данные лучше, и их выжило почти вдвое больше. Мы с моим повелителем подсчитали, что одобрение со стороны мелкой аристократии обеспечит ему явное преимущество.

— Селадейр Афалийский и его сторонники, возможно, не согласятся на подобное и предпочтут борьбу, — мрачно проговорила леди Мерна. — И я прекрасно понимаю их чувства. Мы с Селадейром оба из первопришедших, а ты, юный Стратег, насмехаешься над догматами нашей веры, которые и стали причиной нашего изгнания!

Тирон, втайне состоявшая членом фракции мира, вставила мысленное замечание, прозвучавшее тихо, но отчетливо:

«Древняя воинственная религия должна уйти в прошлое, дражайшая матушка. Об этом гово-

рила сама Бреда. И многие из нас видят в лорде Эйкене-Луганне проводника подобных перемен».

Мысли Морны полыхнули яростью:

«Ты воочию убедишься в том, что значат наши боевые традиции, моя девочка, если этот человек осмелится посягнуть на трон без единодушного согласия членов Высокого Стола!»

Возражения Иднар носили чисто практический смысл:

— Даже если ты, Сиятельный, надеешься на то, что большинство членов Высокого Стола займут твою сторону, упорство Селадейра может привести к гибельному разобщению в рядах нашего рыцарства, разбросанного по разным городам. А любые распри будут только на руку фирвулагам — и не исключено, что тогда они сумеют довести до конца то, что начал потоп.

— Мы просим только об одном, Эйкен, — сказал Блейн, — веди себя разумно! Не провозглашай себя королем, пока не будешь уверен, что правители городов пойдут за тобой, а не за Селадейром. Если ты присвоишь себе корону, а оппозиционеры станут игнорировать твои распоряжения и указы, ты попадешь в глупое положение.

— Вся система государственной власти тану основана на всеобщей преданности монарху, —

заметила Морна. — Потому что он не просто правитель, как монархи маленького народа, избираемые вульгарным демократическим путем. Наш король — отец всем нам!

Эйкен по-прежнему ухмылялся, но в глубине его черных глаз горел огонек презрения.

— Более восьмидесяти тысяч фирвулагов только и ждут, как бы запустить когти нам в задницы, друзья мои, — спокойно произнес он. — Кто вам нужен? Король и Стратег? Или вы предпочитаете иметь добренького папашу, который станет подтыкать вам одеяльца, в то время когда за окном завывают демоны? Который будет подтирать вам попки, когда вы обделаетесь от смертельного страха?

— Мы хотим, чтобы ты правил нами, — заявил Куллукет. Его зондирующий ультрасенсорный импульс пробежал по всем остальным, словно леденящий душу луч прожектора. — Только ты, обладая в должной мере агрессивной натурой, способен скоординировать метапсихическую гармонизацию, без которой нам не одолеть врагов. — Он сделал паузу. — А фирвулаги — не единственные наши недруги.

Глумливый ментальный образ проходимца претерпел молниеносное превращение. Теперь

он заблистал располагающим добросердечием, готовностью защитить любого, кто признает и полюбит его. На мгновение Эйкен позволил присутствующим оценить его необъятные метапсихические возможности, тут же задернув сознание завесой язвительной самоиронии. А затем он заставил их задуматься над картинами прошлого, которые вызвал из своей памяти, и принялся увещевать аристократов, прибегнув к живому ментальному красноречию:

«Прочь сомнения и страхи, друзья мои! Вспомните, что пророчествовала обо мне Создательница Королей. Она была твердо уверена в том, кого избрала. Вспомните, как я убил Делбета Огнеметателя и Стратега фирвулагов Пейлола Одноглазого! Если вас смущает то, что я победил их хитростью, тогда припомните, как торжествовал я на поле брани Великой Битвы и как знатные военачальники и мелкая знать слетелись под мои дерзновенные знамена. Лорд Таган и ты, Альборан, и ты, Блейн! Вспомните, как простолюдины и вельможи с одинаковой готовностью проникались ко мне любовью за мою отвагу и дерзость! Вспомните, как Копье Луганна чудесным образом оказалось в моих руках! Пусть сейчас это священное Копье утрачено

— не беспокойтесь, я знаю, где оно, и я добуду его!

Помните ли вы, что мое право вызвать Ноданна на поединок было признано всеми членами боевого товарищества и самой Бредой? И я бы выиграл Поединок Стратегов, но по воле Таны все фигуры оказались сметенными, с доски и была начата новая партия.

Вы все еще сомневаетесь?.. Так что же, получается, что ваша религия для вас ничего не значит? Взгляните, друзья мои: Эйкен Драм, Лорд Стеклянного замка и правитель Гории, сюзерен Росилана, Сазарана, Амализана и ряда мелких поселений Бордо и Арморики, жив и благоденствует! А где тот, кто некогда владел всем этим? Он утонул».

(Мерси не удалось сдержать мысленный вскрик, и Эйкен услышал: «Ноданн! Мой Ноданн!») «О друзья мои! Вы знаете, что у тану должен быть король — и если им стану не я, то кто же? Хотите ли вы Селадейра Афалийского? Он утверждает, что не притязает на трон, и я верю ему. Из моих собственных источников мне известно, что бедный старикан убежден, будто потоп стал предвестником конца Многоцветной Земли! Он муштрует свою маленькую дружину, готовясь к тому, что называет приходом Мрака.

Это, насколько я понимаю, нечто вроде Армагеддона, который станет финальным актом в судьбе как тану, так и фирвулагов. Но ведь это просто какой-то бред собачий! Шарн с Айфой не рассчитывают ни на какой апокалипсис. Они намерены сражаться и наступить нам на горло».

(И слушающие Эйкена были вынуждены признать: «Он прав. У маленького народа нет настроений обреченности. Они смело отказываются от традиций, мешающих их продвижению вперед. Потоп для них — словно подарок Богини».) «Послушайте меня! Если мы намерены сражаться, то у нас должен быть предводитель. Вы, члены Высокого Стола, знаете, что я сильнее вас. Так кто же другой достоин того, чтобы стать королем? Минанан Еретик? Я понимаю, что в бытность Стратегом он слыл отчаянным рубакой. Но сейчас он стал пацифистом и от фирвулагов защитит вас не лучше, чем Дионкет Целитель! Кто еще остался из правомочных членов Высокого Стола? Катлинель Темноглазая и Алутейн Властелин Ремесел… Только сможете ли вы простить одной государственную измену, которой она запятнала себя, выйдя замуж за правителя ревунов, а другому — смещение с поста стараниями Мерси?»

(И вновь аристократы были вынуждены отве-

тить: «Нет. Ни один из них не может возглавить нас в борьбе с фирвулагами».) Эйкен Драм восседал на своем рослом черном халике. Капля воды потешно свесилась с кончика его длинного тонкого носа; на губах, способных в одно мгновение затвердеть неодобрительной щелкой, сейчас играла улыбка. Он заключил всех в мысленные объятия, продемонстрировав весь блеск своего метапсихического потенциала.

Вслух Эйкен сказал:

— Вы сами видите, как обстоят дела. В списке претендентов на звание короля моя кандидатура осталась единственной. Если кто-то имеет принципиальные возражения против того, чтобы правителем стал человек, то он может взбрыкивать, вопить, чертыхаться, но в конце концов признать меня придется всем. Черт побери, даже старый Селадейр, может быть, еще образумится, когда поймет, что у него есть реальный шанс победить врагов.

— Мои психокорректорские сведения о правителе Афалии подтверждают последнее высказывание Лучезарного, — доложил Куллукет. — Селадейр упрям и допустил невообразимую глупость, вышвырнув вон технически грамотных людей, но он вовсе не безумец и не самоубийца.

Блейн продолжал брюзжать:

— Дело в том, что они просто не знают тебя так хорошо, как знаем мы, Эйкен. Поэтому они и артачатся. Да и сам посуди — восемь городов до сих пор еще не ответили на твое приглашение посетить праздник Великой Любви, а Селадейр прислал категорический отказ. Если ты объявишь коронацию в мае, ты рискуешь потерпеть полное фиаско.

— Любым способом, — сказал Альборан, — мы должны перетянуть на свою сторону колеблющихся и завоевать симпатии как можно большего числа твердолобых.

Эйкен сжал губы, к лицу от напряженного раздумья прилила кровь. Затем глаза его заметались, и он повернулся к своей нареченной невесте.

— Мере, милая, помнишь, когда мы обмозговывали это дело, ты рассказывала мне о каких-то хитрых штуках, которые проделывали в старину английские монархи, чтобы держать в руках своих нерешительных вассалов? О том, как Генри Седьмой и достославная королева Бесе разъезжали по королевству, останавливались в разных городах, приструнивали строптивых, демонстрировали свое королевское обаяние и даже разок-другой пустили в ход меч?

Мерси мгновенно поняла замысел Эйкена.

— Королевские выезды, вот как это называлось. Изумительное политическое средство! — И ее снова посетило странное ощущение deja vu [note 6], мучительная уверенность в том, что когда-то прежде она уже видела лукавое, торжествующее лицо Эйкена. Италия! Портрет во флорентийском дворце!

— Я совершу свой королевский выезд еще до коронации, — сказал он. — Я посещу все города по очереди и объясню, какова обстановка в Многоцветной Земле, я пущу в ход все свои способности к дружескому убеждению и к сладкоречивым уговорам. А еще у меня есть в запасе кое-какой сюрприз!

— Кто же сможет устоять перед тобой, мой изворотливый Лучезарный? — Словно незримая волна пробежала между Эйкеном и Мерси. Неужели она сумела по-настоящему оценить его и ее извечная настороженность слабеет? Но ведь он и вправду уникальная личность.

— Подобный маневр может принести пользу, — согласился Куллукет. — В нем как раз в нужной пропорции сочетаются смиренность,

---

note notes: Note6
чего-то уже виденного (фр.)

королевская снисходительность и явное нахальство. Сначала ты поедешь по городам, как то и подобает претенденту на престол, а потом правители городов, уже имея какие-то гарантии, смогут явиться к тебе, дабы засвидетельствовать признание твоей власти.

Альборан кивнул в знак согласия с Куллукетом.

— А мы втроем будем сопровождать Эйкена и как члены Высокого Стола придадим его поездке необходимый престиж. Отсутствие же леди Мерси можно легко объяснить.

— Мне нравится эта затея, — веско сказал Блейн. — Сейчас у нас в Гории достаточно тану и новоприбывших людей в золотых торквесах, чтобы организовать внушительную демонстрацию силы.

Эйкен застегнул манжеты костюма и поправил шляпу. Импровизированным психокинетическим финтом он удалил влагу с одеяния всех присутствующих и вновь расправил над ними метапсихический зонтик.

— Мы скрытно проникнем в долину Гаронны и просочимся в Испанию. И первым местом, куда мы нагрянем, будет… Афалия!

Леди Морна потеряла дар речи. Иднар с Тирон

излучали волны сильнейшей обеспокоенности.

— Это не так уж опасно, — заверил их Эйкен. — Банда мозгодавов Селадейра состоит в общем-то из второразрядных бойцов, а самого старикана я легко смогу прижать к ногтю. Мы выгодно разыграем эту карту. Сделаем вид, что ничего не знаем о том, как он подкапывался под меня. Я хочу сказать, что Селадейр никогда не вылезал открыто ни с какими наглыми провокациями. Даже его отказ от приглашения на праздник Великой Любви был выдержан в умеренно-вежливом тоне, к тому же я могу сказать, что мы вовсе не получали его письма.

— Если сломается Селадейр, то остальные попадают тебе в руки, как перезревшие апельсины, — сказал Куллукет.

— Из них можно будет тут же выжимать сок, — согласился гаер. — Ну ладно, чем мы займемся теперь? Что вы скажете на предложение отправиться обратно в Горию и приступить к наведению глянца на самые прочные наши доспехи? — По-прежнему отводя дождь в сторону, Эйкен поднял всех вместе с животными в воздух и сказал Мерси: — Надеюсь, старый Пелье и его мудрецы не ошибаются, утверждая, что дождливый сезон почти на исходе. Я пока еще

не слишком опытен для перемещения больших групп силой левитации. А в этом плиоценовом Изгнании нет никаких компьютеризованных прокладчиков курса, чтобы помочь человеку благополучно миновать в полете затянутые туманом горные проходы.

Мерси весело рассмеялась.

— Как-нибудь справишься, мой шалопай.

«Безродный самозванец с далекой Далриады, что отстоит от нас на шесть миллионов лет. Неужели чьи-то великолепные итальянские гены попали в суровую Шотландию? И были заморожены там in vitro, чтобы вновь расцвести в детородной лаборатории на одной из планет Галактического Содружества, породив этого странного молодого человека, полного решимости сделать меня королевой? На чьем же портрете было изображено лицо Эйкена?»

Кавалькада всадников неслась по небу к Гории, стеклянные башни которой сверкали на фоне ширившегося голубого лоскута. Навязчивый вопрос не давал Мерси покоя и ненароком выплеснулся в виде направленного вовне ментального импульса.

Мысли Эйкена были где-то далеко, но Куллукет с безупречной галантностью ответил на ее при-

ватной частоте:

«Могу ли я своим особым даром поспособствовать тебе в припоминании?»

«Будь, любезен, Кулл. Этот портрет… я сойду с ума! Если бы ты смог привести в порядок мои воспоминания и помочь разложить их по полочкам…»

«Нет ничего проще для специалиста-психокорректора».

«А-а…»

«Я рад, что твое открытие приятно ошеломило тебя, леди. Должен признать, сходство на самом деле поразительное. Какой же, однако, опасный субъект, судя по внешности, этот флорентийский политик! Ты должна как-нибудь рассказать мне о нем все, что знаешь».

11

Ворон кружил над Магрибским побережьем, ощупывая землю трансментальным взглядом. Омытые дождями склоны гор поросли травой и покрылись розовыми и желтыми цветами, а размытые потоками воды овраги, устремленные к новому морю, превратились в небольшие оазисы. Птицу радовал многокрасочный ландшафт. Красота природы помогала ей держать свои страхи в узде. Паря в прогретых солнцем воздушных потоках над миром, созданным его стараниями, ворон ощущал покой и безмятежность.

Но вот птица почувствовала биение жизни — и присутствие золота.

Энергия ее мозга вызвала ураганный психокинетический ток воздуха, и она понеслась на восток. Мерцание ауры живого существа ослабло и вышло за порог трансментального восприятия ворона, но плотоядной птице удалось проследить его движение до лесистого оврага с крутыми склонами. Запах драгоценного металла раздразнивал птицу до безумия. Она раздула метапсихический ветер такой силы, что с крыльев стали опадать черные маховые перья, и ворон пронзительно

закричал от боли и восторга. Наконец птица достигла нужного места, утихомирила воздух и приземлилась на выступ скальной породы возле бегущего тонкой струйкой родника.

Здесь, на небольшой прогалине, ворон увидел двух потерпевших крушение тану: один из них стоял на коленях возле лежащего на земле тела другого. Пристально вглядевшись в их черты, ворон почувствовал, что эта пара ему знакома.

То, что тану одноя́йцовые близнецы, было ясно видно даже несмотря на страшные раны, обезобразившие голову трупа. Залитое слезами лицо оставшегося в живых брата сохранило классическую строгость линий, отличающую членов потомства Нантусвель. Он только что вернулся с охоты — на земле рядом с ним лежала туша молодой газели и грубый дротик, сделанный из привязанного к пруту стеклянного кинжала. Тела обоих братьев прикрывала изодранная одежда золотистого и розового цветов, носимая членами Гильдии Психокинеза.

Мертвец, судя по всему, не захотел дождаться возвращения брата. Растущая возле ключа куртина ядовитых розовых нарциссов была изрядно прорежена, а одна надкушенная луковица валялась на земле.

Гигантский ворон расправил крылья и издал сиплый крик. Дрожавший всем телом плачущий брат поднял на него широко распахнутые глаза. Ворон с любопытством отметил, что этот брат-близнец в буквальном смысле полоумен. Между братьями явно существовал необычайно тесный мозговой симбиоз; должно быть, до того, как потоп выбросил их на берег Северной Африки, они были способны на великие деяния. Но со смертью одного из близнецов возможности оставшегося в живых оказались низведенными до латентного уровня, даже более низкого, чем у «нормального» человека.

Громадная птица спланировала вниз и опустилась возле головы трупа. Осиротевший тану молча взирал на нее — зеленые глаза помутнели от слез, рот свело страдальческой судорогой. Только когда клюв ворона навис над горлом мертвеца, его брат выкрикнул:

— Фиан!

Ворон понял, что предчувствие не обмануло его, — он узнал их, этих золотисто-розовых близнецов! Приступ ярости развеял птичье обличье, и на месте ворона возникла стройная человеческая фигурка в синих стеклянных доспехах. На женщине не было шлема, и волосы взвихрились

вокруг ее головы платиновым облаком. Глаза полыхали гневом Гекаты.

Кугал Сотрясатель Земли тоже узнал ее. Он вспомнил огромное мрачное помещение в бастионе Гильдии Принудителей, многочисленный отряд воинства Нантусвель, ожидающий нападения на фабрику торквесов диверсантов-первобытных, вооруженных железом. Именно эта страшная маленькая женщина возглавляла группу людей. Кугал вспомнил психогенные разрывы, рушившие каменную кладку, ментальную и рукопашную схватку в крови и дыму и последовавший за ней триумф победоносного воинства. Это была Фелиция, женщина чудовищной силы, убившая его сестру Эпону и поклявшаяся уничтожить всю расу тану. Угодив в западню, расставленную Имидолом, она была пленена, и Куллукет подверг ее пытке.

Фелиция засмеялась. Она словно держала жалкое сознание Кугала пинцетом и ковырялась в его обломках.

«Кугал и Фиан! Братья моего Возлюбленного. Какое забавное устройство мозга… Ты был левым полушарием, а он — правым. Сизигий, единосущая пара! Кугал Сотрясатель Земли, второй лорд Гильдии Психокинеза, и Фиан Разрыватель

Небес, его дражайшая половина!»

Безумный смех Фелиции превратился в хриплое карканье. Огромный ворон снова захлопал черными крыльями, и Кугал сжался, обеими руками ухватившись за свой золотой торквес.

В мысленном голосе Фелиции появились сварливые интонации:

«Но где же Возлюбленный, где он? Я зову и зову, но только далекие дьяволы да безродный Лучезарный отвечают мне. Они пытаются провести меня! Но я им не поддамся. Только его я люблю и желаю! Где же он, тот, кто хотел уничтожить меня, но вместо этого пробудил к активной жизни мой метапсихический потенциал?»

Кугал всхлипнул. Его сломленное сознание балансировало на грани распада.

«Кулла больше нет! Нет ни Имидола, ни Мейвар, ни короля с королевой, ни прославленного Стратега! Они все погибли. И мой дорогой Фиан, мое второе „я“, тоже покинул меня. Я одинок и бессилен. Твоя месть удалась, Птица-Смерть».

Ворон мигнул блестящим глазом. Его безжалостный клюв снова приблизился к горлу мертвого Фиана. Под действием психокинетической команды Фелиции выпуклая застежка золотого ошейника повернулась, и полукружия

раскрылись. Птица сдернула золотой торквес с шеи трупа.

Оставшийся в живых близнец упал на землю и, защищаясь, прикрыл шею руками. Мысли ворона прозвучали насмешкой:

«А ты еще поноси свой торквес, Сотрясатель Земли. До поры…»

Зажав в когтях золотой торквес, ворон взмыл в небо и полетел к испанскому материку. Кугал издал единственный исполненный неизбывного отчаяния мысленный вопль, который раскатился от одного конца Нового Моря до другого. А потом застыл в полной неподвижности.

Фелиция пересекла Средиземное море и устремилась в глубь горного массива Бетика. Она летела над ущельем, прорезавшим склон горы Муласен, на дне которого бесновались воды Прото-Андаракса. Во времена Галактического Содружества гора Муласен господствовала над Сьерра-Невадой, а ее теневую сторону покрывали небольшие ледники. В плиоценовую же эпоху, отличавшуюся более мягким климатом, высота горы достигала четырех тысяч двухсот метров, и снег лежал лишь на самой ее вершине.

Птица поднялась выше и описала дугу, заходя к горе с севера. На этой высоте хвойный лес усту-

пал место зарослям лавровых деревьев. На более сухих участках росли сосны и рододендроны, в путанице которых там и сям виднелись кисти белых и карминных цветов. Саблезубый тигр, гревшийся на скале под лучами солнца, зевнул, широко раскрыв пасть. Взгляд его прищуренных глаз с удивлением проследил за полетом гигантского ворона, прочертившего голубизну неба блеском золота.

Ворон вошел в восходящий воздушный поток, и с высоты его взгляду открылся вид бирюзового залива Гвадалквивир, лежащего далеко на севере. За заливом возвышались Темные Горы, населенные дикими фирвулагами. Птица легла на крыло, снизилась и заскользила к дому, к уютной расселине реки Хениль. Каменные дрозды и славки заливались приветственными трелями. В реке плескалась упитанная кумжа. У входа в логовище ворона, как обычно, поджидали друзья. Выдра с рыбкой-гостинцем. Косуля со своим олененком, готовая поделиться сладким молоком. Желтая панда с принесенными из самой долины нежными побегами бамбука. Белка и древесная крыса с орехами и мучнистыми клубнями. Карликовый мастодонт, радостно размахивающий веткой с лоснящимися бордовыми плодами.

Встав перед ними, Фелиция улыбнулась и показала золотой торквес:

— Видели? Еще один!

Рысь блаженно потерлась о голые ноги Фелиции. Остальные животные сгрудились вокруг, нежась в тепле ее ментального поля. Фелиция приняла все подарки: еду, гирлянды цветов, принесенные ткачиками, сухую ароматную траву, которую натаскали мыши и кролики, чтобы она сделала себе свежее ложе для сна.

— Спасибо! Спасибо вам всем, — сказала Фелиция, отпуская их после того, как ее друзья в полной мере насладились радостью встречи.

Солнце село, и из долины Хениль подул холодный ветер. Несколько певчих птиц остались, чтобы пением скрасить то время, пока Фелиция ментальным усилием разжигала костер и готовила ужин. Как часто случалось по вечерам, голоса дьяволов снова принялись за свое, изливая перед ней ложь, суля чудеса и напоминая о том, как они помогли ей, когда ей не хватило сил в одиночку вскрыть Гибралтарский перешеек.

Фелиция не стала обращать внимания на эти голоса, и вскоре дьяволы умолкли. Может быть, она и сумасшедшая, но не настолько, чтобы вести мысленный разговор в режиме дальней связи,

который даст возможность засечь ее. Пусть только попробует кто-нибудь вычислить ее точное местоположение — будь то дьяволы из дальнего далека, Эйкен Драм или даже эта пустозвонка Элизабет! Фелиция знала, как спрятаться от них. (Она и Возлюбленного звала, лишь находясь высоко в небе, где никакая опасность ей не грозила.) Угли костра, на котором Фелиция готовила пищу, догорали. Она аккуратно прибрала участок перед своей пещерой, служивший ей верандой, а потом минутку молча постояла под наливающимися светом звездами. Хорошо, что дожди почти прекратились. Цветы в ее волосах, начав увядать, усилили свой аромат, и это тоже было хорошо.

Фелиция взяла золотой торквес Фиана и вошла под своды пещеры в теле горы. Она могла прекрасно видеть в густой как смоль темноте, но ей хотелось полюбоваться на свое сокровище в наиболее выгодном для него свете, поэтому она подняла вверх два пальца и вызвала яркое психоэнергетическое пламя. Каменные стены со слюдяными прожилками заискрились, внутри карстовая пещера была совершенно сухой. Сразу за спальным местом ход в глубь пещеры преграждала многотонная каменная плита. Фелиция небрежно махнула в сторону плиты торквесом, и

та отодвинулась в сторону.

В небольшом гроте лежало золото, сваленное в кучи выше человеческого роста: сокровища Нибелунгов, собранные за четыре месяца упорных поисков. Когда-то все эти тысячи изящно сработанных ментальных стимуляторов охватывали шеи тану и их привилегированных прихлебателей из числа людей, усиливая скрытые способности мозга. Но теперь все эти гордые торквеносцы были мертвы благодаря вызванному ею потопу, тела их сметены с затопленной Серебристо-Белой равнины и расшвыряны на поживу пожирателям падали и самой Фелиции. Она обирала мертвецов, гниющих по мелководьям, и отыскивала скелеты, занесенные илом. А когда такая добыча оскудела, она начала охоту на имевших несчастье остаться в живых и стала отбирать золото у тех, кто слишком ослаб или не имел сил защититься от птицы, чье тело в длину превышало человеческую руку. Фелиция сражалась люто и в схватках этих удерживалась от применения метапсихических боевых средств. Клюва и когтей оказывалось обычно достаточно, чтобы одолеть павших духом одиночек, бывших некогда владыками Многоцветной Земли.

Фелиция швырнула свое новое приобретение

в ближайшую кучу. Раздался лязг, шаткое равновесие кучи оказалось нарушенным, золотые торквесы поползли вниз и покатились во все стороны. Из-под груды драгоценного металла показался какой-то необычный предмет.

Фелиция легко подняла эту вещь, несмотря на ее солидный вес. Длинное Копье из отливающего золотом стекла, от его тупого конца отходил кабель и тянулся к украшенному самоцветами коробу с оборванными ременными креплениями. Фелиция поводила Копьем и нажала на одну из выпуклостей на рукояти. Безрезультатно. Пребывание в соленой воде разрядило энергетический модуль фотонного оружия, и оно бездействовало, как и тогда, когда Фелиция забирала его у настоящего Сиятельного Луганна, покоящегося у Могилы Корабля.

Потом безродный Лучезарный одурачил ее и умыкнул Копье, но потоп покарал самозванца. Теперь Копье снова принадлежало Фелиции — и на этот раз навсегда.

Она бережно положила свой трофей на золотое ложе, вышла из сокровищницы к своей постели из сухой травы. В полночь с горной вершины подул холодный ветер, и извечный кошмар Фелиции снова явился к ней. Но ближе к рассвету,

когда у нее в ногах клубочком свернулась рысь, Фелиция уснула спокойным сном.

Остаток дня Кугал Сотрясатель Земли, сраженный своей утратой и надругательством, учиненным Фелицией, пролежал без чувств. Когда он наконец очнулся, близился вечер, и в наступавших сумерках к телу его брата стали подбираться какие-то мелкие твари. Чертыхаясь, Кугал отогнал их прочь и стал готовить похороны. Чистой одежды не было, и он повесил на шею Фиану единственное оставшееся украшение — массивный двусторонний медальон с изображением их общего герба.

Кугал отнес Фиана на берег, потом подтащил к воде рыбачью лодку. Пустив брата по волнам в последний путь, он преклонил колени на покрытых соляной коркой камнях и попытался пропеть Песнь. Но без помощи Фиана Кугал не мог вспомнить мелодию, поэтому он просто продекламировал текст. Ему мнилось, что далеко над водой он снова видит город в сияющей дымке. А Фиан по световой дорожке, проложенной заходящим солнцем, уплывал к этому городу в сшитой из шкур рыбачьей лодке. Его брат возвращался домой…

Прошло много времени, прежде чем Кугал су-

мел собрать последние остатки сил, и над водой прогремел его трансментальный голос: «Жди меня, Брат!»

И раздался мысленный ответ:

«Так вот ты где!..»

Скорбные фантазии развеялись, и Кугал вновь ощутил ужас. Он недвижно стоял, потрясение взирая на зарево на далеком морском горизонте. Теперь это был не жемчужный мираж, а зеленое, будто свет криптоновой лампы, сияние, режущее глаза и быстро набирающее яркость. Из светового пятна исходил трансментальный голос, изрыгающий в эфир грязную брань, обращенную на приватной волне к Кугалу:

«И какого же хрена ты прячешься в базальтовом ущелье, где только лягушки сношаются, а не выйдешь на открытое место, чтобы я мог тебя обнаружить? Мы услышали твой крик о смерти Фиана из самой Афалии!»

Из светящегося марева материализовался облаченный с головы до ног в светящиеся аквамариновые латы рыцарь-тану, восседающий на громадном халике, и плавно опустился на землю.

— Селадейр? Это ты? — Голос Кугала сел до сиплого шепота.

— Я, конечно, несчастный ты недоумок, дерьмовая твоя башка. Кто же еще? Я единственный из оставшихся левитантов, способный нести с собой другого. Если не считать, конечно, этого маленького золоченого засранца да ренегата Танна. Только уж они-то вряд ли явились бы спасать твою задницу!

— А я думал… мы с Фианом думали, чтя остались одни. Что больше никто не уцелел.

Свирепое старческое лицо с седыми бровями насупилось. Селадейр Афалийский провел неумелый психокорректорский зондаж пошатнувшегося сознания своего соплеменника.

— Великая Богиня, что за чушь! Но, учитывая твое состояние, подобные мысли меня не удивляют. Нам удалось спасти и других уцелевших, кто оказался в Авене или на европейском берегу. Скажи мне во имя Таны, как вас угораздило очутиться в Африке?

Но Кугал не ответил. Он потерял сознание.

Старый афалийский герой излил свое сочувствие в новом потоке брани. Далеко в море он заметил рыбачью лодку и заключил ее в пламенный шар психогенного погребального костра. Пропев для мертвого близнеца Песнь, он взвалил живого на широкий круп халика позади себя и

поднялся в воздух.

12

Элизабет вышла из медитативного состояния и улыбнулась.

— Я рада, что его в конце концов спасли. Бедняга. Только подумать, что они с братом считали себя последними тану, оставшимися в живых…

Крейн не смог удержаться от мысли: «Я помню, что кое-кто тоже приходил в отчаяние от одиночества».

— Теперь я знаю, насколько была не права. — (Сомнение, притаившееся в глубине сознания Элизабет, оставалось далеко за пределами возможностей восприятия Крейна.) Параврачеватель-тану протянул через стол длинную руку и налил им обоим еще по чашке кофе. Где-то над вершинами Монтени-Нуар грохотал гром. Снова пошел дождь, и вскоре через небольшие окна со свинцовыми переплетами стало невозможно разглядеть, что творится снаружи.

— Помимо Куллукета, — заметил Крейн. — Кугал Сотрясатель Земли — единственный из уцелевших членов Высокого Стола, принадлежащих к потомству Нантусвель.

— Я полагаю, Селадейр положит Кугала в Кожу

и постарается вылечить его, дабы тот мог пополнить ряды непримиримой оппозиции. В конце концов, если способности второго лорда Гильдии Психокинеза восстановятся, он станет прекрасным союзником. Каковы его шансы на полное выздоровление?

— Шансы невелики. Целительная сила Кожи зависит не только от искусства лекаря, но и от собственной воли пациента. А Кугал лишился половины своего разума. Врачевателем у Селадейра состоит Бодуругал, он достаточно компетентный врач, но мне кажется, что и сам Дионкет не смог бы добиться полного исцеления Кугала. Даже при наиболее благоприятном исходе он пролежит несколько месяцев.

— Способность Кугала к телепатическому проецированию мыслей была почти на нуле, — сказала Элизабет. — Я и представления не имела, что близнецы находятся в Африке, пока прошлой ночью Кугал не испустил жуткий крик.

Прогремел гром, одновременно сверкнула вспышка, и в четвертый раз за этот ненастный вечер в охотничий домик на Черной скале ударила молния. Не причинив никакого вреда, электрический разряд ушел по громоотводу в землю.

— При таких атмосферных возмущениях, —

заметил Крейн, — удивительно, что ты вообще способна достигать Африки трансментальным взглядом. Я проверяю свое ментальное видение и обнаруживаю, что дальше Амализана оно не распространяется. Впрочем, я ведь не Великий Магистр.

Элизабет улыбнулась и отставила свою чашку.

— Да, ты не Великий Магистр, но пришло время обучить тебя некоторым специальным приемам, которые повышают уровень трансментального восприятия. Ты сумеешь справиться с фильтрацией статических помех, надо только потренироваться.

Элизабет объяснила Крейну, как нужно действовать. Пока его блуждающий трансментальный взгляд пытался пробиться через ионизированную грозовую атмосферу, она помогала ему, усиливая и корректируя его метапсихические импульсы.

Наконец Элизабет сказала:

— Довольно.

Крейн откинулся на спинку кресла; на его не подвластном старению серафимоподобном лице выступил пот.

«Да… я понял. — В его мысленном голосе не чувствовалось оптимизма.

— И еще я понял, сколь многому мне предстоит научиться, прежде чем я смогу стать для тебя достойным помощником».

«Выпей-ка еще кофе, — предложила Элизабет. — Это помогает. Какая большая удача, что в плиоцене так хорошо растет кофейное дерево!.. Но если серьезно, то оказать мне реальную помощь ты можешь уже сейчас. Я все еще не так сильна, как прежде, в Галактическом Содружестве. Даже простое удержание в фокусе очень удаленных объектов стоит мне огромных усилий. Если ты присоединишься ко мне во время наблюдений, то придашь дополнительную силу моему ментальному зрению. К тому же ты можешь заметить какие-то подробности, которые я пропущу».

«Понимаю. — На минуту сознание Крейна умолкло, занятое собственными мыслями. — Моя помощь увеличит шансы обнаружить Фелицию?»

Элизабет нахмурила лоб. В сознании обоих появился образ Девушки-Ворона, отчетливый и зловещий.

«Крейн, я не знаю, что нам с ней делать. Она ужасно опасна! Никто в Галактическом Содружестве не обладал такой психогенной и

психокинетической мощью. Насколько я знаю, никогда прежде в одном человеке не концентрировался потенциал физического разрушения такой силы».

«А ваши покровители-святые? Или их противники, поднявшие Мятеж?»

«Ни один оператор нашего Галактического Содружества не смог бы в одиночку сделать то, что сотворила Фелиция. Особенно если вспомнить ее последний психогенный удар, вскрывший Гибралтар. После того как Фелиция пришла в активное состояние, у меня не было возможности исследовать ее мозг. Но даже если нам удастся выследить ее и даже если я проведу глубинную психическую коррекцию, все равно весьма и весьма сомнительно, что опасность, исходящую от нее, удастся… нейтрализовать. К тому же операция может оказаться фатальной для нас обеих».

Рассудок Крейна взорвался криком:

«Ты не должна приносить себя в жертву! Не в этом твое назначение! Ты

— Новоявленная Бреда, и ты призвана быть нашей покровительницей!»

— Не называй меня так! — выкрикнула Элизабет, и ее сознание отшатнулось от мыслей

Крейна. — Мне неизвестно мое предназначение, как и предназначение Бреды, черт бы ее побрал! — Из скрытых глубин ее разума выступила прежняя ожесточенность. — Супруга Корабля была уверена в собственной правоте… но не исключено, что ваше переселение на Землю объективно было великим злом. Теперь мне стало ясно, что тану и фирвулаги просуществуют на Земле достаточно долго, чтобы определенным образом повлиять на развитие человечества. Но, может быть, для моей расы было бы лучше, если бы вы переколотили друг друга еще тысячу лет назад, в своей галактике Дуат!

— Бреда обладала даром предвидения, и она предрекала великое благо для обеих рас, — возразил Крейн.

— Но после скольких страданий? Спустя сколько миллионов лет? — Голос Элизабет надломился. Она установила сплошную завесу, скрывающую ее эмоции, но опытный психокорректор Крейн уловил ее неподдельную гордость за свой народ.

— Пусть вмешательство Бреды в судьбу наших рас было чересчур самонадеянным, но объективные результаты ее действий оказались удачными. Ваша философия определила бы это

как felix culpa note 7.

Элизабет невесело рассмеялась.

— А ты неплохо постиг человеческий склад ума, раз начал пользоваться нашими мелкими казуистическими уловками.

— Я знаю лишь одно, — бесхитростно ответил Крейн, — Бреда и ее Супруг руководствовались благородными и бескорыстными побуждениями. И этим побуждениям она не изменила до самого конца.

— То, что она желала лишь добра, известно всем. Даже пытаясь силой вынудить меня к сотрудничеству, она руководствовалась благими побуждениями. Многие диктаторы убеждены, что знают, какая жизнь будет для их подданных наилучшей. В Галактическом Содружестве такую убежденность питали люди-мятежники. Они были необычайно самонадеянны! По их мнению, среди всех рас Галактики человеческий разум несет в себе самый мощный метапсихический потенциал, а отсюда с неизбежностью следует, что человечество должно играть доминирующую роль в галактической цивилизации. Причем произойти это должно незамедлительно. Га-

---

note notes: Note7
счастливая случайность (лат.)

лактическое Содружество представляет собой чересчур важную структуру, чтобы руководство в ней было предоставлено низкоорганизованному менталитету… Но нельзя навязывать Галактическому Содружеству план ускоренной ментальной эволюции, как нельзя допускать преждевременного созревания детей до высшей ступени взросления с помощью абсурдных методов, которые пропагандировали мятежники. Форсировать созревание не только вредно, но и совершенно бесполезно, и тут не важно, говорим ли мы о развитии отдельного ребенка или о совершенствовании галактического Разума.

Элизабет представила целителю-тану мысленный образ хаоса, учиненного Марком Ремилардом и его заговорщиками, и тех усилий, которые пришлось заплатить за восстановление равновесия в ментальной сфере.

— И вот поэтому-то я боюсь…

— Ты, — перебил ее Крейн, — усматриваешь аналогию между мятежом операторов и теми методами, которыми Бреда вершила судьбу тану и фирвулагов. И ты опасаешься, что, заняв место Бреды, можешь оказаться соучастницей ее… прегрешений.

Элизабет вздохнула.

— Если бы все было так просто… Галактическое Содружество располагает миллиардами разумов, вырабатывающих согласованное решение. Галактический Разум знал, что он прав, а мятежники заблуждаются. А что знаю я?

Разгулявшийся за стенами шале ветер завывал, словно стая медведесобак, вышедших на демоническую охоту и загнавших добычу. Шквальный порыв воздуха, просвистев по дымоходной трубе, вытолкнул из камина облако дыма с бальзамическим запахом, и Крейн был вынужден поставить заслон от взвихрившейся золы, тогда как Элизабет, казалось, не имела сил развеять ее и даже радовалась вызванным пеплом жгучим слезам. Происшествие отвлекло их, но потом Элизабет вытерла глаза, и они вдвоем приступили к серьезной работе.

Ночь была наиболее благоприятным временем для трансментального дозора, ибо солнце, мешающее ультрасенсорному восприятию гораздо сильнее, чем любая непогода, было загорожено телом планеты. Ночью мысль странствовала свободнее, легче проникая в потаенные места, различая самые отдаленные шорохи, обостряя неподатливый ментальный слух. Даже во времена, предшествовавшие развитию метапси-

хических способностей, люди знали: ночь — это то время, когда чародеи вершат свое колдовство, когда создания, не знающие успокоения, рыщут по свету, а простые смертные с готовностью позволяют своему рассудку отдохнуть вместе с телом и обрести во снах свободу от дневных страданий и докуки.

Разум Элизабет слился с разумом Крейна, стены дома словно бы растворились, оставив их парить над омытым дождем горным массивом Монтени-Нуар. Сконцентрировав всю силу духа на трансментальном восприятии, Элизабет пустилась в дальний путь, легко, словно воздушного змея, увлекая за собой Крейна.

«Наблюдай и познавай! Видишь, внизу под нами по Черной скале рассыпаны маленькие, окруженные аурой островки жизни, — это поселки рудокопов. Сконцентрируй вот эту ультрасенсорную функцию и увеличь разрешение, чтобы рассмотреть людей, поодиночке или мелкими группами. Используй вот эту способность, чтобы слышать обычную или телепатическую речь в режиме декламации или обмена. Прозондировать на расстоянии глубинные уровни сознания практически невозможно даже для Великого Магистра. Трудно или также невозможно

просканировать сознание субъекта, установившего прочный ментальный барьер. Существуют и некоторые искусственные экранирующие устройства, которые блокируют трансментальные импульсы, например, „комната без дверей“ Бреды.

Теперь смотри, как мы ведем поиск знакомого нам разума. Мы храним в памяти его ментальный почерк, так что, используя модус грубой настройки на объект, можно быстро перемещаться по эфиру, игнорируя все прочие ауры, пока не выйдешь точнехонько на искомую личность. А вот и он!

Это вождь Бурке, уснувший вместе со своими товарищами по отряду в лагере, разбитом чуть в стороне от Великого южного тракта, примерно в тридцати километрах от Ронии. (Благословение вам, дорогие братья и сестры. Пусть ваш отдых будет мирным и спокойным.) А теперь, Крейн, твой черед приниматься за работу. Объедини свои силы с моими, и мы попытаемся осуществить гораздо более сложный поиск, нацеленный на знакомый нам разум, но держащийся настороже и наполовину завуалированный. Мы проделаем это так вкрадчиво, что нас не обнаружат. Мы не будем пытаться подслушать его слова или

мысли.

Двигайся на северо-восток — ибо скорее всего нужная нам личность находится сейчас в своей резиденции, в столичном городе Высокая Цитадель в Вогезских горах. Ищи Шарна-Меса, нового молодого монарха фирвулагов, который имел наглость провозгласить себя Верховным Королем Многоцветной Земли.

А вот и сам доблестный генерал у себя дома… Шестеро его детей жарят в очаге каштаны и подогревают для своего папаши очередную кружку сидра. В руках у свирепого генерала острый обсидиановый клинок, и он бурчит себе под нос ругательства, от которых кровь стынет в жилах. В этом мы можем не сомневаться, поскольку пусть и не слышим его слов, зато видим неодобрение, написанное на лице его жены, королевы Айфы, предводительницы Боевой Дружины Великанш: Вот снова сверкнуло лезвие кинжала из черного стекла. Летят щепки. Ось мягко входит в гнездо, дети ликуют. Шарн ставит готового деревянного халика на выложенный плиткой пол гостиной, и дети сбиваются в кучу вокруг игрушки на колесиках — каждому не терпится первому нарушить традицию и прокатиться верхом на халике. В наши дни традиции в Высокой Цитадели — вещь

хрупкая и все больше отходящая в прошлое…

А теперь давай попробуем предпринять наиболее трудный розыск: наша цель — Фелиция.

Обрати внимание на ее ментальный почерк. Обрати внимание на возможные режимы экранирования. Из-за отсутствия опыта в использовании метафункций ее способы ментальной защиты должны быть примитивными, но огромный психогенный потенциал этой помешанной женщины позволяет обходиться без отточенной метапсихической техники. Скорее всего, наши поиски не увенчаются успехом, но мы не станем отступать и во время ночных бдений будем продолжать наши попытки раз за разом.

Перемещайся на юг. На юг, за Амализан, за Тарасию. Поворачивай к западу и двигайся дальше. За новое жилище Алутейна Властелина Ремесел на реке Иберии. За хмурые башни Афалии, где несгибаемый старый Селадейр, укрывшийся за мощными каменными стенами крепости, предается скорбным раздумьям об участи повредившегося рассудком сородича, что спит в Коже.

Скоро настанет рассвет. Приближающийся восход извещает о себе характерными шорохами в эфире. Вот как нужно действовать, чтобы преодолеть солнечную ионизацию, но это гораздо

сложнее, чем устранить помехи от грозы. Наблюдай и следуй за мной. Держись все время рядом и будь внимателен.

Мы начали поиск! Вот ее аура, которую мы ищем, и нам известно, что Фелиция прячется где-то в Бетских Кордильерах, в самой южной горной гряде Испании. Осматривайся. Прощупывай. Не обращай внимания на размытые ментальные отметины фирвулагов, на разбросанные там и сям вкрапления разума ревунов, на крошечные колонии стоящих вне закона людей, на изредка попадающиеся аванпосты защитников Афалии. Расширяй фокусировку, своди фокусировку! Используй мысленное зрение, слух и особое поисковое чутье, настраивающееся исключительно на ауру…»

«Ничего. Но почему? Шарн тоже был скрыт за барьерами, но ты обнаружила его с легкостью».

«У Шарна способности что у младенца. Ничего, подождем. Черная птица взлетает на рассвете и иногда принимается издавать призывный крик. Когда такое случается, сознание Фелиции открыто, поскольку она слушает, не отзовется ли ее Возлюбленный. Нам она не ответит, но, может быть, невзначай даст разгадку местоположения своего гнездовища. Тогда мы сможем…»

«Элизабет. Вот оно».

«Вижу. Вижу и слышу. Над горой Муласен! Ну конечно… Там ее логово! А сейчас она станет звать».

«Куллукет!»

Ворон взмывает в стратосферные выси. На рассвете небо над Сьерра-Невадой чисто от облаков и прозрачно.

«Куллукет! Я знаю, ты жив!»

Она взывает к тому, с кем ее объединило обоюдное влечение к разрушению, к тому, кто сам утолил свою страсть, но не подозревал, что когда Фелиция сбежит, то придет и ее черед самореализоваться, и она проделает с беззащитной землей то же, что он проделал с ней.

«Куллукет, отзовись!»

«Смотри, как она кружит в потоке света. Сейчас, когда она испускает трансментальные волны, разыскивая своего ненавистного возлюбленного, ее не скрывают никакие ментальные заслоны, не предохраняют никакие психогенные преграды. Но Куллукет — психокорректор, он перекраивает сознание, внедряется в сознание, камуфлирует сознание. Он коварен и силен, и тень птицы проносится над ним, не замечая его».

«Куллукет… ты должен быть где-то здесь. Эй

ВЫ, помогите мне найти его!»

«Элизабет! Она обнаружила нас?»

«Нет. Помолчи, Крейн!»

«Вы уже помогали мне раньше. Теперь я снова обращаюсь к вам! Помогите мне найти моего Возлюбленного. Подскажите, где он. Откликнитесь! Вы видите меня? Если вы заговорите со мной, то на этот раз я вам отвечу!»

«Смотри, она мысленно воспроизводит свой подвиг открытия Гибралтарского пролива. Смотри, вот открывается ее память, показывая, как был вызван катаклизм. О Боже, вот оно что…» (Элизабет испытала потрясение и облегчение одновременно, ибо сила Фелиции оказалась не единственной, а подкрепленной извне.) «Помогите мне еще раз. Я не буду прятаться от вас. Мы можем стать друзьями».

«Слушай, Крейн! Нет, подожди — я должна подключить еще один фильтр. Сигнал не только слабый, он и множественный: неумелое проецирование с огромного расстояния, плохо сфокусированное на цели. И это не модус мысленной передачи экзотиков. И не корявый модус людей в торквесах, что живут здесь, в плиоцене. Это уникальный модус людей — тоже активных операторов… Всемогущий Боже! Помоги мне,

Крейн. Поддержи меня, дорогой друг. Проследи этот сигнал, определи его источник, выясни о нем все, что можешь…»

«Дьяволы? Это вы?»

«Да, Фелиция».

«Привет, дьяволы».

«Привет, Фелиция. Мы так долго взывали к тебе».

«Я знаю. Но я вам не доверяла. У меня так много врагов».

«Бедная Фелиция. Мы хотим только помочь тебе. Мы уже помогали тебе раньше».

«Помогите мне снова. Покажите мне, где прячется Кулл».

«Кто?.. А-а. Вот оно что. Любопытно…»

«Остальное — не ваша забота. Покажите мне его!»

«Милая Фелиция. Мы бы показали, если б могли. Но мы очень далеко от тебя. И от него тоже. Чтобы найти Куллукета, нам нужно перебраться к тебе из самой Северной Америки».

«О-о-о-о. Ох».

«Не переживай. Мы с радостью переберемся к тебе. Нам так не терпится встретиться с тобой».

«Нет! Вы можете украсть… можете обмануть меня, как обманул этот чертов маленький золо-

ченый жулик Эйкен Драм!»

«Мы так не поступим, Фелис. Мы не любим Эйкена и других твоих врагов. Мы докажем тебе свою дружбу. Мы не просто найдем твоего любимого, мы сделаем даже больше. Мы доставим его к тебе».

«А вы сможете?..»

«Один из нас психоиндуктор-корректор магистерского класса. Остальные тоже сильны. К тому же мы молоды, Фелиция. Как и ты! Мы верим в действия».

«Но провести МЕНЯ вам не удастся».

«Нет, конечно, нет… Мы хотим, чтобы ты возглавила нас. Ты сильнее любого из нас».

«Возможно. Но если вы будете действовать совместно… Слушайте. Пусть сюда явится только один из вас».

«Так не получится, Фелис. Чтобы вернуть тебе твоего Куллукета, нам потребуются скоординированные усилия по крайней мере пятерых».

«Пятерых? Хорошо. Но никого больше. Вы поняли?»

«Договорились. Знаешь, мы можем помочь тебе и еще кое в чем. А ты можешь помочь нам!.. А теперь назови свое точное местонахождение в Испании».

«Я живу вот здесь. Видите мое логовище на горе Муласен?»

«Видим. Мы явимся к тебе через пятнадцать дней. Жди. До свиданья, друг наш Фелиция».

«До свиданья, дьяволы».

Элизабет сидела за столом напротив Крейна. Буря миновала. Солнечные лучи, заглянувшие в восточные окна шале, упали на угли в догорающем очаге, которые превратились в комья белой золы.

— Когда я только прибыла в плиоцен, — сказала Элизабет, — я воспользовалась своими трансментальными возможностями и обшарила всю планету в надежде обнаружить других людей — операторов своего уровня.

— Я помню. Это было в тот вечер, когда мы ехали из Привратного Замка в Ронию. Ты тогда установила прочный экран, но я понял, что ты занята сканированием.

Элизабет сидела в кресле, лицо ее осунулось. Крейн послал телепатический вызов леди Дедре, земной женщине в золотом торквесе, бывшей некогда доверенным лицом Мейвар, а теперь помогавшей Элизабет.

— Я зарегистрировала единственный нечеткий сигнал, соответствующий человеческому модусу.

Он, казалось, исходил откуда-то с другого конца Земли. Я понимала, что сканирование было неполноценным, поскольку мои ультрасенсорные способности еще только восстанавливались, поэтому я приняла этот слабый импульс за эхо и не придала ему значения. Но оказывается, сигнал был реальным.

— Ты была не в состоянии исследовать его подробнее?

— Трансментальное восприятие на дальних расстояниях — это особое искусство, требующее огромных затрат энергии. Великий Магистр, если он в добром здравии, способен здесь лишь на кратковременные порывы — подобно тому, как ныряльщик может погружаться под воду без акваланга. Но долго такое напряжение без специального дополнительного снаряжения или без поддержки нескольких других разумов выдержать невозможно. — Элизабет устало провела рукой по лбу. — Теперь нам с тобой нужно попытаться собрать кое-какую информацию о так называемых дьяволах. Но я точно знаю, кто они такие. О Господи, даже слишком хорошо знаю.

— Тану долгое время не вспоминали о них, — сказал Крейн. — Прошло уже двадцать семь лет. Группа активных операторов прошла через врата

времени и вступила в сражение против нашего боевого товарищества, нанеся нам ужасающее поражение. Когда чужаки покинули Европу, все записи об этом событии в официальной летописи были уничтожены. Лишь немногие из нас по-настоящему задумывались над тем, что сталось с людьми-операторами, и больше всех — покойный Гомнол. Мы догадывались, почему он проявляет такой интерес! Но способности Гомнола к трансментальному восприятию были весьма скромными. Он так и не сумел обнаружить этих людей.

— Мятежники находятся в западном полушарии. В том месте, которое на Старой Земле называлось Флоридой. — Элизабет закрыла глаза и погрузилась в болезненную задумчивость. — Мне было всего семнадцать, когда произошел Мятеж. Я была наставником-подмастерьем на маленькой, заброшенной, заснеженной планете. Но уже тогда я была членом Братства — и мне никогда не забыть реакцию трехсот миллиардов разумов экзотиков на попытку переворота. Понимаешь, Крейн, Галактическое Содружество пошло на огромный риск, приняв человечество в свою замечательную цивилизацию, невзирая на нашу психосоциальную незрелость. А мы растоп-

тали их веру в нас.

— Насколько я понимаю, мятеж был кратким, активные действия продолжались всего несколько месяцев.

— Верно. Тем не менее на заживление шрамов требуются годы. Для человечества это было величайшее унижение… Конфедерация землян, подавляя заговор, действовала безжалостно. Это было необходимо для подавления заговора. Пострадало огромное число ни в чем не повинных людей. И все же в конечном итоге Галактическое Содружество стало сильнее, чем когда-либо прежде.

— Еще одна felix culpa?

Элизабет открыла глаза и насмешливо посмотрела на экзотика.

— Судя по всему, история человечества изобилует ими.

Дверь в комнату открылась, и вошла леди Дедра, держа в руках поднос с завтраком. Она сопроводила свое появление робким ментальным приветствием. Крейн поднялся, собираясь уходить.

— У тебя достанет сил будущей ночью снова нести дозор? — спросил он.

— О да. — Элизабет была полна решимости ид-

ти до конца. — Мы должны проследить дьяволов Фелиции до самого их дома. Пересчитать, если сможем — опознать, а затем решить, как противостоять исходящей от них угрозе. Отдохни, а в семь присоединяйся ко мне. — Она саркастически улыбнулась. — И тогда мы попробуем предпринять наше первое маленькое путешествие к черту на кулички.

13

В дельте реки Сувонны на западном побережье острова Окала было два часа ночи. Гигантская серебристая рыбина на минуту затихла, затаившись в глубокой черной воде, расцвеченной лунными бликами, требуя кратковременной передышки в состязании с Марком Ремилардом.

В течение шестнадцати часов огромный тарпон старался освободиться от пут, неразрывно связавших его с человеком. В длину тарпон достигал 430 сантиметров и весил 295 килограммов. В углу его рта прочно засел крючок с жестко армированным цевьем, которое тарпон не мог перекусить своими острыми зубами. Поводок из плетеного волоса был настолько непрочен, что мог лопнуть при нагрузке даже в семь килограммов. И все же тарпону не удавалось вырваться на свободу — настолько велико было искусство рыболова, навязавшего ему эту игру. Приближался момент, когда терпение и человека, и рыбы было на исходе. Спустя какое-то время либо рыболов должен был допустить ошибку в движениях, поскольку переутомленные мышцы уже отказывались служить ему и леска должна была порваться,

либо тарпон должен был подчиниться рваному ритму выучивания и покорно замереть на конце роковой нити, дожидаясь, пока в его тело не воткнется острога.

Ожидая, когда рыбина возобновит борьбу, Марк поудобнее утвердил конец мощного удилища в жестком кожаном клапане у себя на поясе. Тишину нарушали только отдаленные всплески выпрыгивающей из воды кефали да стенания кваквы. Марк дышал медленно и расчетливо, мобилизуя механизмы биологической обратной связи, которые позволили бы ему перераспределить силы и очистить мышечные клетки своих дюжих плеч и рук от продуктов распада, вызывающих ощущение усталости. Следуя своему принципу, он не пользовался ультрасенсорными способностями и поэтому не мог отслеживать подспудные движения тарпона. Даже в этот решающий момент Марк предоставлял рыбе определенные преимущества, усиливающие остроту схватки: он не следил за ней трансментальным зрением, не пытался мысленно продиктовать ей те или иные движения, не прибегал ни к каким психокинетическим воздействиям на нее, не использовал психогенную энергию, чтобы придать удилищу, катушке или леске дополнительную

прочность, превышающую их обычные характеристики. Только в одном Марк отступал от техники ужения, принятой у людей, не обладающих метапсихическими талантами: поскольку он рыбачил в одиночку, то использовал ментальное поле для придания устойчивости ялику, дабы тот не зачерпывал воду во время схватки.

Но вот Марк ощутил, как натяжение лесы едва заметно изменилось. Несколько мгновений вода в протоке оставалась спокойной, но уже в следующий миг ее поверхность взорвалась вулканическим вихрем. Огромное, бьющееся в корчах тело, поблескивавшее в свете высокой луны, выскочило из воды подобно пушечному ядру, взметнулось более чем на шесть метров вверх и перевернулось в воздухе головой вниз. Безумные глаза рыбины величиной с блюдце отливали оранжевым светом, а жаберные крышки клацали подобно гигантской трещотке.

Марк наклонился и опустил конец удилища, чтобы ослабить натяжение лесы, потому что в воздухе она рвалась гораздо легче. Громадная серебристая тварь рухнула обратно в воду с таким всплеском, словно в реку упал рояль. Долей секунды позже тарпон снова, извиваясь и дергаясь, взлетел в воздух. Ялик закачался.

Марк, которого обдало брызгами с головы до ног, криками подбадривал своего противника. Этот тарпон — самый крупный из всех когда-либо попадавшихся ему на крючок — был уже почти у него в руках.

Рыбина ринулась в сторону ялика. Марк выбрал провисшую леску. Как он и ожидал, разъяренный тарпон снова выпрыгнул из воды; на этот раз траектория его кульбита должна была привести к столкновению с яликом. Громогласно хохотнув, Марк молниеносно передвинул лодку на несколько сантиметров в сторону. Вызванная приводнением тарпона волна перехлестнула через планшир и наполовину затопила ялик. Марк выгнал воду с помощью психокинетического импульса, а через мгновение тарпон появился с другой стороны лодки и, пытаясь сойти с крючка, принялся ходить кругами у самой поверхности, похожий на обезумевшую динамо-машину.

Вот рыба снова ушла на глубину, катушка взвизгнула — тарной рванул к отмели у левого берега протоки. Марк направил ялик в ту же сторону, настороженно ожидая следующего прыжка. И прыжок последовал. Гигантское, закованное в чешуйчатый панцирь тело, словно в замедленной съемке поднимаясь все выше и

выше, выстрелило в луну расходящимся облаком бриллиантовых брызг, лязгнуло челюстями, оглушительно всхрапнуло в верхней точке дуги и свалилось вниз с таким ударом, что Марк едва не упал за борт. Но крючок по-прежнему крепко удерживал рыбину.

Тарпон снова устремился вверх по течению, ялик последовал за ним. Следующий прыжок выглядел вялым, гигантское тело высунулось из воды менее чем на половину своей длины. Последовавшая затем борьба у поверхности была не столь яростной, вода даже не вспенилась. Марк не удержался и прокричал рыбине:

— Вот так-то, великолепный ублюдок! Теперь я тебя сломал!..

Тьму над рекой выше по течению проколол яркий пучок света. Свет словно пригвоздил к месту стоящего в лодке и изготовившегося бережно отрегулировать натяжение лесы Марка. Физически и ментально ослепленный, он остолбенел.

Тарпон прыгнул.

Слабый плетеный волос лопнул.

Психоэнергетический луч погас, но было уже слишком поздно. Сигнальный огонь принадлежал Хагену, равно как и мыслепередача, исполненная ликования, беспечности и бьющего

через край торжества. Катер с молодыми людьми на борту стремительно приближался к дельте, рассекая воду, потом вдруг резко остановился, словно наткнувшись на невидимую стену. Судно содрогнулось, покачиваясь на крупной зыби примерно в ста пятидесяти метрах от рыболова.

Перед носом ялика у самой поверхности, хватая воздух и упиваясь свободой, кружил гигантский тарпон. Марк внимательно осмотрел рыбину мысленным взглядом, удостоверился, что та не получила серьезных ранений, и после этого с помощью психокинетической энергии освободил ее от крючка. Рыбина медленно ушла в черную глубину. Трансментальным зрением Марк увидел, как она поплыла в сторону залива.

«Папа…»

Клу в отличие от брата понимала, как рассердило отца их вторжение. Но ее покаянные излияния разбились об очередной барьер. Метапсихическая стена, преграждавшая путь катеру, теперь исчезла, и судно стало сносить течением к ялику.

Наблюдая за приближением катера, Марк сматывал на катушку провисшую леску. Кроме его детей, остальными пассажирами, как он и предполагал, оказались самые отъявленные молодые

баламуты: Элаби Гатен, Джилиан Моргенталлер и Вон Джарроу. Эта троица пыталась скрыть свою вину за нахальной миной. Спеша «поразить» Марка своей новостью, молодежь явно рассчитывала на самый радушный прием.

Суда сблизились. Джилиан остановила катер, бросила якорь и побежала на корму, чтобы взять ялик на буксир. Хаген установил трап, мысленно продолжая улыбаться — он твердо решил замять свою бестактность.

— Как мы и предполагали, папа, Фелиция в Испании. Она скрывается в пещере на горе Муласен в Сьерра-Неваде. — Картинка. Панорама. — Ты только подумай! Она сама пригласила нас к себе!

Стена в сознании Марка осталась незыблемой. Он ухватился за поручни трапа и перепрыгнул на катер, пренебрегши левитацией. Молодые люди отшатнулись, и их мысли слились в едином потоке неуклюжих извинений. Только у Клу на поверхности сознания читалось неподдельное огорчение по поводу схода огромной рыбины.

Дети мятежников — всем им по двадцать с небольшим — были одеты как на торжественный прием. Этой ночью на Безмятежном озере состоялась вечеринка, в разгар которой и про-

изошел успешный контакт с Фелицией. Хаген с Элаби выглядели весьма элегантно в тропических костюмах; одетый в такой же щегольской костюм Вон умудрялся тем не менее, как всегда, выглядеть взъерошенным и нескладным. На темноволосой Джилиан было расписное парео [note 8] из бумазеи. Платье Клу из ткани, светящейся подобно ее ментальной ауре, слабо мерцало в лунном свете.

Обнаженный по пояс и босой человек, некогда бросивший вызов всей Галактике, стоял против пятерки молодых людей, роняя капли воды на натертую до блеска палубу.

— Вам было ведено никогда не появляться здесь во время хода тарпонов.

Хаген принялся возражать:

— Да черт с ней, с рыбой, папа! Мы нашли Фелицию!

Фраза оборвалась, и Хаген, вскрикнув, сжал голову руками, впервые узрев истинный лик Аваддона. В теплом ночном воздухе разлился смрадный запах рвоты, а в ментальном эфире возник отвратительный привкус ужаса. Но тут Клу бросила против своего чудовищного отца все

---

note notes: Note8

одежда полинезийцев в виде прямоугольного куска ткани с флористической росписью

свои мягчительные психопобуждающие силы.

Хаген пошатнулся и упал на руки Элаби и Вона. Рыболов ждал, снова задернув сознание завесой. Благодаря заботам Клу Хаген постепенно перестал давиться рвотой и всхлипывать. Весь испачканный блевотиной, он нащупал под ногами опору, отстранился от остальных и встал, покачиваясь, на палубе.

— Папа… ты… должен… выслушать, — задыхаясь, проговорил он.

При виде такого упрямства Марк непроизвольно улыбнулся. Косо падающий лунный свет подчеркивал легкую ямку на его подбородке, а тени делали его кустистые брови похожими на крылья. С густых вьющихся волос, в последнее время засеребрившихся наперекор его дару самоомоложения, все еще сочилась влага. На выступающих скулах и тонком носу с изящно вырезанными ноздрями поблескивали похожие на слезы капли соленой воды.

Марк отверг попытку Хагена представить информацию мысленно.

— Рассказывай, — потребовал он.

— Фелиция… Фелиция согласилась, чтобы мы прибыли в Европу и встретились с ней. Мы пообещали, что поможем ей найти и уничтожить

психокорректора-тану, который ее пытал. Папа, ты должен нас отпустить!

Психоэнергетические тиски мягко встали на прежнее место и чуть-чуть сжались, заставив молодого человека опасливо затаить дыхание. Он был копией своего отца, однако копией не столь выразительной, без бычьей шеи Марка и без глубоко запавших глаз. Как и его сестра, Хаген унаследовал от умершей много лет назад Синдии Малдоуни золотисто-рыжие волосы и оголтелое упрямство.

— Для нас это огромная удача! Фелиция поддается внушению, уверяю тебя. Если удастся навязать ей какое-нибудь из твоих смирительных устройств, то у нас с Элаби, Джилиан и Клу будет средство взнуздать ее! Это опасно, потому что она разрешило отправиться к ней только пятерым. Но если ты будешь через трансментальную связь давать нам тактические наставления, я уверен, что мы сумеем обработать ее.

Ментальные клещи сжались. Хаген застонал и стиснул кулаки так, что ногти впились в ладони. Он ощутил, как Клу привела в готовность дренирующую силу психокоррекции, чтобы в случае необходимости оттянуть на себя лавину боли.

— Значит, только пятерым, — повторил Марк.

— Она сказала, что к ней могут явиться только пятеро. Не знаю, правду ли она говорила, что сможет обнаружить лишних, но рисковать не стоит.

— И к ней собираетесь отправиться ты, Клу, Элаби, Джилиан и Вон — он, я полагаю, для трансментальной связи.

— Да.

В приветливой улыбке Марка появилось что-то леденящее душу.

— И что же вы станете делать с этим чудовищем, если вам удастся покорить ее?

— С ее помощью мы добьемся господства в Европе! Надавим на Элизабет, чтобы она подтянула нас до статуса магистров! Папа, мы не можем оставаться здесь и гнить с твоими старцами, не можем и не будем. Мы все вымрем на этом чертовом острове!

Мысленная удавка ослабла. Марк заговорил по-доброму:

— Этим летом я собирался привлечь тебя к работе по звездному поиску. Из всего второго поколения ты обладаешь наилучшими потенциальными данными

— выносливостью в сочетании с широким спектром метафункций.

— Черт бы тебя побрал! — заорал Хаген Реми-

лард. — Неужели ты никогда не признаешь, что там ничего нет? Плиоценовая галактика еще слишком незрела для единения разумов! Вы обречены на одиночество, папа? И мы вместе с вами тоже обречены на одиночество! А Элизабет — она Великий Магистр, она наставник, который по крайней мере облегчит нам первые шаги к Единству прямо здесь, на Земле.

Марк повернулся к дочери.

— Ты тоже считаешь, что избранный мною путь никуда не ведет?

Клу распахнула перед отцом сокровеннейшие глубины своего сознания:

«Да, папа. В галактике нет обладающей ментальным сродством негуманоидной расы, которая вызволила бы нас из Изгнания. Все, что мы имеем, все находится здесь».

— И ты поощряешь этот набег с похищением? Этот пиратский рейд?

Клу отвернулась, голос ее стал колким, а барьеры вновь водворились на место.

— В Европе есть и другие люди. Люди, принадлежащие к нашей культуре, которые сочувственно отнесутся к нашим целям. Потоп подточил основы танусского общества, и не исключено, что без нашего вмешательства фирвулаги приберут

к рукам весь регион. А фирвулаги — активные метапсихотики, папа. Не забывай об этом. Становление их менталитета тормозилось до сих пор кровавыми обычаями, и из-за своих индивидуалистских традиций они так и не научились согласовывать свои действия путем истинной метагармонизации. Но их мировоззрение быстро меняется. Пускай даже всех тану возглавит Эйкен Драм, все равно они слишком малочисленны по сравнению с фирвулагами, чтобы верховенствовать. Но с нашей помощью люди и тану, объединившись, легко смогут противостоять фирвулагам.

— И еще с помощью кое-какого оружия, которое ты припрятал, — добавил Хаген.

— Помимо этого в Европе есть и еще кое-что, — сказал Марк.

Пятеро молодых людей уставились на него.

— Там находится выход темпоральной деформации. Врата времени. Ваша истинная мечта — заново открыть их. Но уже с этой стороны. Вот основная цель всего предприятия! Вы что, всерьез рассчитывали, что сможете скрыть от меня правду?

Хаген почувствовал необычное облегчение.

— Ты, разумеется, прав, папа. Мы готовы на

все, лишь бы получить то, от чего ты за ненадобностью отказался… Теперь можешь убить меня, если считаешь, что тем самым убедишь остальных уверовать в тебя. Только это не поможет. И ты сам это знаешь.

Прежде чем Марк успел как-то отреагировать, Элаби Гатен оттолкнул Хагена в сторону. Энергия его мысли вырвалась на свободу ослепительным заревом, столь же неудержимым, сколь и неожиданным, и приостановила гнев Аваддона ровно настолько, чтобы у того успело зародиться любопытство и по лицу скользнула кривая улыбка понимания. В этот миг просветления Марк осознал, что планы завоеваний, розысков Фелиции, замыслы насчет врат времени — все придумано вовсе не Хагеном, а Элаби. Элаби Гатен — такой скромник, такой умелец, такой мастер синтеза. Такая умница, и вот он стоит

— мозг нараспашку — и ждет прикосновения психокорректорского зонда Марка (и ведь не дрогнет под его безжалостным острием). Элаби Гатен, имеющий дерзость любить его дочь и управляющий, словно марионеткой, его сыном. В мыслях молодого человека прочитывалось искреннее уважение к предводителю мятежа операторов и сожаление о неосуществившейся

великой мечте. Но была в Элаби и решимость, столь же непреклонная, как и решимость самого Марка, уверенность, что ему и его молодым сверстникам дано будет самим вершить свою судьбу.

— Жаль, что я не обратил на тебя внимания раньше, — сказал Марк. — До того, как все закостенело.

— В наших компьютерных архивах, сэр, — обратился к нему Элаби Гатен,

— в полном объеме сохранились данные Гудериана. Мы знаем технологические параметры и производственные характеристики всех элементов устройства. Если мы установим контроль над Европой, то получим доступ не только к самим вратам времени, но и к исходному сырью, которое использовал Гудериан, к редкоземельным элементам, ниобию и цезию, отсутствующим в плиоценовой Северной Америке. Обосновавшись в Европе, мы смогли бы привлечь к сотрудничеству технических специалистов Галактического Содружества, еще уцелевших среди путешественников во времени. Я уверен, что аппарат Гудериана удастся собрать, пусть это и потребует значительных усилий и затрат времени.

Марк рассмеялся.

— Собрать аппарат — значит успешно задействовать двусторонние врата времени. И вы хотите, чтобы я согласился на это? Агентам Содружества нет дела до вас, детей. Но даже спустя двадцать семь лет они проявят живейший интерес к моей персоне!

Мысли и голос Элаби зазвучали с самым утонченным тактом:

— После того как мы уйдем в Галактическое Содружество, мы сможем сделать так, что обе части аппарата будут разрушены. Можно уничтожить и сами выходы из туннеля времени. Ведь вам известно, что темпоральная деформация порождается уникальной геологической аномалией, территориально ограниченной небольшим участком в долине Роны. Если существенно изменить геологическую структуру, врата времени закроются необратимо.

— Ты по-прежнему будешь находиться в безопасности, папа, — сказала Клу, придвигаясь поближе к Элаби. — А мы… — Ее голос смолк, но мысль завершила фразу: «Мы сможем отправиться домой».

— Вы могли бы сами проследить за уничтожением складки времени со стороны плиоцена, сэр, — сказал Элаби.

Катер развернуло вокруг якорного троса. Начался прилив, и поднимающаяся в эстуарий морская вода пересиливала медленное течение Сувонны. Скоро тарпоны уйдут с нагульных участков на рифах залива и вновь устремятся вверх по реке. Но Марк уже утратил интерес к огромным рыбинам. Крах, постигший его за миг до победы, сыграл с ним злую шутку, оставив после себя скрученное в тугой комок ощущение катарсиса. Марк потерпел неудачу в борьбе со своим противником, но теперь это осталось в прошлом. Начинать все заново было бы невыносимо.

Гатен трезво и рассудительно обрисовал свой проект.

— Нам понадобится два дня, чтобы подготовить все необходимое снаряжение и оснастить кеч note 9 Джилиан, что стоит в бухте Манцинелла. Само путешествие в Европу займет одиннадцать дней. Фил говорит, что погодные условия над Атлантикой великолепные. Встречного ветра, мешающего нам, не будет. Вон будет держать вас в курсе всех наших передвижений. Когда мы встретимся с Фелицией, вы сможете давать нам подробные инструкции о том, как надлежит

---

note notes: Note9
двухмачтовое парусное судно

действовать.

— Можете отправляться, но без Хагена, — сказал Марк.

— Нет, папа! — выкрикнул его сын.

Глаза Аваддона под разлетающимися бровями полыхнули огнем.

— Эта авантюра крайне опасна, более того — безрассудна. Вы сильно недооцениваете Фелицию. А я знаю ее очень хорошо, потому что именно я выковал цепь метагармонизации, связавшую нас всех воедино. Ваш план обуздать ее с помощью смирительного устройства нереален. Никакие устройства ее не сдержат, как не сдержали бы они меня!.. Вам придется действовать хитростью и, используя ее помешательство, принудить саму наложить на себя оковы.

Марк мысленно обратился к Клу:

«Мастерства психокорректора у тебя достанет сполна, оно фактически равно моему. Не уверен только, достанет ли у тебя отваги».

«Ради такой цели, папа, я готова на все», — откликнулась Клу.

«Знаю».

Мысли Марка помрачнели и окрасились скорбью. Ему придется отпустить дочь, даже если эта опасная затея приведет к ее гибели. Он не

отваживался рисковать, не мог позволить ей повторить путь Синдии. Дочь была для него потеряна. Но сын…

— Почему я должен оставаться здесь? — запальчиво спросил Хаген.

— На тот случай, если остальных постигнет неудача. Мне нужно иметь преемника для звездных поисков.

Молодой человек взъярился:

— Ты старый дурак! Сколько можно жить в мире грез? Будь я проклят, если соглашусь провести остаток жизни закованным в это долбаное снаряжение, охотясь за тем, чего не существует!

Остальные четверо молодых отпрянули, охваченные ужасом. Последовала нестерпимо яркая вспышка, сопровождаемая порывом раскаленного воздуха. Тело Хагена заколыхалось, сплавляясь в сияющий светоч. Его крики становились все громче, все тоньше, затем перешли в хриплый ритмичный свист. Нечто огромное и серебристое, полыхающее внутри кокона из астрального пламени, с невообразимым всплеском перевалилось через корму катера.

Марк сказал Элаби:

— Вместо Хагена возьмешь с собой в Европу Оуэна Бланшара. Во время Мятежа он был моим

лучшим психоиндуктором, и на него ляжет ответственность за дублирующую трансментальную связь в том случае, если с Воном что-нибудь случится. Оуэн будет моим личным представителем и проследит, чтобы я получал точные отчеты о ваших действиях.

— Но, сэр… ведь он так немощен, — начал было Элаби.

— Значит, будете относиться к нему с повышенной заботой! — прогремел Марк. — Бланшар отправится с вами.

— Слушаюсь, сэр.

Разум Клу источал слезы.

«Папа, бедный Хаген…»

В руке у Марка неожиданно появился снятый с удилища рыболовный крючок со свисающей с него искусственной мушкой. Из сердцевины образования из сероватых прожилок и алых перышек поблескивало стальное острие.

— О нем не беспокойся. Я решил не дожидаться лета, а начать его подготовку прямо с сегодняшней ночи.

У поверхности черной воды перекатывался тарпон, заглатывая воздух и обволакивая себя облачком сверкающих пузырьков. Чешуя рыбины жутковато светилась. Марк Ремилард

окинул животное удовлетворенным взглядом. Перебравшись через транец, он полез обратно в свой ялик.

— Уверен, что Хаген утихомирится и охотно возьмется за обучение. После того, как немного посидит на крючке.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВЕЛИКАЯ ЛЮБОВЬ

1

Сразу же после потопа властелин Луговой горы Суголл добился избирательных прав для своих подданных — изгоев и уродов ревунов. Прошло уже несколько столетий с тех пор, как мутанты-ревуны откололись от племени фирвулагов, и вот теперь вновь присягнули трону Высокой Цитадели и проголосовали за избрание новых монархов — Шарна и Айфы. Суголл примкнул и к союзу фирвулагов с первобытными, заключенному покойной мадам Гудериан с покойным королем Йочи IV, и к перемирию между тану и фирвулагами, объявленному узурпатором власти Эйкеном Драмом.

Из-за изолированного положения Луговой горы Суголл не знал, что фирвулаги в течение зимы то и дело нарушали условия перемирия, нападая на города тану и поселения первобытных, взваливая вину на ренегатов ревунов. Впрочем, короля Шарна и королеву Айфу не больно-то волновала судьба вновь обретенных подданных, пока на исходе января в Высокую Цитадель не поступило следующее послание:

ИХ КОРОЛЕВСКИМ ВЕЛИЧЕСТВАМ ОТ СУГОЛЛА,

АЙФЕ И ШАРНУ-МЕСУ, Властелина Луговой горы, Полновластным Властелинам предводителя ревунов и Высот и Глубин, вашего верного вассала Монархам Адской Бесконечности, Отцу и Матери Всех Фирвулагов, Незыблемым Стражам Всем Известного Мира

Выражая искренние поздравления по поводу вашего избрания, льщу себя надеждой, что Ваши Величества разделят со мной радость моего бракосочетания с леди Катлинель Темноглазой, принадлежавшей до недавних пор к Гильдии Творцов и Высокому Столу тану. За ее благосклонное согласие стать моей супругой я неустанно возношу благодарственные молитвы всемилостивой богине Тэ.

Имею честь уведомить Ваши Величества о весьма знаменательном проекте, к коему в течение многих месяцев было приковано все мое внимание. Незадолго до минувшей Великой Битвы ко мне явилась экспедиция людей и, вручив мандат вашего светлой памяти предшественника Йочи IV, просила указать дорогу к легендарной Могиле Корабля. От ученого-антрополога, входившего в состав экспедиции, мы получили некую жизненно важную для всех нас информацию.

А именно: основная область нашего расселе-

ния — пещеры и гроты в недрах Луговой горы — находится в непосредственной близости от радиоактивных минералов, которые за много веков оказали на протоплазму моего народа губительное воздействие, неминуемо сказавшееся в последующих поколениях и хорошо всем известное.

Гипотезу антрополога впоследствии подтвердил другой ученый — лорд Грег-Даннет, в прошлом Грегори Прентис Браун, главный генетик, занимавший авторитетное положение в медицинских кругах Галактического Содружества и канувшей в вечность Мюрии, а ныне почетный гражданин Луговой горы, первый специалист подобного профиля в Многоцветной Земле.

На протяжении минувшего месяца Грег-Даннет со всей тщательностью исследовал моих подданных с целью найти выход из создавшегося положения, и мне радостно сообщить Вашим Королевским Величествам о том, что он нашел пути к спасению нашего несчастного, ущербного народа. Кое-кто из моих сограждан сможет обрести относительно нормальный вид в целительной Коже тану, если соответствующие специалисты из числа наших извечных врагов согласятся сотрудничать с нами. Прочим же мутантам остается

уповать на будущее, дабы увидеть исчезновение губительных факторов в еще не рожденном поколении. Замечу, что оздоровительная программа с вашего благосклонного соизволения может быть введена в действие безотлагательно.

Первым делом лорд Грег-Даннет рекомендует нам переселиться с Луговой горы в места, не зараженные радиоактивностью. Мы приняли решение с окончанием сезона дождей оставить наши земли и явиться в Высокую Цитадель как верноподданные фирвулаги, согласные занять те участки, которые вы милостиво отведете нам для обитания.

В качестве дальнейших оздоровительных мер лорд Грег-Даннет советует пополнить наш иссякающий генофонд за счет притока свежей наследственной плазмы здоровых фирвулагов, ибо это могло бы заменить более сложные генетические операции, требующие вмешательства опытных специалистов. Заверяю вас, что мой народ готов отказаться от старинной вражды, которая веками препятствовала общественным и половым контактам между нами и нашими нормальными братьями и сестрами.

В преддверии праздника Великой Любви я намерен представить ко двору целую плеяду дев

из лучших семейств, с тем чтобы они по традиции вошли невестами в дома ваших доблестных парней. Разумеется, эти девицы примут самые соблазнительные иллюзорные обличья и принесут в приданое будущим мужьям несметные богатства из недр Луговой горы. В знак нашей признательности маленькому народу за счастье воссоединения мы обязуемся взять на себя все расходы по устройству брачных торжеств в стане фирвулагов.

Рассчитываем быть в Высокой Цитадели примерно через пятнадцать дней после весеннего равноденствия. До того времени вы, без сомнения, успеете подобрать нам подходящий для заселения район и распределить наших невест по семьям их избранников.

Остаюсь преданным слугой Ваших Величеств Суголл.

— Ну и наглец! — Шарн в сердцах опустил на стол могучий кулак.

Амбарные книги, чернильница, диктофон двадцать второго века и любимый кубок короля, сделанный из черепа лорда Велтейна, пустились в пляс на полированной дубовой столешнице.

— Позвать сюда ихнего курьера, черт его дери! Уж я этому ублюдку Суголлу такой ответ сочиню,

чтоб его перекорежило от рогатой башки до пят! К нам он, видите ли, пожалует! И невест своих поганых приведет! Не хватало нам только нашествия паралитиков!

— Он вроде бы очень богат, — задумчиво произнесла Айфа. Она сидела за отдельным столом, примыкающим к столу супруга, и покусывала остренькими зубками серебряную паркеровскую ручку.

В кабинете было светло, тепло и уютно. И не скажешь, что расположен он в пещере, затерянной среди туманных Вогезов. Медная жаровня, устроенная внутри просторной изразцовой печи, по форме напоминающей репу, могла бы обогреть десяток таких помещений. На буфете стояли остатки королевского обеда, затребованного сегодня в кабинет. Стены были увешаны искусно подобранными по цвету знаменами и оружием тану — трофеями недавней Великой Битвы. На столах-близнецах стояли толстые свечи с трехжильными фитилями.

— Сукин сын думает, что его дело в шляпе! — возмущался Шарн. — Привык, что бедняга Йочи во всем ему потакал. Но теперь я — король, и со мной эти номера не пройдут.

— Не с тобой, а с нами, — возразила рыжегри-

вая красотка-воительница.

— Между прочим, письмо довольно интересное. — Силой взгляда она подняла брошенный на пол листок. — Хм, об этом переселении стоит подумать!

— Нет для них места в Высокой Цитадели! — отрезал Шарн. — Ведь их там, поди, тыщ семь-восемь, не меньше. Пускай в Альпы чешут, или в Фаморель, или в Пустынные пещеры, или в Конейн. Да простит меня Тэ, у нас и без них забот по горло. Чего доброго, станут мне диктовать свою волю.

— Нионель. — Королева Айфа пробежала глазами письмо и улыбнулась. — Вот куда мы их наладим.

Шарн, собиравшийся было разразиться новой гневной тирадой, закрыл рот, его брови изумленно взлетели вверх. Надо же, сообразила! Он восхищенно глянул на жену.

— Точно! Нионель! Пока они там все обустроят — не один год будут при деле. В Нионели можно и Великую Любовь отметить, а потом, осенью…

— Новые игры! Наконец-то на нашем Золотом поле.

Они мысленно обнялись, радуясь такому удачному решению. Суголл и его орда наверняка

богаты и очень помогут фирвулагам, если согласятся заселить город-призрак Нионель близ Парижского бассейна. В окрестностях Нионели находилось ритуальное поле битвы маленького народа, которое уже сорок лет не использовалось ввиду того, что во всех Великих Битвах побеждали тану.

— Где ж нам еще проводить игры! — ликовал Шарн. — Хотя золотой петушок в последний миг и вырвал у нас победу, но в этом году им новое поле ни за что не подготовить. А Серебристо-Белая равнина метров на пятьдесят залита соленой водой.

— Думаю, Эйкен согласится, надо только дипломатичный подход найти. Пообещаем ему новый трофей взамен утерянного Меча, как задумали… Голову на отсечение даю, дело у нас выгорит.

— Одно меня гложет, Айфи… эти чертовы невесты.

Айфа снова задумалась.

— Ну почему… У них может быть вполне презентабельный вид. Иллюзионисты они великие, а приданое — не последняя вещь. Да и сколько их там будет, этих невест — штук двадцать-тридцать в худшем случае. Вспомни, что докладывала об их численности Фитхарну мадам Гудериан.

Уж как-нибудь найдем десятка три семейств, которые желают поправить свое материальное положение выгодным браком.

— М-да, — размышлял король, — это и вправду может сработать. Почти наверняка. Нам не с руки настраивать против себя выскочку Суголла. Мало того, что гражданской войны тогда не миновать, так еще не забывай — только он знает дорогу к Могиле Корабля. А это нам очень даже скоро пригодится.

ОТ ШАРНА И АЙФЫ, ВЕРХОВНОГО ВЛАСТИТЕЛЯ И ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИТЕЛЬНИЦЫ МНОГОЦВЕТНОЙ ЗЕМЛИ

Приветствуем тебя, Властелин Луговой горы, наш любимый и верный вассал!

С великой радостью и надеждой узнали мы о твоей женитьбе и твоих чаяниях восстановить генетическую целостность.

Добро пожаловать в Высокую Цитадель! Мы уже подыскали для вас идеальное местечко и по вашем прибытии сообщим тебе его координаты.

Принять в наше лоно, несомненно, прекраснейших дочерей твоего народа на празднике Великой Любви — большая честь для нас. Эту перспективу мы также обговорим в деталях при встрече.

Посылаем наши искренние пожелания счастья и плодовитости будущим новобрачным, вечную любовь и радость всем ревунам, а тебе и твоей светлейшей супруге леди Катлинель наши поздравления и вещественные знаки монаршей благосклонности, кои могут оказаться весьма полезными во время путешествия, доведись вам встретить ядовитых гиен или диких собак, что кишмя кишат в долинах Рейна. Перед употреблением внимательно прочитайте инструкцию.

Обращаем твое внимание на принятое нами более простое обращение:

АЙФА, ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА.

ШАРН-МЕС, ВЕРХОВНЫЙ ВЛАСТИТЕЛЬ.

Приложение: Три ружья на солнечных батарейках марки «Гускварна IV-Г».

Получив удовлетворительный ответ с трона фирвулагов, Суголл немедля созвал своих подданных-чудовищ. Шарн и Айфа глубоко заблуждались, полагая, что в Высокую Цитадель пожалуют лишь мутанты Фельдберга. Обнадеживающие прогнозы Грега-Даннета докатились и до других поселений ревунов, давным-давно переселившихся подальше от радиоактивных подземных пещер.

Быстро собрав пожитки, несчастные уроды

снимались с насиженных мест в сердце Фенноскандии, где зимние ночи долги и теплы под вечно пасмурным небом, и тянулись на юг через Янтарные озера; толпы ревунов стекались с далекого Швабского и Франконского Альба, с богатых разнообразными минералами Эрцегебирге, из неведомой Богемии. И все несли с собой немало добытых драгоценных камней и металлов, коими щедро — в пародии на великолепие — украшали свои обезображенные тела. Нищим и убогим мутантам Герсиньянского леса, что к западу от Рейна, предложить было особо нечего, но и они, откликнувшись на призыв Суголла, проделали трудный путь через Вогезы к подземным деревням Шварцвальда, где сердобольная Катлинель всех устроила, накормила и обогрела в верхних сухих пещерах. Все, кроме совсем уж немощных, направились добывать провизию в дорогу и строить лодки, дабы во всеоружии встретить тот день, когда небесные светила возвестят приход плиоценовой весны.

И вот окончились дожди обыкновенные, посыпали звездные, вода в подземных реках Фельдберга вошла в берега, снизилась до судоходного уровня. У ревунов все было готово к великому исходу.

Спустя десять дней после равноденствия мутанты стройными рядами двинулись к наводящему ужас стволу под названием Шахта Алики. Вслед за краткой молитвой, которую Суголл вознес богине Тэ, подъемный механизм пронзительно заскрипел, и огромные клети, перевозящие путешественников с зажженными факелами, устремились вниз. Особи мужского и женского пола, гермафродиты и бесполые, старые и малые, умопомрачительно изуродованные и почти нормальные ревуны с прощальным пением и улюлюканьем, подобно адскому хору, выплыли из недр Луговой горы.

Выйдя из лифта, они выстроились в одну шеренгу и, перешагивая через темные гранаты, желтые и розовые бериллы, зеленые турмалины, лежавшие под ногами в роскошном небрежении, по естественным расщелинам и трещинам спустились еще глубже, в гранитные россыпи Фельдберга, где факелы дымились в промозглой сырости и шипели от падающих сверху капель, а от стен эхом отдавалась жуткая песня ревунов.

Наконец все добрались до подземной пристани на берегу озера, черного, словно пласт оникса. Пристань была недавно вновь отстроена, освещена светильниками, наполненными

кипящим маслом; на пристани их ожидала флотилия прочных лодок, и в каждой стоял наготове монстр-кормчий, вооруженный шестом для измерения мелей. Высоко подняв факелы, не прерывая пения, ревуны вошли в лодки. Богато украшенная лодка Суголла была флагманом. Вскоре плавучее факельное шествие растянулось по черной воде насколько хватал глаз.

Мало кто из ревунов когда-либо пускался в столь дальний путь. Вся толща Фельдберга изрезана водяными пещерами, в которых бурлили черные водопады и текли сложно разветвляющиеся ручьи. Верхние уровни пещер, равно как и подземные притоки Истрола и Райской реки, хорошо изучены, но лишь самые заядлые путешественники отваживались пускаться вплавь по черному озеру, да и то в стародавние времена. Вот почему в народе не осталось даже смутных воспоминаний о том, что лежит за ониксовой гладью.

Единственным ориентиром было ясновидение Катлинели, но под землей и оно ослабло. Флотилия углубилась в довольно широкий естественный туннель, правда, с низким потолком. Колеблющиеся отблески факелов скользили по пропитанным влагой минеральным обра-

зованиям. Эхо песни стало таким гулким, что ревуны испуганно притихли. Чтобы немного их подбодрить, Катлинель распахнула свой ум и стала рассказывать истории из жизни тану и фирвулагов, кульминацией которых были эпизоды недавней Великой Битвы и потопа, поведанные ей по телепатическому каналу уцелевшими членами Гильдии Творцов.

Через пять часов сделали привал. После отдыха и обильной трапезы путешествие возобновилось с новой командой лоцманов. Теперь массовикомзатейником выступал Грег-Даннет: он прочел многочасовую телепатическую лекцию о мутагенных эффектах повышенной радиации и биоинженерных способах восстановления хромосом. Факелы один за другим гасли, пассажиры засыпали, и вскоре со всех сторон доносились лишь плеск воды, хлюпанье шестов и приглушенное посапывание детей.

Суголл и Катлинель уселись рядышком на корме, а Грег-Даннет прикорнул позади них на кожаном матрасе. Повелитель и повелительница ущербного народа, пытаясь вселить друг в друга надежду и умерить страхи, смеялись над тем, как отнесутся король Шарн и королева Айфа к приготовленному им сюрпризу. Они-то небось ждут не

больше семисот жителей Луговой горы, а к ним пожалует девять тысяч чудовищ-переселенцев. Из них ни много ни мало тысяча двести пятьдесят шесть — девицы на выданье.

Прошло чуть меньше суток с тех пор, как путешественники переплыли черное озеро, и те, кто бодрствовал, вдруг ощутили в дуновении воздуха не просто стерильный холод, а новые запахи перегноя и водорослей. Спящие зашевелились и навострили уши, дети начали перешептываться. Недоуменный рев перелетел из конца в конец флотилии. Наконец Катлинель внутренним зрением определила, что река выходит на поверхность.

Впереди развиднелось. Лоцманы схватились за шесты, и лодки во всю прыть устремились к последней излучине. Тонкая завеса ветвей прикрывала зев пещеры. Катлинель встала, прижала пальцы к золотому торквесу и невидимым психоэнергетическим лезвием обрубила сучья, так что те разом попадали в воду. Из основания огромной, заросшей лесом скалы лодки вырвались на простор посеребренной лунным светом равнины. По обоим берегам раскинулись одетые росистой травой луга. Близ реки виднелись рощи веерообразных пальм и заросли плакучей ивы.

Ревуны, поняв, что теперь их уродство уже не скрыто пещерным мраком, начали поспешно его маскировать. Рогатое, хохлатое чудовище, что сидело подле Катлинели на протяжении всего путешествия, превратилось в не уступавшего красотой самим тану высокого гуманоида в усыпанной драгоценными камнями охотничьей куртке и островерхом шлеме с небольшим венцом.

— Ты видишь, куда ведет река? — спросил жену Суголл.

Катлинель сосредоточилась; теперь ее метафункции позволяли видеть в радиусе нескольких десятков километров.

— Там, внизу, очень широкая река. Она вытекает из огромного озера в Гельветидах. Чуть дальше от места слияния с нашей рекой она поворачивает под прямым углом и течет на север. — Катлинель нарисовала картину перед мысленным взором Грега-Даннета.

— Так это же Рейн! — обрадовался Чокнутый Грегги. — Аккурат как мы рассчитывали. Теперь поплывем по течению до пристани в Высокой Цитадели.

— И долго нам еще плыть? — спросил Суголл.

Катлинель наморщила лоб.

— Менее суток. Течение тут быстрое, ведь река бежит с Альп. Можно пристать к берегу и отдохнуть до утра. На заливных лугах хищники не водятся, во всяком случае я не чувствую поблизости признаков жизни.

— А если и подкрадется какая тварь, — подхватил Грегги, — мы ее живо уложим с помощью подарков Шарна и Айфы. Догадываетесь, откуда эта контрабанда? Ни для кого не секрет, что путешественники во времени тайком провозили оружие и прочее запрещенное барахло, но мы, привилегированные люди, полагали, что тану его уничтожают, а они им, оказывается, спекулировали, хи-хи! Ох, давно мечтаю пригвоздить какого-нибудь саблезубого… Десятитонная клыкастая туша — у моих ног!.. В Мюрии меня никогда не пускали на охоту, — добавил он со вздохом. — Говорили, что боятся за мою жизнь, так как я незаменим.

— Это правда, Грегги, — улыбнулся Суголл, глядя сверху вниз на щеголеватого генетика и не переставая отдавать телепатические команды о высадке на берег. — Ты незаменим. Но я тебе обещаю: мы с тобой непременно затравим какую-нибудь крупную дичь. Только, чур, не ходить в одиночку! Потеря такого специалиста была бы

для нас полной катастрофой.

Старикашка принялся его разуверять. Потом обвел взглядом флотилию и пассажиров, высыпающих на берег.

— По-моему, они просто великолепны в своих иллюзорных образах. А вы с Кэт — замечательно красивая пара!

Повелитель ревунов нахмурился.

— И ты не можешь распознать наших чудовищных обличий?

— Ни тени!

— Будем надеяться, что наши маски окажутся столь же непроницаемыми для повелителей фирвулагов. И для женихов на празднике Великой Любви.

— Девять тысяч! — прохрипел Шарн. — О Богиня!

— Бакенщики их дважды пересчитали, вельможный, — ответил Фитхарн. — Девиц больше тыщи. Все в красных сапожках, венках, лентах, а рубинов, да сапфиров, да опалов где только не понатыкано.

— Ну и как они выглядят? — угрюмо спросила Айфа.

Фитхарн замялся. Поджал губы, прищурился, почесал в затылке и снова надвинул на голову

островерхую шляпу.

— Ну? — не отставала воительница. — Чего молчишь?

— Ежели в темной спальне. Ваше Величество, да глаза налить как следует…

— Неужто такие уроды? — взревел король.

— Маски-то у них распрекрасные, святая невинность, но, боюсь, настоящего фирвулага им нипочем не обмануть.

— Мы не можем их здесь принимать, — заявила Айфа. — Будет бунт.

— Это в лучшем случае, — вздохнул Шарн.

— Хотите моего совета? — откликнулся Фитхарн. — Надо их спровадить прежде, чем они доберутся до Высокой Цитадели. Встретить их на дороге, устроить пикник — много музыки, выпивки, группа приветствия из нашей самой надежной знати — только чтобы ни у кого неженатых сыновей не было. Задурите этим чучелам мозги, как выражался мой старый друг вождь Бурке. Скажите, что путь до Высокой Цитадели трудный и вы, мол, не хотите их утомлять. К тому же все дворцовые сортиры, как на грех, вышли из строя. А им, ревунам, еще топать и топать — до самой Нионели, через Бельфорскую впадину.

— Поговорим с ними о новом городе, — пе-

ребила Айфа. — Покажем умственное кино! Пообещаем скидки на стройматериалы. Дадим вьючных животных и резвых скакунов, чтобы облегчить им путешествие.

— Как?! Отдать моих иноходцев и элладотериев? — простонал король.

— Еще наворуешь, — отрезала жена. — Для такого дела не жалко. Чем быстрее уроды уберутся из Вогезов, тем лучше.

Шарн беспомощно покрутил головой.

— Но это же не решение проблемы. До мая продержим наш народ в неведении, а дальше что? Мы ведь уже дали согласие провести праздник за счет ревунов.

— Придумаем что-нибудь, — успокоила его Айфа. — К тому же нас с тобой здесь не будет. Или забыл? Мы обещали провести Великую Любовь в Гории с Эйкеном Драмом, Мерси-Розмар и всем уцелевшим цветом и рыцарством тану.

— Благодарение Тэ за маленькие радости. Там нам не о чем будет печалиться, кроме как о том, чтобы кто-нибудь не пристукнул.

— Ну так что? — спросил Фитхарн. — Распорядиться насчет пикника?

— Валяй, — кивнул Шарн. — Это ты хорошо удумал, Деревянная Нога. Назначаю тебя церемо-

ниймейстером. — Обряжайся в лучшие одежды, доставай из сундука золотую ногу, оправленную в рубины. Будем пудрить мозги этой армии страшилищ, пока у них голова кругом не пойдет. Они не должны заподозрить подвоха… Как думаешь, принесли они с собой свои сокровища?

— Бакенщики докладывают, что лодки ревунов переполнены сундуками и мешками.

Айфа удовлетворенно вздохнула.

— Ну, тогда все как-нибудь образуется.

Торжественная встреча состоялась в устье реки Онион, к югу от Высокой Цитадели, в прелестном уголке, где соловьи пели в густой листве и деревья роняли цвет, как в идиллической пасторали. Король и королева фирвулагов со свитой из самых проверенных придворных, почетным караулом воителей и воительниц и почти всем штатом королевских кухонь закатили такой пир, каких наивные ревуны в глаза не видывали.

Отяжелев от пищи, вина и психоактивных паров, переселенцы охотно согласились отправиться в Нионель. Монарший дар: четыреста иноходцев в полной сбруе и вдвое больше элладотериев с повозками, а также стадо недавно прирученных маленьких гиппарионов — для разведения породы — был принят оболванен-

ными монстрами с изъявлением восторженной благодарности. После тщательно разыгранных протестов Шарн и Айфа соблаговолили принять двойной вес всего стада в драгоценных камнях — в качестве частичного погашения налогов, которые нация ревунов задолжала трону за прошедшие восемьсот пятьдесят шесть лет.

Вопрос о вводе невест в благородные дома фирвулагов был деликатно замят. Этот обычай, объяснили Суголлу, в среде нормальных фирвулагов давно не соблюдается, и было бы странно его теперь восстанавливать. Король и королева в один голос заверили властелина ревунов, что невесты будут чувствовать себя гораздо счастливее (и полезнее) со своими семействами в Нионели. Там они не только примут наравне со всеми участие в восстановительных работах, но и собственноручно уберут брачные покои, чтобы разделить их со своими будущими супругами. На празднике Великой Любви юные ревунши совершат брачные ритуалы вместе с девицами из стана фирвулагов, и юноши будут спариваться с девушками на основе взаимного выбора. Притом королева Айфа высказала опасения, что невесты-мутантки окажутся в несколько невыгодном положении, ведь их число непропорционально

велико, однако она лично разошлет пригласительные билеты в самые отдаленные уголки своих владений «диким» фирвулагам, лишь формально подчиняющимся трону, и тем самым обеспечит дополнительный приток женихов. Но ежели какая-нибудь из пришлых красавиц в нынешнем году останется невостребованной, ее непременно «подцепят» на будущий год, как только слух об очаровании и богатом приданом дочерей ревунов разнесется по всей Многоцветной Земле.

На этой милой ноте королевский кортеж отбыл. Суголл, сбросив с плеч бремя тревог и страхов, удалился в свой парчовый шатер, дабы отдохнуть от тягостного двухдневного путешествия. А счастливые мутанты захрапели на той же поляне, где пировали, и приняли во сне свои естественные обличья.

Не спали только Грег-Даннет и Катлинель. Когда зашла луна и погасли костры, полукровка-повелительница и юркий генетик во фраке взяли фонари и пошли дозором по поляне — убедиться, все ли ревуны в добром здравии. Скопище гротескно деформированных тел, одетых с неуместной роскошью, расположилось в Дантовом беспорядке на примятой траве. Повсю-

ду валялись пустые фляги и грязная посуда.

Грег-Даннет нарушил молчание:

— Ты так ничего и не сказала Суголлу?

— Язык не повернулся. Он столько пережил за эту зиму — а тут еще путешествие, все время на нервах. Он боялся, что Шарн запихнет нас в какое-нибудь захолустье вроде Альбиона. Нионель по сравнению с ним кажется ему раем. Нет уж, пусть немного придет в себя, прежде чем узнает плохие новости. И смотри, Грегги, ни полслова, иначе я на тебя рассержусь.

— Не бойся, буду нем как рыба! — Генетик затряс своей обезьяньей головкой. — Король с королевой и челядью очень мило все обставили, но, бродя в толпе, я поймал много всполошенных мыслей. А ты, моя дорогая, с твоими возможностями наверняка сразу поняла, где собака зарыта.

— Этого следовало ожидать, — ответила Катлинель. — Ревунов никогда не вводит в заблуждение иллюзорный вид друг друга, а ведь они с фирвулагами принадлежат к одной и той же метапсихической модели.

Грег-Даннет удрученно вздохнул.

— Да, только для людей и тану, не обладающих даром ясновидения, маски останутся герметичными. Бедные маленькие дурнушки! Впрочем,

слияние генофондов было лишь частью нашего евгенического плана. У нас есть еще генная инженерия и Кожа.

— Да, но какой позор их ждет на празднике Великой Любви! Кто знает, как это на них отразится! Ох, Грегги, вот несчастье-то!

Она умолкла и высоко подняла фонарь. Под ивой расположились три маленьких страшилища: ножки-тростиночки переплетены, карликовые мордочки застыли в блаженном покое. На всех юбочки, расшитые драгоценными камнями, венки, красные сапожки.

2

Сидя на большом дереве, одиноко росшем посреди цветущей саванны, ворон внимательно следил за тем, как пара саблезубых кошек подстерегает добычу. Неподалеку беззаботно паслась стайка золотистых лиророгих газелей, и внезапно саблезубый самец напал на них из высокой травы. Они бросились врассыпную, но дорогу им преградила лежавшая в засаде самка. Почти небрежно она взрезала горло газели своими десятисантиметровыми клыками. Ее партнер был тут как тут и вожделенно облизывался.

В сердце ворона вспыхнула извечная жажда крови. Перед его принудительным напором кошки отступили, шипя выгнули спины, но ворон, не обращая на них внимания, нацелил клюв — острый эбонитовый кинжал — в огромный черный глаз газели. Животное перестало биться, отказавшись от борьбы. Ворон напился водянистой слизи, потом крови.

Но не почувствовал облегчения. Прежде все было иначе.

Он вспорхнул обратно на ветку и стал покачиваться там, отупелый, несчастный, глядя, как

свирепые кошки возобновили свою трапезу. Ну никакого удовольствия! Почему он не чувствует прилива горячей энергии, как бывало раньше, когда ему удавалось утвердить свою власть над жертвой? Почему нет былого восторга даже при проникновении взглядом в земную твердь?

Это его вина.

Солнце расползалось вширь, словно кровавый омут. Ворон уцепился за ветку, чувствуя, что мозг его туманится, а кишки пухнут. Наконец он выблевал темную слизь, затем, внезапно обессилев, выпустил ветку и, поскольку крылья не держали его, тяжело плюхнулся на землю, прямо в лужицу мерзкой блевотины.

И тут у нее возникло знакомое ощущение, будто ее колесуют, руки и ноги в колодках, а палач, зверея, концентрирует боль, которая вливается во все отверстия ее тела. Колесо вращается, глубже и глубже погружая ее в чан с нечистотами. Хотя во рту у нее распорка, она закрывает глотку вспухшим языком, чтоб не захлебнуться, а подавленный крик разрывает легкие. И едва симфония боли достигает апофеоза, палач применяет еще более изощренную пытку: сажает ее на кол. Солнечная вспышка. Поворот колеса в воздухе. Освобождение. Страх, смешанный с экстазом,

отступает, остаются унижение и позор.

«Хватит, довольно, — молит мучителя ее ум. — Нет…»

«Что, не хватит?»

Он заботливо счищает с нее скверну, смеется; его прекрасное лицо проглядывает сквозь кровавую пелену тумана; то и дело он осыпает поцелуями ее неподатливое тело (и это страшнее всего, потому что она готова разрыдаться от любви, от ненависти, от ужаса и полнейшего отупения).

«Кричи, — уговаривает он ее. — Проклинай меня, это станет твоим избавлением». Но она не произносит ни звука, закрывает глаза, чтобы не видеть его, и ум, чтобы не знать, что будет дальше, — теплые, нежные струйки на щеках.

«Тебе нравится. Ты получаешь удовольствие, потому что в этом твоя суть, из этого тебя сотворили…»

«Хватит, не хватит. Пусть я умру, лишь бы не видеть, не чувствовать.

— Агония разума. Очищающая боль сжигает мозг, яростно струится по его каналам. — Хватит. Не хватит…»

«Ну давай, кричи, — принуждает он. — Крикни хоть раз, напоследок».

Но она не кричит, и колесо, пройдя полный оборот, снова окунает ее в зловонный чан. Душа съежилась, укрылась в крохотном святилище, не заметное за раздражающими противоречиями наслаждения-боли, унижения-экстаза, любви-ненависти. Он разрушает, созидает ее. Сводит с ума и невольно высвобождает ее сверхчеловеческие метафункции. Убивает, совершая с нею акт любви.

«Хватит. Не хватит. О возлюбленный мучитель!»

Ворон едва барахтается в лучах кровавого солнца. Его диск вращается, стряхивает с нее вонючие капли, изъязвившие тело, потом один луч вытягивается, как ракета или огненный вихрь, и снова хочет пронзить ее лоно.

«Нет, не выйдет, — говорит она солнцу. — В боли уже нет наслаждения. И никогда не будет, пока я не сотру тебя с лица земли, о любимый!»

Саблезубые хищники насытились и уселись на солнышке, облизывая морды и лапы. Это были великолепные создания, мраморно-пятнистые, с темными полосами на голове и хвосте. Самец подошел к издыхающей вороне, но птица источала жуткую вонь и страдание, поэтому он лишь презрительно ткнул ее лапой, затем повернулся

к своей спутнице и позвал ее в чащу отдохнуть после сытного обеда.

Ворон очнулся от забытья и окликнул:

«Куллукет».

«Фелиция».

«Это ты, любимый?»

«Это я, Элизабет. Бедная моя девочка. Дай я помогу тебе».

«Поможешь?.. Хватит?..»

«Я прерву твои кошмары».

«Прервешь? Прервешь боль-наслаждение?»

«Наслаждения уже нет. Оно уже ушло. Осталась только боль. Больное сознание, исполненное муки, раскаяния. Я помогу».

«Ты? Только он может мне помочь. Если умрет».

«Неправда. Я сумею тебе помочь. Навсегда смою грязь. Ты станешь ясной и чистой, как новорожденная».

«Меня больше нет. Презренная, отверженная, изгаженная тварь — вот что я такое».

«Ошибаешься. Тебя можно исцелить. Иди ко мне».

«К тебе? А как же они? Ведь они идут сюда, чтобы воздать мне должное и последовать за мною. Чтобы утолить жажду моего сердца. А ты хочешь

заманить меня к себе? Ты дурадурадура…»

«Они лгут, Фелиция. Они не смогут дать тебе то, чего ты жаждешь. Они только используют тебя в своих целях».

«Не верю, они приведут ко мне моего возлюбленного, вернут мне радость!»

«Нет. Это ложь!»

«Они не могут лгать, они — ангелы тьмы».

«Они — люди. Активные операторы».

«Не дьяволы?»

«Люди. Лживые люди. Слушай меня, Фелиция. Ты ведь знаешь, я была в Галактическом Содружестве одной из лучших целительниц. Я вылечу тебя, если ты придешь ко мне по своей воле. И не потребую ничего взамен. Не посягну на твою свободу. У меня в мозгу блокировано супер-эго, поэтому я никогда не причиню зла живому существу. Я только хочу видеть тебя свободной, счастливой, в здравом рассудке. Другие ничего подобного не сделают».

«А вдруг сделают?»

«Спроси их».

«Спрошу! Я выясню, правду ли они сказали, что приведут ко мне Куллукета».

«Испытай их».

«Да. Хорошо. Элизабет! Ты в самом деле можешь

стереть мои кошмары! Знаешь, это не та боль».

«Знаю. Она — часть твоего недуга. Порой ты воспринимаешь боль как наслаждение. У тебя есть нарушения мозговой деятельности. Еще с детства. Но это можно поправить, если ты откроешься и добровольно впустишь меня. Согласна?»

«Не знаю. Хватит боли? Не хватит! КУЛЛУКЕТ! КУЛЛУКЕТ! КУЛЛУКЕТ!»

С хриплым карканьем ворон взмыл в воздух. Внизу в густой чаще дремали саблезубые хищники, а стадо газелей продолжало беззаботно щипать траву на равнине Испании.

3

Во дворе крепостного замка Афалии разворачивалось учебное сражение. Двум первым пришельцам, стоявшим на смотровой площадке, все было хорошо видно, однако, увлеченные спором, они даже не глядели на дерущихся.

— Принципы! Принципы! — ворчал Алутейн Властелин Ремесел. — Спроси у голодных, они скажут, куда тебе засунуть свои принципы! Знаешь, Село, по-моему, ты после потопа малость сбрендил.

— Прикажешь заложить башку первобытным торгашам, да? — ярился отважный Селадейр. — Вот против чего предостерегал нас Ноданн! Против бездушной технократии Содружества!

— Ишь ты, как выражается! Почему бы тебе не приложить свой высоколобый идеализм в какой-нибудь менее важной сфере, чем местное хозяйство? У меня в амбарах муки осталось всего на две недели. Ох, Тана, велика милость твоя, все города в округе кормились от этой мельницы. Что мы будем жрать — гнилые коренья?

— А почему бы и нет?! — рявкнул лорд Афалии. — По крайней мере здоровая пища, не то что

пирожные, да рогалики, да пироги, которыми ты набиваешь свою утробу! Погляди на себя, Ал! Вон брюхо-то какое отрастил. Аккурат для городского головы! А ежели враг нападет на твой Каламоск и тебе придется держать оборону, что тогда? Ведь ты в свои изумрудные доспехи не влезешь, помяни мое слово! Пора тебе садиться на диету, мой дорогой.

— Ну спасибо, удружил! — язвительно откликнулся Властелин Ремесел, и его серебристые усы от гнева стали торчком. — Я-то думал, тебе моя помощь понадобилась, а ты мне лекцию читаешь о здоровой пище! Брюхо мое, видите ли, ему не по нраву! Что ж, век живи, век учись. Хрен с тобой, налаживай сам свою чертову мельницу! — Он круто повернулся и зашагал к лестнице.

— Ал, вернись! — Эти слова нелегко дались лорду Афалии, но он понимал: положение его отчаянное. — Ты прав, я — сапожник. Ну, хотел отсоединить мельничных роботов. Вернуться к ручному управлению, чтобы не зависеть во всем от первобытных.

Властелин Ремесел остановился у лестницы, поджидая Селадейра.

— Ну да, ты привык на Дуате иметь дело только с водяными мельницами: Дальше самых прими-

тивных механизмов твой примитивный ум не простирается.

— Эта хреновина… знаешь, у нее сорок три способа помола! Она выдает все — от тончайшей муки до кормовых отрубей. Разобрать мельницу и присобачить ручку — плевое дело, но я совсем забыл о приборе для химического анализа продуктов и контроля качества. Если его отключить, то получается плохо помолотая мука такого вкуса и цвета, что пекари просто рыдают. А если и приправы добавлять вручную — выходит гремучая смесь с запахом бензина, бромистого калия, и только Тана знает, чего еще.

— Да, Село, эта штучка заковыристая, даже для меня. А где инженер, который раньше контролировал автоматику?

— Йоргенсен? Утонул вместе со всем персоналом. Они были заядлые болельщики. А парень, заменивший его, оказался наглым ублюдком. Он попытался давить на меня! На *меня*! Я от него мокрого места не оставил.

— Вот молодец!

— Не мог же я подрывать свой авторитет! — Селадейр так распалился, что в волосах запрыгали статические искры. — Проклятый Мукерджи думал загнать меня в угол! Сказал, что будет

работать, только если я предоставлю ему все привилегии носителя золотого торквеса. И эту коварную тактику мгновенно усвоили другие механики. До них, вишь ты, уже дошло, что Эйкен Драм посулил золотые торквесы каждому, кто с ними совместим, и все гражданские права несовместимым. Я велел Бодуругалу и его корректорам прощупать всех золотых и голошеих в Афалии, с тем чтобы выявить предателей.

— Я тоже предатель, Село. — На лице Властелина Ремесел появилась сардоническая усмешка. — Низложенный рыцарь Высокого Стола, уклонившийся от заклания!

— Брось, Ал! Ты добровольно предпочел смерть ссылке, а не умер, потому что обстоятельства изменились. Что до меня — ты все еще Главный Творец. И к дьяволу хитрожопых первобытных Эйкена Драма!

Алутейн рассмеялся.

— Ну нет! Со мной этот номер не пройдет! Меня в свой легион не затащишь. За последние месяцы я слишком много узнал об Эйкене Драме, чтобы идти против него. Так что в мае буду плясать на свадьбе золотого плута и выпью за здоровье его нареченной Мерси-Розмар.

— Ты признаешь его королем?! — вскричал

Селадейр.

— А почему бы нет? У тебя есть другая кандидатура? Разве что Мананан, так ведь он нипочем не согласится. Все же малыш лучше Шарна с Айфой.

Селадейр схватил его за руки. Поток психической энергии образовал вокруг них раскаленную ауру.

— Ал, ты что, не чувствуешь — грядет Приход Мрака! Мы вступим в последнюю схватку с врагом — ту самую, которую чуть не начали, когда Федерация попрала наше наследие и толкнула нас к краю бездны! Бреда предотвратила ее, перенесла нас сюда на своем Корабле. Но теперь Бреды нет с нами, а эта блаженная Элизабет никогда ее не заменит. Мы с тобой боевые товарищи, Ал, одногодки! Три тысячи круговращений пережили с момента рождения на пропащем Дуате. Неужели ты изменишь нашей вере?

— Село…

Лорд Афалии поглядел вниз, во двор крепости, где шла вооруженная потасовка.

— Мы готовимся к Сумеречной Войне. Все, кто чтят старые традиции. Все шестнадцать, оставшихся в живых потомков Нантусвель, включая Кугала Сотрясателя Земли.

Алутейн сочувственно посмотрел на старого приятеля.

— Ах вы глупые, горячие головы! Мне ли не знать Кугала?

— К нам каждый день стекается все больше народу, — упрямо заявил Селадейр, однако выпустил руки Властелина Ремесел, и свечение меж ними погасло.

— Ага, и фирвулаги в горах точат ножи, воруют ваших иноходцев и ждут приказа Шарна!.. А кто теперь управляет плантациями, коль скоро вы прогнали всех людей?? Знаешь, многие из них останавливались в Каламоске по пути к Эйкену Драму.

Селадейр смущенно отвернулся.

— Их заменили мой сын Уриет и моя дочь Фетнея… Совсем как в прежние времена.

Властелин Ремесел недоверчиво хмыкнул.

— Не знаю, не знаю, на что годятся наши молодые. Не больно-то они привычны к тяжелой работе. Когда я возглавлял Гильдию Творцов, какими только посулами мы их не заманивали на факультеты сельскохозяйственных дисциплин: агрономии, скотоводства, птицеводства… Скоро ты поймешь, что твои детки — настоящие вундеркинды, когда речь идет о пирах, да о бал-

ладах, да об охоте на вшивых первобытных. Но полагаться на них в производстве основных продуктов питания!.. Дай тебе Богиня хоть крупицу ума! Поломанная мукомольня покажется тебе пустячной заботой, когда плантации захиреют.

Лицо Селадейра оставалось бесстрастным, словно камни парапета; ум был столь же непроницаем. Сугубо официальным тоном он произнес:

— Алутейн Властелин Ремесел, заклинаю тебя нашей священной дружбой Творцов прийти мне на помощь. Приход Мрака не за горами, и соперник близко.

Первые пришельцы немигающе уставились друг на друга. Затем голубовато-льдистые глаза Алутейна подернулись дымкой, и мысли прорвались наружу:

«Село, Село, ведь мы с тобой были приятелями еще при старом Амергане (светлая ему память, упокой Богиня его душу), мы же трудяги, а не какие-нибудь лежебоки. Помнишь, как мы готовы были на любую жертву для блага народа, для его защиты и утверждения жизни? Когда потребовалось, я выбрал Реторту, но теперь долг велит мне отбросить праздность. И ты должен сделать то же самое».

«Я вижу Сумеречную Войну, — проронил Села-

дейр. — По-твоему, я рехнулся?»

«По-моему, потоп, горечь утраты, нашествие врага, полигон в Вороньем Логове подвигли тебя к краю твоей собственной бездны. А быть может, и дальше. Мы не должны думать о Приходе Мрака. Если мы переступим через нашу гордость, объединимся с людьми, то сумеем сдержать натиск врага и воскресить Многоцветную Землю».

«Была многоцветная! А теперь все темно».

«Село, нам, старикам, негоже торопить конец света. Молодые хотят жить».

«Враг наступает! Человечество! Эйкен Драм!»

«Нет, Село, нет. Не станет он. Ведь он — избранник Мейвар».

«Я… я забыл об этом».

— А пора бы вспомнить, — сказал кто-то вслух.

Светящаяся точка повисла над парапетом, где крепостные стены обрывались в головокружительную пропасть Протохукара. Искорка расширилась до светящегося ореола, окружавшего хрустальный шар. Внутри его, скрестив ноги, сидел маленький человечек в золотом костюме, усеянном кармашками.

— Ты? — едва вымолвил Селадейр.

Шар подплыл к ним ближе, спустился и, едва коснувшись каменных плит, рассыпался в пыль.

Эйкен Драм помахал старцам своей шляпой с черным плюмажем:

— Привет тебе, афалийский Творец! Я уже минут десять подслушиваю ваш разговор. Ей-Богу, тебе лучше внять словам Властелина Ремесел. Он, конечно, старый брюзга, но котелок у него варит.

Старый чемпион внезапно превратился в великана громовержца с грозно занесенной рукой.

— Умри, выскочка! — пророкотал он и выпустил в Эйкена мощнейший умственный заряд.

Взрыв и зеленая вспышка были столь мощны, что потешное сражение во дворе разом прекратилось.

— Соратники, ко мне! — крикнул Селадейр.

Но голос героя был слаб, словно шелест листвы, а умственный клич лишь отозвался бессильным гневом под сводами черепа. Селадейр сбросил иллюзорное обличье и хотел было сдавить узурпатора физической хваткой. Но ни один мускул не повиновался ему, и точно так же неподвижны, беспомощны оказались рыцари внизу: их будто пригвоздило к месту.

— А ведь мы были так дружны, когда охотились на Делбета, — с сожалением заметил Эйкен. — Помнишь, брат-творец? Гонялись по Бетским

Кордильерам за старым огнеметателем и не осмеливались подняться на воздух: вдруг он возьмет да и подпалит наши стеклянные задницы. — Сиятельный хохотнул. — Сейчас-то мне никакой огонь не страшен — силушки прибавилось, как видишь. На днях думаю попросить лорда Целителя Дионкета перед всем честным народом проверить мой ум. Пускай узнают, каков их будущий король.

Лорд Селадейр из багрового сделался изжелта-бледным.

— Отпусти меня! — прохрипел он. — Бейся как настоящий воин.

— С кем биться? С тобой? — усмехнулся плут. — Еще чего удумал! С трусами я не бьюсь.

— Это я трус?!

Подойдя вплотную к застывшему, как статуя, лорду тану, Эйкен взмыл вверх, пока не очутился с ним лицом к лицу.

— Ты старый, угрюмый, отчаявшийся трус, и я не стану тратить на тебя время. Мне предстоит бой с фирвулагами. Наплевать, что они превосходят нас численностью в десять раз… А великий лорд Афалии, рыцарь Высокого Стола, предпочитает лечь и умереть. Ну так ступай к ним на заклание! И не забудь на шее пунктирную линию

провести с надписью: «Отрезать здесь!»

— Вообще-то, Село, — вставил Властелин Ремесел, — насчет их настроений малыш не так уж не прав.

— Враг! Бейся со мной по-честному! — умолял Селадейр; лицо его было искажено страданием.

Эйкен вновь опустился на каменные плиты.

— Я дерусь тем оружием, какое имею. И не надо держать меня за дурака.

— Он взмахнул рукой.

В небе над обрывом появился конный отряд из четырехсот рыцарей; в первых рядах маячили блистательные фигуры Куллукета, Альборана, Елейна. За ними тянулись богатыри тану и гибриды, представляющие все пять гильдий; сияние вокруг всех голов свидетельствовало о могучей умственной силе.

Радужное войско с достоинством обнажило мечи. В строю эхом прокатилось:

— Сланшл, Селадейр, лорд Афалии!

— Мы здесь не для того, чтобы драться, — втолковывал Эйкен, и теплая, обволакивающая волна коварно прокатилась в мозгу Селадейра. — Мы пришли убедиться, что у нас все же есть надежда выступить вместе против нашего общего врага. Большинство моих бойцов осталось в Гории, но

кое-кого я прихватил с собой, равно как и мою новую золотую гвардию, что стоит у северных ворот. Если хочешь, посмотри сам.

Селадейр последовал его совету. Там стояло не меньше тысячи конников

— мужчин и женщин. И врата Афалии распахивались перед ними. Во главе каждого эскадрона стоял офицер с метапсихической аурой. Некоторые из рядовых тоже излучали свечение, но независимо от этого у всех были золотые торквесы и диковинное оружие.

— Что, любопытно? — усмехнулся Эйкен. — Давай-давай, рассмотри получше. Великий покойный Стратег призывал уничтожить боевую технику первобытных, но сам он был не так глуп, чтобы следовать своим призывам. Не то что ты, брат-творец! Подвалы моего Стеклянного замка в Гории набиты контрабандой, собранной за семьдесят лет, — и часть ее вы видите здесь. Фотонные пушки, ружья со стальными пулями, самострелы, заряженные солнечными батареями, двуствольные винтовки «Ригби-470», звукоразрыватели. Все виды портативного нетабельного оружия, какие только можно себе вообразить. Ушлые путешественники во времени умудрялись проносить его прямо под носом чиновников на

постоялом дворе мадам Гудериан. И кто их осудит за это? Им хотелось иметь хоть небольшое преимущество над своими же товарищами по изгнанию… Так вот, все это я нашел только в Гории, а ведь могут быть и другие запасы. У тебя, к примеру, такое оружие имеется? Может, спросим у твоего сына Уриета и дочери Фетнеи?

Селадейр перевел взгляд на плута. Губы его искривились в печальной усмешке.

— Я ничего не знаю о тайных складах. Но теперь мне понятны слухи о том, что враг после нападения на Бураск изобрел новое смертоносное оружие. Покойный лорд Асгейр славился своей жадностью и мог припрятать запрещенное оружие вместо того, чтоб его уничтожить. Это вполне в его духе.

— Спасибо за подсказку, — откликнулся Эйкен. — Мы проверим.

Воздушная кавалькада медленно, по спирали, начала спускаться во двор. Рыцари Афалии построились и стали по стойке «смирно».

— Однако меня привела сюда иная причина, — заметил Эйкен.

Селадейр обнаружил, что он наконец свободен, но больше не сделал ни одного выпада против одетого в золото юнца.

— Можешь не объяснять.

Эйкен покачал указательным пальцем:

— Не торопись с выводами. Говорю же, у нас одна цель — объединиться против общего врага… Нет, я прибыл сюда потому, что посланное нами приглашение на свадьбу, кажется, затерялось.

Селадейр не поверил своим ушам.

Но Эйкен был сама искренность.

— Ты нам не ответил. Мерси просто в отчаянии, и я тоже. Какой праздник без моих старинных друзей из Афалии? Без товарищей по схватке с Делбетом? Я здесь для того, чтобы повторить приглашение. Лично.

— Не упрямься, старик, — увещевал Селадейра Алутейн. — Я выбрал жизнь. Теперь твоя очередь.

Лорд Афалии опустил руки по швам и широко расставил ноги. На миг он стиснул кулаки, но тут же разжал. Глаза невольно закрылись, словно бы он пытался отогнать образ Врага. Наконец Селадейр с неохотой кивнул.

Эйкен так и просиял от удовольствия.

— Ну вот и славно! Ты не пожалеешь. В эти смутные времена нам не обойтись друг без друга. Да что далеко ходить за примерами! — Эйкен прищелкнул пальцами.

Еще один астральный пузырь материализовался в воздухе и спланировал прямо на парапет. Внутри его сидел воин-самурай в полном облачении и золотом торквесе. Хрустальная оболочка рассыпалась, воин отвесил поклон.

— Лорд Селадейр Властелин Ремесел, познакомьтесь с моим новым другом по имени Йошимитсу Ватанабе. Гений инженерной мысли! Заменил железные пластинки своей кольчуги петельками из шкуры мастодонта, а кровавый металл расплавил и отлил себе меч. После прохождения врат времени Йош ни дня не жил в рабстве, а теперь вот служит при моем дворе. Там, в Содружестве, он ловко подделывал векселя и еще был специалистом по робототехнике. Смекаешь, Село?

Йош подмигнул лорду Афалии, который переводил безумный взгляд с него на Эйкена.

— А нам, грешным, пора и отдохнуть, — решил золотой шут. — Завтра хочу слетать с инспекцией в Тарасию и еще несколько мест… Много приглашений затерялось. Йош задержится у тебя на недельку-другую и поможет в решении всех твоих проблем. Когда прибудешь в Горию, привези его с собой. Помимо свадьбы обещаю тебе массу других развлечений.

— Ясно, — упавшим голосом отозвался Селадейр.

— Останешься, Йош? — спросил Эйкен.

— Как прикажете, шеф. — Самурай повернулся к хозяину замка. — Пошли поглядим, что там с твоей хреновиной?

Селадейр не двинулся с места, пока Властелин Ремесел не обхватил его за плечи и не потащил к лестнице.

— Отличная идея! — ликовал Алутейн. — Инструменты и запчасти у нас найдутся. Слышь, Село, лаборатория Трейанета в целости и сохранности?

Лорд Афалии кивнул.

— Один из моих покойных братьев по гильдии занимался электронным оборудованием Старой Земли, — объяснил Йошу Алутейн. — В его особняке имеются лаборатория и одна из самых богатых технических библиотек плиоцена. Там, сынок, тебе самое место. Снял бы ты эту хламиду: поди, работать в ней неудобно… Не возражаешь, если я поприсутствую?

— С моим удовольствием, — любезно откликнулся Йош.

— Увидимся за ужином! — крикнул им вслед Эйкен, и его как ветром сдуло.

Селадейр затряс головой.

— И это наш король!

— Ну вот ты и привыкаешь к такой мысли, — усмехнулся Алутейн.

4

Она вышла немного подышать вечерней прохладой, прежде чем кликнуть женщин. Луна, тоже беременная, взошла над проливом Редон. К майскому празднику Великой Любви она еще не дозреет. А вот время Мерси пришло.

Балкон ее спальни в башне был просторен и заставлен цветущими растениями в золотых горшках. Теперь она разлюбила здесь стоять, поскольку проведенное Эйкеном феерическое аметистовое освещение наводило на нее холод и тоску. То ли дело, когда был жив Ноданн! Тогда алмазные светильники над хрустальной балюстрадой отливали теплым розовым сиянием, и стоило ей только захотеть, возлюбленный демон тут же появлялся рядом с ней, чтобы полюбоваться заходом солнца над Бретонским островом, пока усеянная звездами чернильная тьма не погасит последние отблески пламени. В такую ночь, глядя на смущенную брюхатую луну, они бы вместе загадали желание.

Теперь же кости славного Аполлона покоятся в грязи Нового моря.

— А мои будут лежать здесь, — сказала она,

обращаясь к ребенку в своем лоне, — в Бретани, где я родилась спустя шесть миллионов лет. Когда-нибудь Жорж Ламбаль и Сувонна О'Коннелл будут обходить Бель-Иль и найдут камень, подернутый сажей и светящийся, как фосфор. И это буду я.

Плод беспокойно заворочался, разделяя ее боль, и Мерси охватило раскаяние.

«Тсс, милая Аграйнель! Спи, Граня, сокровище мое! Сегодня ночью ты получишь свободу».

Мерси вновь попыталась постичь ум своего чада, но под чисто внешними проявлениями личность была неуловима — что-то яркое, жадное, пугающее, чужое. Подсознание дочери Тагдала представляло собой клокочущий омут, нетерпеливо рвущийся в новый мир; его больше не устраивала темница материнской утробы. Сам того не ведая, ребенок жаждал более острых ощущений, чем стук материнского сердца, приглушенный околоплодным пузырем, или туманная краснота, видная сквозь затянутые пленкой глаза, или вездесущий вкус и запах амниотической жидкости. «Еще!» — казалось, кричал неслышный внутренний голос. И мать ответила: «Потерпи, уже недолго осталось».

Всей силой своих активных либо латентных

способностей Аграйнель требовала любви. Напрягая еще не развитый психокинез, билась в маточную темницу, исподволь корректировала сознание Мерси, стремясь к свободе, пыталась сотворить нерушимую зависимость меж ними обеими, а ее принудительные функции были особенно мощны. Таким образом, происходило обыкновенное чудо метапсихической связи — как у всякой нормальной матери с ее ребенком.

«Любви! — бушевал крохотный ненасытный ум. — Любви!»

«Мама любит тебя. Ты любишь Маму. Спи».

Детский умишко удовлетворенно затих.

«Бедный Эйкен», — подумала Мерси, проводя сравнение.

А затем: «Ноданн. Мой Ноданн».

— Но у нас так не принято! — закричала Морна-Ия. — Наши матери должны сражаться до победного конца! И особенно ты, ведь тебе, возможно, предстоит породить новое потомство.

— Все будет так, как я говорю, — твердо заявила Мерси. — Лорд Целитель явился с Кожей, чтобы помочь мне, благородные леди уже собрались в приемной.

— Как?! — ужаснулась Морна. — В такой интимный момент?!

— Воительницы, которые сопровождают лорда Эйкена-Луганна, получат инструктаж позднее. Остальные здесь. Я добровольно отказываюсь от уединения. Мой долг как Главного Творца дать всем вам указания на будущее.

Морна всплеснула руками.

— Не хочешь ли ты…

— Когда другие увидят мои роды, — перебила ее Мерси, — увидят моего ребенка, они просто не смогут иначе.

Морна склонила голову.

— Как скажете, леди. Времена нынче не те…

Мерси ободряюще улыбнулась великанше, одетой в хитон цвета лаванды. Глаза ее отливали голубизной, золотистые волосы рассыпались по плечам. Она надела длинный, без рукавов газовый пеньюар, белый с золотой каймой; на бледной коже россыпь крохотных веснушек. В глубоком вырезе пеньюара, открывавшем ложбинку между налитыми грудями до того места, где начинал вздыматься живот, сиял золотой торквес.

— Дорогая моя Сестра Ясновидица Морна, ты теперь первый кандидат на замещение вакантной должности Создательницы Королей и вторая по статусу среди наших благородных леди. Ведь

именно ты восемьсот лет назад принимала первые роды у королевы Нантусвель. И на этот раз тебе не придется делать ничего особенного — отличие только в том, что Аграйнель — девочка. Но как только ее аура отделится от моей, ты увидишь, что твоя нынешняя крестница будет исключительной личностью.

Мерси взяла сухие холодные руки Морны и приложила их к своему животу.

— Чувствуешь? Она готова.

Младенец подпрыгнул изо всех сил. Мерси засмеялась, и обе женщины сплелись в тесном умственном объятии.

— Ну, веди меня под балдахин!

В просторной приемной зале царил полумрак: окна из цветных стекол, днем наполнявшие помещение радужным светом, теперь, разумеется, были затемнены. Лишь свечи в бронзовых канделябрах бросали колеблющиеся оранжевые блики на помост, установленный под роскошным балдахином. Самое странное — что на помосте не было ни кушетки, ни стула, ни гинекологического кресла. Только стол из чистого золота с двумя большими ваннами по бокам — одна золотая, другая хрустальная, наполненная теплой водой. У стола ожидал лорд Целитель Дионкет,

вызванный из добровольного изгнания в Пиренеях. Он держал наготове большой мешок и сверкающее рубиновое лезвие. Рядом с важным и невозмутимым видом стояли три тануски: леди корректор в красно-белом, леди психокинетик в розово-золотистом и леди принудитель в голубом; последняя — не кто иная, как Олона, невеста Салливана Танна.

Мерси неторопливо подошла к краю помоста. Несколько сот зрительниц застыли неподвижно, плотно завернувшись в белые плащи с капюшонами и столь же тщательно прикрывая мысли.

«Привет вам, сестры», — обратилась к ним Мерси.

«Мы откликнулись на твой призыв, леди Гории», — прошелестел хор внутренних голосов.

«Сейчас я продемонстрирую новый способ производить на свет детей. Всем известно, что сила моя велика, но — в отличие от вашего творчества — неагрессивна. И я покажу ее вам, чтобы вы могли при желании последовать моему примеру».

Она подошла к Дионкету. Морна и три акушерки остались на заднем плане. Мерси обернулась к затаившей дыхание женской аудитории и закрыла глаза. Лорд Целитель взмахнул рукой; из золотого мешка, струясь, выползла тончай-

шая пленка, обволакивая тело Мерси, как вуаль обволакивает статую. Льющийся изнутри свет был сконцентрирован на раздутом животе роженицы. Белый пеньюар просвечивал, так же как целительная Кожа, и все отчетливо увидели маленький силуэт в круге света.

Вскоре этот сгусток эктоплазмы просочился сквозь брюшную стенку и медленно вплыл в протянутые руки Мерси. Мгновенно подавленный всплеск чувств пронесся в толпе. Суровый лик Дионкета озарила улыбка. Зрительницы в первых рядах ощутили, как он бросил свою корректирующую и психокинетическую энергию на подмогу творческим силам матери для ее почти мгновенного исцеления.

Дионкет снова взмахнул рукой, и Кожа растворилась без следа. Мерси не сводила глаз с новорожденной, все еще находившейся внутри тонкого пузыря, от которого тянулась к плаценте пуповина.

Морна взглядом подняла золотую ванну и с помощью акушерки-психокинетика подставила ее под младенца. В воздухе сверкнуло рубиновое лезвие Дионкета, и воды хлынули в ванну, а за ними туда же бултыхнулся пузырь.

Аграйнель открыла глаза и задышала легко и

свободно после живительного поцелуя Мерси. Корректор поднесла к ней хрустальную ванну, нежнейшую губку и полотенца. Мерси и Морна смыли с девочки остатки амниотической жидкости, после чего кожица стала свежей и розовой. Мерси вновь поцеловала ребенка, и крошечное тельце мгновенно высохло. Юная Олона надела на младенца распашонку и завернула в одеяльце до подмышек.

Мерси взяла дочь на руки, дала ей грудь. Новорожденная еще не научилась сосать, но ум ее жадно впитывал первые впечатления от внешнего мира. Зрительницы не решались шелохнуться, пока Мерси не подала им ободряющий знак; тогда все приблизились и одарили ребенка легкими, как пух, умственными ласками.

— Тихо! Ритуал нарекания, — еле внятно произнесла Морна, однако толпа расслышала ее голос.

Почтенная леди показала всем маленький золотой торквес; акушерки застыли в напряженном ожидании. На кого из них падет выбор?

— Олона, — сказала Мерси.

Дева-принудительница вне себя от счастья приняла ребенка.

— Мое сокровище! Какая же ты красавица!

— Дочь Мерси Розмар и Тагдала, ты будешь

зваться Аграйнель! — Морна защелкнула золотой обруч на шейке ребенка. — Добрая Богиня пророчит тебе долгую жизнь, славу и счастье!

«Сланшл», — выдохнули сотни женских умов.

— Сланшл, — повторил лорд Целитель.

— Сланшл, — сказала Мерси дочери, забирая ее у Олоны.

Впервые со времени потопа сердце ее наполнилось радостью, и она задала подошедшей Морне главный вопрос:

— Ну, ясновидящая Создательница Королей, какое будущее ждет мою милую крошку?

Нежные, как Эолова арфа, внутренние голоса запели Песню.

— Я вижу Аграйнель королевой Многоцветной Земли.

У Мерси перехватило дыхание.

— Правда? Ты не лукавишь?

На гладком, без единой морщинки, лбу старухи выступили капли пота. Губы ее дрожали.

— Правда. Я поняла это при первом ее вздохе.

Мерси остановилась перед портьерами в глубине помоста. Ее глаза отрешенно блестели. Она крепко прижала ребенка к своей пылающей щеке.

— А ее король?! — вскричала Мерси. — Кто он?

— Он… еще не родился.

— Но ты знаешь, кто он? У кого он родится? — настаивала Мерси. — Скажи мне, Морна! Ты *должна мне сказать*!

Морна попятилась, побледнела, защищаясь от любопытства Мерси.

— Я не могу! — с трудом выдавила она. — Не могу.

Потом резко отдернула портьеру и выбежала. Мерси изумленно глядела ей вслед. Лорд Целитель подошел, оберегающим жестом обнял ее за плечи и стер в ее усталом мозгу навязчивые вопросы, беспокойство, страх.

Мерси тут же обо всем забыла.

Ребенок зашевелился возле груди, начал сосать, и заботы отлетели прочь.

5

Он пробудился от жадного, засасывающего поцелуя.

Безвкусная пережеванная пища перекочевала в его рот из чужого. Ласки влажного языка и пальцев, массирующих горло до тех пор, пика он не проглотит, монотонное бормотанье в ритме его сердца.

Он почувствовал запах мяса, немытого женского тела, одетого в шкуры; дыма, поднимающегося к каменному потолку; услышал далекий перезвон струй, чье-то близкое раскатистое харканье, щебет птиц; шумное дыхание ветра в верхушках горных сосен.

Все тело сковал паралич, но ему все-таки удалось разлепить веки. Свет больно ударил в глаза; видение было расплывчатым. Из глотки вырвался глухой стон. Молитвенное бормотание тут же прекратилось.

— О Боже, наконец-то!

Длинные свисающие пряди очень грязных белокурых волос. Бледное одутловатое лицо под слоем копоти, короткий приплюснутый нос, широко расставленные голубовато-серые глазки,

вспыхнувшие от радости. Разинутый перемазанный пищей рот, гнилые зубы.

— О Бог Моря! Ты очнулся!

Лицо приблизилось, стало нечетким; вновь последовал смачный и страстный поцелуй. Оторвавшись от его рта, она принялась ласкать губами ноздри, щеки, глаза и лоб, мочки и ушные раковины, гладкую нижнюю челюсть.

— Очнулся! Жив! О мой светлый Бог!

Пока он мог шевелить только глазами; мозг одеревенел, метафункции начисто стерлись. Женщина отпрыгнула и куда-то убежала; теперь он рассмотрел каменные стены темной пещеры в тусклом свете, маячившем где-то возле ног (только есть ли они у него — вот вопрос).

После долгого отхаркивания раздался гнусавый старческий голос:

— Живой, стало быть? Ну-ка поглядим на это чудо!

Шаркающие шаги, натужное дыхание с бурлящей в горле мокротой. Взволнованный шепот женщины:

— Осторожно, дедушка! Не трогай его.

— Да заткнись, корова, дай поглядеть!

Теперь над ним склонились два лица. Здоровенная бабища в засаленных одеждах из оленьих

шкур и старик в поношенных холщовых штанах и жилете из великолепных норковых шкурок, бородатый, плешивый, с налитыми кровью глазами и хищным ястребиным носом.

Старик присел на корточки. Цепкая паучья рука схватила его за волосы и потянула на себя.

— Не надо, дедушка! — взвыла женщина.

Вернувшиеся к жизни глаза наполнились слезами. Зрение прояснилось, и лежащий увидел свое тело, закутанное в мех. Дряхлый палач выпустил прядь волос, и он стукнулся затылком о каменный пол. Старик с ухмылкой щелкнул его по носу, ущипнул за щеку шершавыми пальцами, дал несколько оплеух — при этом голова бессильно моталась из стороны в сторону.

— Глянь-ка, и вправду живой! Только вялый какой-то. Да, ваше танусское величество, осталась от вас куча дерьма!

Женщина оттащила упирающегося старика.

— Только попробуй еще раз тронуть Бога, дедушка! — произнесла она с угрозой в голосе. Послышались звуки ударов, старческие стоны. — Он мой! Я спасла его от смерти и никому не дам его в обиду.

Еще один удар и слабый окрик.

— Черт тебя драл, девка, я ж ему ничего не

сделал! О-о-о! Хребет сломаешь, сука поганая! Помоги встать.

— Сперва дай слово, дедушка.

— Даю, даю! — Старик приглушенно выругался.

— Ступай принеси его руку. И масляную грелку. Они там, у костра.

Пыхтя и отплевываясь, тот ушел. Женщина проворно опустилась на колени и опять потянулась к нему своими вывороченными губами. Он стиснул зубы, защищаясь от назойливых губ.

— Ну почему? — укоризненно воскликнула она и пригладила ему волосы. — Я же люблю тебя. Не бойся, со мной ты будешь счастлив, очень счастлив. Но сначала… у меня есть для тебя сюрприз.

Дед принес кожаный мешок и какой-то ящичек.

— А можно мне поглядеть? — попросил он. — Ну хоть одним глазком, Голда!

Она усмехнулась.

— Что, молодость вспомнил, старый скот?

— Ну я же сделал руку! — скулил старик. — Я буду тихонечко сидеть, как мышь.

— Да ты и без разрешения за нами подглядываешь. Ладно уж. Руку давай!

Повеяло холодом: она отогнула край мехового

покрывала.

Ему почудилось какое-то движение возле правого бока, и он скосил туда глаза.

Женщина приподняла его руку, которая чуть ниже локтя оканчивалась культей.

Что-то заклокотало у него в горле.

Рука опустилась.

— О мой бедный Бог! — сочувственно воскликнула она. — Я забыла, что ты не знаешь! — Опять поцелуи, страшные поцелуи. — Я нашла тебя израненного в лагуне. Одну из твоих стеклянных рукавиц смыло волной, и рука была изодрана в клочья о соляные наросты у подножия наших скал. И вдобавок тебя укусила гиена. Я прогнала ее, но укусы гиен ядовиты, потому рана гноилась и никак не заживала. Дедушка сказал мне, что надо делать. Он думал, у меня не хватит смелости. — Лицо, будто вырубленное топором, придвинулось совсем близко, обдавая его зловонным дыханием. Потом женщина с улыбкой отстранилась и показала ему деревянную руку. — Я попросила дедушку, и он вытесал ее для тебя. — Из полутьмы донеслось старческое хихиканье. — Сейчас я ее привяжу, и ты опять будешь цел-целехонек.

Она с обожанием заглядывала ему в глаза и

вертела перед ним протез. Деревяшка была утоплена в кожаном основании; от него отходили кожаные ремешки. Столяр тщательно выделал все суставы пальцев.

— Дедушка говорит, когда ты поправишься, то сможешь ею двигать. — Она беспокойно тряхнула головой и с недоверием покосилась на старика. — Вообще-то он и соврет — недорого возьмет, но ты не думай об этом. Знай себе выздоравливай!

Он закрыл глаза, ужаснувшись возможности своего выздоровления. Смех старика перешел в пароксизм кашля.

Ноздри задрожали от теплого аромата масла.

— Не волнуйся и не спеши. Я знаю, как вернуть тебе силы. — Настойчивое, монотонное бормотанье первобытной начало убыстрять ритм его сердца. Масло, впитываясь, разглаживало сморщенную, онемелую кожу. Женщина оседлала его бедра.

— Ну давай, Бог Радости! Очнись для меня!

Нет, умолял он свой разум, свою предательски восстающую плоть. Нет, только не с этой! Но солнечная энергия отзывалась на ее вкрадчивый шепот, озаряя пещеру золотисто-розовым светом. Кошмар неотвратимо надвигался, захватывая его в плен.

— О-ох! — выдохнула она. — Вот так! Вот так!

Поглотив его сияние, она снова забормотала, все быстрей и быстрей. Плавно раскачиваясь, он отдался на волю жизненных волн.

6

— Луговой Жаворонок Бурке.

— Да, Элизабет.

— Знаю твои трудности.

— С ума сойти! Нашел около тысячи человек на западном берегу озера Брес. Голодные, увечные, больные. Дерутся промеж собой. Кто их туда загнал? Ревуны? Фирвулаги?

— Думаю, и те и другие. В последние месяцы я наблюдала странное перемещение ревунов. А фирвулаги захватили Бураск и выдворили его неокольцованное население в Герсиньянскую пустыню. Часть обнаруженной тобой группы — беженцы из Бураска. Другая — первобытные, на чьи крохотные поселения наткнулись ревуны.

— Вот черти, они поубивали бы друг дружку в этой вонючей яме. Мы набрели на них, и я приказал расстрелять полоумных зачинщиков. А какого дьявола мне теперь делать? Не могу же я притащить их в Скрытые Ручьи или на железные рудники? Мы давно бы крест на них поставили, но Амери не желает их бросать.

— Естественно. Она же миссионерка.

— Ну и как нам быть? Посоветуй! Ведь люди

как-никак.

— Повремени с возвращением в Скрытые Ручьи. Без тебя там пока обойдутся. Посольство Бэзила к Суголлу и Катлинели отменяется. Ревуны покинули Фельдберг.

— Не иначе — конец света!

— Вот что. Жаворонок, твой отряд из тридцати вооруженных всадников вполне справится с этим убогим скопищем заблудших. Они даже помогут вам. Веди их на север, до речушки, вытекающей из озера Брес. Если двигаться по ее течению, она приведет вас к водоразделу в низине. Переправитесь вброд и пойдете на запад, километров шестнадцать, пока не увидите другую реку — фирвулаги называют ее Пликтолом. По ней можно плыть на плотах. Километрах в ста шестидесяти Пликтол сливается с еще одной рекой под названием Нонол, той самой, на которой стоит Бураск. Плывите по Нонолу еще примерно полсотни километров, и перед вами откроется огромный луг — Золотое поле фирвулагов. В мае оно зарастает лютиками и зверобоем, позже их сменят огромные желтые ромашки. На правом берегу реки находится город фирвулагов Нионель. Туда от Золотого поля перекинут понтонный мост.

— Я думал, это легенда.

— Нет, настоящий город. Фирвулаги отдали его на откуп Суголлу и Катлинели при условии, что их подданные его восстановят.

— Ну и?..

— Все. Приведешь туда свою безумную орду. Суголл примет ее с распростертыми объятиями.

— Шутишь?

— И не думаю. Только не говори этим несчастным, что ведешь их в город ревунов. Скажи просто, что им там будет хорошо и спокойно… Кто-нибудь из них окольцован?

— Нет. Всех носителей торквесов либо поубивали, либо отбили тану.

— Вот и отлично. В Нионели поговоришь с лордом Суголлом о новой экспедиции к Могиле Корабля. Он даст тебе проводника. Сразу после Майского Дня отправишься в путь со своими головорезами. Амери завезете в Скрытые Ручьи. Тебе, наверно, тоже стоит остаться, а во главе экспедиции послать Бэзила. Решай сам. Нынешним летом фирвулаги могут начать военные действия. А Эйкен рано или поздно тоже позарится на твое железо.

— Час от часу не легче!

— Ничего. Пока все спокойно. Сейчас у них пе-

ремирие, оно будет длиться еще две недели после праздника Великой Любви.

— Ох, Элизабет, твоими бы устами… Боюсь, вместо распростертых объятий ревуны пустят нас на мясо.

— Не бойся. Суголл будет рад твоим беженцам, потому что они мужики.

— То есть?

— Сам увидишь. Благослови тебя Бог, Жаворонок.

— Хой!

7

Рыболовный сезон в этом году окончился рано — не потому, что рыба перестала клевать, а из-за недомогания и уныния Марка, ставших следствием его безумной европейской авантюры. Он пытался выбросить из головы невеселые думы о молодом поколении, но ничего не выходило. Соблазн испытать их умы был слишком велик, особенно одолевал он Марка по вечерам, когда бдительный Хаген не отвлекал его от этих мыслей.

Сидя на веранде с незашторенными окнами и потягивая водку, он глядел на озеро и слушал шорохи плиоценовых флоридских джунглей. По ту сторону сада мягко светились окна Патриции Кастелайн. Однако он сам себе не признавался в том, насколько истощилось его либидо во время последнего звездного вояжа, а силы на сей раз восстанавливались слишком медленно. В спускающихся сумерках Марк видел тринадцатиметровый кеч, лениво качавшийся на волнах Саргассова моря и погоняемый не столько свежим бризом морских широт, сколько психокинетической энергией команды.

Ночную вахту несли Джилиан и Клу; мужчины спали. Его дочь, как бледная нереида, вытянувшись на носу корабля, порождала метапсихический ветер. А темноволосая кораблестроительница у руля так твердо держала ост-норд-ост, что в кильватере прочерчивалась прямая звездная линия. Порой из воды выныривал косяк летучих рыб и, сверкнув в воздухе, словно призраки потонувших чаек, опять погружался в текучую тьму; то на поверхности моря показывались фосфоресцирующие скопления мелких рачков, то разбрасывали лунное серебро змеевидные новорожденные угри.

Какие же они юные! Как уверены в успехе! А ведь неизвестно, клюнет ли безумная Фелиция на их приманку… Клу и Элаби сильные принудители и корректоры. Джилиан — львица психокинеза. Вон, несмотря на неразвитый интеллект, обладает довольно мощным психокреативным напором и вдобавок отменный ясновидец. В трюме яхты находится целый арсенал разнообразного оружия, смирительного оборудования (возможно, его даже удастся задействовать), а также гипнотический проектор (этот едва ли будет работать) мощностью в шестьдесят тысяч ватт. В прямой умственной конфронтации у детей нет ни ма-

лейшего шанса против Фелиции. Единственная надежда — победить ее хитростью.

Хитростью Оуэна Бланшара.

Экстрасенсорные лучи Марка проникли на полубак, где престарелый мятежный Стратег устроил себе каюту. Бланшар беспокойно ворочался на узкой койке и, хотя ночь стояла прохладная, обливался потом. Временами у него можно было наблюдать синдром Чейна-Стоукса, то есть дыхание становилось все реже, реже и, наконец, на целую минуту пропадало совсем, а потом с хрипом возобновлялось. Стейнбренер утверждал, что это не опасно, однако Бланшару уже сто двадцать восемь, и он решительно отказывался от омолаживания в доморощенной барокамере острова Окала.

Как же старикан бушевал, когда его запрягли в это путешествие! Марк активизировал буквально каждый эрг своей принудительной силы, чтобы вытащить Оуэна из его берлоги на Лонг Бич, где он жил в компании ленивых котов, сухопутных крабов и пальмовых тараканов в руку величиной. Когда Оуэн не предавался воспоминаниям о былой славе, то либо собирал ракушки на берегу, либо слушал пластинки — у него была огромная фонотека классики. Коты безуспешно воевали с

крабами и тараканами; Бланшару же последние нисколько не мешали. Беспозвоночные были в отличие от котов неприхотливы в еде и никогда не разбивали пластинок.

В самом начале плавания кеч попал в крутую воронку Гольфстрима, и Оуэн до сих пор не мог оправиться от морской болезни. Хотя они давно вошли в спокойные воды, он и носа не казал на палубу — все сидел в каюте и крутил на портативном проигрывателе Малера и Стравинского. К молодежи он относился с прохладцей; те держались с ним вежливо, но отчужденно и никак не могли поверить, что этот хилый эстет когда-то возглавлял мятежную армаду, едва не нанесшую поражение Галактическому Содружеству. Марк настороженно следил за их настроениями. Они согласились подчиняться в пути Оуэну с тем условием, чтобы сразу по прибытии в Испанию он проявил себя как личность, а если будет осторожничать, детки просто избавятся от него, зная, что Марку их не достать. Вот в таком случае катастрофа неминуема, Фелиция наверняка разметет в пух и прах эту пустоголовую команду.

Марк перестал следить за ними и вернулся к своим заботам. Сдвинув брови, залпом допил водку, а стакан забросил в темный сад. Окна Пат-

рации уже не светились.

Черт бы побрал их всех! Оуэна с его старческой осторожностью, детей с их юным безрассудством, недоверчивую Клу, слабовольного Хагена, Вселенную и ее пустые звезды!

— Хаген! — взревел он. — Хаген!

— Я здесь, в доме. С Дианой.

— Спровадь ее и поднимайся в обсерваторию.

Во времена Галактического Содружества только пять планет Солнечной системы (за исключением Земли) породили разумных существ, переживших опасности технического прогресса, и достигли метапсихического Единства, которое сумело мирным путем подчинить себе все эти планеты.

Компьютер Марка Ремиларда в обсерватории острова Окала выдал ему информацию о том, что вероятность разумной жизни в плиоценовой галактике Млечного Пути ничтожно мала. И все же Марк выделил из бесчисленного множества звезд — 634.468.321 — планеты, на которых встреча с разумными существами была наиболее вероятна. За двадцать пять лет изгнания он обследовал 36.443 планеты в поисках новой основы для возрождения несбывшейся мечты.

В этом он видел цель своей жизни, потому не

позволил себе даже двухнедельного отдыха, перед тем как возобновить поиск. Все равно теперь он никоим образом не сможет повлиять на события в Испании. Более того, он старался не думать об их исходе. Его дело — звездный поиск, и он не станет больше ни на что отвлекаться.

Вместе с Хагеном они составили список из ста звезд, коим он посвятит свое внимание в течение двадцати дней. Их удаленность колебалась от четырех до двенадцати тысяч световых лет, но для метапсихолога его уровня расстояние — фактор, которым в принципе можно пренебречь, поскольку исследователь способен четко сфокусировать умственные лучи на каком угодно интервале. Сканирование осуществлялось при помощи тонкого оборудования, временно вмонтированного в мозг оператора для зарядки необходимой энергией. Другие приборы стимулировали жизнедеятельность организма и сводили к минимуму опасность срыва.

Хаген помог Марку забраться в металлокерамический скафандр, законсервировал работу внутренних органов, переключил кровообращение и установил таймер на двадцать дней. Для поиска отведено только ночное время, а в солнечные часы астронавт будет погружаться

в забытье.

— Готов?

Хаген надел на Марка массивный защитный шлем, подсоединив его к скафандру. Лицо у юноши было бледное, в глазах отразилась тревога — но не за отца. Свои полеты Марк совершал в одиночку; помощь сына нужна ему только на этапе запуска.

— Ну, чего ты ждешь? — произнес он устало.

Четырнадцать фотонных лучей пронзили череп Марка, четырнадцать электродов прошили его подкорку сверхпроводимыми нитями. Еще два игольчатых бура, связанные с системами охлаждения и давления, внедрились в спинной мозг. Боль была страшная, но длилась долю секунды.

СМЕНИТЬ ФАЗУ ОБМЕНА ВЕЩЕСТВ.

Скафандр заполнился жидкостью. Марк перестал дышать. По жилам его теперь текла не кровь; строго говоря, он был уже не человеческим существом, а живой машиной, защищенной изнутри и снаружи от повышенной активности собственного мозга.

ВКЛЮЧИТЬ ВСПОМОГАТЕЛЬНУЮ МОЗГОВУЮ ЭНЕРГЕТИКУ.

Телепатические команды поступали к Хагену

через микрофон компьютера и одновременно появлялись на дисплее.

Бездушный механизм, только что бывший его отцом, полностью подчинялся всем системам управления, терпеливо ожидал, пока он проверит и перепроверит каждую операцию, чтобы перейти к следующей, обозначенной на контрольном листке.

ВЫВЕСТИ НА ОРБИТУ.

Руки Хагена мелькали над командным щитком.

— Вывод на орбиту, — сказал он в микрофон, и бронированная махина выкатилась на маленькую платформу гидравлического подъемника.

ПОДЪЕМ.

— Поехали!

Тело, заключенное в капсулу, стало подниматься по рельсам под своды обсерватории. Плавно и бесшумно отошел сегмент крыши. Лифт замедлил движение и остановился. Апрельские плиоценовые звезды ожидали Марка Ремиларда; когда-нибудь они будут так же зазывно светить его сыну.

ТЯГА.

— Включить тягу, — повторил команду Хаген.

На экране появились координаты первого

объекта, затем дисплей прощально вспыхнул и померк. Исследователь начал работу, и целых двадцать дней с ним не будет связи. Внутреннее освещение обсерватории само собой погасло. Все электронные системы закрылись невидимыми лазерными щитами. Хагену, как и остальным обитателям острова Окала, было хорошо известно, что теперь никто не сможет вмешаться в дела его отца.

Он отложил пульт управления, с минуту постоял, глядя на тележку, медленно ползущую на верх цилиндрического подъемника, заслоняющую звездное небо.

— Только не я! — выкрикнул он звенящим от ненависти голосом. — Меня увольте!

И бросился вон из обсерватории. Двери автоматически закрылись за ним.

8

— Мы заблудились! — в отчаянии проговорил Тони Вейланд. — Чертова река течет на север, а не на северо-запад, значит, это не Лаар.

— Боюсь, вы правы, милорд. — Дугал прищурился, оглядывая озаренный закатными лучами пейзаж. — Давайте-ка устраиваться на ночлег. А завтра да направит наши стопы великий Аслан прямо к желанному Каир-Паравелю!

Он взмахнул веслом и стал подгребать к правому берегу. Плот уткнулся в прибрежный ил под густо сплетенными ветвями лириодендроновых деревьев, увешанных клочьями мха.

— Надо найти местечко повыше, — небрежно заметил Дугал, вытаскивая на сушу тюк с провизией, — а то как бы крокодилам в зубы не угодить.

Пройдя несколько сот метров вниз по течению, они набрели на крутой пригорок, который в сезон дождей наверняка превращается в небольшой островок. На нем росло несколько коричных деревьев и кустов дикой смородины, но была и открытая зеленая лужайка.

— То, что нужно! — одобрил Тони. — Хищники

до нас не сразу долезут, к тому же есть плавник для растопки.

И действительно, место оказалось уютным. После скудного ужина из кореньев и зажаренной на костре бобрятины Тони и Дугал блаженно растянулись на траве у костра.

— Да-а, милорд, путь нам выпал нелегкий. — Дугал запустил пятерню в рыжую бороду. Застрявшие в ней кусочки мяса скатились по рыцарскому панцирю с гербом в виде золотого льва. — Не жалеете о том, что ушли по-английски, не попрощавшись, из кузницы Вулкана?

— Еще чего! Рано или поздно мы найдем дорогу в Горию. Если и завтра эта река не повернет на запад, тогда двинемся посуху. Черт, мне бы получше ориентироваться. Когда нас тренировали на постоялом дворе, я без зазрения совести прогуливал.

— Да на тех тренировках со скуки можно было подохнуть… Хорошо хоть, наши преследователи, кажется, отказались от своей затеи.

— Дай-то Бог! Этот чернокожий пес Денни Джонсон наверняка вздернул бы нас на первом суку. — Тони орудовал самодельным компасом — магнитной стрелкой, привязанной к пучку соломы и опущенной в воду. — Что за чертовщи-

на! — проворчал он. — Слушай, убери ты свой проклятый тесак!

Дугал послушно засунул в мешок стальной охотничий нож.

— Ну вот, совсем другое дело… Знаешь, я, когда увидел эту реку, подумал: ну все, свободны! Помнишь, что говорил нам тот парень в Парижском бассейне? Вторая большая река к западу от Мозеля. Но может, ту первую, через которую мы переправились, не надо было считать? Может, она только показалась нам большой? Уж больно быстро мы дошли… и вообще, все было как-то подозрительно гладко. — Тони отложил компас и удрученно уставился в огонь.

— Нет соблазна опаснее того, что нас ведет на путь греха! note 10 — процитировал Дугал, вычищая ножом грязь из-под ногтей. — Я вам до гроба предан, милорд, но что будет, если Эйкен Драм откажет нам в пристанище?

— Не откажет. Инженер-металлург ему еще больше нужен, чем первобытным в Скрытых Ручьях. Я для всех находка, Дугги! Скоро будет война между тану и фирвулагами, и в ней все решит железо.

---

note notes: Note10

В.Шекспир. Мера за меру. Акт II, сцена 2. Пер. Т.Щепкиной-Куперник

Из чащи донесся оглушительный перезвон, во много раз превышающий целый оркестр литавр.

— Саблезубые слоны? — предположил Тони, придвигаясь ближе к огню.

Глаза Дугала сверкнули под рыжими кустистыми бровями.

— А может, злые духи этого зачарованного леса! Я чувствую, как над нами витают эльфы, лешие, призраки, тролли, ведьмы, демоны, вампиры и прочие гады!

— Тьфу на тебя, Дугги! Говорят тебе, просто зверь лесной.

К перезвону присоединились рев, уханье и странный злобный хохот.

— Чудища поганые! — не унимался рыцарь. — Людоеды и минотавры! Нечисть всякая!

Зашелестев титановой кольчугой, он вскочил на ноги, выхватил огромный двуручный меч и принял боевую стойку в отблесках догорающего костра.

— Пришпорьте гордых коней! Вскачь! И в кровь! Ломайте копья! Изумляйте небо! note 11

— Ради Бога, сядь! — взмолился Тони.

Но Дугал, устремив взгляд на сверкающее

---

note notes: Note11

В.Шекспир. Ричард III. Акт 5, сцена 3. Пер. А.Радловой

острие меча, декламировал:

Лишь поведет плечами всевидящий Аслан
— Прогонит прочь печали, излечит нас от ран.

Взмахнет своей десницей — и вмиг растопит льды, Зальются песней птицы, и зацветут сады.

Он ухмыльнулся, зачехлил меч и зевнул.

— Ладно, все. Спи спокойно, стальной клинок. — Потом свернулся калачиком на траве и через минуту захрапел.

Тони, чертыхнувшись, подбросил поленьев в огонь. Звуки из чащи становились все громче и страшней.

Утром островок блестел от росы, а кошмарный ночной бедлам сменился мелодичным щебетом птиц. Тони проснулся с тяжелой головой и занемевшими конечностями. Дугал был, как всегда, великолепен и неустрашим.

— Золотой денек, милорд! Апрель цветущий, бурный. Все оживил он веяньем своим! note 12
Тони застонал и пошел помочиться в кусты. На расшитой алмазными бусинами паутине сидел паук величиной с ладонь и взирал на него. Где-то позади огромных, окутанных дымкой тюльпановых деревьев ржали иноходцы. Хорошо бы дикие,

---

note notes: Note12
В.Шекспир. Сонет 98. Пер. С.Маршака

с надеждой подумал Тони.

Они спустили плот на воду и вновь тронулись в путь. Река вскоре слилась с другой, текущей с востока; пейзаж выровнялся.

— Нет, это никак не может быть Лаар, — заключил Тони. — Лаар километров двести, до самого Пятнистого болота, течет сквозь леса.

— Что-то движется по левому берегу, — доложил Дугал.

— Тысяча чертей! — Тони вставил в глаз монокль. — Всадники! Ох, нет, слава Иисусу, это гуманоиды! Держи прямо, Дугги. Пошевеливайся, старина, пока они нас не заприметили.

Всадники — числом около дюжины — скакали по цветущей степи наперерез стаду пасущихся гиппарионов.

Правый берег реки порос лесом. Плот юркнул под сень плакучих ив; путешественники бесшумно выбрались на берег. Тони снова посмотрел в монокль и выплюнул грязное ругательство.

— Ну все, попались! Один повернул к реке. Наверняка за нами.

— А кто он — тану или коротышка?

Тони озадаченно почесал в затылке.

— Гм, если это не иллюзия…

— Ну-ка, поглядим. — Дугал приник к неболь-

шой подзорной трубе и тихонько присвистнул. — Ах, сукины дети! Боюсь, это действительно ревуны, а не просто маскарад фирвулагов.

Всадник на противоположном берегу, казалось, смотрел прямо на них, прикрытие из ветвей нисколько ему не мешало.

— А ревуны тоже ясновидцы, как и маленький народ? — спросил Тони.

— Еще пуще, мать их так! — отозвался рыцарь. — Клянусь десницей Аслана, он нас засек. Но вброд здесь не перейти даже иноходцу.

Наблюдатель-гуманоид наконец развернул своего скакуна и присоединился к остальным. Тони вздохнул с огромным облегчением.

— Чуть не вляпались! — подытожил Дугал.

— Так я и знал, что не туда мы правим! — сокрушался Тони. — Бог ее ведает, что это за река. Должно быть, приток Нонола. Надо поворачивать назад и пробираться сквозь чащу, пока не выйдем на дорогу.

Дугал не отрывался от подзорной трубы.

— На севере, за речной излучиной, какой-то город. Но не Каир-Паравель, это точно. — Голос его упал до шепота. — Ишь ты, настоящее Эльдорадо!

— Полно языком молоть! — оборвал его Тони. —

Дай-ка мне свою стекляшку.

Он вгляделся в неясные очертания у самого горизонта, и сердце у него упало. Да, экзотический город. Но какой? Бураск на другом берегу и к тому же разрушен, а других поселений тану так далеко на севере нет.

— Как бы там ни было, наше дело швах. Мы сбились с пути.

Они выгрузили припасы и сквозь густые заросли начали продираться на пригорок. Четверть часа мучений, и вот они уже на охотничьей тропе, что вьется вдоль берега.

— Гляди по сторонам, — предупредил Тони. — Тут небось хищников полно.

Бодрым шагом они двинулись на юг. Дугал вытащил из ножен меч, Тони покрепче сжал мачете. Солнце карабкалось вверх. Появилась мошкара. Из широколистной растительности выползали пиявки и присасывались к телу Тони (на нем была рубаха с короткими рукавами — вот несчастье-то!), и он остро завидовал кольчуге Дугала. Они сделали привал у ручья, перекусили, а когда поднялись и взяли заплечные мешки, вдруг обнаружили под ними гадючье гнездо. Одна змейка, зашипев, кинулась на Тони и едва не ужалила в руку; Дугал перерубил ее мечом.

К полудню (по расчетам Тони, они уже отмахали восемь-девять километров) маленькая тропинка превратилась в широкую лесную аллею. Однако прямо посредине высились четыре бревна диаметром, наверно, с футбольные мячи.

Мужчины стали как вкопанные. Их обдувал легкий ветерок. Но вдруг воздух огласился раскатами грома, и земля под ногами задрожала.

Прикрыв ладонью глаза, Тони глянул на небо.

— Ни облачка. Странно…

— Туда смотри, — обронил Дугал.

Он стоял совершенно неподвижно и в игре светотени был почти невидим. Им предстала великолепная треугольная голова с веерообразными ушами, повисшими метрах в пяти от земли. Ноздри настороженно раздувались. По обеим сторонам пасти торчали два загнутых книзу клыка, на половину двухметровой длины утопленные в шкуру мышиного цвета. Зверь был массивный, длинноногий и держался с вызывающим достоинством. Тони на глаз определил, что весит он никак не меньше двенадцати тонн.

Несколько мгновений чудовище рассматривало двух букашек-паразитов, затем прозвучал трубный глас судьбы, и саблезубый рванулся вперед.

Тони с воплем отпрыгнул влево, Дугал — вправо. Хищник, естественно, последовал за тем, кто кричал. Деревья мешали ему, и он на бегу вырывал их с корнем и отбрасывал в сторону мощным хоботом. Тони вилял меж стволов, не переставая кричать, а саблезубый слон топал за ним, словно ходячая гора, и яростно трубил.

Земля содрогалась. Тони наращивал скорость и наконец опять вырулил на дорогу, но его преследователь, выбравшись из чащи, неумолимо сокращал расстояние между ними.

Внезапно тело человека свело судорогой; глаза застлала красноватая дымка, а сердце, казалось, вот-вот разорвется. Он споткнулся о корни и полетел наземь, прощаясь с жизнью.

Над головой что-то просвистело, раскатилось по лесу адским громом и клубами пыли. Рев хищника оборвался, и наступила полная тишина.

— Какая прелесть! — пропел писклявый голосок. — Впечатляет, не правда ли?

Пыль рассеялась. Тони приоткрыл один глаз. Перед ним высился иноходец в богатой попоне, а на спине его примостился маленький старичок, похожий на проказливую мартышку. Он сидел в седле, как истый английский джентльмен, одетый в бирюзовый фрак. Под мышкой у него было

зажато ружье из двадцать второго века.

Тони в растерянности уставился на него. Потом заметил целую кавалькаду охотников — очевидно, из стана фирвулагов. Впереди гарцевали красивый рыцарь и аристократка тану, также вооруженные двустволками.

Старикан спрыгнул на землю, взял Тони за подбородок.

— Не дрейфь, парень, опасность миновала.

Верный Дугал вышел из чащи, сжимая в руке меч. Топи поднялся, не в силах унять дрожь в коленях. Мартышка, свалившая слона, приблизилась к распростертой добыче и поставила ногу на тушу.

— Кати, дорогая, а ну-ка щелкни меня! Чи-и-из!

Леди рассмеялась и помахала ему.

Чокнутый Грегги закинул за спину ружье.

— Ну, пора восвояси. Вас, ребята, мы возьмем с собой в Ниональ. А то, не ровен час, за вашим приятелем явятся его сородичи. — Он весело подмигнул.

9

Эйкен со свитой вернулся в Горию двадцать первого апреля — без блеска, ночью, по земле, дабы не пугать приглашенных на Великую Любовь, которые уже съезжались в Арморику. Со дня на день ожидался королевский кортеж фирвулагов. Как было условлено, Мерси ждала его во дворе Стеклянного замка лишь в окружении стремянных; они тут же развели усталых иноходцев по конюшням.

Сиятельный выглядел уныло. Алмазные грани доспехов и черный плюмаж пропылились. Он даже не соблаговолил поднять забрало золотого шлема, чтобы попрощаться с благородными рыцарями, прежде чем те разойдутся по своим апартаментам. Эйкен кивнул Мерси, спешился, опираясь на шест; латная рукавица сжала ее локоть.

— Милорд, — встревоженно произнесла она, — позвольте я помогу вам снять шлем.

В коридоре в янтарных чашах горели светильники на оливковом масле. Пламя чуть колыхалось от сквозняка, проникавшего через открытые окна первого этажа. По стенам пробега-

ли таинственные тени. Расстегнув ремни, Мерси сняла тяжелый шлем со склоненной головы.

Эйкен осунулся, глаза ввалились, непокорные рыжие вихры безжизненно повисли.

— Спасибо, я сам понесу, — проговорил он и увлек Мерси к лестнице.

— Разве путешествие… не было удачным? — рискнула спросить она.

Смех шута прозвучал глухо и невесело.

— Да нет, все в ажуре. Хитрый ублюдок Селадейр вроде покорился! Правда, пришлось расправиться с его чересчур горячим протеже, который захватил Геронию. И в Вар-Меске была милая стычка с корректором-принудителем Миаканном, стовосьмидесятилетним отпрыском нашего миролюбивого Дионкета. Уж от него-то я не ожидал!

— А что произошло?

— Да он, гад, задал нам пир и, когда мы как следует нагрузились, попытался спалить мне мозги. И наверняка бы в этом преуспел, не будь за столом Куллукета. К счастью, Дознаватель никогда не напивается. Он сделал из Миаканна полного идиота. Потом мы во всем разобрались: большинство знати Вар-Меска верно мне, поэтому мы просто поменяли лорда. Поставили

старого творца-психокинетика, что заправлял стеклянной фабрикой.

Они стали было подниматься по винтовой лестнице в спальни. Но Эйкен вдруг тряхнул головой и повернул назад, к тяжелой бронзовой двери в темном углу холла. Силой своего психокинеза отворил ее. За ней крутая каменная лестница уходила вниз, во мрак.

— У меня тут небольшое дельце, любовь моя. Хочешь — пойдем со мной, хочешь — подожди.

— Я пойду с тобой.

Ступив во тьму, он выпустил над головой светящийся шарик. Дверь сама заперлась за ними.

— Ты явно не в настроении, — заметила Мерси. — Даже потоп на тебя так не повлиял.

Голос Эйкена звучал замогильно в этом каменном мешке.

— Я смертельно устал… да и надоело лебезить перед скотами тану. Естественно, мы не все время летели, но на подступах к очередному городу я для пущего эффекта поднимал в воздух всех рыцарей, а гвардейцы оставались за воротами. Но попробуй удержи в воздухе четыреста душ с иноходцами! Меня на полчаса хватает — не больше, да и то после этого весь день чувствую себя как выжатый лимон. Так что сама суди: три недели

скитаний, да плюс чистка в Геронии, да плюс у Барделаска наскочили на патруль фирвулагов — по-твоему, не довольно, чтоб доконать человека?

— Мой бедный Сиятельный!

Эйкен быстро глянул на нее через плечо.

— А ты, вижу, в порядке… Ну и как оно там?

Оно! Да он, кажется, ревнует.

— Аграйнель — само совершенство. И прекрасно адаптировалась к торквесу.

Эйкен что-то пробурчал в ответ.

— Леди Морна-Ия пророчит ей красоту и счастье. («А больше тебе ничего знать не следует!»)

— Ну а ты? Отошла уже после родов?

— Я — Главный Творец! — с гордостью отозвалась она. («И мои творческие силы все прибывают, тогда как твои…»)

— Тоже делают, что могут, в создавшейся ситуации. — Он одарил ее насмешливой улыбкой. — К празднику я буду в форме. Никому из наших именитых гостей и в голову не придет, сколько сил отняло у меня это путешествие. Даже из приближенных никто не знает, кроме Кулла. Он-то и помог мне сделать хорошую мину при плохой игре.

— Да, он классный корректор… Кроме всего прочего. — Она посмотрела на него с укором. —

Твой дружок Раймо Хаккинен уже почти пришел в себя после просвечивания. Только, боюсь, он тебе этого не простит.

— Ничего не поделаешь! — отрезал Эйкен. — Я должен был узнать все про Фелицию и Село… Все со всеми подробностями, что были запрятаны в его подсознании.

— Но ведь он твой друг. Ты бы и так, без ненужного зверства мог заполучить свои разведывательные данные.

— Они были необходимы срочно. — Он остановился на ступеньке и круто повернулся к ней. Усталые морщины возле рта совсем его не украшали. — Копье у Фелиции. После празднеств надо заняться ею вплотную. Черт подери, Мерси, думаешь, мне очень хотелось отдавать беднягу на растерзание Куллу? Но это было необходимо. Королям приходится делать многое, чего…

— Чего надо стыдиться, — подсказала она.

— Я не стыжусь. Моему приятелю все будет возмещено. Это благодаря ему мы узнали о том, что замышляет Село. Он послал SOS Властелину Ремесел. Старый крючкотвор сделал его доверенным лицом, пока не решил, что дровосек уже выпирает из своих штанов.

— А если Раймо станет злоупотреблять друж-

бой с тобой?

— Нет, черт возьми! — Эйкен снова устремился вниз по лестнице, и Мерси пришлось ускорить шаг, чтобы не отстать от него.

— Что ж, наверно, ты прав. В конце концов, он тебе обязан и золотым торквесом, и жизнью. Но в Гории не он один имеет на тебя зуб. И число обиженных все увеличивается.

— О чем ты, женщина? — От усталости у него не хватало сил даже на раздражение.

— Ты обещал золотые торквесы всем, кто станет под твое знамя. И не выполнил обещания.

— Да, не выполнил. Откуда я возьму столько торквесов? Теперь их будут получать только бойцы и люди, занятые на важных стратегических объектах. И лишь после того, как Кулл и его ребята засвидетельствуют их верность. Я с самого начала хотел так сделать.

— Но большинство твоих подданных поняли иначе.

— Ну и хрен с ними! Я пытаюсь сделать их жизнь лучше, но всему есть предел.

— Ну да, особенно монаршим милостям.

Они достигли подножия лестницы и очутились перед другой дверью. Эта была еще массивней, чем первая, и запиралась на целую батарею зам-

ков с различными психокинетическими кодами. Кроме того, вокруг нее светилось силовое поле, которое никак не могло быть продуктом технологии тану.

— Я никогда не был сторонником половинчатой демократии, — заявил Эйкен, — и не собираюсь вводить ее в Многоцветной Земле.

Он начал колдовать над замками, и те с гуденением и щелканьем отмыкались. Напоследок он отключил и поле.

— Демократизма от тебя никто и не ожидал, — съязвила Мерси. — Но первобытные, которые пришли к тебе и получили взамен свободы серые и серебряные торквесы, ропщут, несмотря на цепочки наслаждения. Не говоря уже о несовместимых — эти и вовсе чувствуют себя обделенными. К одной группе Конгриву пришлось применить суровые меры, когда она попыталась бросить работу в Майской роще.

— Завтра я с этим разберусь. — Эйкен распахнул дверь и покосился на выключатель. В ту же секунду вспыхнули люминесцентные трубки на потолке. — Не волнуйся, дорогая, их всех призовут к порядку… Ну, что скажешь?

Мерси застыла на пороге. Она помнила, что прежде здесь находилось узилище, и теперь не

поверила своим глазам. Каменные стены были обшиты панелями из пластика, а в воздухе по контрасту с пропахшей плесенью лестницей совсем не чувствовалось лишней влажности, а веяло подлинной свежестью. Через все помещение тянулись ряды стеллажей и шкафов, набитых всевозможным товаром. Кое-что было засунуто в ненадписанные короба, но в основном диковинки лежали без упаковки, лишь обернутые прозрачной пленкой. Тут хранились внушительная коллекция оружия двадцать второго века и разнообразные тончайшие инструменты и приспособления, конфискованные у путешественников во времени ввиду их несоответствия феодальной культуре тану. Мерси с удивлением разглядывала солнечные батарейки, агрегаты непонятного назначения и прочее высокотехнологичное оборудование. Какая-то штуковина имела табличку: «прицепной поясной мини-взрыватель», еще одна — «морской ионизатор Фербэнкс Морзе» или другая — «естественный озонатор Мицубиси, ЛТД». Были там антенны-тарелки, фотонные экскаваторы и коллекции микроорганических культур. Рядом с предметами повседневного пользования находились совершенно загадочные приборы и конструк-

ции.

— Генеральный склад, — пояснил Эйкен, после того как уселся на крышку небольшого компьютера с описью наличности и что-то едва слышно произнес в микрофон. — Ноданн и Гомнол были те еще барахольщики. Король Тагдал обрек все эти сокровища на уничтожение, а его подданные осмелились нарушить приказ. Покойный лорд Бураска тоже утаивал контрабанду, но, конечно, не в таких масштабах. Склад Гомнола незадолго до потопа обследовала Бреда. Кое-какое невоенное снаряжение было передано добродетельной клике Элизабет. Остальное Супруга Корабля, вероятно, уничтожила: мои люди прочесали всю Мюрию — и нигде никаких следов. А то, что хранилось в Бураске, захватили фирвулаги.

— Неужели Шарн с Айфой не побрезгуют воспользоваться нашим оружием?!

— ахнула Мерси.

Маленький робот-хранитель бесшумно подкатил к ним по проходу.

— Прошу, гражданин, получите заказанный вами материал.

— Премного благодарен. — Эйкен открыл верхнюю папку, вытащил оттуда пакетик и засунул его под левый обшлаг. Затем выключил компью-

тер и направился к двери. — Ну вот и все, любовь моя. На днях еще разок приведу тебя сюда, подберешь себе что-нибудь.

— До начала войны? — невесело усмехнулась Мерси.

— По моей инициативе она не будет начата.

— Фирвулаги наверняка устроят на тебя покушение во время праздника. Пришла же блажь их приглашать! Они умеют запудрить мозги еще лучше, чем потомство Нантусвель.

Он подошел к ней вплотную. Острые грани его доспехов прижались к ее телу сквозь тонкую ткань платья. Одной рукой он все еще сжимал шлем, другая обвила ее талию.

— Приглашая маленький народ на праздник, я демонстрирую им свою силу. Ясно тебе. Огненная леди? В настоящий момент нет более разумной тактики. Эти экзотики — все недоумки. И Шарн с Айфой, и наши лорды из провинции, и злокозненный старик Село — все до единого. А психопатка Фелиция заодно с ними. Такие варвары понимают только язык силы. Что же касается грозящей мне опасности… когда я не сплю… для того-то я сюда и спустился. Знаешь, что это такое? Прибор для защиты головного мозга. Какой-то параноик из Содружества решил, что в плиоцене его уму

понадобится защита. А угодил мне, поскольку я не силен в коррекции.

В глазах цвета морской волны сверкнуло восхищение, смешанное еще с чем-то.

— Да уж, все они тебя недооценивают, а когда поймут, каков ты есть, будет уже поздно. Ты их обведешь вокруг пальца, не сомневаюсь. Но за это придется тоже платить. Только не знаю, кому — тебе или мне…

Его тяжелая рука легла ей на затылок. Их губы встретились, наэлектризованные, жгучие. Он заглянул ей в душу и рассмеялся.

— Так вот что тебя возбуждает, Огненная леди! Смертельный страх.

— Точь-в-точь как тебя, Амадан-на-Бриона.

— У тану я не слышал такого слова. Что оно означает? Стой, не закрывайся!

Но Мерси поставила надежную защиту, и он не мог ничего уловить, кроме всепоглощающей страсти.

— Амадан в кельтском фольклоре значит «шут». Фатальный дурак, чьи прикосновения смертельны. — Она безжалостно засмеялась. — Ну пойдем наверх, мой Амадан! Прочь с этой помойки! Я передумала насчет того, чтобы подождать до свадьбы, и ты забудешь свои страхи в моем госте-

приимном лоне.

Апрельское небо полыхало огнем в ночь, когда тела их впервые слились воедино. А Стеклянный замок Гории звенел, точно призывный набат.

10

Вон Джарроу, беспечно перевесившись через борт кеча, послал в волны телепатический сигнал.

— Прекрати, — сказал Элаби Гатен, не пытаясь скрыть своего отвращения.

— Не суйся не в свое дело.

Странная нечеловеческая трель вновь прорезала воздух. Из глубины моря долетел слабый ответ.

— Эге-гей! — завопил Вон и вскинул карабин «Мацушита РЛ-9».

— Зря ты, Оуэн предупреждал нас… — начал было Элаби.

Но в этот момент голова дельфина показалась на поверхности, и Вон выстрелил; красные лучи прошили хребет морского млекопитающего. Раздался писк, в котором смешивались боль и разочарование. Вон захохотал и еще раз пальнул в судорожно дернувшуюся тушу. Крик заглох, и дельфин скрылся под расползающимся рыжим пятном.

— Ну ты, кретин безмозглый! — Оуэн Бланшар, белый от ярости, пошатываясь, выскочил из

каюты.

Элаби, стоявший на комингсе, спешно поставил судно на автопилот и подбежал к старику, чья хроническая морская болезнь теперь могла окончиться апоплексическим ударом.

— Я говорил тебе, чтоб ты оставил дельфинов в покое! Говорил или нет?!

Вон облокотился на поручни, не выпуская карабина. На нем были одни узенькие плавки, и над ними нависало раскормленное брюхо, блестевшее от крема для загара.

— Мне надоело сканировать проклятое дно. Должны же у нас быть хоть какие-то развлечения.

— Стреляй акул или мант!

Вон пожал плечами.

— Они не откликаются на мой зов.

— Черт бы тебя побрал, можешь ты понять, что дельфины — разумные существа?!

Вон поглаживал лучевой селектор карабина и с кривой усмешкой отводил взгляд.

— Такие же, как те миллионы неприсоединившихся, которых ты уничтожил во время Мятежа. Нечего передо мной святую невинность разыгрывать.

Элаби одним взглядом пригвоздил сверстника

к месту.

— Хватит, Вон! Не притворяйся еще более тупым, чем ты есть на самом деле. Оуэн имеет в виду, что дельфины могут быть связаны с Фелицией. Она любит животных.

— Чушь! Дельфины не могут общаться на расстоянии больше двух километров.

— Ну и что? Все равно есть риск! — кипятился Оуэн.

— Какой риск? Ведь Фелиция далеко.

— Точно никто не знает. И пока мы не убедились в этом, оставь дельфинов в покое!

Ухмылка Вона сделалась еще шире, и глаза превратились в щелочки.

— О'кей, папаша. Найду себе новую мишень. Я обязан быть в форме.

Оуэн бессильно опустился в кресло. На землисто-сером лице выделялись набрякшие под глазами мешки.

— Я вмонтировал в аппарат смирительное устройство, — сообщил он Элаби. — Но надо быть совсем наивным, чтобы попасться в такую ловушку.

— А усыпляющее ружье? — спросил Элаби, вновь берясь за штурвал.

— Нет, глухо. — Оуэн вытащил носовой платок,

связал уголки и спрягал под этой импровизированной шапочкой свою белобрысую макушку. — Оно двадцать семь лет пролежало в тропическом климате, и из него не сделали ни одного выстрела, а теперь стакан теплого молока и то лучше подействует.

Элаби сквозь зубы выругался. Он так рассчитывал на гипнотический прожектор, теоретически способный уложить наповал противника в радиусе пятисот метров.

— Тогда нам придется действовать сообща — тебе, мне и Клу. А это задача не из легких. Фелиция — настоящее чудовище. К тому же мы с Клу порядком подустали, толкая чертову посудину…

Этот разговор происходил двадцать седьмого апреля. Трансатлантический рейс продлился на неделю дольше, чем предполагалось, поскольку западный ветер у Азорских островов не оправдал их ожиданий. В команде только Элаби, Клу и корабельный шкипер Джилиан Моргенталлер обладали психокинетическим потенциалом, необходимым для порождения попутного ветра, и не успели они как следует отдохнуть от полосы экваториального штиля, как снова пришлось включаться в работу. Когда до Испании оставалось километров девятьсот, кеч наконец

вырвался из затишья, но переутомленная троица еще не успела войти в форму, а к Оуэну, едва окреп ветер, вернулась изнуряющая морская болезнь.

Сильные экстрасенсы Оуэн и Вон пытались уведомить Фелицию о задержке. Но не получили никакого ответа. После того, как судно вошло в залив Гвадалквивир, они долго и кропотливо обследовали южное побережье Испании, но нигде не обнаружили следов Фелиции, хотя одинокое гнездо на горе Муласен просматривалось очень хорошо. По какой-то одной ей ведомой причине эта психопатка скрывала свой ум от метапсихического прощупывания.

— Оставьте ее, — сказал Элаби, — пусть сама ищет встречи, когда будет готова.

На столь консервативное предложение никто ничего не возразил.

Яхта спокойно пересекала постепенно сужающийся залив, двигаясь по направлению к реке Хениль, стекавшей с Муласена. За розовым песчаным побережьем, окаймленным кокосовыми и финиковыми пальмами, начинались лесистые предгорья. На юге в легкой дымке маячили Бетские Кордильеры; их главная вершина — Муласен — высотой в 4233 метра, невзирая на тропиче-

ский климат, была увенчана снежной шапкой.

Клу подала с камбуза телепатический сигнал о том, что еда готова.

Прекрасно!

— Как дно. Вон? — Элаби взял право руля. — Рифов нет?

Ясновидец не стал очень уж перетруждаться.

— Да вроде чисто. Вперед, не дрейфь!

Зыбь разгладилась. Они подошли к небольшому мысу и собрались бросить якорь.

— Поднялись на пятнадцать метров, — доложил Вон.

— Ну, пошли перекусим.

Элаби надежно зацепился якорем. Вон застопорил машину, и тут на палубе появились дежурные по камбузу Клу и Джилиан с подносом жареного трахинотуса, кокосовым салатом под кисло-сладким соусом и рисовым пудингом. Из напитков был только дынный морс.

— Сегодня обойдетесь без рома, — заявила Клу и выразительно поглядела на Вона. — Кто-то выцедил почти все наши запасы.

— А что делать, если вы, мерзавки, мне отказываете, — произнес Вон тоном мученика. — Ром и пища — мои единственные друзья. Передай тарелку.

Место для стоянки выбрали тихое, уютное и на значительной глубине, под сенью ветвей. Из расщелины в скалах вырывался бурливый поток и через несколько метров пропадал среди розоватых песков. В прозрачной воде ходила большая рыба, видимо озадаченная странным вторжением на ее территорию.

— Могло быть хуже, — заметил Элаби.

Джилиан кивнула.

— Мы с Воном займемся пополнением фуража, а вы отдохните перед решающей охотой.

— А я уже сейчас готов поохотиться! — Вон быстро проглотил обед и вышел на палубу. — Только наброшу на себя что-нибудь. Слышь, Джилли, детка, порыбачишь без меня, а?

— Без тебя — все что угодно, — откликнулась девушка, но он уже скрылся в своей каюте. Джилиан прошла на корму и стала надувать лодку.

— Я слышала крик дельфина, — тихо сказала Клу Оуэну. — Как ножом по сердцу… Ты думаешь, Фелиция могла нас разоблачить?

— Не знаю, — ответил старый мятежник. — Дельфины — очень умные твари, они способны передавать друг другу телепатические сигналы. Меня беспокоит именно это, а вовсе не их предсмертные крики. Вон пристрелил троих вчера и

семерых позавчера. А сегодня только одного, да и то молодого, неопытного.

— Но информация могла просочиться? — спросил Элаби.

— Кто знает? — Оуэн отодвинул тарелку, почти не прикоснувшись к еде.

— Никак не возьму в толк, зачем вы взяли с собой этого идиота.

— Вон входит в инициативную группу, — объяснил Элаби. — К тому же среди нас он лучший экстрасенс. Несколько толстокожий, это правда, но мы бы никогда не узнали про Фелицию, если бы он прошлой осенью не обследовал Европу.

«Эй, все сюда, живо!»

Повинуясь телепатическому призыву Джилиан, они бросились на корму, обращенную к побережью. Среди пальм стояли четыре фигурки; те, что побольше, ростом примерно с шестилетнего ребенка. Тела их были покрыты мягкой золотистой шерстью; лица же ничем не отличались от человеческих.

— Какая прелесть! — выдохнула Клу. — Это обезьянки?

— Мартышки, — сказал Элаби. — Доктор Уоршоу говорила, что они водятся в Европе. Возможно, это дриопитеки, предки шимпанзе… Хотя

нет, для дриопитеков они маловаты и держатся слишком прямо… Скорее всего, рамапитеки, наши прародители.

— Я чувствую их настроение, — удивленно проговорил Оуэн. — Невинное любопытство, смешанное с настороженностью, как у детей. Разум дельфинов — нечто совершенно иное. А эти напоминают аборигенов той планеты, где мы…

Сноп алых лучей взметнулся с палубы позади них, не дав Оуэну договорить. Самый высокий рамапитек опрокинулся навзничь; его поразило прямо в череп. Клу рванулась к Вону.

— Ну ты, дерьмо собачье!

Из глаз у нее брызнули слезы, она изо всех сил толкнула его, и толстяк вместе со своим лазерным карабином полетел за борт. Несколько секунд мартышки на берегу, окаменев, глядели на мертвого собрата и на судно. Потом их будто смыло волной, и на песке остался только скрюченный комочек.

Вон, кашляя и чертыхаясь, вынырнул из воды. Элаби даже не взглянул на него, поскольку утешал рыдающую Клу, а Джилиан, применив грубую психокинетическую силу, подняла незадачливого стрелка на борт.

— Так тебе и надо, болвану!

— А из-за чего, собственно, весь сыр-бор? Нам что, провизия не нужна? Можете вместо ужина лить крокодиловы слезы из-за вонючей обезьяны. — Он осмотрел ружье и пробормотал: — Наверняка закоротила, сучка! Теперь чини его целый день!

Судно слегка покачивалось на якорной цепи под налетевшим ветром. Вон уселся на корме; остальные делали вид, будто его не существует, и вели на палубе телепатические переговоры. Но внезапно все четверо застыли в изумлении, вновь устремив взоры на берег. Вон тоже оглянулся.

— Ого! Вы видели эту стерву!

Гигантская птица, расправив крылья, опускалась к трупу рамапитека. Вон сперва подумал, что это кондор, но потом, включив экстрасенсорику, опознал огромного угольно-черного ворона. Птица плавно опустилась на землю, вскинула голову и хрипло закричала.

— Может, на один выстрел горючего хватит…

Вон поднял «Мацушиту»… и рассыпался на куски.

Лоснящаяся кожа натянулась и пошла трещинами; пенясь, брызнула кровь, мышцы вмиг превратились в лохмотья, кости крошились в алом месиве. Последним взорвался череп с

отвисшей нижней челюстью, и на уровне глаз начал клубиться сероватый туман. Карабин грохнулся на палубу. Кровавая лужа непристойно растекалась по корме. Волны вскипели и смыли ее, оставив после себя лишь розоватые клочья пены.

Черная птица исчезла.

А возле надутой, но так и не спущенной на воду шлюпки возникла Фелиция. На мертвенно-бледном лице горели огромные карие глаза. Платиновые волосы казались воздушными, как пух одуванчика. Она была одета в рубашку и короткий камзол из белой замши; на крохотных ступнях сверкали белоснежные мокасины. Круглые вороньи глаза непроницаемо озирали упавшее оружие и четверых пришельцев. И от этого взгляда те чувствовали неотвратимо надвигающуюся смерть.

— Мы не хотели… — начала Джилиан.

Тринадцатиметровый кеч сильно тряхнуло, и люди с криком повалились на палубу. Отовсюду хлестала вода. Киль разбился о каменистое дно. Наконец волны отступили, и яхта поднялась кверху, вращаясь в бешеном ритме. Фелиция по-прежнему стояла как вкопанная. Затем море успокоилось. Небольшой якорь чудом удержал

кеч на месте.

Клу и Элаби склонялись над Джилиан, которая без чувств лежала на палубе; из ее левого виска сочилась кровь. Оуэн, кряхтя и держась за поручни, поднялся на ноги.

— Напрасно вы убивали моих дельфинов, — проговорила Фелиция. — Они намного добрей, чем люди или гуманоиды.

Оуэн Бланшар медленно открыл перед ней свой ум:

«Видишь, я старик и не желаю тебе зла. Все мы здесь вместе с тобой оплакиваем твоих погибших друзей. Нам ничуть не жаль этого подонка, наоборот, мы даже рады, что ты его прикончила. Все правильно, так ему и надо. Он не хотел понять, что это твой мир. В нем правишь ты, Повелительница Зверей, Богиня Лесов, Дева Луны, Мстящая Артемида».

— Да, — кивнула Фелиция.

«Позволь обратиться к тебе, о Великая!»

— Вы — демоны?

«Мы пришли по твоему приглашению».

На мраморном лбу появилась морщинка.

— Не помню.

«Мы — твои друзья из Северной Америки. Вспомни, мы помогли тебе отворить Гибралтарские

ворота и готовы исполнить любое твое желание».

— Но я приглашала молодых. Откуда же взялся старик?

«Юным не обойтись без старческой мудрости. У меня есть опыт, и я помогу тебе во всем. А вот эти молодые люди — в том числе женщина, которую ты чуть не убила, — будут работать под моим началом. Для твоего блага».

Фелиция презрительно покосилась на Джилиан.

— Она может умереть. У нее в черепе трещина.

«Да будет тебе известно, о Великая, твои покорные слуги — искусные целители. Мы поможем нашей спутнице так же, как тебе».

— Да ну? — Завеса в мозгу Фелиции чуть-чуть приоткрылась, и они увидели хаотическое смешение свежих, кричащих красок и болезненное, мучительное нетерпение.

«Свяжитесь со мной и во всем подыгрывайте мне!» — на скрытом канале приказал Оуэн Элаби и Клу.

— Иногда, — неуверенно произнесла Фелиция, — мне бывает нужна помощь. Меня преследуют кошмары — и не только во сне. Вот как сейчас… — (Угрожающее скопление зловонных

масс.) «Так! Приступай, Оуэн! Только осторожно».

— Здесь у тебя болит. Великая? Здесь? Или вот здесь?

— О-о, да! Как тебе удалась?! Мне стало… хорошо.

«А будет еще лучше, если ты откроешься…»

НЕТ!!!

«Боже милостивый, Оуэн! Она чуть не вышибла из нас дух!»

«Спокойно, ребятки. Держитесь ближе ко мне».

— Не откроюсь, — буркнула Фелиция. — Никогда и никому я не позволяла себя корректировать. Ни тут, ни в Содружестве. А многие хотели меня перевоспитать, но если бы я изменилась, то не была бы самой собой, исчезла бы как личность. Именно этим и занимаются целители: отнимают наше «я» и делают себе подобными. Самодовольные гниды!

«Мы тонкие целители. Великая. Умелый корректор никогда не разрушит личность. Он лишь врачует раны, устраняет боль».

— Есть боль… которая мне нравится.

«Да, это твоя аномалия».

— Я делила такую боль с моим возлюбленным. Он самый сильный корректор среди гуманоидов,

за исключением труса Дионкета.

Мысли увлекли ее вдаль. В вихре видений возник прекрасный мужской образ с сапфировыми глазами, огненным каскадом волос и нечеловеческим складом ума.

«Это он, Великая, твой возлюбленный Куллукет? И ты хочешь, чтобы мы привели его к тебе?»

— Я люблю его больше жизни и смерти. Он не мог погибнуть! — Фелиция поддалась панике. — Я не могу отыскать его следов после потопа! Если он умер без меня — если только осмелился, — тогда все впустую!.. Правда, может, он прячется от меня… Я плохой экстрасенс и никудышный корректор, не в пример остальным метафункциям. — Внезапно она остановила на нем колючий взгляд. — А ты, демон, из Великих Магистров, да?

«Берегись, Оуэн!»

«Конечно. Показать тебе заключение консилиума?.. Вот оно. Я — Великий Магистр, а со мной два мощных целителя, мои юные ассистенты».

«Ну и хитер ты, Оуэн! Мы сами чуть не поверили!»

«Фелиция — совсем ребенок. Что она может в этом понимать? К тому же в связке принудитель-корректор слукавить очень легко…»

— Но если ты Великий Магистр, — рассуждала Фелиция, — значит, можешь мне лгать, не боясь, что я тебя поймаю.

«Ого, а девочка не так уж наивна!»

— Откройте мне свои умы, демоны! Я хочу испытать вас!

«О Великая, для тонких испытаний у тебя не хватит навыка, если же ты что-нибудь попортишь, мы будем уже не в силах тебе помочь. Извини за прямоту, Фелиция, но без нашей помощи ты никогда не найдешь своего Куллукета и не станешь царицей мира».

— Царицей?! — Бледный силуэт на корме кеча излучал ослепительное сияние, жемчужный ореол, который не могло затмить даже тропическое солнце и который был в самом деле под стать величавой Артемиде. — Вы в самом деле поможете мне стать царицей? Не только зверей, но и здешних племен?

«Мы сделаем тебя царицей Многоцветной Земли! Ты будешь править людьми, тану, фирвулагами, все они будут поклоняться тебе, включая нас, твоих вечных рабов. Для этого необходимо одно — вылечить тебя. Когда твои страдания, твои кошмары исчезнут, их место займет твой великий, благородный дух. Твои метафункции

еще больше разовьются и окрепнут. Тебе не будет равных в плиоцене! Ты станешь богиней!»

— Гуманоиды чтят Богиню, но, по их словам, она никогда не принимает телесного облика. А может, принимает? Только без их ведома?..

Видение скользило по дощатой палубе, клубилось возле маленьких, обутых в мокасины ног. Элаби прикрыл свое творчество невидимым щитом, в душе молясь, чтобы она не ударила по нему каким-нибудь тяжелым молотком, и, на мгновение отделившись от Оуэна и Клу, почувствовал присутствие той, другой, которая наблюдала за происходящим. Он не мог подать сигнал, не мог прервать поток легковесных уверений Оуэна с гипнотическими принудительными вкраплениями.

«Ты непременно станешь богиней, когда исцелишься…»

— Что вы будете со мной делать? Я хочу знать заранее.

«Мы привезли с собой специальное оборудование. Совсем не такое, какое ты могла видеть в Содружестве. Мы наладим с тобой интеллектуальную связь, но ты сможешь все время контролировать свои метафункции. Да к тому же исцеление займет всего один миг! После него

все аномалии исчезнут, и ты будешь свободно наслаждаться своей славой. Показать тебе оборудование? Хочешь, мы его продемонстрируем на ком-нибудь из нас?»

Девушка нахмурилась.

— Оборудование? Я думала, вы лечите напрямую — ум в ум.

«Это займет несколько больше времени и едва ли будет столь эффективно. У тебя очень мощный ум, Фелиция».

— Я знаю, — отозвалась она с ледяной усмешкой.

«Элаби, Клу! Когда достанете смирительное оборудование, удостоверьтесь, что силовой передатчик поставлен на максимум. Возьмите помеченные наушники».

Оуэн Бланшар указал Фелиции на лежащую без чувств Джилиан и сказал вслух:

— Эта женщина служит у нас шкипером, она и построила наше судно. Позволь, мы сперва снесем ее в каюту, а уж потом устроим показ мод.

— Я сама понесу вашего шкипера, — снизошла новоиспеченная богиня. — Хотелось бы посмотреть на вашу посудину изнутри.

— Но твоя аура… — начал Оуэн.

— Ах, это.

Фелиция, казалось, только теперь заметила, какие разрушения произвело ее умственное излучение. Она озорно засмеялась, и ореол вокруг нее погас. Затем провела рукой по обожженным доскам палубы и восстановила их прежний вид.

Легко подхватив Джилиан одной рукой, она последовала за остальными в кают-компанию.

— Клади ее на кушетку, — сказал Оуэн.

Клу и Элаби тихонько выскользнули на корму.

Фелиция мягко дотронулась пальцем до лба Джилиан.

— Извини. Я не рассчитала. Я хотела только попугать вас. — Она с любопытством огляделась. — А здесь очень мило. И камин, и светильники, и мебель…

— Везде универсальные шарниры, — охотно объяснил Оуэн. — Благодаря им предмет всегда остается в одном положении, даже при сильном крене судна.

— Так вы на нем проделали весь путь из Северной Америки… — задумчиво произнесла Фелиция. — Я бы хотела туда слетать, но, наверно, не смогу так долго находиться в воздухе без сна. В полете нужна большая сосредоточенность, особенно при ветре. А вы, демоны, умеете летать?

— Из нас никто не умеет. Там, во Флориде, неко-

торые могут, но недалеко.

Фелиция прошла вперед, заглянула на полубак. Затем открыла висячий шкаф и, глянув через плечо, состроила гримаску Оуэну. Шкаф был набит лазерным оружием и запасными батареями к нему.

— Вам это не понадобится, когда вы будете под защитой богини.

— Разумеется, нет! — от души рассмеялся Оуэн.

Она слегка щелкнула по дверце. Последовала короткая вспышка, и от оружия осталась бесформенная дымящаяся масса.

— Все готово, — сказала Клу, входя в кают-компанию. — Пойдем на палубу или здесь все посмотришь?

— Пожалуй, лучше наверху, — решила Фелиция. — Когда соберусь уходить, не надо будет проникать сквозь стены.

— Не уходи, пожалуйста! — На открытом загорелом и по-мальчишески угловатом лице Элаби Гатена была написана благоговейная мольба.

— Ладно, еще малость побуду, — пообещала Фелиция и улыбнулась ему.

Оборудование было очень компактным, силовая установка — надежно замаскирована. Клу, взбираясь по лесенке, аккуратно разматывала

провод; Фелиция шла последней. Элаби поставил небольшой ящичек на скамью и вытащил две пары наушников. Одну он протянул Фелиции, другую небрежно бросил на столик; внешне она отличалась от первой лишь небольшой царапиной на мембране. Фелиция с поистине рентгеновской тщательностью обследовала и ящичек и наушники, но обнаружить вмонтированный микроэлемент мог только специалист.

— Аппарат готов для проведения предварительной цереброскопии, — объявил Элаби. Он поднял колпак из тончайшей золотистой сетки; тот ослепительно сверкнул на солнце. — Пациент надевает вот такой замечательный шлем, а оператор работает через наушники. Хочешь, я сделаю твой снимок?

— Нет, пусть сперва она побудет подопытным кроликом, — сказала Фелиция, указывая на Клу.

Дочь Марка Ремиларда натянула сетчатый колпак на свои белокурые волосы, улеглась на скамью и закрыла глаза. На ней были синие шорты и такая же майка; загорелые ноги в синяках и ссадинах после недавней встряски. Дышала она ровно, спокойно, и в верхних отделах мозга царила полная безмятежность.

Элаби повернул рукоятку и одновременно

подал телепатическую команду об отмене глубинного исследования. Еще один умственный импульс привел в боевую готовность усмиритель.

— Хочешь сама провести исследование мозга Клу? — Элаби взял со стола специально оборудованные наушники и протянул их Фелиции.

Она заколебалась, потом все-таки взяла, повертела в руках. Три североамериканских корректора стояли не шелохнувшись; умы их были плотно экранированы. Фелиция наклонила голову, чтобы надеть наушники.

«Не делай этого, Фелиция».

Вздрогнув, девушка выронила наушники. Элаби поставил перед собой, Оуэном и Клу сильный экран и попытался собраться с силами.

Телепатический голос зазвенел у всех в ушах:

«Это не те наушники, Фелиция. Они собираются усыпить тебя».

Большие карие глаза с упреком обвели сбившихся в кучку североамериканцев.

— Вы мне солгали?

«Да, они солгали».

— Значит, вы пришли не за тем, чтобы помочь мне?

«Они преследуют свои цели. Помочь тебе они

бессильны».

— Мне все бессильны помочь! — По бледным щекам заструились слезы. — Я слишком грязна, чтобы меня можно было очистить. Эх вы, демоны! Стало быть, вы лгали мне с самого начала — и про то, что приведете ко мне Куллукета, и про то, что сделаете меня царицей.

Демоны хранили молчание.

— Теперь буду жить в вечном кошмаре, пока не захлебнусь собственным дерьмом.

«Нет, девочка, я помогу тебе».

Фелиция повернулась к северо-востоку и растерянно уставилась в голубое небо.

— Ты, Элизабет?

«Да. Ты же знаешь. У меня действительно есть степень Великого Магистра коррекции. А этот шарлатан бросил вызов Единству, устроил Метапсихический мятеж, но и раньше его специальностью было принуждение, а не коррекция. Он и не думал тебе помогать. Вместе со своими сообщниками он явился, чтобы одурачить тебя и с твоей помощью подчинить себе Европу».

— Я убью их! На месте!

«Стой!»

— Почему?

«Ты не должна больше убивать. Это затруднит

твое исцеление, увеличит бремя твоей вины. Иди ко мне, я сотру всю боль и все зло, как обещала. Ты обретешь покой. Я научу тебя настоящей, не извращенной любви».

— Любовь… Она мне отказала, — подавленно проговорила девушка. — Хотя и уверяла, что любит.

«Бедная моя малышка. Она отказала тебе в сексе, а не в любви. Ты еще многого не знаешь. Я помогу тебе разобраться, только доверься мне».

Собравшись с силами, Оуэн вмешался в их диалог:

— Она лжет! Лжет! Не слушай ее, Фелиция! Что она сделала для тебя? Разве она помогла тебе на Гибралтаре? Мы тебе помогли! Мы — твои настоящие друзья!

Глаза и тонущий ум обратились к нему.

— Чем докажешь, демон?

— Спроси Элизабет, вернет ли она тебе возлюбленного, сделает ли тебя царицей!

— Элизабет?

«Когда излечишься, ты станешь иначе смотреть на вещи. Сможешь отличить извращенные фантазии от чистой, искренней любви. Твои силы удвоятся, ты будешь свободна в своем выборе. Ты познаешь и полюбишь себя. Поверь, Фелиция!

Иди ко мне».

Хрупкая фигурка переливчато засветилась и вмиг исчезла, а на ее месте вновь появился ворон. С хриплым криком птица пролетела над бухтой, почти касаясь воды крылами, и скрылась за восточными предгорьями.

Элаби медленно снял экран, уронил на палубу наушники. Клу стянула с головы сетчатый шлем. Оуэн неуклюже скрючился на скамье. Его пробирала дрожь, на шее вздулись лиловые вены.

— Ну и что теперь? — бесцветным голосом спросил Элаби.

Клу спокойно встретила его взгляд.

— Надо скорей выбираться отсюда. Пошли осмотрим бедную Джилиан и постараемся ей помочь. Яхта наверняка тоже требует ремонта. И всем держать умы плотно закрытыми, пока отец не вернется из своего звездного рейда и не даст нам полезный совет.

11

— Вот увидите, охота вам понравится, — говорил Эйкен. — Таких зверей вы еще не встречали. Один дракон меня едва не прикончил во время посвящения в рыцари.

— Великое благо для Многоцветной Земли, что ты остался в живых, — заметил король Шарн.

Королева Айфа и другие высокопоставленные фирвулаги хором фыркнули; в ответ на странный звук испуганно заржали иноходцы, и Куллукету пришлось их успокаивать.

Пока не начались празднества. Летучая Охота была главным развлечением знати. Эйкен и Мерси очень старались, чтобы фирвулаги не скучали в Гории. Однако все гости согласились принять участие в мероприятии, поскольку, несмотря на отмененные Эйкеном кровавые порядки, у многих еще сохранились ностальгические воспоминания о временах, когда охотники преследовали дичь пешими. Противники воздушного спорта остались в замке на музыкальном вечере, который устроила Мерси, а Эйкен возглавил летучее сафари на доисторических крокодилов в дельте Лаара. Из рыцарей тану его сопровождали

Куллукет, Альборан, Блейн, Алутейн Властелин Ремесел, Селадейр Афалийский и воинственная леди Армида, вдова Дарелла, нынешняя правительница Роны. Среди фирвулагов кроме короля и королевы были только боевые чемпионы: Медор, один из первых пришельцев и наместник Шарна (его иллюзорное обличье

— черный мохнатый тарантул); Устрашительница Скейта, лучшая подруга Айфы, принимавшая вид чудовища с кривыми зубами и кровоточащими когтями; герой-неофит Фафнор Ледяные Челюсти, победивший Куллукета на последнем Поединке Героев; Тетрол Костоправ, пернатый змей, побежденный Альбораном во время упомянутого события, и Бетуларн Белая Рука, еще один богатырь из первых пришельцев, извечный противник почтенного Селадейра.

Никто из благородных особ маленького народа не был способен подняться в воздух самостоятельно, и уж тем более — верхом, поэтому воздушная доставка гостей полностью ложилась на плечи Эйкена. Компенсируя свою ущербность в данной области, фирвулаги сразу по прибытии в Горию дали показательный артиллерийский метаконцерт. Если в былые дни каждый чемпион ревниво оберегал свои силы и никогда не делился

ими с другими, то при новой власти фирвулаги научились объединять умы. Правда, такое сотрудничество пока что носило довольно грубый характер и распространялось только на сферу творчества, но Куллукет определил, что по мощности общая психоэнергетика совета фирвулагов, пожалуй, превышает потенциал самого Эйкена, во всяком случае в его теперешнем истощенном состоянии (из приближенных Сиятельного только Куллукету Дознавателю, Блейну да Альборану были известны его умственные возможности). При подобных обстоятельствах Эйкену пришлось оставить всякую надежду на истребление правящей верхушки древнего врага. Следуя заранее выработанной стратегии, Шарн и Айфа держались вполне дружелюбно и делали вид, что у них и в мыслях не было нарушать перемирие.

Уже совсем стемнело, когда всадники добрались до Пятнистого болота, что располагалось к югу от Гории. Желтая луна, которой недоставало двух дней до абсолютной полноты, сияла сквозь поднимающийся туман каким-то недобрым бесовским светом.

— Плезиозавры, — объяснял Эйкен, — производят потомство в пресной воде. В это время года они перебираются в тихие заводи Лаара и спари-

ваются. Тут-то драконы-хищники и подстерегают в засаде распаленные от страсти парочки.

— Страсть, — заметила Айфа, — размягчает даже самые отважные сердца.

Королева фирвулагов надела великолепную амазонку из розоватой металлизированной ткани, лиловые сапожки и черный парчовый плащ. На абрикосовых волосах, полуприкрытых капюшоном, красовалась алмазная диадема с отходящими от нее нитями драгоценных камней. Этот головной убор, типичный для фирвулагов, прикрывал подбородок, щеки, лоб и даже переносицу наподобие маски. Айфу можно было бы назвать красавицей, если не обращать внимания на слишком развитую плечевую мускулатуру и воинственный блеск темных глаз.

— Ну, нам-то не составит труда заарканить плезиозавра и даже дракона,

— заявил юный Фафнор.

Присутствующие тану выразили ему безмолвное неодобрение.

— Травить морских чудовищ в сезон любви — не в наших правилах, малыш,

— разъяснил ему Эйкен. — Драконы — иное дело. Вы, как гости, получите право первого удара.

— Бедные драконы! — вздохнула леди Арми-

да. — Никто им не сочувствует. А вот наш мудрый Сеньет говорит, что они не более опасны, чем морские плезиозавры.

— Или тану, — добавила Скейта с лукавой усмешкой.

— Благодарение Богине, нас много уцелело после потопа, — прокаркал Бетуларн.

— Вы спаслись не благодаря Богине, а потому, что мы вам нос утерли, — проворчал Селадейр. — Вечно спешите унести задницы, чтоб не видеть своего позора на Поединке Героев и на церемонии награждения. Жалкие неудачники!

— Не до жиру, быть бы живу! — съязвил Бетуларн. — Хорошо, если в нынешнем году вы наберете четыре батальона против наших сорока.

— На этот раз Битва будет совсем иной, — вмешался Эйкен. — Скажем им, Шарни?

— Почему бы и нет, Стратег? Все равно они через два дня узнают.

Всадники попридержали иноходцев и сбились в тесный кружок на фоне темного неба. Воздух звенел от умственного гомона всех вассалов Шарна и Айфы; к ним присоединялось взволнованное телепатическое бормотание Селадейра, Властелина Ремесел и леди Армиды, которых Эйкен не

посвятил в свои планы.

— Все просто, ребята, — заявил золотой шут. — Жизнь в Многоцветной Земле так изменилась, что уже нет смысла придерживаться старых обычаев. Бетуларн прав: на вашей стороне десятикратный численный перевес. Сражаясь по старинке, мы неминуемо обрекаем себя на уничтожение. Поэтому несколько недель назад я предложил королю Шарну и королевы Айфе новую диспозицию. У нас будет не Битва, а Турнир — без смертельных схваток и без прежних трофеев. Поединки Героев давно уже оцениваются по очкам, а не по головам, и тем не менее все признают, что это самая захватывающая часть игр. А мы намерены составить целую программу силовых схваток и состязаний в ловкости. Все это не значит, что никто не будет убит, разумеется, мы не хотим превращать Битву в липовый рекламный матч. Однако охота за головами отныне станет символической, а не буквальной, и проигравшие будут расплачиваться своими сокровищами и боевыми знаменами.

— К тому же, — заключил Шарн, — хвала нам, фирвулагам, на Битве будет новенький главный трофей. Меч и Копье сгинули, а нам ведь нужен символ нашего соперничества. Вот лучшие масте-

ра Высокой Цитадели и создают Поющий Камень. Это огромный берилл, выточенный в форме походного королевского трона. По завершении Турнира он будет настроен на психокреативную волну монарха-победителя. И впоследствии целый год станет откликаться музыкой сфер, как только на него усядется истинный Полноправный Властелин Многоцветной Земли.

— А самозванца опозорит при всем честном народе, — Эйкен с ехидцей подмигнул Шарну, намекая на то, что после потопа правитель фирвулагов незаконно захватил трон.

— Как?! — взвыл Селадейр. — Ни одной смертельной схватки?

— Ни одной отрубленной головы?! — эхом откликнулся Бетуларн.

Оба ветерана в ужасе переглянулись.

Властелин Ремесел одарил сверстников кислой улыбкой:

— Хорошенького понемножку, братцы. Нравится нам это или нет, в нашем Изгнании наступает новая эра.

— Но Совет фирвулагов не голосовал за это! — возмутился Тетрол Костоправ. — Покойный король Йочи никогда бы…

— Наш властительный брат покоится в лоне

Тэ, — оборвала своего приближенного Айфа. — *Мы так решили.* Думаю, вам будет небезынтересно узнать, что ближайший Турнир состоится на нашем Золотом поле близ Нионели, как и все последующие состязания…

— Это если вы победите. Ваше Воинское Величество, — вставила Армида.

Но Айфа спокойно продолжала:

— Как и все последующие состязания, до тех пор пока тану не оборудуют новую игровую площадку. А потом обе расы будут по очереди проводить игры независимо от того, кто победит.

— Разумно, — сказал Властелин Ремесел.

— Противно, — сказал Селадейр.

— Вот именно, — сказал Бетуларн.

— Все решено, — в один голос сказали Эйкен и Шарн.

Иноходцы разом вздрогнули, когда из болота донесся протяжный рев.

— Слыхали?! — воскликнул шут. — Драконы чуют лакомый кусочек. Все, кто хочет поохотиться, приготовьте оружие, а я спущусь и сыграю роль приманки. Если крокодилы меня сожрут, то все договоренности отменяются и можете развязывать войну с Мраком — мне начхать.

С наветренной стороны Охота подлетела к

лагуне, окаймленной высокими кипарисами. Извилистый канал отделял ее от основного течения Лаара. Эйкен погасил свое золотое свечение, остальные всадники последовали его примеру. Шарн пытался не отстать от человеческого узурпатора. В отличие от жены он был не в костюме для верховой езды, а в боевых обсидиановых доспехах. Только вместо тяжелого шлема надел легкий, без забрала, украшенный тремя рогами. Длинные темные кудри струились из-под шлема, точно клубы дыма. Сбоку он прицепил меч со сверкающим стеклянным лезвием длиной почти в рост Эйкена.

— А где же твое оружие? — спросил он маленького шута.

— У меня руки заняты — надо же вас держать, а вы за это уж похлопочите, чтобы я не попал крокодилам на полночное угощение.

Послышался телепатический сигнал Куллукета, лучшего ясновидца из всей партии:

«Тихо, все! По каналу движется плезиозавр».

— А-ах! — воскликнули фирвулаги, и кавалькада зависла в воздухе, слабо освещенная луной.

Внизу что-то высунулось из воды и поднималось все выше, выше, пока все не увидели морского змея, который стремительно разрезал

чернильную воду, оставляя за собой треугольный след. Наконец после пятиметровой шеи показалось туловище плезиозавра. Он широко разинул пасть и призывно завопил:

— О-о-о-о-о!

С другого конца лагуны, разбрасывая сверкающие брызги, к нему устремилась другая змеевидная шея. Второй плезиозавр трубил на более высокой ноте, а первый, заслышав этот вопль, прибавил скорость. Так чудовища перекликались, пока не подплыли друг к другу. Две лоснящиеся шеи переплелись, и рев раскатился по окрестностям душераздирающим дуэтом. Затем оба зверя погрузились в воду, оставив на поверхности скопище маслянистых пузырей, а в воздухе — раскатистое эхо. Обладающие даром ясновидения разглядели в глубине соитие гигантов. Затем самец всплыл на поверхность, а самка двинулась к берегу, где в полужидкой хорошо удобренной почве росли редкие кипарисы. Она вытянула массивное тело насушу, зевнула и проползла пять или шесть своих длин — метров восемьдесят. После чего начала лихорадочно копать плавниками и мордой, пока не вырыла яму, куда тут же просочилась вода.

— Яйца! Яйца!

Восклицания королевы Айфы были тут же подхвачены остальными фирвулагами. Для слабых ясновидцев Куллукет специально расширил свой зрительный спектр, и все явственно увидели, как самка один за другим отложила в теплую жижу лунные камни размером с человеческую голову. Она немного помешкала после того, как снесла все яйца, потом снова закопала яму, чтобы никто не потревожил ее будущее потомство.

Тем временем самец-плезиозавр медленно опускался на дно; напоследок он издал еще один продолжительный вопль. Самка же все лежала на суше, и грязные ее бока еле заметно вздымались.

«Посмотрите направо», — передал всем свою мысль Куллукет.

«Ух ты, — откликнулся Эйкен, — ну и здоровы, ублюдки!»

И вонзил стеклянные шпоры в бока иноходца. Золотой рыцарь и скакун описали дугу в воздухе и нарочито громко плюхнулись в болотную трясину. Косматые щетки халика увязли в грязи, но равновесия он не потерял. Эйкен спрыгнул наземь, и мшистая луговина, поросшая кипарисами, тут же засветилась, словно в летний полдень. Тем временем сквозь низкий полукустарник к отдыхающей самке подползали два огромных

крокодила. Глаза их горели рубиновым блеском, пасти были чуть приоткрыты, и оттуда высовывались клыки, точно заостренные очищенные бананы. Голова более крупной рептилии достигала в длину двух метров.

Эйкен, как блуждающий огонь, прокатился по болоту, издавая непристойные звуки. Первый дракон повернул к нему, второй озадаченно приостановился.

— Ну чего стали?! — крикнул Эйкен фирвулагам. — Вперед, черт нас дери!

— Позвольте мне, повелитель? — попросил Фафнор и поднял копье.

Шарн кивнул.

— А ты, Медор, следуй за ним… и будь начеку.

С победным кличем оба рыцаря поскакали к золотой танцующей марионетке. Казалось, они сшибут Эйкена, но он отпрыгнул в сторону и завертелся подобно горящему листу. Фафнор пронзил ближнего дракона прямо посередине туловища. Тот взревел и, раскрутив свой мощный хвост, ударил по крупу иноходца; к счастью, тот успел подняться метра на четыре от земли, и удар вышел скользящий. Копье Фафнора осталось в бешено извивающемся теле чудовища. Юный герой выхватил длинный меч и ринулся за добы-

чей, стараясь избегать не только огромных зубов и хвоста, но и собственного копья, которое теперь тоже ополчилось против него. Оно покачивалось в угрожающей близости, грозя вышибить его из седла. Медор отступил, чувствуя свою беспомощность. Метапсихическое вмешательство считалось неспортивным, а физическая помощь допускалась, только если охотник оказывался разоружен или выбит из седла.

— Ну чего ты к хвосту прицепился, болван! — кричал Эйкен. — Это на пиру с хвоста начинают! В мозг бей! Цельсь в глаз!

Фафнор встрепенулся, быстро нашел уязвимое место, куда и всадил свой двуручный меч. Затем отскочил на безопасное расстояние, видя, как зверь содрогается в смертельной агонии. Из разверстой пасти хлынула темная кровь, и хищник наконец затих.

Летучая Охота взорвалась ликующими криками; под приветственные возгласы тану и фирвулагов над лагуной поднялась лунная радуга. Эйкен подлетел к распростертому монстру, энергетическим зарядом отсек один клык и вручил трофей Фафнору.

— Отлично сработано, малыш!

Второй крокодил поспешил убраться восвояси.

Но фирвулаги вошли в азарт и потребовали от Эйкена новой добычи.

— Почему бы и нет? У нас вся ночь впереди, — усмехнулся плут. — Но на земле каждый дурак может затравить зверя. Иное дело с воздуха, над морем. Если нашим гостям угодно отведать настоящей охоты, можно полететь к проливу Редон и найти там старого, матерого плезиозавра, из тех, что уже не предаются любовным утехам. Только, чур, драться обычным оружием, без психоэнергетики и чтоб чудовище с одного удара испустило дух, а не уползло издыхать в свою подводную нору. Если первый удар окажется нечистым, охотнику придется замочить ноги, чтобы добить жертву.

Воцарилось напряженное молчание. Эйкен обвел своих воинственных гостей насмешливым взглядом.

— Что? Не рискуете? А говорят, только тану — сухопутные твари. И то они не боятся убивать морских чудовищ в их собственной стихии. Не так уж это трудно — всего-то нужны верный глаз и немного отваги.

— Ну, если у наших гостей кишка тонка, то я готов! — весело вызвался старый Селадейр.

— Позволь мне, повелитель! — взмолился Бе-

туларн.

Остальные воины-фирвулаги тоже стали наперебой просить.

— Нет! — немного помедлив, отрезал Шарн. — Это я беру на себя. Пускай наш радушный хозяин не думает, что лишь у первобытных отваги в избытке.

— Пора, пора меня проучить за дерзость, — подзадоривал монарха Эйкен.

— Вперед, Шарни!

Летучая Охота понеслась на запад, к проливу. Луна была на полпути к зениту. Эйкен поднял всадников на значительную высоту, чтобы они могли обозреть бескрайние пространства слабо поблескивающей воды, огни Гории на горизонте и даже мерцающие стоянки фирвулагов у излучины Лаара, неподалеку от Майской рощи.

— Плезиозавры, остающиеся в море в такие ночи, либо очень молоды, либо слишком стары, — объяснил Сиятельный. — Но если радости любви не про них, то защищаться и нападать они умеют, можете мне поверить! Покружим маленько, пока наш славный Кулл не подберет для Шарна достойную добычу. А ты, Шарни, после этого покажешь нам пример настоящей отваги фирвулагов!

«Идиот!» — обругала мужа Айфа на интимном телепатическом канале.

«Он меня облапошил».

«Вот именно».

«Что же я, по-твоему, должен был дать себя обойти двум старым хрычам? Все-таки я король и Стратег!»

«Ну да, образец отваги!»

«Плезиозавры, думается, не так опасны, как крокодилы. Тех, что мы видели на болоте, я бы мог прирезать тупым столовым ножом».

«Дерзай! У меня предчувствие, что именно этого Эйкен Драм и добивался».

«Пока я буду занят чудовищем, он может спихнуть меня в воду. Вы с Медором ни на секунду не выпускайте из поля зрения золотого ублюдка. При малейшем ослаблении его психокинеза вы совместными усилиями ударите по нему с воздуха. Даже если мы все сложим головы, по крайней мере честь расы останется незапятнанной».

«Да спасет тебя Тэ, милый мой дурак! Ты знаешь, что я думаю об этой чести».

«Знаю. Но все равно ты будешь слушаться меня, так что заткнись».

— Стратег, — сказал Куллукет Эйкену, — я нашел подходящее чудище.

— За мной! — вскричал Сиятельный.

Кавалькада, словно фейерверк, полетела к лунной воде.

— Он на поверхности, Кулл?

— Да, отдыхает. Но держится настороже. Лучше всем, кроме Его Фирвулагова Величества, оставаться невидимыми…

Тринадцать охотников мгновенно испарились, и только Шарн на своем иноходце сверкал, будто огромный метеор, удерживаемый в воздухе психокинезом Эйкена Драма.

Мозг Шарна пронзила телепатическая мысль шута:

«Спускайся один. Вперед, и удачи тебе! Сланшл, пупсик!»

Шарн выхватил меч. У самой воды он натянул поводья и заскользил по направлению к неясно маячившей на пенных волнах глыбе. Шея плезиозавра была опущена; он вытянулся на воде наподобие изогнутой геометрической фигуры и чуть помахивал хвостом, огромный, почти как кашалоты Антверпенского моря или та влюбленная пара, которую охотники видели на болотах.

Шарн приближался сзади, надеясь захватить зверя врасплох, если его зрение, по счастью, окажется слабым, толстая резиновая шкура не

почувствует вибраций воздуха, а ветер не изменится и не донесет до него запах.

Теперь плезиозавр шевелил не только хвостом, ной плавниками — так же медленно. Сверкающий воитель занес хрустальный меч и выжидал момент, когда шея чудовища окажется в наиболее благоприятном положении для нанесения удара.

Ветер вдруг изменился, и зверь учуял запах. Шпоры Шарна вдавились в круглые бока иноходца, и тот прыгнул вперед. Плезиозавр поднял из воды исполинскую шею, взметнув тучу брызг, и обратил к Шарну раскрытую пасть. Шарн вновь со всей силы послал иноходца, и тот ударился в дикий галоп буквально в метре от бушующих волн, а следом за ним неслась устрашающая голова.

Шарн в ужасе почувствовал, как левую лодыжку в стеклянном доспехе свело судорогой. Иноходец резко остановился, и оба — всадник и скакун — в унисон взревели. Но даже в такой критический момент король не забыл о правилах охоты. Вместо того чтобы испепелить хищника умственным разрядом, он неловко полоснул по длинной шее мечом. Челюсти разжались, иноходец всхрапнул и отлетел подальше от добычи, пользуясь тем, что наездник ослабил вожжи.

Шарн послал скакуна вверх, и тот послушно отозвался — поскакал по воздуху, будто по ровной степи. Шарн развернулся и снова ринулся вниз. В мозгу копилась жгучая ярость. Первобытный узурпатор все подстроил! Зная хитрость и силу плезиозавра, они с палачом Дознавателем нарочно заманили гостей в его владения. И теперь ждут, когда он станет жертвой хищника.

Монстр настигал его молниеносными скачками, изрыгая пену, извиваясь, точно кошмарный питон. Искривленные клыки в сравнительно небольшой пасти были острее бритвы, и по меньшей мере один из них уже пробил брешь в его броне, так как в левом колене он ощущал… нет, не боль, а какое-то подергивание.

«Ты сдюжишь, не так ли?»

Снова устремляясь вниз, король выкрикнул древнее боевое проклятие маленького народа, оставшееся от далекого предка, что сражался с Сиятельным Луганном у Могилы Корабля и проиграл свой славный Меч.

— Илахайл! — взревел Шарн Мес. — Илахайл тану! Илахайл Эйкену Драму!

Плезиозавр преследовал его по точно выверенной траектории; Шарн понимал: если промахнется на этот раз, ему уже не будет пощады.

— Илахайл! — опять крикнул он и ударил.

Голова чудовища слетела в море.

Высоко в небе Летучая Охота вспыхнула многоцветными огнями и завертелась подобно ангельскому хороводу. Шарн нацепил на меч плавающую голову и что было сил подбросил ее вверх.

Зубы в разинутой пасти сверкнули зловещим зеленоватым огнем.

— Этот трофей, — воскликнул монарх фирвулагов, — тебе, Эйкен Драм!

12

На рассвете последнего дня апреля началась прелюдия Великой Любви в стане фирвулагов.

Из лагеря на Золотом поле двинулись в город тысячи разряженных коротышек. Женихи и невесты были в перевитых лентами венках из вербены и одуванчика — они более всего напоминали травы, служившие символами плодовитости на родном пропащем Дуате. Матроны несли подарки, завернутые в вышитое полотно, а их мужья играли на трубах, гобоях, свирелях, цимбалах, тамтамах и шестнадцати разновидностях барабанов. За сводным оркестром шествовали толпы детишек в юбочках и шапочках из зеленой листвы, с корзинками, полными крашеных яиц, и с разными трещотками и хлопушками.

Шумная процессия взошла на подвесной мост перед воротами Нионели, где ее встретил отряд всадников, возглавляемый Суголлом. Иллюзорное тело и белые одежды владыки ревунов поражали своим великолепием. Он тепло приветствовал соплеменников и пригласил следовать за ним навстречу Маю. На канатах моста трепетали радужные знамена и гирлянды зелени.

Возрожденный город радушно распахнул врата. Трудолюбивые переселенцы начистили ярью-медянкой все крыши, и они сверкали на солнце, как золотые купола. Золотом сияли и стены домов, и посыпанные песком улицы, и огромная площадь, где должна была проходить торжественная церемония. Фонтаны, фонарные столбы, уличные скамейки тоже блестели свежей позолотой. Обвитые зеленым серпантином пилястры нового павильона для высокопоставленных особ поддерживали навес из золотой парчи. По всему периметру площади тянулись лужайки и цветущие деревья. Большинство домов украшали символические знамена и множество цветов.

Ревуны Нионели вырядились еще пышнее, чем их нормальные собратья, и теперь облепили балконы, окна, сгрудились в аркадах и боковых улочках, чтобы лицезреть мирное нашествие, заполняющее площадь под аккомпанемент заздравного мадригала Великой Любви.

Как манят и ждут золотые пески Того, кто отведал любовной тоски!

Станцуй десять раз вокруг майского древа, И сердце подарит невинная дева.

Но наши невесты всегда начеку — Никто не раскроет объятий врагу!

А парни-то наши — орлы и герои — Ублюдков погонят поганой метлою!

Богиня всещедрая, благослови Весенние дни безмятежной любви!

Король с королевой, весь мир обнимая, Влюбленным сулят наслаждения Мая.

Суголл и его свита проследовали в павильон, где повелитель ревунов спешился и взошел на трон. Катлинель — королева Мая — подошла поздороваться со знатными фирвулагами. Во главе высокого посольства выступал капитан Калбор Красный Колпак об руку с пышно разодетой супругой Хабитратой; за ними шла еще одна легендарная чета: золотых дел мастер Финодари и Мабино Прядильщица Снов. Король Шарн, королева Айфа и карликовый совет фирвулагов почти в полном составе проводили праздник в Гории, но их отсутствия никто и не замечал — столь велика была радость маленького народа от возвращения на Золотое поле.

Целых два поколения выросло с тех пор, как фирвулаги последний раз справляли Май в Нионели. За сорок лет превосходства тану уязвленная гордость не позволяла маленькому народу устраивать пышные празднества; Великую Любовь отмечали тихо, по-домашнему, а Нионель стала

для всех чумным местом. Но теперь все переменилось.

После переселения ревунов кругом только и слухов было о грандиозных восстановительных работах, что затеяли здесь мутанты. Сказать по правде, патриархальный город никогда не был так красив. А поскольку преемница Бреды разрешила щекотливую проблему нежеланных невест, ничто уже не смущало покоя фирвулагов, и Майский день обещал стать для них поистине знаменательным.

— Потом они наденут на Суголла и Кати венки из цветов, — объяснял Чокнутый Грегги вождю Бурке. — И тогда король с королевой дадут сигнал к началу настоящего буйства! — Глаза генетика возбужденно сияли, совсем как встарь.

— Так уж и буйства! — недоверчиво проговорила сестра Амери Роккаро, потягивая кофе.

Тридцать три человека, направлявшихся в Скрытые Ручьи и поневоле свернувших с пути, были удобно устроены в боковом крыле павильона, а необходимые пояснения давал им по ходу дела Главный Генетик Грег-Даннет. Тысяча голошеих, которых они препроводили в Нионель с озера Брес, рассеялись в праздничной толпе горожан. Им выдали напрокат костюмы, и в таком

виде их трудно было отличить от фирвулагов среднего роста.

— Смотрите не упустите ничего, сестра, — предупредил Грегги. — Я-то уже знаю всю программу от Суголла. Вот, к примеру, шествует маленькая Зеленая армия.

Толпа обряженных в листья детишек приблизилась к тронам Суголла и Катлинели. Король Мая поднял увитый цветами скипетр.

— О доблестные зеленые воины, защитите наш древний священный праздник от врага! Обшарьте все уголки, закутки, трещинки и мышиные норки — не просочился ли он к нам на Великую Любовь, чтобы похитить наших драгоценных невест и женихов!

Орда лилипутов, пронзительно визжа, бросилась врассыпную. Они нахально рылись в котомках и заглядывали под юбки. Ответные крики взрослых заглушили бой барабанов и гуденье труб. Впрочем, ребятишек это нисколько не обескуражило. Они прорывались сквозь толпу празднично одетых ревунов, опрокидывали навесы от солнца, карабкались на столы, заставленные всякими яствами, и везде хватали все, что плохо лежит.

— Ни один тану не станет сюда стремить-

ся, — комментировал Грегги. — Но для потехи несколько взрослых ревунов облачились в иллюзорные стеклянные доспехи и пугают толпу… Ага! Вот они!

Отряд стеклянных рыцарей, вооруженных тряпичными дубинками, выскочил на площадь из боковой улочки. Маленькая Зеленая армия с громким улюлюканьем сомкнула ряды и выхватила свое оружие. В воздухе замелькали крашеные яйца, наполненные конфетти, душистой водой, нюхательными грибными спорами, перьями и медом. Были среди них и свежие яйца, прямо из-под курицы; а самые коварные зеленые воины метали снаряды из сваренных вкрутую или даже тухлых яиц. Наконец побежденные «тану» с трубным кличем покинули поле брани; временами при отступлении под их масками проглядывали поистине дьявольские обличья. Но и это не могло испугать одетую в листья детвору. Они бесстрашно бросались на разоруженного, ретирующегося «врага», валили его на песок, продолжая бомбить яйцами. Откуда ни возьмись появились веревки, победители связали пленных и утащили их прочь под взрывы смеха фирвулагов и ревунов, которые наконец уселись пировать.

— Сейчас маленьких охальников поведут пере-

одеваться и умываться, — сообщил Грегги. — Для них в другой части города накрыты столы и приготовлены разные забавы — кукольный театр, аттракционы и все такое. Так что они не помешают взрослым веселиться.

— Эта Зеленая армия чем-то напоминает мне «Золотую виселицу» Фрезера,

— заметил Бэзил Уимборн. — Изгнание злых духов перед началом ритуала оплодотворения! Представляю, какими были эти ритуалы на их планете в древние времена!

— Умоляю вас, коллега, — запричитал Грегги, — не надо портить мне аппетит! — Он слизнуло пальцев клубничный джем и вновь направился к буфету, где привилегированные гости рода человеческого вместе с экзотической элитой угощались пирогами, заливным языком, яичницей со сморчками, жареными антилопьими и телячьими отбивными и шипучкой из свежих фруктов, заправленной взбитым медовым кремом. — Если вам не хватает остроты ощущений, — добавил он, оборачиваясь, — потерпите немного. Сейчас начнется церемония освящения майского древа, в которой участвуют наши целомудренные монархи…

— Опять гнусные инсинуации насчет нашего

фольклора, Грегги? — Перед ним выросла блистательная фигура Суголла в венке из красных и белых лилий.

Генетику достало ума виновато улыбнуться. Суголл повернулся к Бэзилу и вождю Бурке.

— Ну как ваши подопечные? Нравится им представление?

— По-моему, лорд Суголл, они веселятся от души, — ответил Бурке. — Мы пережили трудную зиму. А тут еще на нас свалилось это стадо голодных ублюдков… Не будь их, мы бы уже добрались до Скрытых Ручьев… — Последний из племени уалла-уалла потряс львиной гривой стального цвета.

— Вы уверены, что они у вас приживутся? — обеспокоенно спросила монахиня. — Мы никак в толк не возьмем, зачем Элизабет велела нам вести их сюда. Ведь они народ свирепый. Это либо низшие слои голошеих из Бураска, либо первобытные, объявленные вне закона и согнанные с насиженных мест вашим переселением. Честно говоря, нам еще не попадалась такая дикая орда людей — ни во время осады Финии, ни даже в период эвакуации из Мюрии. Мы с ними натерпелись, пока вели сюда. Джидеону, когда он разнимал драку, сломали кисть, Упика

и Назира избили за то, что они хотели приструнить троих негодяев. — Она подлила себе кофе в чашку. — А нам — Вонг, мистеру Бетси, баронессе и мне — постоянно приводилось обороняться от сексуальных нападок.

Суголл сочувственно улыбнулся.

— Уверяю вас, Элизабет очень мудро поступила, отправив этих десперадос к нам. Скоро сами убедитесь! — Он чуть понизил голос. — До начала церемонии есть еще немного времени… Вы нас простите, сестра, мы с Бэзилом и вождем Бурке уединимся, чтобы обсудить новую экспедицию к Могиле Корабля.

Амери кивнула и присоединилась к Чокнутому Грегги, который горячо обсуждал с первобытными врачами Магнусом и Тонгзой какой-то вопрос генных мутаций.

— Сюда, прошу вас. — Владыка ревунов ввел Бурке и Бэзила в задрапированный альков, где их встретил роскошно одетый карлик. — Знакомьтесь, это Калипин, он проводит вас до восточной пустыни.

Маленький гуманоид подал руку вождю. Но не успел Бурке произнести заготовленную учтивую фразу, как с Калипином произошла такая метаморфоза, что у могучего американского индейца

язык присох к гортани.

Туловище карлика раздулось, точно бочонок, ножки стали паучьими. Ухмыляющаяся мордочка заострилась и походила бы на птичью, когда б не растопыренные уши с бахромчатым краем. Глаза потемнели и скрылись под набрякшими мешками, кожа сделалась пористой и сальной, а волосы, только что падавшие мягкими волнами из-под щегольской зеленой шапочки, превратились в грязную, слежавшуюся паклю.

— Ну? — Пугало, прищурясь, глядело на первобытных. — Не раздумали со мной идти к Могиле Корабля?

— Мы знаем о несчастье, постигшем племя ревунов, — взяв себя в руки, отозвался Бэзил. — Стоит ли притворяться, будто нет никакой разницы между иллюзией и реальностью? Но я все время думаю: не кажется ли и вам наша внешность столь же странной. Наверное, нам стоит договориться не обращать внимания на странности друг друга и приступить к делу. Оно непростое, верно?

— Непростое, — согласился Калипин. — Шутка ли — протопать более шести тысяч ваших километров! Поначалу надо будет опасаться фирвулагов. Шарн и Айфа не дураки, мгновен-

но разнюхают о наших планах. Поэтому лучше переправиться через Рейн до их возвращения в Высокую Цитадель.

— У нас есть халики, — сказал Бурке. — Вы умеете скакать верхом?

— Только не на этих чудовищах! С гиппарионом как-нибудь справлюсь. Но за Рейном халики вам без надобности. До подземного Истрола, что берет начало в толще Фельдберга, придется идти пешком. Так что все должны быть в хорошей форме. — Калипин покосился на краснокожего. — Этот вроде прихрамывает…

— И не говори! — вздохнул Бурке. — Но мы уже решили, что я останусь в Скрытых Ручьях: этим летом Элизабет пророчит нам крупные неприятности на железных рудниках… А наших смельчаков поведет Бэзил.

— Кровавый металл! — содрогнулся Калипин и метнул укоризненный взгляд на Суголла. — До сих пор не могу понять, мой повелитель, для чего мы связались с первобытными! И другие не понимают.

— Они — наша единственная надежда, — твердо ответил властелин ревунов. — Когда-нибудь поймете. А до той поры повинуйтесь мне!

На какую-то долю секунды прекрасная фигура в

белых одеяниях исчезла, и на ее месте появилось такое страшилище, что Бурке и Бэзил с трудом перевели дух.

Суголл невесело усмехнулся.

— Не ожидали? Что делать, я превосхожу моих подданных во всем, даже в физическом уродстве. Но долг гостеприимства велит мне щадить вас. — Он повернулся к Пугалу. — И тебе тоже, Калипин. В обществе наших друзей будь добр принимать пристойный облик. Ни к чему нам попусту их пугать.

Жуткое создание превратилось в благообразного карлика.

— Но мы, когда спим, не можем за собой следить, — сообщил он людям с каким-то мстительным удовлетворением. — Так что полуночники пускай набираются храбрости. Если, конечно, мой повелитель не прикажет мне спать в мешке.

Суголл рассмеялся.

— Ах ты скотина! Ладно, спи где хочешь, главное — исправно выполняй, что тебе поручено. Можешь идти к столу.

Калипин удалился. А Суголл указал на резной шкафчик, стоявший в темном углу:

— Я вам еще кое-чем помогу. Откройте его, пожалуйста.

Бэзил опустился на колени и открыл дверцу.

— Великий Скотт! — воскликнул он. — Откуда они у вас?

— От Шарна и Айфы.

— Вот черт! — вырвалось у Бурке. — Этого нам только не хватало!

— Подарок со значением. Фирвулаги явно подозревают, что моя верность их трону не совсем искренна. Если начнется война с Эйкеном Драмом… не надо большого ума, чтобы сообразить, что Ниональ находится как раз на полпути между Горией и Высокой Цитаделью.

— Если мы добудем летательный аппарат, — сказал Бэзил, — то ни Эйкен, ни Шарн не посмеют напасть на вас. — Мозолистой рукой он погладил стволы ружей, глазами указал Жаворонку на зарядную батарею и снова опустил затвор. — Они нам очень пригодятся, спасибо, лорд Суголл. В нашей команде есть хорошие инженеры и выносливые путешественники, и все же переход обещает быть опасным, а если доберемся, еще неизвестно, сумеем ли поставить на крыло хотя бы одну машину. На всякий случай в Скрытых Ручьях будет приготовлена маскировочная стоянка для двух аппаратов.

— А какая от них польза в случае войны? —

спросил Суголл. — Простите мое невежество, но, по-моему, летательные аппараты бессильны против таких наземных сил, как фирвулаги. У вас ведь уже нет Копья Луганна, из которого вы обстреливали Финию.

— Да, верно, — кивнул Бурке. — Но экспедиция мадам очень торопилась и потому не обнаружила огромный арсенал. Нас навел на эту мысль наш новый друг, бывший конструктор космических кораблей Димитриос Анастос.

— Видите ли, — начал объяснять Бэзил, — летательные аппараты у Могилы Корабля являются магнитно-гравитационными машинами, обладающими мощностью орбитальных станций. Нечто подобное было у нас в Галактическом Содружестве, и аппараты такого класса обязательно оснащались специальным истребительным оружием, которое необходимо для межпланетных перемещений вне ро-поля. Силовые лучи также нужны для того, чтобы уклоняться от траектории метеоров. Иногда в наших кораблях имелись даже небольшие лазерные устройства для расчистки звездных путей от космических обломков. Если наши инженеры обнаружат аналогичные приборы на древних машинах, что весьма вероятно, они сумеют переоборудовать

их для наступательных целей. А нет — так у нас останется железо. И еще надежда найти и отбить у Шарна склад оружия двадцать второго века.

Повелитель ревунов все больше мрачнел. Едва альпинист окончил свою тираду, он молитвенно вскинул руки.

— Тэ, сделай так, чтобы одно лишь обладание летательными машинами отвратило войну!

— Аминь! — сказал Бэзил и сухо прибавил: — Но, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Божественного промысла недостаточно, когда против нас с одной стороны фирвулаги, а с другой — Эйкен Драм.

— Ты погляди на этих маленьких красоток! Нет, ты только погляди!

Тони Вейланд схватил Дугала за руку и потащил его в первые ряды гуманоидов. Гномы и великаны довольно добродушно относились к тому, что их расталкивают, зато некий изрядно набравшийся парень в костюме, позаимствованном из гардероба ревунов, пригрозил вылить на Тони бочонок пива, если тот не перестанет пихаться.

— Ну, ты, полегче! Не одному тебе неймется. Ночь длинная, внакладе никто не останется, так что угомонись.

Время близилось к полуночи. Женатые пары уже вдосталь наплясались, и площадку вокруг майского дерева расчистили для танца невест. Музыканты заиграли медленную, томную мелодию; под нее торжественной вереницей выплыли девы — все в платьях и головных уборах фантастического богатства; в цветовой гамме преобладали зеленый и красный. Особенно хороши были девицы в алых одеждах: кокетливые шапочки, огненные накидки, расшитые драгоценными камнями, соблазнительно облегающие трико и красные сапожки. Из-под шапочек выбивались локоны каштанового или темно-рыжего цвета, а венчала головной убор лучистая диадема, в которой сверкали алмазы, рубины и загадочные камни, очень напоминавшие опалы. В этой драгоценной оправе юные задорные личики казались еще прелестнее.

— Это же надо — карманные Венеры, какую ни возьми! — восхищался Тони.

Лицо рыцаря оставалось непроницаемым.

— Гуманоиды, мать их так! Родная кровь пожирателям душ тану.

Тони пропустил его реплику мимо ушей.

— И все горят желанием! Боже мой, Дугги, как давно это было!

— И я, сказать по правде, истомился! — рявкнул любитель пива. — Господи Иисусе, вы гляньте на их брильянты!

— Плевать на брильянты! — прочувствованно возразил другой первобытный. — Главное то, что под брильянтами! В кои-то веки живые бабы!

— Какие они, к черту, бабы! — повысил голос Дугал. — Ведьмы они — вот кто!

— Да какая разница! — отмахнулся Тони. — Нынче единственная ночь в году, когда они пойдут со всяким. Всего и делов-то — схватить в танце их венок.

— Хочу красную! — завопил кто-то. — Вон ту, в сапожках!

Оркестр гномов заиграл живее, и невесты завертелись в хороводе вокруг дерева. Гуманоиды выкрикивали какие-то фразы на своем наречии, а девицы откликались. Дразнящая перекличка полов длилась довольно долго, пока огненные плащи не закружились в сумасшедшем вихре. Наконец невесты с пронзительным криком раскинули руки, бросились к дереву и сложили под ним венки.

Затем они вдруг исчезли, и в небо взметнулся рой маленьких радужных светлячков. Каким-то магическим образом каждый блуждающий

огонек прицепился к концу свисавшей с дерева ленты, после чего танец вновь стал плавным и чувственным. Ленты сплетались и расплетались, огоньки парили в воздухе, падали и кружились, мерцая. Напев перешел в низкое, заманивающее жужжанье. Разомлевшие женихи, раскачиваясь, подпевали.

Почти незаметно музыка опять понеслась вскачь. Девушки в костюмах, как по волшебству, появились на песке, и каждая держала в руках венок. В танце они приблизились к ожидавшим их ухажерам, и началось разделение на пары. Один парень за другим выхватывал венок из рук зеленой или красной избранницы и позволял увлечь себя на танец. Зрелище было великолепное: ураган красок, дурманный аромат цветов и музыка в ритме сладострастно бьющегося пульса.

Одна из миниатюрных красавиц возникла перед Тони Вейландом. Черные глаза сверкали ярче драгоценных камней на ее диадеме. Шаловливый майский ветер раздувал красно-золотые одежды, обнажая невероятно женственные очертания хрупкого тела.

— Пойдем со мной! — пропела нимфа.

— Нет! Стойте, милорд! — закричал Дугал, пытаясь оттащить приятеля.

Но Тони вырвался.

— Пойдем, пойдем!

Металлург схватил венок и закружился со своей красавицей среди других пар. Он заметил, что девушек в красном выбирали в основном первобытные. Как глупо со стороны фирвулагов, ведь красные несравненно красивее!

— Не ходите! — умолял Дугал. — Вы околдованы!

Тот действительно был околдован, причем по своей воле. Прелестная незнакомка в танце повесила ему венок на шею. Потом поцеловала его пальцы, прижалась к губам. Кровь забурлила у Тони в жилах. Предостерегающий крик Дугала потонул в звуках гимна торжествующей любви. Пары медленно проплывали вокруг майского дерева.

Толпа зевак у городских ворот расступилась. За семиметровыми стенами горели два огромных костра — до неба. Влюбленные торжественно прошествовали через этот огненный портал в озаренные лунным сиянием луга. Ветер доносил до них звуки музыки из Нионели.

— Меня зовут Ровена, — сказала нимфа. — Я люблю тебя.

— Меня — Тони. Я тоже тебя люблю.

Голова у него кружилась от коварного запаха цветов, обвивавших шею; хотелось скорее отойти подальше от остальных пар. Придя в прелестную беседку, он снял с нее звездный головной убор и наклонился к губам. Они сбросили одежду и занялись любовью — не один, а целых четыре раза. Она голосила в экстазе, он едва не терял сознание от блаженства, а под конец даже заплакал, а Ровена осушила его слезы поцелуями.

— То-они, любимый! — протянула она. — Теперь давай поспим.

Он почувствовал, как шелковая ткань прикрыла ему глаза.

— Ровена! Что ты делаешь?

— Тес! Тебе нельзя видеть меня во сне. Это приносит несчастье. Обещай, что никогда не станешь пытаться.

Ее теплые губы встретились с его губами, потом сквозь шелк она поцеловала его веки.

— Мой майский цветочек! Моя экзотическая крошка! Для твоего счастья… — Тони уже проваливался в сладкое забытье. Голос любимой куда-то отдалялся, забывались ее страстные крики, но только не гордость своей мужской победой, которую Ровена так пылко подтвердила. — Ради тебя я готов на все… Я не стану смотреть, моя

глупышка…

— Это не ради меня, Тони, милый, а ради тебя.

Она нежно засмеялась, а когда он уснул, ему привиделся очень странный сон.

Проснувшись, Тони машинального сорвал с глаз повязку и обнаружил, что сон в руку.

— О Боже! — прохрипел он.

Она открыла один глаз и мгновенно превратилась в прелестную ночную фею.

— Ровена! — дрожащим голосом воскликнул он. — Что они сделали с тобой? И со мной?

Весело улыбаясь, она оделась и сняла остатки венка с его шеи.

— Нормальные фирвулаги видят сквозь наши маски. Они бы никогда не выбрали невесту в красном. А бедные мужчины остались не у дел… Ведь через ваши врата времени прошло очень мало женщин, да и тех тану заграбастали себе. Что же может быть разумнее?

Она потянулась к нему и страстно поцеловала. А он, несмотря ни на что, ответил на поцелуй.

— Лорд Грег-Даннет — такой душка — говорит, что уже первое скрещивание дает нормальных гибридов. А еще он готовит для нас целую программу генной инженерии, чтобы исправить мутации.

— Первое… скрещивание…

Луг, золотые цветы, поющие жаворонки — весь мир покачнулся у него в глазах.

— Наш ребенок будет неуязвим для кровавого металла, как вы, люди. Это добрый знак, верно?

— Ммм…

Она потянула его за руки.

— Вставай, милый. Все уже спешат в Нионель на майский утренник. Или ты хочешь его пропустить?

— Мм-нет…

— У меня чудесные родители, — сообщила она. — Вот увидишь, тебе понравится жить в Нионели. Бежим!

Рука об руку они побежали по росистой траве. «Что я скажу Дугалу?» — подумал Тони. Но среди множества пар, толпившихся у городских ворот, он заметил рыжебородого верзилу в доспехах с головой золотого льва на груди. Рядом выступала маленькая прелестница в красном. Тони понял, что зря беспокоился.

13

— Уже три ночи мы пытаемся взорвать золотого дьявола, когда он спит,

— проворчал Медор, — и все без толку! Не знаю, чем сегодняшняя ночь лучше. Он явно пользуется каким-то механическим устройством для защиты мозга. Передай мне заячье суфле.

Король Шарн пододвинул блюдо своему первому заместителю, а тот переложил огромный дрожащий кусок себе на тарелку и начал усердно его поглощать.

— Сегодня Эйкен не будет спать в замке, — объяснил Шарн Мес. — А в Майской роще он не сможет достойно проявить себя, если станет прибегать к защитным приспособлениям.

— Как это? — не понял наместник Шарна Мими из Фаморели, повелитель маленького альпийского народа.

— Наша хитроумная хозяйка придумала еще одну оргию. Называется она Ночь Тайной Любви. После пиршества всем надлежит отправиться в костюмерные шатры на той стороне амфитеатра и выбрать себе маскарадный костюм. Никакие иллюзии не допускаются. В полночь начнется ко-

стюмированный бал, а затем игры до рассвета в Гроте Свиданий. Что-то вроде веселого мальчишника в преддверии завтрашних бракосочетаний. И все женщины будут совокупляться в кустах с нашим врагом.

— Вот суки! — прорычал Мими. — Подумать только, ведь как раз в этот момент в Нионели наши невесты начинают священный танец!

Он тоскливо поглядел на плывущую высоко в облаках луну, чье сияние затмевали тысячи алмазных светильников. Фирвулаги настояли на том, чтобы пировать отдельно. Кушанья тану им очень нравились, но их винам и бренди они предпочитали добрый старый эль, мед и сидр.

— Когда нашу невесту выбираешь, то можно быть уверенным, что она тебе рогов не наставит, — Медор подавил мечтательный вздох. — Все сплошь девицы, и очень строгих правил. И уж если раскроют для тебя свою волшебную зубастую плоть, так будут верны до самой смерти. Ох, как же мне не хватает моей маленькой Андаматы. Ты-то, Шарн, при жене, а мы?.. Ну где справедливость, спрашивается? Вся Любовь псу под хвост! Эй, великий герцог, передай-ка сладкие хлебцы!

— Я не просто жена, я — королева, — вскинулась Айфа. — Мне по статусу положено быть здесь. А

вас взяли не для того, чтоб вы тут мозги отоспали. У нас очень серьезное и опасное дело — вылазка в тыл врага. А яйцами потрясти еще успеете.

— Стало быть, сегодня опять атакуем Эйкена? — уточнил Фафнор Ледяные Челюсти. — Но тогда надо вырядиться и замешаться в толпу.

— Не больно-то усердствуйте, — предупредила королева, сверкнув темными глазами. — У ихних леди нет зубов там, где ты думаешь, но, говорят, они и без зубов тебя так измочалят, что промеж ног один лоскутик останется. Так что не раскатывай губы, парень!

— Да чтоб я сдох! — гордо приосанился юный воин.

— Глаз не спускать с Эйкена! — распорядился Шарн. — Подстережем его и в самый неожиданный момент нанесем совместный удар.

— Он на эту шлюху-принудительницу нацелился, на Олону, — проницательно заметил Медор. — Видели, как она перед ним задом крутит? Тану только об этом и судачат. Передай-ка еще вон того, на вертеле.

Король отодвинул серебряное блюдо подальше от Медора.

— Черт тебя дери, можешь ты думать о чем-нибудь, кроме жратвы? Ничего удивительного,

что в наших умах до сих пор нет сплоченности! Едва мы ступили на землю Гории, как вся кровь отхлынула от мозгов, вся энергия пошла на пищеварение!

— Медора надобно отвлечь, — язвительно усмехнулся старый Бетуларн. — И не только потому, что жена его теперь в Нионели… Угадайте, кого мы углядели в укромном уголке сада? Кто лакал свое пойло вместе с кровным братом Дознавателем?.. Кугал Сотрясатель Земли! А мы-то думали, он подох.

— Проклятье! — воскликнул король. — Только этого нам не хватало! Кугал стреножил тебя на Поединке Героев, его психокинез…

— Гроша ломаного не стоит, — бросил Медор, обгладывая косточку. — Его близнец Фиан скончался, а без него Кугал — дерьмо. Он до сих пор большую часть времени проводит в Коже. Должно, Эйкену он понадобился для кворума, когда будет проводить свою липовую коронацию на третий день Любви. Ведь, ежели помните, Кугал был рыцарем Высокого Стола. Но для меня он теперь — тьфу, сосунок… Подвинь-ка мне запеченные мозги и семгу под майонезом.

Мими из Фаморели скривился.

— Потом месяц будешь печенкой маяться.

— Ну и что? — добродушно отозвался Медор. — Война не раньше осени начнется.

— Цыц! — прикрикнул Шарн, мгновенно приняв демоническое обличье скорпиона-альбиноса с просвечивающими внутренностями. Затем он применил к Медору жестокую мозговую коррекцию, и тот, корчась, покатился со стула в траву, весь обляпанный майонезом. — Никому не дано знать, когда начнется Война с Мраком, — проговорил Шарн, вернувшись к нормальному облику. — Ни мне, ни вам. И чтоб я больше не слышал от вас таких разговоров! Даже думать об этом не смейте! Усвоили?

— Да, повелитель! — откликнулись остальные.

За столом короля и королевы Мая вспыхнул факел, возвестивший окончание Лунного Пира и начало Ночи Тайной Любви.

— Ну так облачайтесь в костюмы и напрягите мозги, — приказал Шарн. — Через час найдете нас с Айфой возле майского дерева.

— Вид у тебя, прямо скажем, нелепый, — заметил Кугал. — Но характер отражает.

Куллукет пожал плечами:

— Отчего людей не повеселить?

Выражение его лица не могла скрыть от брата даже маска смерти. Циничную улыбку можно

было объяснить идиотскими шарадами, что разыгрывались на танцевальной площадке. Но волнение?..

— Ты меня удивляешь, Дознаватель! Я думал, ты выше банальной похоти.

— Правильно думал. Но сегодня особый случай.

Смерть сложила на груди обтянутые черным крепом руки с нарисованными поверх ткани костями и принялась обозревать открывающуюся перед ней сцену. В музыке звучало эротическое нетерпение; скоро танцующие совсем лишатся рассудка. Молодые, которым не нужны искусственные стимуляторы, уже разбредались парочками по Майской роще. Даже стойкие консерваторы, с неохотой пришедшие на этот маскарад, все больше поддавались атмосфере всеобщей вакханалии. Вон та распутница в костюме красной бабочки — не кто иная, как достопочтенная Морна-Ия. А тучная фигура с головой пантеры, вертящая в танце двух изящных одалисок, очень уж напоминает Властелина Ремесел. В центре событий, разумеется, Эйкен Драм, одетый в двухцветное трико средневекового шута и маску с непристойно длинным носом.

— Послезавтра, — произнес Кугал, — мы на-

зовем его своим королем. Да простит нас за это Богиня! А ведь ты с самого начала был среди главных его сторонников, брат-корректор. Мне это странно. Несмотря на редкие вспышки темперамента, ты всегда отличался завидной рассудительностью. У меня-то хоть завихрение мозгов. Но как ты, старший из всего потомства, мог пойти в услужение к этому человеческому ничтожеству! Все знают, что у тебя с Поданном не было согласия, но чтобы ты в нарушение всех установлений клана Нантусвель переметнулся к первобытному…

Смерть засмеялась:

— О каком клане ты говоришь? Пятнадцать слабосильных братьев и сестер под крылышком Село? Большинство и уцелело-то лишь потому, что их заблаговременно, ранили и препроводили в Гильдию Корректоров. Ну и мы с тобой…

Кугал отвернулся, но Дознаватель явственно увидел, какой ураган бушует у него в голове.

— Да уж, особенно я. Пол-ума, полсилы. Брата лишился как своей половины. Кто не рожден близнецом, тому этого не понять… — Страдание совсем подкосило Сотрясателя Земли: лицо сделалось землисто-серым, он зашатался.

Куллукет взял его под руку, отвел подальше от

любовных плясок и усадил возле живой изгороди на мягкие подушки. Кугал дрожащей рукой принял у брата пузырек с лекарством и жадно присосался к нему. Наконец крепкий настой трав принес облегчение, и Кугал слабо улыбнулся.

— А знаешь, брат, я даже завидую той милашке, которой нынче придется вкусить объятий смерти. Выбирай помоложе, если, конечно, сумеешь отбить ее у молодого жеребца. К тому же юным девам едва ли захочется повторить печальную историю твоих девяти жен и тридцати любовниц.

— Я уже выбрал себе подругу на ночь, — ответил Куллукет. — И она об этом знает.

— Тогда ступай, — сказал Кугал Сотрясатель Земли. — Чего с калекой время терять? Утром Бодуругал и другие афалийские корректоры займутся мной. А ты давай наслаждайся Тайной Любовью!

Смерть закивала, махнула костлявой рукой и скрылась в вихре маскарада.

Салливан Танн танцевал со своей нареченной, прекрасной принудительницей Олоной, и в глубине души отдавал себе отчет в том, что лишь мазохистские побуждения заставили его избрать для себя маску винторогой антилопы.

— Не смей с ним ходить! Я запрещаю! Твой отец

поклялся мне…

Олона — видение в плаще из летящих лепестков и лилейном головном уборе — взглянула на своего престарелого жениха с шаловливым презрением.

— Отец умер. А желание короля перевешивает запрет городского головы.

— Олона! Дитя мое! Мой нетронутый цветок! Я не пущу тебя!

Она почувствовала стальную хватку его психокинетических объятий. Но ей понадобился один легкий принудительный толчок, чтобы освободиться, а ему осталось только всхлипывать под маской глупой антилопы в нарастающем ритме музыки.

— Отец сговорился с тобой без моего согласия, когда я была несмышленым ребенком. Будь благодарен, что я до сих пор не отказалась выйти замуж за человека.

— Никто не обладает таким, как у меня, психокинезом! — вскричал Салливан Танн.

— Никто, кроме *него*. Да и ни к чему тебе твой психокинез, такому зануде. Ты слишком рано постарел для своих девяносто шести. Потому, наверно, и струсил во время осады Финии.

— За что ты со мной так? Ведь я люблю тебя!

— Оставь, пожалуйста! — Она как бы ненароком подводила его в танце все ближе и ближе к тому месту, где, кружась над майским деревом, парили в воздухе шут и его леди. — Я догадываюсь, зачем тебе нужна девственница. Не думай, что я не способна ничего понять из тех мерзких книг, которые ты показывал Дознавателю. Тебе и в голову не приходит, что тану умеют пользоваться переводчиком «Сони»… Ну так знай: если ты только попробуешь после свадьбы испробовать на мне один из ваших первобытных трюков — я превращу тебя в желе!

— Дорогая, да я бы никогда…

— Ладно, заткни пасть!

Парочки на танцевальной площадке постепенно собирались вокруг Эйкена и Мерси. На леди Гории была черная полумаска и национальный кельтский костюм, в котором она когда-то проникла через врата времени. Музыканты играли томную мелодию в ритме вальса. Средневековый шут и кельтская принцесса танцевали на расстоянии вытянутой руки. Его мысли были спрятаны не только под длинноносой маской, но и под плотным умственным щитом. Ее бледные губы кривились в понимающей усмешке.

Танец закончился, и они поклонились друг

другу. Зазвучали новые ритмы, причудливые, рваные — танцевать под них было невозможно. Бал подходил к завершению, и пары поспешно удалялись в тень.

Олона выскользнула из объятий Салливана Танна и бросилась к Эйкену.

— О мой король! — задыхаясь, пролепетала она и присела перед ним в глубоком реверансе.

Шут щелкнул костяшками пальцев и рывком прижал ее к себе. Она изогнулась и захихикала, когда шею ей яростно защекотал его длинный нос.

Салливан в бессильном отчаянии наблюдал, как они скрылись из виду. Мерси осталась в одиночестве посреди большой луговой чаши. Людской оркестр снова переключился на вальс. Салливана вдруг обуяла дрожь от неясного предчувствия. Призрачная тень, застывшая под деревьями, выдвинулась на залитую лунным светом площадку и отвесила поклон. Мерси медленно подошла, приподнялась на цыпочки и поцеловала безгубый рот Смерти.

— Готовы? — прошептал Шарн.

— Готовы! — хором отозвались Айфа и десять воителей.

Они сцепили умы для нанесения удара.

Глаза Олоны мерцали как звезды.

— О-о, Эйкен, я и не мечтала, что это будет *так*…

Шут и сам был слегка озадачен.

— Кажется, я превзошел себя! Должно быть, и впрямь в этом Майском дереве есть что-то колдовское.

В отличие от свадеб фирвулагов бракосочетания тану проходили при свете Майского дня. Врачующиеся во главе с первой парой Эйкен-Луганн — Мерси-Розмар кружились вокруг майского дерева и торжественным хором пели Песню. Женихи и невесты были одеты в свои геральдические цвета и в белые мантии. На головах у невест были венки из белых лилий, у женихов — из папоротника, символа мужества. Мерси позволила себе внести свой штрих в традиционный свадебный наряд — вплела в венок веточки розмарина.

— Этим растением с незапамятных времен благословляли браки на Старой Земле, — объяснила она. — К тому же это мой знак: розмарин — Розмар. Чтоб никто не забыл…

Мерси хотела сказать, что не забыла первое свое бракосочетание.

Оно состоялось в прошлом году в середине

июня — не на таком массовом празднестве, а в более узком кругу придворных и жителей Гории. Тогда она еще не была посвящена в члены Гильдии Творцов и вместо бело-голубые надела золотисто-розовые цвета своего возлюбленного демона. Будь он жив, они бы нынче подтвердили свой обет, возглавив не процессию новобрачных, а шествие супружеских пар, которое состоится позднее.

«Ноданн!» — воскликнула она на интимном канале телепатической речи. Никто не услышал. Ни стоящий рядом с нею человечек в черно-золотых одеждах, ни Альборан, что выступал позади них со своею нареченной Эднар, ни кто-либо другой из трехсот тридцати четырех новобрачных тану и золотых людей, танцующей походкой двигавшихся по усыпанной песком тропинке. Держа в руках гирлянды майского дерева, они все туже сплетали яркие ленты, пока нареченные не подошли совсем близко к стволу и не поцеловались, как положено по обряду.

Оторвавшись от губ Эйкена, не вытирая слез, градом струившихся по щекам, леди Творец Мерси-Розмар вскинула руки и призвала на помощь свою метапсихическую силу. И тут же в воздухе поднялась буря белых лепестков; они

падали на головы целующимся, запутывались в волосах, слетали с брачных мантий и устилали ароматными слоями изумрудную танцевальную площадку.

— Сланшл! — взревела толпа. — Сланшл! Сланшл!

Когда ритуал был окончен, в Майской роще появилось великое множество слуг-рамапитеков и людей, одетых в черно-золотые ливреи. Новобрачные и гости расселись в тенечке на траве и начали праздничный пикник. Блюда и напитки были специально подобраны для стимуляции полового влечения. Было много балаганных представлений; менестрели распевали двусмысленные песенки. Великолепный эротический балет послужил прелюдией к акту брачной любви.

Едва начало смеркаться, фирвулаги удалились к своей стоянке, развели костер и в бессильной злобе напились вдрызг. Куллукет всю ночь не выпускал врагов из поля зрения и удостоверился, что ни один из них даже не заглянул в приготовленные по распоряжению Мерси тщательно выстеленные мхом гроты.

Опять высоко в небе поплыла майская луна, и снова тану и люди разделились на пары, только

на сей раз они выглядели более благопристойно. Брачные ложа в укромных уголках рощи оказались усыпанными свежими лепестками. Новобрачные поверх них постелили свои белые мантии, давно женатые пары обошлись без этого. Даже случайно забредшим на праздник закоренелым холостякам досталось сладостное утешение в наполненном соловьиными трелями лесу.

Когда танцевальная площадка опустела, Эйкен и Мерси снова подошли к дереву. Взявшись за руки, начали водить хоровод вокруг позолоченного ствола.

— Теперь ты моя, — сказал он.

— А ты чей? — спросила она и разразилась безумным смехом, который начисто стер торжествующую ухмылку с губ шута.

Вместо ответа он лишь покрепче сжал ее запястья и закружил еще быстрее вокруг дерева. Освобожденное от лент и гирлянд, оно как ужасающий столп тянулось к звездному своду. Эта гладкая преграда разлучила их, когда они оторвались от земли и ввинтились в небо. Свадебные венки слетели, белые мантии развевались, ширились, пока не сплелись в облачное кольцо. Мерси, смеясь, раскачивала головой из стороны в сторону и мчалась все быстрее. Ночь преврати-

лась в сплошную круговерть, в которой лишь два смеющихся, разделенных золотым столпом лица сохраняли четкие очертания. Наконец Эйкен и Мерси преодолели преграду, и над ними взвился парашют из мантий. Ей показалось, что она сейчас умрет от страха и желания под буравящим взглядом черных глаз человека, внезапно ставшего великаном. А еще оба чувствовали исходящие от майского дерева золотые горячие лучи; этот свет, это тепло были сильнее солнца, сильнее самой смерти.

— Так чей же ты? — долгое время спустя повторила она свой вопрос. И сама ответила: — Ничей. Бедный Сиятельный!

Но Сиятельного уже не было. Наступил рассвет; пора было готовиться к коронации.

Как правило, Великая Любовь завершалась шутливым низложением короля и королевы Мая, после чего верноподданные тану подтверждали свою присягу законному монарху. Нынешний год принес невероятные перемены: вся Многоцветная Земля жила ими с того момента, как Эйкен успешно завершил свою поездку по стране. Кого-то они радовали, кого-то приводили в отчаяние, а некоторые уповали на то, что милостивая Богиня в последний момент вмешается и восстановит

справедливость.

Утром второго мая леди Морна-Ия разослала во все стороны телепатические призывы, и к полудню конклав почти в полном составе собрался на отведенной для торжественных церемоний поляне. Присутствовало более шести тысяч тану — наверное, две трети оставшихся в живых после потопа. Фирвулаги тоже явились, все в глубоком унынии. На задворках сборища гуманоидов, в прилегающем парке, толпились люди, которым не хватило места в амфитеатре: около пятнадцати тысяч серебряных, серых и голошеих, съехавшихся не только из Гории и с окрестных плантаций, но даже из таких далеких мест, как Росилан и Сазаран, — вся эта публика была специально приглашена узурпатором, дабы лицезреть его звездный час.

Помост очистили от майских декораций. Цветочные троны убрали и на их место поставили две скамьи из черного неотшлифованного мрамора.

Стеклянный горн протрубил одну-единственную ноту. Толпа притихла, все взоры устремились на помост, где внезапно появилась Элизабет. Голоса и умы слились в едином крике. На Элизабет были черно-красное платье Бреды и ее головной

убор, а в руке она держала стеклянную цепь. Силой своей мысли она мгновенно успокоила взбудораженных тану, напомнив им о той, что доверила ей эту роль.

Рядом с ней вырос Эйкен в доспехах с золотым подбоем, но без шлема.

— Пусть ваш выбор будет свободным, — сказала Элизабет. — Согласны ли вы, чтобы он стал вашим королем?

Ответ прозвучал почти неслышно, но в нем было признание неизбежности:

— Согласны.

— У тану нет традиции коронования, — заявила наследница Супруги Корабля, — равно как и традиции мирного восхождения на трон. Для вашей расы король всегда был чемпионом битв, а его короной являлся шлем воина. Однако ваш теперешний король потребовал нового символа власти, и он получит его из моих рук.

Элизабет протянула Эйкену простой обруч из черного стекла. Он кивнул и надвинул его на темно-рыжие вихры.

В толпе прокатился еще один звук — то ли вздох облегчения, то ли подавленное рыдание. Элизабет склонилась к новоиспеченному королю и передала ему какую-то скрытую от всех мысль.

Эйкен опять кивнул, и она исчезла. На ее месте появились Мерси и шестнадцать тану.

— Представляю вам новый Высокий Стол, — провозгласил Эйкен. Он говорил тихо, однако голос его доносился до самого последнего голошеего в дальних аллеях парка. — Прежде всего, моя королева, — президент Гильдии Творцов и леди Гории Мерси-Розмар.

Мерси опустилась перед ним на колени и приняла от него зеленый обруч. Он взял ее за руку и подвел к мраморным тронам. Они сели. Один за другим к ним подходили рыцари Высокого Стола и, прикасаясь к своим торквесам, давали беззвучную клятву верности.

— Президент Гильдии Экстрасенсов, достопочтенная леди Морна-Ия Создательница Королей… Куллукет Дознаватель… Вице-президент Гильдии Психокинеза Чемпион Блейн… Второй лорд Психокинетик Кугал Сотрясатель Земли… Второй лорд Творец и лорд Каламоска Алутейн Властелин Ремесел… Вторая леди Экстрасенс Сибель Длинная Коса… Второй лорд Принудитель и лорд Амализана Артиганн… Лорд и леди Росилана Альборан Пожиратель Умов и Эднар… Селадейр лорд Афалии… Леди Барделаска Армида Внушающая Ужас… Лорд Сазарана Нейл Младший…

Лорд Тарасии Туфан Громоголов… Лорд Геронии Диармет… Лорд Сейзораска Ламновел Мозговзрыватель… Лорд Ронии Кандатейр Огнедышащий…

Эйкен обвел взглядом вновь посвященных в рыцари.

— Я беру на себя руководство Гильдиями Принуждения и Психокинеза. Пост второго лорда Корректора временно остается вакантным. Поскольку ни леди Эстелла-Сирона из Дараска, ни лорд Вар-Меска Морейн Стеклодув не присутствуют на конклаве, я откладываю церемонию их посвящения в рыцари Высокого Стола до принесения ими личной присяги.

Он поднялся и с минуту молчал, оглядывая толпу гуманоидов, людей и гибридов. Торжественное выражение лица несколько смягчилось, и на губах опять заиграла плутоватая ухмылка, когда он похлопал себя по стеклянным латам. Они были настолько усыпаны драгоценными камнями, что за их блеском стилизованная фига была почти не видна.

— Ну? Признавайтесь, всею ли душой вы избрали меня королем Многоцветной Земли?

— Сланшл! — загремели умы и голоса его подданных. — Сланшл король Эйкен-Луганн! СЛАНШЛ!

В хоре не слышалось голосов маленького народа. К тому времени, когда отсутствие фирвулагов было замечено, они давно уже скакали по дороге, ведущей в Нионель.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. БИТВА ГИГАНТОВ

1

Во сне он позвал ее: «Мерси!» Но только для того, чтобы проснуться в гроте, среди грубых скал, сквозь которые не мог проникнуть ни один телепатический импульс.

«Мерси!» — вопил его ум, но звуки, срывавшиеся с губ, были едва различимы. Как всегда, он попытался встать. Как всегда, смог двинуть только мускулами лица и шеи. Теплый ветер, набухший запахом цветов, украдкой пробирался от входа в пещеру. Жажда была мучительной. Повернув голову, он сосредоточил всю волю на здоровой руке, повелевая ей потянуться за стоящей рядом флягой. Но рука повисла как плеть, как свидетельство его беспомощности.

«Богиня, дай мне умереть! — молил он. — Дай умереть до возвращения Айзека Хеннинга и Голды».

На лицо села муха, стала ползать по растрескавшимся губам, приводя его в бешенство. Тщетно призывал он все мыслимые проклятия на несчастное создание. Но тут горячий ветер поднатужился, собрал горсть пыли и бросил ему в лицо, согнав муху. Кожа теперь стала чересчур

чувствительной: он ощущал малейшую неровность камней под меховой подстилкой и даже влажные ворсинки меха, прилипшие к спине. Закатное солнце ненадолго задержало на нем свои палящие лучи; по телу обильно заструился пот, а в горле мгновенно пересохло.

Вслед за мухой явился его злейший враг — огромное черно-белое насекомое, уже не раз вонзавшее в него свое игольчатое жало, чтобы отложить яички в живой плоти. При виде этой твари ужас и ненависть всколыхнулись в нем. Он сконцентрировал на мерзкой мошке все, что осталось от его принуждения и психокинеза. Но она преспокойно уселась ему на живот. У него вырвался сдавленный крик.

Перед пещерой метнулась длинная тень, и ветер донес знакомый запах мускуса. Услышав его жалобный стон, Голда подбежала и голой рукой прихлопнула насекомое, готовое ужалить.

— Все! — Она втоптала мошку в пыль босыми огрубелыми ногами. — Я прибила эту дьявольскую тварь! — Она промыла засиженное место прохладной водой и дала ему попить, затем прижала его голову к своей груди, нежно баюкая. Подошел дед, неся двух убитых кроликов, и насмешливо взглянул на него. Женщина и бровью

не повела.

— С тобой все в порядке?

— Да.

— Укусов больше нет? Камушки не беспокоят?

— Нет. Дай воды.

Она снова дала ему напиться, подложила глиняное судно. Айзек тем временем освежевал кроликов и насадил их на вертел. Запах жареного мяса вызывал у него слюну. Теперь он мог сам жевать и глотать и очень огорчил Голду, решительно отказавшись кормиться рот в рот: как только она начинала к нему приставать, он плотно стискивал челюсти.

— Сегодня — полнолуние, — сообщила женщина. — Может, хочешь на воздух? Будем с тобой спать на траве, а дедушка — в пещере.

— Нет, — отрезал он.

— Воля твоя. Но дедушка говорит, что нынче особенная ночь. — Глаза ее сияли, она тряхнула жесткими, как пакля, волосами. — После ужина тебя ждет сюрприз!

У него защемило сердце. Полнолуние и весна…

— Какой месяц? — спросил он.

Она, не расслышав, наклонилась к нему, и он повторил:

— Какой… теперь месяц?

Зловредный старик тоже повернул к нему голову.

— Мы называем его «май», ваше божество! У тану — время Великой Любви. Помнишь небось лунные ночки? Но теперь вам каюк. Всех вас, ублюдков, смыло потопом. С прошлой осени на Керсике не было ни одной Летучей Охоты. Слава Богу, избавились.

— Я говорила, дедушка, — спокойно заметила Голда, — а ты не верил.

— Конечно, не верил, — пробормотал Айзек Хеннинг. — Потому что ты безмозглая шлюха. Но тут ты оказалась права.

— А еще я говорила тебе, что мой Бог очнется. — Она смерила старика тяжелым, угрюмым взглядом. — Скоро он совсем поправится.

Айзек вновь нагнулся над костром.

— Ага, сможет своей деревянной рукой вшей давить и жопу сам себе подтирать! — Он злобно ощерился. — Ха-ха-ха!

— Хватит, дедушка!

Старик испуганно зыркнул на нее.

— Шуток не понимаешь, корова!

Они поужинали. Снаружи доносилось пение птиц; солнце явно не желало уходить с небосклона. Голда собралась к водопаду помыться.

— Когда вернусь, дедушка, чтоб духу твоего здесь не было. Забери свои манатки и ступай ночевать в дупло пробкового дуба. Если вздумаешь подглядывать — тебе же хуже будет!

Айзек проводил ее взглядом, бормоча невнятные проклятья. Потом со вздохом свернул свою подстилку, закатав в нее кремень, бутыль с водой, краюху испеченного в золе хлеба и три ножа из небьющегося стекла для резьбы по дереву.

— Ну, ваше божество, нынче вам попотеть придется, — заявил он, склоняясь над распростертым на земле калекой, — моей внучке майский хмель в голову ударил!

Он закашлялся от смеха и сплюнул. Зловонный сгусток мокроты шмякнулся в нескольких сантиметрах от божественно прекрасного лика.

— Кто такая Голда? — проговорил он с невероятным усилием. — Кто… она такая?

— Ха-ха-ха! Желаете знать, куда бросили семя? Что ж, законное любопытство. К вашему сведению, ее бабка вам почти родня… Когда я попал сюда, то поначалу работал на плантациях Драконовой гряды, и послали меня как-то раз пасти стадо. Бреду по склону, гляжу: дитя лежит. Полукровка, рожденная одной из ваших человеческих наложниц и оказавшаяся фирвулагом… Такое

иногда случается, вам это не хуже меня известно. Вообще-то их принято возвращать маленькому народу, но там, на Авене, фирвулагов нет, вот и оставляют ребятишек где попало… Словом, я ее нашел, принес к себе в хижину, вскормил молоком антилопы. Поначалу мне было просто интересно смотреть, как она растет. Девчонка сызмальства могла превращаться во всяких тварей и читала мои мысли. Она быстро сообразила, что я стосковался по женщине, и поторопилась созреть. Тело у нее оказалось точь-в-точь как у наших баб.

— У Голды? — спросил Бог.

— Да нет, до Голды еще далеко… Сначала она была несмышленым дитем, потом стала мне прислуживать, а уж после… Вы всех женщин себе оставляете, а нам, голошеим, что делать? Короче, когда девчонка в пору вошла, я ее повалил. Она меня любила, и нам было хорошо вместе. Я назвал ее Боргильдой в память об одной своей милашке, там, в Содружестве. Та Боргильда красивая была, и эта все прихорашивалась, чтоб мне понравиться. Как-то увидал ее у меня один парень и решил тоже попользоваться. Отдубасил я его как следует, а он возьми и донеси надсмотрщику. Но когда серые за нами пришли, нас с Боргильдой

уже и след простыл. Перевалили через Драконову гряду, смастерили лодку из шкур под небольшим парусом и приплыли на Керсик. А потом она родила ребенка и умерла.

— Голду?

— Ну что заладил — Голду да Голду! В этот раз я назвал девчонку Карин. Она тоже быстро выросла, и мы поселились в деревне первобытных, тут, на острове. Карин была уже ближе к фирвулагам, чем к нам, и это отпугивало местных парней. Да и меня они побаивались. Словом, жили мы не тужили. Потом Карин родила дочку, твою Голду. Как-то ночью налетела Летучая Охота из Мюрии — тану прежде часто наведывались на Керсик — и всю деревню с землей сровняла. Уцелели только я и маленькая Голда. Мы спрятались вот здесь, в пещере… Давно это было…

— А когда Голда подросла, ты тоже взял ее? — медленно выговорил Бог.

Айзек попятился, как громом пораженный, споткнулся о свой узел и растянулся на каменном полу.

— Нет, нет! Ее я не трогал!

Тяжело дыша, он зарылся поглубже в скатанный мех. В тусклом свете блеснуло сапфировое лезвие, приближаясь к узорчатой застежке золо-

того торквеса на горле Бога.

— Проклятый ублюдок! — прошипел старик. — Сколько лет я мечтал прикончить хоть одного из вас!

— Что ж ты медлишь? — спросил Бог.

Айзек Хеннинг костлявыми пальцами стиснул рукоять ножа.

— Ненавижу! Ненавижу тебя! Ты разрушил все, всю нашу жизнь! Но теперь тебе тоже конец! Всем нам… — Старческое тело внезапно свело судорогой; Айзек выронил нож, закрыл лицо руками и зарыдал.

Вошла Голда — высокая, вся сверкающая чистотой и совершенно голая, только в волосы вплела дикий апельсиновый цветок.

— Глупый старик, я же велела тебе убираться! — Она улыбнулась Богу и пояснила: — Дедушка один раз попробовал меня обидеть. Я тогда еще совсем маленькая была, но сумела его проучить. Покажи Богу, дедушка.

Айзек, всхлипывая, приподнял набедренную повязку и показал, как своенравная девица, в чьих жилах течет кровь фирвулагов, может проучить того, кто пытается ее изнасиловать.

— А теперь уходи. Оставь нас.

Старик уполз, а Голда, притащив какие-то вещи

из глубины пещеры, принялась наряжать своего Бога. Она вертела его легко, как куклу, а он, объятый ужасом, даже не замечал этого.

Надо же, летать так высоко — и пасть так низко! Он помимо своей воли нарушил самое страшное табу обеих рас. Фирвулажка! Так вот почему она такая большая и сильная, такая жизнеспособная! А ее старый, скрюченный отец-дед когда-то был дюжим человеческим самцом.

— Сегодня первое полнолуние с той поры, как ты очнулся. — Она немного помолчала. — Ты ведь убьешь эту гниду, правда? Сделаешь это для меня, как только сможешь?

Бог не ответил. Только теперь он понял, что за одежду натянула на него Голда — стеганую куртку и штаны из пузырчатой ткани, покрытой тонкой металлической сеткой, — исподнее под его стеклянные доспехи. И теперь облачала его в сами доспехи-набедренники, налокотники и все прочее, за исключением потерянной правой рукавицы. Вот его подбитые золотом латы с лучезарной эмблемой, усыпанные розовыми камнями. Теперь очередь за шлемом

— как ослепительно сверкают во тьме грани и геральдический гребень жар-птицы! Голда оставила забрало поднятым, а сзади подоткнула

мех, чтобы шея не кособочилась от непривычной тяжести.

Но ему все равно было очень неудобно. Рыцарская сбруя шипами вдавилась в сверхчувствительное тело. Унижение, отвращение, ненависть переполняли его, словно клокочущая магма.

Доспехи засияли как солнце.

— О-о, мой Бог! — в восторге закричала Голда. — Бог Света, Красоты и Радости!

Она встала перед ним на колени, отогнула набедренники и принялась творить священный акт идолопоклонства. Ее крупное тело отливало цветом персика, оттененным эбонитово-черными уголками. Помимо своей воли он оживал, откликаясь на ее желание.

— Нет! — Впервые он услышал свой голос под сводами пещеры. Напрягая руки, пытался оттолкнуть благоговейно склонившееся над ним лицо. Мышцы налились свинцом. Сияние все усиливалось.

— Бог Солнца! — пела она. — Мой Бог!

Она так легко приподняла его, как будто доспехи ничего не весили; ее безмерная, зазывная мягкая плоть поглощала розовое сияние. Погружаясь в этот омут, он слышал ее крики и жмурился перед лавиной слепящего света, затме-

вающей солнце и сознание.

Она блаженно откинулась на меховую подстилку, а он повис в красноватой пустоте и подумал: «Я умер, хуже, чем умер, я проклят».

Наконец он решился открыть глаза. Кровавое сияние, исходившее изнутри, воспламенившее доспехи, опять ослепило его. Бесчисленные болевые импульсы отдавались в каждой клетке кожи и звенели, пульсировали в такт бешено стучащему сердцу.

Его левая рука была прижата к груди. Он поднял ее. Потом правую; дерево тоже лучилось; оказывается, он может согнуть грубо вытесанные пальцы. С неимоверным усилием откатившись от тела женщины, он оперся о стену пещеры и встал. Поток солнечных лучей заливал все вокруг, проникая в самые темные уголки. Он уловил какое-то движение у входа и двинулся туда.

Это был старик, хоронившийся за уступом скалы. Он все-таки не мог не подглядывать.

Ноданн ухватил его за патлы на загривке и приподнял над землей. Торжествующий смех Бога Солнца походил на рев урагана. Тщедушное тело Айзека Хеннинга шмякнулось на каменный пол рядом с Голдой. Старые кости затрещали, раздался жалобный стон. Женщина пошевелилась,

вскинула голову, отупело уставилась сначала на этот мешок с костями, потом поднесла руку к глазам, чтоб защититься от слепящей ауры Аполлона.

Ноданн подошел к ним; его доспехи звенели при каждом шаге. Левой рукой в латной рукавице он схватил старика, а правую, деревянную, объятую пламенем лапищу поднес к искаженному страхом лицу.

— Теперь вы умрете, — сказал Стратег. — Оба.

Старик засмеялся.

Деревянные пальцы, вцепившиеся в плешивый череп, медленно поворачивали его. Смех перешел в пронзительный визг.

— Убей! Убей ее! Но сперва загляни ей внутрь! Загляни…

Ноданн положил конец крикам, оторвав голову от тела, отшвырнув от себя и то, и другое. Голда смотрела на него расширенными глазами, но страха в них не было.

«Загляни внутрь!»

Она подползла в пыли, замешенной кровью; несколько увядших апельсиновых лепестков застряли в ее волосах. Ноданн напряг зрение и разглядел в обширной фирвулажьей утробе двенадцатинедельного зародыша — в половину его

мизинца. Здоровый и сильный плод. Мальчик.

— Сын! — выдохнул он. — Наконец-то!

Но как?.. Как могло это случиться под неумолимой, едва ли не смертельной радиацией проклятой звезды, что восемьсот лет смеялась ему в лицо? Всемогущему Стратегу до сих пор удавалось зачать лишь слабые беспомощные создания, и выжили из них всего несколько дочерей.

Он глянул вверх, на вздымающуюся уступами скалу. Потом вниз — на безмятежно спокойную женщину, чьи гены были для него строжайшим табу. Его племя противилось этому смешению еще на далеком Дуате, из-за чего едва не вспыхнула Сумеречная Война. Однако покойный Гомнол, проводя в жизнь свои евгенические схемы, отчаянно ратовал за такое кровосмешение как за скорейший путь к активности.

Возможно ли?

Он в нетерпении потянулся к микроскопическому мозгу, но потом испугался своей теперешней неуклюжести.

— Ты останешься здесь, — сказал он женщине. — Береги моего сына, пока я не приду за ним.

— Ты уходишь? — прошептала Голда.

— Да.

Слезы брызнули у нее из глаз. Она уткнулась лицом в пыль, сотрясаясь от судорожных рыданий. Ноданн поднял скомканный мех и накинул ей на плечи. В ответ она благоговейно коснулась губами зеркально гладкой рукавицы и едва слышно промолвила:

— Там, в углу… твое ружье.

Когда он обнаружил свой Меч и зарядную батарею, то не смог сдержать ликующего крика. Он попробовал выстрелить — оружие не действовало, но наверняка есть способ его починить.

— Прощай, — сказал он ей, закинув за спину Меч. — И запомни: ребенок будет носить имя Тагдал.

— Дагдал, — повторила она, всхлипывая. — Маленький Даг, сын моего Бога!..

Он вышел из пещеры и огляделся. Перед глазами все расплывалось, но он все-таки усмотрел крутой уступ на западном берегу — как раз то, что ему нужно, — и быстрым шагом направился туда. Отмахав километр или два, остановился, почувствовав, что ноги его не держат. Он еще очень слаб, этого следовало ожидать. Придется экономить силы.

В былые дни его творчество могло вызывать молнии и сдвигать с места горы; теперь же его

едва хватило, чтобы выпилить посох и опереться на него. Мощный психокинез, некогда поднимавший в воздух пятьдесят конных рыцарей в боевых доспехах, ныне с трудом поддерживал дрожащие колени, пока он карабкался на уступ.

Солнце выглянуло из-за горной гряды за его спиной и нещадно палило в спину. Выбиваясь из сил, он упирался посохом в каменистую тропу и подтягивал наверх свое длинное тело. Пыль из-под сапог забивалась в нос и в глаза. Кусты и деревья по обеим сторонам тропинки источали едкий запах смолы. Назойливое жужжанье насекомых сливалось в ушах с неприятным скрежетом доспехов, составляя режущий слух аккомпанемент его неуклюжим движениям.

«Куда я иду?.. Зачем я здесь?.. Чтобы позвать. Направить своим телепатическое послание о том, что я жив». Выше, еще выше — эта скала станет преградой мыслям. Сквозь нее утратившая остроту внутренняя речь ни за что не пробьется…

Наконец по склону, густо заросшему можжевельником, он взобрался на вершину. Дышалось тут легче: подул ветерок. Отсюда можно окликнуть их… уцелевших братьев и сестер из королевского потомства. Окликнуть и попросить помощи.

Он вышел на открытое место, стал под сосной, заслоняющей его от солнца. У ее подножия еще сохранились пепелище и черные головешки костра, который развела Голда в честь его чудесного спасения. Он глянул вдаль и впервые увидел Новое море, уничтожившее его мир. Оно было не молочно-белое, как прежде мелководная лагуна, а огромное, синее, простирающееся в туманной дымке на север и на юг, насколько видел его ослабевший глаз.

Обеими руками — деревянной и одетой в непробиваемое стекло — Ноданн вцепился в посох, чувствуя, что сейчас упадет. Опустившись на колени, потрясенный представшим ему зрелищем, громко застонал. Разом вернулись воспоминания о накрывшей его гигантской волне, о криках утопающих, о прокатившемся над этой сумятицей хриплом, как воронье карканье, хохоте…

Усевшись под чахлой сосной, он стащил с себя доспехи. В траве, устилавшей каменистую почву, нашел землянику, которой утолил и голод, и жажду. Затем подполз к обрыву и вновь напряг дальнозоркие глаза.

Север. Прежде на Корсике были соляные пустоши, тянувшиеся от оконечностей северных гор до каменистого плато на континенте, где раски-

нулся небольшой городишко Вар-Меск, ставший благодаря огромным залежам кальцинированной соды в его окрестностях центром стекольной промышленности. Но солончаки теперь затопило, и Керсик стал островом — в полном смысле слова.

Юг. До самой Африки разлилось море; здесь и раньше были самые глубокие участки лагуны.

Восток. Лесистые холмы и долины Керсика.

Запад. Авен…

О Богиня, это действительно он, хотя сразу его и не разглядишь. Полуостров сильно сузился после потопа, однако при желании можно увидеть даже разрушенную, притихшую, бесхозную Мюрию и то, как соленая вода лижет разбитые ступени королевского дворца. Плантации заросли сорняками, антилопы, иноходцы, элладотерии одичали, равно как и жалкие остатки рамапитеков, что бесприютно бродят среди руин, тщетно надеясь, что повелители-тану вновь оживят похолодевшие маленькие торквесы.

Кто же уцелел? К кому взывать?

В мозгу беспорядочно, точно крупинки золота в кубке звездного ликера, крутились вопросы. Кровь стучала в висках, туманной пеленой затягивала глаза.

Позвать на помощь?

«Нет!» — предостерег его внутренний голос.

Но отчего? Отчего инстинкт самосохранения приказывает ему соблюдать осторожность, не обнаруживать себя, пока не окрепнет и окольными путями не выяснит, какие события произошли за те выброшенные из жизни полгода, что он без движения провалялся в керсиканской пещере?

От чего ему прятаться? От кого?

Он потерял сознание, а когда очнулся, то уже твердо знал, что не должен звать братьев и сестер, ориентируясь на слабые телепатические импульсы, коими отмечены координаты городов на материке. Лишь одному живому существу он может открыться, чтобы выведать всю правду о том, что случилось в Многоцветной Земле после потопа. При всей своей слабости он наверняка сумеет передать сообщение на скрытом канале. И призыв его будет услышан вопреки всем доводам здравого смысла.

Больше ему неоткуда ждать помощи.

Из последних сил он выковал в мозгу крохотную, но яркую иглу, предназначенную только для одного ума; и она стрелой пронеслась над Новым морем, пронзив пол-Европы:

«Мерси!»

2

Созвездие значилось в его каталоге под индексом К-1-226, но стоило ему как следует присмотреться к незнакомой трехпланетной системе, и он тут же сообразил: Элирион. Вторая же планета со стороны Солнца, зажатая собственными ледниками шестимиллионнолетней давности, — это Полтрой. Полтроянцы, которых в Содружестве почитали образцом культурного развития, здесь находились на уровне питекантропов. Маленькие коренастые каннибалы с выпученными красными глазками, сверкающими из-под рыжего меха, сновали среди льдов, подстерегая себе подобных, дабы проломить им череп и вдоволь полакомиться свежими мозгами.

Элирион был последним объектом поиска и явно никакой ценности для него не представлял, однако он в нарушение графика задержался на два часа, наблюдая за первобытными обитателями. Он внушал себе, что это чисто интеллектуальное любопытство: интересно же поглядеть, с чего начиналась такая знаменитая цивилизация. Но внутренний голос в ответ насмехался над ним, заявляя, что он попросту тянет время, не

желая возвращаться домой к ожидающим его неприятным новостям.

Полтроянцы каменного века нелепо скакали вокруг своих неподвижных жертв, затем благоговейно опускались перед ними на колени, прежде чем начать ритуальную трепанацию. Кровожадный вождь маленького клана был как две капли воды похож на Оминина-Лимпиротина, четвертого спикера в Консилиуме.

Марк наконец оторвался от захватывающего зрелища и сообщил роботу, направляющему поиск: СОМНЕНИЙ НЕТ. После чего мгновенно вернулся в свою телесную оболочку, защищенную скафандром от непомерных мозговых перегрузок. Он увидел свет в обсерватории, и на миг в душе вспыхнула надежда: предчувствия обманули его. Но то был не Хаген, а Патриция Кастелайн. Ее мысли не читались, и полная их непроницаемость сама по себе подтвердила Марку факт происшедшей катастрофы.

ОТКЛЮЧИТЬ ВСПОМОГАТЕЛЬНУЮ МОЗГОВУЮ ЭНЕРГЕТИКУ. Раскаленный мозг начал остывать. Где-то за глазными яблоками он ощутил тошнотворные приливы реальности.

ВОССТАНОВИТЬ НОРМАЛЬНЫЙ ОБМЕН ВЕЩЕСТВ.

Временное охлаждение, краткий интервал мраморного безмолвия после длительной межпланетной активности.

ОТКЛЮЧИТЬ ДВИГАТЕЛИ. СПУСК. ПОГАСИТЬ СИГМА-ПОЛЕ. СОМКНУТЬ СВОД. ДОЛОЙ ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ЗАЩИТНЫЕ ЛАЗЕРЫ. ДОЛОЖИТЬ О РАБОТЕ ОРГАНИЗМА.

— Все жизненные органы функционируют нормально, — заверил робот.

По логике вещей Хаген должен быть уже на месте, чтобы проследить за сканированием мозга и помочь отцу освободиться от скафандра после двойной проверки всех физиологических параметров.

Отсутствие Хагена ясно показало ему, что помощи теперь ждать не от кого, и он сам отдал соответствующие команды:

УДАЛИТЬ МОЗГОВЫЕ ЭЛЕКТРОДЫ. ОТКЛЮЧИТЬ КОНТАКТЫ ГОЛОВНОГО И СПИННОГО МОЗГА. СНЯТЬ ПАСКУДНЫЙ ШЛЕМ.

Робот невозмутимо исполнил приказы. Застежки шлема щелкнули, тяжелый металлокерамический колпак сдвинулся на четверть оборота. Воздух теплый и влажный, свет рассеянный, знакомый ручной хронограф бесстрастно напоминает о том, что он вновь на плиоценовой

Земле.

23.07.33 ..... 16,5 + 27

Скафандр медленно распался на две половины. Разоблачившись, он тут же на месте сделал некоторые изометрические замеры, пощупал царапины, оставленные на лбу психоэлектронным терновым венцом, и рассеянно отметил, что кровь уже подсохла. Под скафандром он был одет в плотно прилегающий к телу черный комбинезон с вмонтированным устройством для переключения кровообращения. Он весь пропотел и провонял кожной смазкой, в которой варился целых двадцать дней. Пора бы изобрести формулу вещества с более приятным запахом.

— К тебе можно, Марк?

От этого голоса снова сдавило узлом все внутренности; сейчас он снимет свое космическое облачение, а дурные предчувствия, напротив, будут облечены в слова.

Он забросил скафандр в кладовую. Дверь отворилась, и вошла Патриция, держа в руках два запотевших стакана с кружочками лимона. Бледно-голубое с золотыми нитями платье открывало спину; она выглядела гораздо моложе, чем в последний раз, а ее распущенные волосы цветом напомнили ему леденцы из кленового сахара, ат-

рибут детских воспоминаний о Нью-Гемпшире.

Он почувствовал на губах легкий и тающий, словно снежные хлопья, поцелуй, потом взял у нее стакан и с наслаждением отхлебнул крепкой освежающей жидкости, приправленной лимонным соком.

— Сколько человек ушло с Хагеном?

— Двадцать восемь. Дети в полном составе и пятеро внуков. Перед отплытием они взорвали все наши океанские лайнеры.

— Оборудование?..

— Пять тонн разнообразного оружия, портативный сигма-генератор, механические установки для защиты мозга, много калькуляторов и обрабатывающих станков — зачем они им понадобились?.. И еще целый набор запчастей. Это было четыре дня назад. Мы попытались преследовать их на лодках, но Хаген, Фил Овертон и Кеог-младший едва нас не потопили своим психокинетическим шквалом. А мы без тебя, естественно, не сумели скоординировать принудительные усилия.

— Четыре дня. — (Патриция с горечью отметила, как глубоко ввалились его глаза, обведенные черными кругами.) — Теперь и мне их не достать. Неплохо задумано.

— Но мы же можем объединиться под твоим руководством. Нет такого места на Земле, куда бы не достиг твой психореактивный импульс. Они, разумеется, рассчитывают, что ты на такое не пойдешь. — (Тон Патриции и ее умственный настрой были абсолютно нейтральны, и немудрено, ведь у нее нет детей.)

— Я должен подумать. — Марк провел рукой по влажным волнистым волосам. Запах химической смазки почему-то больше обычного действовал на нервы; и, как всегда после звездного поиска, он ощущал зверский голод. — Пойду приму душ и переоденусь. Поесть что-нибудь найдется?

— Конечно, я же тебя ждала. А ты почему задержался?

Скривив губы в характерной усмешке, Марк направился в гардеробную.

— Хотел оттянуть неизбежное.

— Так ты этого ждал? — На лице Патриции промелькнуло то самое отчаяние, которого нельзя было разглядеть за умственным щитом.

— В какой-то мере я сам их спровоцировал.

Он стащил с себя комбинезон и вступил в допотопную с виду кабину душа, где все, однако, было переоборудовано по последнему слову техники: автоматически подавались струи попеременно

горячей и холодной воды и жидкое душистое мыло, тут же имелись фонтанчик для соляных ванн и завершающий ледяной каскад. Патриция подала ему полотенце-тогу и оценивающе оглядела мускулистую фигуру своего любовника.

— Жаль, что во время звездных поисков с тебя сходит загар… Во всем остальном ты все тот же стройный Адонис с посеребренными инеем висками и бровями Мефистофеля. Терпеть не могу молодящихся мужиков! (И обожаю твой membnim virile! note 13)

— Прости, любовь моя, эти поиски лишают меня не только загара. Во всяком случае, на какое-то время. (Пока не наберусь безрассудства, чтобы вновь впустить в себя жизненные соки.) Она вздохнула.

— Две недели в барокамере — чего ради я старалась?

— Ты ослепительна. Этот цвет волос тебе очень к лицу… Потерпишь немного, а?

Она потерпит — заботливая, преданная, любящая Патриция Кастелайн, которая, когда надо было поддержать его Мятеж, пожертвовала родной планетой. После смерти Синдии и конца

---

note notes: Note13
половой член (лат.)

Старого Света ей одной удалось заманить его в свою постель.

— Позовем остальных? — спросила она.

Он надел неглаженую рубаху.

— Пожалуй. Свяжись со Стейнбреннером, Крамером, Даламбером, Ранчаром Гатеном, Корделией Варшавой. И с Ван Виком, если он сегодня не на бровях. Стренгфорд тоже вызови, постарайся привести ее в чувство… И обоих Кеогов. — Он обмотал вокруг пояса алый кушак.

— А как насчет Алекса Маниона?

— Этого к дьяволу! Удивляюсь, как он не сбежал с нашими сосунками. Ведь это он втравил нас в историю с проклятой Фелицией… — Марк осекся и вопросительно взглянул на подругу.

Отвечая ему, она одновременно рассылала телепатические вызовы.

— Фелиция убила Вона Джарроу. Клу, Элаби и Оуэн в порядке, но их миссия потерпела фиаско. — Копии отчетов Оуэна из Испании были мгновенно переданы из памяти Патриции в мозг Марка. Так он узнал не только о Фелиции и вмешательстве Элизабет, но и о коронации и бракосочетании Эйкена Драма.

— В настоящий момент Фелиция сошла со сцены, а Элаби и Клу заняты спасением Джилл. Они

верны тебе, несмотря на предательство других детей, и ждут твоих указаний.

У Марка вырвался циничный смешок. Чуть пригладив растрепавшиеся волосы, он взял Патрицию под руку и спустился вместе с ней по лестнице обсерватории. Все так же держась за руки, они двинулись по берегу зеркально-гладкого озера к его дому. Молодой месяц уже скрылся, но небо субтропиков было усыпано алмазными звездами. Ни одно из созвездий пока не приобрело очертаний двадцать второго века, но мятежные изгнанники все равно пользовались привычными названиями. Марс зловеще поблескивал на западе, точно кокарда на темной треуголке Наполеона.

— Теперь, когда Фелиция переметнулась к Элизабет, надо думать, Элаби и Клу сделают ставку на Эйкена Драма, — проронил Марк.

— Каким образом? Дождутся остальных и поведут прямое нападение?

— Нет, вряд ли… Если у них осталась хоть капля рассудка.

— Тогда что же? Попытаются привлечь его на свою сторону?

Марк помолчал, глядя на сверкающее озеро и на лодки, уже подвозившие к его причалу вете-

ранов-заговорщиков, которые все до одного были членами Консилиума, до тех пор пока не связали свою судьбу с тщеславными замыслами Марка о главенстве человечества над Галактическим Содружеством. Не считая Маниона, в живых осталось только одиннадцать высших сановников и тридцать один рядовой.

— Вероятнее всего, они начнут переговоры с Эйкеном Драмом. У нас до сих пор нет четкого представления о сильных и слабых сторонах его мозга. А наши желторотые детки наверняка оценивают короля Эйкена-Луганна еще более поверхностно.

— Совет фирвулагов предпринял довольно грубую попытку уничтожить его на празднике Великой Любви. Но ничего у них не вышло. На таком расстоянии мы не смогли проанализировать причины их провала, но Джефф Стейнбреннер предположил, что Эйкен носит специальное устройство, защищающее его головной мозг.

— Возможно. Но с другой стороны, самозванец способен наращивать свою мощь. Любопытный экземпляр! Метафункции — лишь часть его арсенала. Кроме того, сдается мне, он прирожденный политик.

В душе Патриции шевельнулся страх.

— Если Эйкен Драм согласится обсуждать вопрос о вратах времени… — Ее мысль была ясна; если сообщение между плиоценом и Галактическим Содружеством будет взаимным, то мятежники предстанут перед судом, невзирая на срок давности.

Марк смотрел вверх на бесчисленные звезды и молчал.

— Я должен найти звезду, причастную к Единству, — наконец проговорил он. — Это все, что мне нужно. Пат. Одно мое слово — и они узнают правду о бедном обманутом человечестве. Пока не поздно, надо начинать сызнова, не допуская прежних ошибок. Мы раскинем нашу сеть на десятилетия. Мы просочимся внутрь Единства и искусственно создадим новое поколение. Мне бы только найти звезду!..

— Что же теперь делать, Марк? — выкрикнула она.

Он взял ее руку, насильно просунул себе под локоть и зашагал к дому. Шесть лодок уже стали на прикол.

— Пойдем поужинаем и все обсудим с остальными. — Он направил в ее все еще непроницаемый мозг ласковый корректирующий импульс. — Откройся мне, Пат. Я знаю, вы считаете мои поиски

бесплодными. Я и сам в них усомнился. Потому и надо обговорить все начистоту и, возможно, выработать совсем иной план действий.

— Я не в пример другим не боюсь заявить об этом вслух!

Ван Вик выпучил глаза и разинул огромную пасть; в свете горящей на веранде лампы поблескивала его лысина, а дрожащие пальцы сжимали пустой стакан с позвякивающими кубиками льда. Грудь под рубахой ходила ходуном. Более чем когда-либо он напомнил Марку взбесившуюся жабу.

— Мы должны были это предвидеть. Уже по одной истории с Фелицией можно было догадаться, в каком направлении работают умы ребятишек. И едва ли мы вправе их за это винить. Взгляни правде в глаза, Марк! Твои надежды если и сбудутся, то еще очень не скоро, а ведь ты уже выбросил псу под хвост двадцать пять лет. Обследовал тридцать шесть тысяч систем, и только двенадцать из них населены более или менее разумными существами — так или иначе, с Единством они рядом не стояли!

Марк сидел вместе с Патрицией за обеденным столом, а его гости неловко топтались у входа; лишь некоторым достались стоявшие в углу

на веранде старые плетеные стулья. Патриция открыла буфет и выдвинула оттуда на десерт два блюда с манго. Марк выбрал самый спелый плод и начал очищать его серебряным ножом, подхватывая на лету капли психокинетическими импульсами.

— На этот раз, — объявил он, — я нашел Полтрой.

Восемь человек из девяти не сдержали умственных и голосовых комментариев. Лишь Корделия Варшава, культуролог и психотактик, не стала ахать и охать.

— Как высоко они поднялись по лестнице?

— Ну-у… в общем, стоят на двух ногах.

Она понимающе кивнула.

— Что ж, это уже немало, если учесть их замедленную эволюцию… Лучше бы ты нашел Лилмик.

Марк с аппетитом поглощал сочные кусочки, а в уме прокручивал фрагменты последнего звездного поиска, желая напомнить им, что начал свою охоту с изучения далекой галактики, содержащей солнце Лилмика, и не нашел там никаких следов самой древней разумной расы.

— Они где-то там… — Он промокнул губы салфеткой. — Бог их ведает…

— Маленькие варвары-завоеватели что-то натворили с их солнцем, — с горечью заметил Крамер. — Мы с Марком давным-давно все проанализировали. В том, что индивидуальная спектрограмма присутствует в плиоцене, двух мнений быть не может. Некоторые астрофизики на Кронданаки полагают, что угасающую звезду выпихнули куда-нибудь на задворки основной последовательности за миллион лет назад до первого объединения. Если это так… — Он пожал плечами.

— У меня нет времени на зарождающиеся гиганты, — отрезал Марк. — Шансы слишком ничтожны, даже если придерживаться наиболее вероятных прогнозов.

— Теперь, когда дети отчалили, у нас нет никаких шансов! — воскликнул Ван Вик. Он приподнялся со стула и с невероятным трудом дотянулся до бутылки с водкой, но та будто приросла к подносу.

Хелейн Стренгфорд пронзительно засмеялась.

— Раз мне нельзя, так и тебе нельзя, Джерри! На приближающийся конец света надо смотреть трезво. Или отложим его, а, Марк? Спасем свою шкуру, прикончив собственных детей?

С искаженным лицом она подошла к Марку

вплотную, стиснула кулаки, натянутая как струна, несмотря на то что час назад Стейнбреннер провел с ней сеанс коррекции. Ангел Бездны оценил исходящую от нее угрозу и поступил великодушно. Хелейн рухнула на подставленные руки Стейнбреннера, скованная простым двигательным параличом; сознание осталось нетронутым. Врач уложил ее на кушетку. Даламбер и Варшава подсунули ей под голову подушки.

— Всем нелегко, Хелейн, — сказал Марк. — Ты любишь Лейлу, Криса и маленького Джоэла, Ранчар любит Элаби, а Кеоги — Нейла и Питера… Джорди и Корделия тоже без ума от своих детей и внуков.

«А ты?» — обвиняюще выговорил ум (язык и губы были скованы немотой).

— И я, — кивнул Марк.

Жалюзи на одном из окон были приподняты, и в комнату влетали ночные мотыльки. Марк встал, шагнул к окну, опустил жалюзи, одним взглядом истребил мелькавших вокруг лампы насекомых и небрежно облокотился о притолоку, засунув руки в карманы.

— Клу и Хаген — это все, что осталось у меня от Синдии. Я взял их с собой в Изгнание. Быть может, по отношению к ним я был несправедлив,

но иначе поступить не мог. — Он обвел взглядом всех присутствующих по очереди. — Вы, наверно, тоже не имели права производить на свет детей в плиоцене, но по-человечески всех нас можно понять. Мы надеялись передать нашу мечту новым поколениям, но ничего не вышло, и виноват в том я, потому что не сумел отыскать нужную нам цивилизацию.

— Еще есть время, — сказала Патриция. — Впереди века — если мы захотим продолжать наше дело. Если найдем в себе мужество.

— Мы в своей жизни достаточно рисковали! — отрезал Крамер. — Если помните, моя первая семья погибла на Оканагане, и у Даламбера сын служил в составе Двенадцатого флота. Не тебе, Кастелайн, читать им проповеди о мужестве! А этот еще твердит о любви, как будто он способен…

— Джорди! — Марк чуть поднял одну крылатую бровь.

Чтобы оборвать тираду врача, ему не понадобилось принудительных усилий. Крамер изменился в лице и, круто повернувшись, уставился в темноту.

Из полумрака в углу веранды донесся невозмутимый голос Ранчара Гатена:

— Звездный поиск… только на него мы и рас-

считывали, только благодаря ему смирились с изгнанием. А дети… они же не могут знать тебя так, как мы, потому ухватились за первую же возможность вырваться из кабалы, на которую мы их обрекли.

— Если они сумеют открыть врата времени, то мы погибли, — вставил Ван Вик. — Психологически ни один из нас не переживет публичного процесса.

— Элаби поклялся мне взорвать после себя врата времени, — сообщил Гатен.

— Хаген этого не допустит, — живо откликнулся Марк. — Он сделает все, чтобы врата остались открытыми и чтобы мы предстали перед судом. У него это в подсознании.

Хрупкая миловидная доктор Варшава кивнула:

— Марк прав. И не только его сын вынашивает планы возмездия. Так что самый надежный способ обеспечить нашу безопасность — убить их всех.

Она погладила руку Хелейн. Глаза парализованной женщины были закрыты; из-под ресниц выкатились две слезы.

— Самое разумное решение, — подтвердила Патриция. — Если хоть один из них уцелеет, он непременно покажет Эйкену Драму чертежи

аппарата Гудериана, и рано или поздно Эйкен сам возьмется за дело. Я составила его умственный прогноз и пришла к выводу, что он сможет обойтись и без украденного у нас оборудования.

— Мы поддерживаем заключение Кастелайн, — заявил Диармид Кеог.

Лидер Метапсихического Мятежа невидящим взором глядел в стену.

— Есть еще один путь. Рискованный, правда.

На веранде повисла гнетущая тишина.

— Я вижу их, — продолжал Марк. — Они находятся в районе так называемых больших широт, где вечное затишье. Паруса свернуты, весь психокинез направлен на тягу, но судно все равно движется очень медленно. Поэтому выбросить их на сушу не составит труда. Гораздо тяжелее будет найти где-нибудь на юго-востоке подходящий теплый ветерок и вернуть наших шалунишек домой.

— Неужели это возможно?! — вскричал Питер Даламбер.

— Что скажешь, Джорди? — спросил Марк.

— Далековато, — с сомнением отозвался Крамер, что-то быстро подсчитывая в уме. — Благодаря первому резкому броску они оторвались на две тысячи километров. Нам нужен мощный

тропический циклон… вот такой примерно. — Он построил для Марка мысленную проекцию. — Такие встречаются севернее экватора.

— Нет, безнадежно.

Крамер пожал плечами.

— Так я же и говорю. Можно прождать две недели, а они к тому времени уже войдут в зону западных ветров, где их шиш достанешь.

— А если вот такой? — Марк представил физику еще один метеорологический образ. — С африканского побережья.

— Гм, не хило! Только сможем ли мы повернуть его на запад — вот вопрос. Впрочем, неважно. Не вернем их домой, так отгоним в Марокко, и пусть там загорают.

— Черт побери, Джорди! — взорвался Стейнбреннер. — Да у нас хватало сил, чтобы отвращать ураганы от Окалы, так неужто мы не сумеем взнуздать нужный нам ветер?!

— Одно дело, Джефф, отвратить воздушные массы, другое — собрать их и повернуть против планетарных ветров, что дуют в это время года. В нашем распоряжении всего сорок два ума, из них шесть или семь в творчестве и психокинезе — полные нули… Адская работенка, доложу вам.

— Да еще учтите, они без борьбы не сдадутся, —

напомнил Диармид Кеог.

Дейдра спроецировала в уме разрушительный шквал, который беглецы породили, едва заметив погоню, а Диармид прибавил:

— Видите, наш сыночек Нейл руководил потоплением любимых родителей, а под его началом так дружно трудились Фил Овертон и Хаген, как будто они уже посвящены в Единство. Да, в том, что детки окажут сопротивление, сомневаться не приходится.

— У них ружья… — дрожащим голосом вставил Ван Вик.

— Не будь идиотом, Джерри, — оборвала Патриция. — Ведь с нами теперь Марк. С его принудительной силой все эти ружья для нас не более опасны, чем рогатки.

— Они ни перед чем не остановятся, — упорствовал Ван Вик.

— Вот именно, — тихо проронила Корделия, — самой жизни не пожалеют.

Марк вернулся к созерцанию своих прежних образов.

— Надо попытаться спасти детей. И выиграть время для выработки нового плана… Что мы имеем?.. Клу, Элаби и Оуэн в Европе, Фелиция пока отсутствует, Эйкеном Драмом можно манипули-

ровать. Я должен подумать, изучить ситуацию со всех сторон.

— Ты двадцать семь лет думал, — упрекнул его Ван Вик.

Но мысли Марка были уже далеко.

— Крамер прав: не обязательно возвращать детей назад, главное — не пустить их в Европу. Это вполне нам по силам. Высадим их в Африке и найдем способ взорвать оборудование, так, чтобы никто не пострадал. Прежде всего надо нейтрализовать их угрозу, а потом уж искать собственные решения. — Он оторвался от своих размышлений, и каждый ум ощутил его принудительно-гипнотическое прикосновение. — Звездный поиск! Он мог бы стать нашим спасением, если бы оказался удачным… Моя мечта… и мое поражение загнали нас сюда, в плиоцен, однако мы верили, что еще не поздно начать все сначала. Но и здесь звезды не улыбнулись мне, поэтому дети разуверились в моей мечте и заимели свою. Они сделали свой выбор, и от этого так просто не отмахнешься. Двадцать дней, пока мотался от звезды к звезде, я обдумывал возможные последствия их поступка, и до сего момента они не выходят у меня из головы. Окончательное решение я оставляю за собой. Но все-таки давайте проголосуем.

— Убить! — выпалила Корделия Варшава.

— Самый надежный вариант, — согласилась Патриция Кастелайн.

Наступило минутное колебание, но из всех присутствующих лишь Геррит Ван Вик присоединился к двум женщинам, выступавшим за смертный приговор. Прочие предпочли помилование, хотя и сопряженное с некоторым риском.

Марк изложил им свой новый замысел — как, обеспечив собственную безопасность, пойти навстречу желаниям детей. Однако в случае провала под угрозой оказывалась не только жизнь мятежников, но и жизнь ни о чем не подозревающих обитателей Многоцветной Земли.

— Таков в общих чертах мой план, — заключил Марк Ремилард. — Кто за?

Бывшие члены галактического Консилиума единогласно одобрили предложение и тем самым вновь утвердили его своим лидером.

— Хорошо. Нынче же ночью свяжусь с Оуэном. А завтра начнем реконструкцию поискового оборудования и сборку нового агрегата. Да, пусть посидят в Африке: мы покамест не готовы к встрече с ними. Думаю, в конце августа, если ничего не случится, можно будет отплыть в Европу.

3

Угрюмая фея в белой кожаной юбке нетерпеливо расхаживала по балкону Черной Скалы; глаза лесной лани, словно два прожектора, ощупывали склон.

— Здесь ты в полной безопасности.

Элизабет стояла в дверном проеме, одетая в старый хлопчатобумажный комбинезон красного цвета, который запомнился Фелиции еще на постоялом дворе, и теперь она воспринимала его как давнего друга, как связующую нить с прошлым. Уже две недели ворон ежедневно прилетал в маленькое шале, садился на край балкона и превращался в испуганную девчонку. Но, несмотря на огромную силу убеждения, которой обладала Элизабет, несмотря на то, что во время долгих разговоров с ней Фелиция отдыхала душой, она упорно отказывалась остаться. Сегодня их беседа затянулась на два часа.

— Прошлой ночью мне опять являлись кошмары.

— Бедная ты моя!

— Еще немного — и я не выдержу, закричу в голос. Если это случится, я умру, захлебнусь в

золоте и в дерьме.

— Да, — согласилась Элизабет, — если не будешь лечиться.

Взгляд Фелиции стал совсем безумным; хищные стальные когти потянулись к мозгу Элизабет, но та недаром была Великим Магистром коррекции — успела поставить непроницаемый барьер, и когти лишь беспомощно поскребли зеркально-гладкую поверхность.

— Я… я нечаянно, — оправдывалась Фелиция.

— Нет, нарочно, — с грустью возразила Элизабет. — Ты готова убить каждого, кто угрожает тебе своей любовью.

— Нет!

— Да. У тебя в голове короткое замыкание. Хочешь, покажу тебе разницу между твоим мозгом и тем, который можно считать нормальным?

— Покажи.

Образы ужасающей сложности громоздились под сводом черепа, но корректор снабдила их пояснениями, доступными даже необученному ребенку. Минут пятнадцать Фелиция рассматривала обе проекции, прячась за своим экраном. Потом приоткрылась щелочка, и в ней засветилось робкое, стыдливое любопытство.

— Это что… мой мозг?

— Максимальное приближение, какого я смогла достичь извне.

— А другой… чей он?

— Сестры Амери.

Девушка содрогнулась. Соскочила с парапета и подошла вплотную к Элизабет — маленькая, бледная, такая одинокая и беззащитная.

— Я чудовище. Я не человек, правда?

— Временами — да. В основном твои поступки неосознанны, хотя после того, что ты устроила на Гибралтаре, твое сознание тоже затронуто… Но тебя можно вылечить, дитя мое. Пока можно.

— Почему «пока»?

— Потому что для терапии необходимо добровольное согласие, а ты скоро перестанешь осознавать эту необходимость. Применить к тебе насилие я не могу: мне с тобой не справиться. Даже если ты подчинишься добровольно, я все равно очень рискую. Пока ты не пришла ко мне, я и не понимала, насколько это опасно — тебя лечить.

— Боишься, как бы я тебя не убила ненароком?

— Не без того.

— Значит, ты рискуешь жизнью и все равно хочешь мне помочь?

— Да.

Фелиция вздернула чуть заостренный подбородок. В темных глазах блеснули непролитые слезы.

— Зачем? Чтобы спасти от меня мир?

— Отчасти, — призналась Элизабет. — Но также для того, чтобы спасти тебя.

Фелиция отвела взгляд; на губах заиграла странная усмешка.

— Ты ничуть не лучше Амери. Все вы гоняетесь за моей душой. Ты ведь тоже католичка, верно?

— Да.

— И что в этом проку — тут, в плиоцене?

— В общем, немного. Но основные моральные устои остаются, и я должна им следовать.

Девушка засмеялась:

— Даже когда сомнения одолевают?

— Особенно тогда, — ответила Элизабет. — Ты очень проницательна, Фелиция. — Она вынулась в комнату, села на один из двух стульев перед окном. — Проходи, садись.

Фелиция заколебалась. Целительница почти физически ощутила вихрь противоречивых чувств, охвативших девушку: темный ужас, борющийся против искренней жажды любви и участия, чистота, отчаянно сопротивляющаяся, но почти раздавленная бременем извращений

и вины.

Элизабет не сводила глаз с вырисовывающихся в окне округлых очертаний Черной Скалы и Провансальского озера, стараясь не смотреть на ворона, который все еще не решался влететь. Робкий, любопытный, горящий последней надеждой лучик все пытался проникнуть сквозь заслон корректора.

Элизабет закрыла лицо руками и стала молиться. Затем решительно убрала барьер.

— Загляни мне в мозг, если хочешь. Только будь осторожна, Фелиция. Ты увидишь, я не солгала, я только хочу помочь тебе.

Не в силах противостоять соблазну, лучик скользнул внутрь, невольно отбрасывая тень направившей его личности. О Боже, проклятые родители, сотворить такое со своим ребенком! Неужели их подлость сделала ее неспособной откликнуться на всякое материнское чувство?

— Ты меня… *любишь*? — (Недоверие и с трудом сдерживаемая ярость.)

— У меня не было своих детей, но в Содружестве я многих любила как своих. Лечила их, воспитывала — тем и жила.

— Но никто из них… не был хуже меня.

— Никто из них так не нуждался во мне, как

ты, Фелиция.

Девушка сидела, не отрывая взгляда от красного комбинезона и от закрытого руками лица. Это же Элизабет! Она уговорила чиновников на постоялом дворе не приковывать тебя к стулу после покушения на советника. А потом чуть не испортила всю охоту на лося, но в конце концов благодарила тебя за то, что ты взялась сама освежевать и выпотрошить тушу. Помнишь, как она горевала по своему погибшему мужу? И все мечтала улететь на воздушном шаре, чтобы обрести свободу и мир в плиоцене… но потом отказалась и от мира, и от свободы, чтобы спасти тебя от Куллукета.

— Я не верю тебе, — прошептала Фелиция; чудовище отступило на задний план.

Элизабет отвела руки от лица, выпрямилась, улыбнулась.

— Рассказать тебе, как это будет?

Фелиция кивнула: Платиновые волосы от волнения стояли вокруг ее головы наэлектризованным нимбом.

— Нам надо уединиться, чтобы разряды твоего мозга не повредили окружающим. Ты когда-нибудь слышала о комнате Бреды без дверей?.. Нет?.. Это очень мощное устройство для защи-

ты ума. Бреда пользовалась им как укрытием, когда психологическое давление становилось невыносимым. Изнутри ей было все видно, но ни один телепат не мог ее достать. Бреда позволила мне одно время делить с ней ее убежище. Перед смертью она передала приспособление мне и моим друзьям. Комната без дверей — не тюрьма, оттуда можно выйти, когда пожелаешь. Но ты должна обещать, что останешься со мной в этой комнате, пока лечение не закончится. Возможно, несколько недель.

— Я согласна.

— Есть еще одно условие. На определенных этапах лечения мне понадобятся помощники. Я уже не такая сильная, какой была в Содружестве. Ты ведь знаешь, я растеряла свой метапсихический дар, и он вернулся ко мне только после шока, с которым связано прохождение через врата времени.

— Знаю. Кто эти помощники?

— Крейн и Дионкет.

Девушка нахмурилась.

— Крейна я не боюсь. Но лорд Целитель… он сильнее моего Куллукета, однако не остановил пытку — струсил. А теперь с Минананом и этой безмозглой фракцией пацифистов прячется в

Пиренеях, вместо того чтобы помочь своему народу сражаться против фирвулагов. По-моему, это неслыханная подлость!

— Тебе этого не понять. Тем не менее ты должна смириться — без Дионкета и Крейна я не справлюсь.

— И что они будут со мной делать, эти гуманоиды? Не думай, что им удастся меня удержать.

— Да нет, это не силовая практика, а чисто психологическая. Они будут мне ассистировать, пока я занята более сложной операцией. Точно так же хирург проникает глубоко в организм, в то время как ассистенты подают ему нужный инструмент и следят за реакциями больного.

Фелиция молчала. Огромные карие глаза задумчиво наблюдали за полетом орла, медленно кружившего в безоблачном небе.

— И после операции, — вымолвила она, — я стану… *доброй*?

— Ты будешь здорова, дитя мое. Остальное в руках Господа.

Чудовище опять выглянуло, насмешливо ощерилось.

— Даже если ваш Господь и существует, кто поручится, что ему не наплевать на нас? Амери не смогла мне этого доказать, а ты можешь?

— Есть логические доказательства первопричины и сущности, Отца и Сына. Есть эмпирические доказательства Любви, которую мы называем Святым Духом. Но никто и никогда не приходил к вере путем доказательств. Как правило, к ним прибегают уже после обращения в какую-либо веру…

— Чтобы заглушить сомнение, да?

— Чтобы поддержать нас в нашей слабости. Мы верим оттого, что нам это необходимо. Единственное реальное доказательство — наша потребность в любви и поддержке.

— Амери уже говорила что-то подобное. Я хотела поверить в Бога, потому что мне нужна была его помощь. Быть может, тогда он и существовал для меня. Но не теперь. Нет ни Бога, ни черта, да и ты существуешь лишь в моем воображении. Ну вот! Понятно тебе, что я думаю?

— Послушай, Фелиция…

— Мое неверие что-нибудь меняет? Или ты все равно сможешь меня вылечить?

— Уверена, что смогу.

Усмешка чудовища расцвела, словно ядовитый цветок.

— А твой Бог, он бы одобрил такую уверенность? Не откусывай больше, чем можешь прожевать,

иначе плохо будет. И не только тебе…

Элизабет встала.

— Выбор за тобой, Фелиция. Оставайся или уходи. Совсем уходи!

Дьявольская ухмылка исчезла, уступив место всегдашнему ужасу и неутолимой жажде. Бедное истерзанное дитя, мешающее боль с любовью, грязь с красотой, смерть с жизнью.

— Ну? — сурово спросила Элизабет.

— Остаюсь! — прошелестел нежный голосок.

Барьер со звоном рассыпался. Обнаженный ум в ожидании предстал перед Элизабет.

4

«Порой, — думал Эйкен, — нет более дерьмового занятия, чем быть королем».

Он проснулся в три утра и теперь угрюмо наблюдал, как черные совы гоняются за мышами по лестницам и балконам Стеклянного замка. Все огни были потушены. Ему пришлось издать декрет о еженедельных затемнениях, чтобы предоставить пернатым охотникам возможность бороться с грызунами, которые в результате пристрастия его подданных к пиршествам под открытым небом невероятно расплодились.

День прошел мучительно. Вначале Селадейр Афалийский воспротивился генеральному плану набега на логово Фелиции, заявив, что не выделит для кампании ни одного халика, если встреча состоится в заливе Гвадалквивир, а не в его собственном городе. И сдался только после того, как Эйкен применил свою королевскую власть.

Затем Йош Ватанабе сообщил ему, что новый бамбуковый змей непригоден для воздушной битвы. Сооружение слишком непрочно для тяжелых грузов и слишком неустойчиво для легких. Надо вернуть змея в конструкторское бюро и

провести повторные испытания на болтах, иначе нынешней осенью на Великом Турнире их ждет провал.

В середине дня поступила весть о бунте голошеих на росиланской кондитерской фабрике. Эйкен послал Альборана разобраться, и выяснилось, что несколько выскочек, которым Эйкен незаслуженно надел золотые торквесы, до предела взвинтили нормы выработки, так что голошеим и рамапитекам передохнуть некогда, а надзиратели тайно сплавляют излишки продукции на черный рынок первобытных. Золотым мошенникам посносили головы, на предприятии пересмотрели нормы, но Эйкен не мог успокоиться, размышляя о том, сколько злоупотреблений совершают его рекруты, и наконец решил собрать всю свою отборную гвардию в Гории, где она была бы под его непосредственным контролем. Правда, это ослабит гарнизоны в провинции, но ему в испанском походе все равно понадобятся дополнительные силы.

К тому же предстояло что-то решать с Барделаском. Маленький народ из Фаморели все ближе подбирается к нему, одну за другой выжигая лежащие на пути плантации. Леди Армида не на шутку встревожилась и потребовала от монарха

подкрепления, дабы призвать к порядку старого Мини и его банду.

Разумеется, Эйкен не мог на это пойти. Барделаском придется пожертвовать, не ставя в известность Армиду. Главной целью предстоящей кампании были фотонное Копье и склад золотых торквесов, доставшиеся Фелиции. Элизабет со дня на день закончит операцию и выпустит чудовище на свободу. Как сообщал агент Эйкена с Черного Утеса, для завершения мозговой коррекции понадобится еще недели две — но разве может он так рисковать? Надо обчистить сокровищницу до того, как Фелиция выйдет из комнаты без дверей, а затем, следуя плану Куллукета, напасть на нее из засады, пока она не поняла, в чем дело.

Вновь прибывшие из района Вогезов первобытные доложили, что снаряжается какая-то экспедиция свободных людей и ходят слухи, что у объявленных вне закона скоро появится оружие мощнее железа.

Вдобавок Салливан Танн «покорнейше испросил» разрешения отбыть с молодой супругой в Афалию, на что Олона во всеуслышание обозвала его старой ревнивой крысой и при этом подмигнула Эйкену. (Просьба была принята на

рассмотрение.) В результате всех этих неотложных дел Эйкен опоздал к ужину. Жареный лебедь засох, а воздушное суфле опало.

Но больше всего настораживало короля то, что Мерси уже пятую ночь подряд оставалась холодна к его домогательствам и объясняла это влиянием «злых духов» майской ночи. Он и сам ощущал присутствие некоего зловещего умственного субстрата, однако, будучи плохим ясновидцем, не мог даже утвердиться в своих подозрениях, не говоря уже о том, чтобы обнаружить их источник. Он поделился тревогой с Куллукетом, но и тот ничего не сумел установить. Откуда бы ни исходили телепатические сигналы, они явно были направлены по скрытому каналу.

Мерси заснула, блаженно вытянувшись под атласным покрывалом, а он после недолгой тяжелой дремы пробудился и решил наконец проверить назойливо преследующую его мысль о том, что причина метапсихического расстройства находится в самой Мерси. Соорудив тончайший, невидимый умственный зонд, Эйкен протянул его в мозг жены, чтобы насильственно выведать ее тайны. Уже несколько месяцев под руководством Дознавателя он тренировался в выполнении этой сложной операции и уже успешно

практиковал ее на других людях — к примеру, на потенциальном изменнике Танне. Но пока не осмеливался подвергнуть такому зондированию собственную жену. Коррекция была его ахиллесовой пятой, и если Мерси его застукает…

Она улыбнулась во сне. Эйкена охватила ярость. Скорее всего, так оно и есть! Чем еще объяснить то, что она больше не боится его и остается к нему безучастной?

Он легко проскользнул в объятый покоем мозг и коварно спросил:

«Ты счастлива, любовь моя?»

«Да, очень».

«И кому ты обязана счастьем?»

«Моей дочери и моему возлюбленному».

«А кто он?»

«Кто, как не моя истинная любовь?»

(Но образа нет, черт бы ее побрал!) «Погляди на своего любимого, Мерси, и скажи мне, что видишь».

«Я вижу солнце, всходящее над морем».

(Солнце!) «Ты слышишь его голос?»

«Да, вот сейчас слышу».

(Может, она говорит обо мне?) «Как его зовут, Мерси, дорогая?»

«Его зовут Радость. Свет. Восхождение».

«Где он, женщина, где, говори!»

«На полпути между Вар-Меском и адом, о-о, не ходи туда, любовь моя, там чудовище, постой, я помогу тебе…»

«Господи Иисусе!»

Он перебросил принудительный импульс из подкорки в спинной мозг, дождался, пока она не перестала лихорадочно метаться на постели и дыхание вновь не обрело медленный и ровный ритм. Теперь она уже не проснется. Но в глубине сознания Мерси все поняла. Нет, она не застигла его врасплох в своем мозгу, но почувствовала опасность — об этом ясно говорила негаснущая искорка тревоги. Наконец с неимоверной осторожностью ему удалось выбраться наружу. Он чуть повременил, потом спустил ноги с кровати, надел халат и вышел на балкон подумать.

Каждый из ответов Мерси вполне применим к нему самому; настораживает лишь страдная ссылка на Вар-Меск (если не считать все проклятое королевство единым целым). Умственный зондаж! Какая подлость — обыскивать мозг любимой женщины, ища улики против нее!

Это в первый и последний раз, поклялся он себе. Какие бы подозрения ни возникали. Если все правда, то скоро я и так узнаю. Но не от Мерси.

Он оперся на парапет, задумчиво глядел на сов и слушал, как плещутся волны в проливе Редон у дальних стен города. И впрямь гнусное занятие быть королем!

Он выключил взбудораженный ум, дал суетным мыслям обмякнуть за естественным экраном и психоэлектронным защитным устройством, которое теперь днем и ночью носил при себе. Тоска и страх не проходили.

И тут Эйкен услышал голос, далекий, слабый, но все-таки различимый, несмотря на все заслоны:

«Привет тебе, Эйкен Драм. Наконец-то встретились. А ты крепкий орешек. Не бойся, не бойся. Я уже неделю пытаюсь вызвать тебя на связь, но берега Европы слишком завалены всяким мусором. Очень трудно стало к тебе пробиться».

— Какого хрена! — прошептал Эйкен. — Ты кто?

Смех.

«Да чего ты всполошился, парень? Следи за телепатическим лучом. Можешь? Вот так. Сначала в ад, а теперь через Атлантику. Это довольно далеко от твоего Многоцветного королевства. Но я один и никакой опасности для тебя не представляю. Наоборот даже».

— Обозначься, — процедил шут сквозь стисну-

тые зубы, стараясь преодолеть покрытые тьмой расстояния. — Иначе я уйду в сигма-фазу!

«А-а, так у тебя есть эта штука? Занятно. Хотя мне она не преграда. Твой собственный мета-психический заслон гораздо сильнее всех наших приспособлений, ей-Богу. Для не причастного к Единству любителя просто грандиозно! Потому мы не сразу до тебя дотянулись, а вести передачу на командном модуле не хотели. То, что нам надо обсудить, не предназначено для чужих умов».

— Да покажись же, черт тебя возьми!

«О'кей».

Образ: массивный, сверкающий металлическим блеском, по очертаниям скорее гуманоид либо человек в наисовременнейшем космическом скафандре… Надо же! Сплошные щитовые генераторы для поддержания жизни в критических условиях. И за всем этим человеческое лицо — мужественно-красивое, твердый подбородок, упрямо сомкнутые губы, немного запавшие глаза, брови вразлет, тонкий орлиный нос, волнистые седеющие волосы. Он снова заговорил:

«Мы поможем тебе добыть Копье и золотые торквесы».

— Что-о?! — Сердце Эйкена подпрыгнуло от радости и тут же вновь наполнилось тревогой:

кто он такой? — Ты точно знаешь, где находится ее нора в Бетах?

«Да. Можем заключить сделку».

Плут наконец обрел свою природную хитрость.

— Ну-ну!

«Трое моих людей уже в Европе. Их можешь не бояться: они гораздо слабее тебя. (Образы.) Нам известно о твоем намерении перебросить войска в Испанию, пока Фелиция находится в комнате без дверей. Ты рассчитываешь захватить и наладить фотонное Копье, а потом направить его против упомянутой девицы».

— Это мое Копье, черт побери, и торквесы тоже моя собственность! Если Фелиция вылечится и станет послушной, я не стану ее убивать.

«Вылечится — еще не значит станет послушной».

— По крайней мере у нее есть шанс… Ладно, продолжай.

«Твои разведчики не смогли обнаружить ее укрытие. Чтобы ты мне поверил, скажу сразу: гнездо расположено на северном склоне Муласена, примерно в четырехстах тридцати километрах к юго-западу от Афалии».

— А на карте не покажешь? — ехидно спросил

Эйкен. — Гора-то большая.

«Мои люди встретят тебя вот здесь (образ), у подножия Бетских Кордильер, на берегу реки Хениль, и приведут прямо к пещере. Через неделю будь там».

Эйкен хмыкнул.

— А может, велишь своим ребятам забрать оттуда Копье вместе с торквесами и доставить мне в Горию?

«Они не умеют летать, а наземного транспорта у них нет. К тому же ты и сам наверняка понимаешь, что им грозит, если Фелиция вернется раньше».

— Хватит вилять, — тихо проговорил Эйкен. — Говори, мистер Железная Задница, какой тебе с этого навар! Да и кто ты такой в конце-то концов? А то спрятался под своим панцирем — откуда мне знать, человек ты или нет?

«Такой же человек, как ты. А это оборудование позволяет мне расширить экстрасенсорику до экстремальных метапсихических параметров. Иначе как бы я, например, проник через твой многофазовый барьер?»

Эйкен долго изучал безликий механизм.

— Сдается мне, я уже видел такие железяки. Давным-давно, в школьных учебниках, которые

следовало бы читать повнимательнее. Крупнейшие метапсихологи одевались в подобные скафандры в Содружестве, когда им приходилось выполнять действительно сложную работу. Что там за экстрасенсорика… — Он вдруг резко сменил тему: — Так что за сделку ты мне предлагаешь? Небось на Европу губы-то раскатал.

«Отнюдь. Если бы мне нужна была Многоцветная Земля, я бы захватил ее много лет назад. Нет, Эйкен, я не посягаю на твое маленькое королевство. Феодальная власть над несколькими тысячами варваров как-то не по мне».

— А что же по тебе? Неужто дипломатия?

«Я один — один, Ваше Величество… Но не будем углубляться в подробности. Будь уверен, на этой планете нам обоим хватит места. Мои пожелания весьма скромны и ни в коей мере не затрагивают твоих амбиций. Конечно, если ты не станешь распространять их за пределы плиоценовой Европы».

— Растолкуй-ка получше.

«Это займет много времени. Сейчас я не могу излагать тебе всю историю вопроса. Да и некоторые аспекты моей программы еще не до конца сформулированы. Так что давай отложим обсуждение моей доли до победы над драконшей. Я

предоставляю тебе всю информацию, которой располагают трое моих коллег, плюс их полную метапсихическую поддержку в боевых действиях. Они сильнее твоих союзников тану, однако в рамках метаконцерта, что вы замыслили с Куллукетом, будут безраздельно подчиняться твоему принудительному контролю».

— Ах, об этом тебе тоже известно? Но где гарантии, что ты не поможешь Фелиции убрать меня со сцены, чтобы потом я не смог оспорить твоих планов?

«Фелиция представляет гораздо более серьезную угрозу моим планам, чем ты».

— Ха! Значит, на нее у тебя силенок не хватит? Даже с твоими железяками?

«Да. Дикий мозг Фелиции никому не подвластен. Она опасна для нас обоих».

Эйкен колебался. Неведомый активный ум в Северной Америке выдвигал, бесспорно, разумные доводы; Эйкен и сам чувствовал, что его любительский метаконцерт не сможет одолеть Фелицию в открытой схватке. И все же сомнения не оставляли его.

— Я тебе кое-что покажу, — решил он и быстро набросал мысленную диаграмму. — Вот мои лучшие умы. А это оркестровка, которую написали

мы с Куллукетом для Принудителей, Творцов и Психокинетиков, притом что я нахожусь в фокусе, а он держит наши тылы. По-моему, ты знаешь Фелицию гораздо лучше… А ведь надо еще учесть, что здоровая она, вероятно, сможет лучше контролировать свои силы. Ну и как по-твоему? Есть у нас хоть малейший шанс?

Наступила тишина. Образ в скафандре исчез; Эйкен снова остался один на балконе. Холодный ветер развевал полы халата, и его золотые гениталии сжимались от недоброго предчувствия. Наконец из-за океана донесся голос:

«Насколько я понял, вначале ты хотел любой ценой избежать конфронтации. Ты рассчитывал выкрасть и починить Копье, а затем подняться на большую высоту над Черным Утесом, чтобы испепелить ее, как только она появится из комнаты без дверей…»

— Правильно. Я и сейчас намерен устроить набег на ее логово, до того как Элизабет закончит коррекцию. Но надо же быть ко всему готовым. Вдруг Фелиция все-таки захватит нас врасплох?

«Не знаю, у меня мало данных. Думаю, если она окажется от вас километрах в трех, то все равно разгромит вас, даже вместе с моей командой. Программа метаконцерта, разработанная твоим

другом Дознавателем, абсолютно неэффективна. При настоящей синергии целое больше суммы частей».

— А наш нынешний коэффициент?.. — уныло спросил Эйкен.

«От силы ноль сорок шесть».

— А ты научи меня, как его увеличить! За неделю успеешь?

Смех эхом отозвался в мозгу Эйкена. Он вновь увидел лицо незнакомца, каждым нервом чувствуя его оценивающий взгляд.

— Успеешь или нет?! — дрожащим голосом выкрикнул маленький человечек. (Неужели он тот самый?..) «Я могу составить программу и передать ее тебе. Но боюсь, даже такому самородку, как ты, она окажется не по зубам. В идеале, мы должны вдвоем участвовать в метаконцерте. Я привлеку своих операторов, а ты — свою золотую гвардию. Обязанности можно распределить так: я дирижирую оркестром и обеспечиваю ускорение, ты осуществляешь окончательную наводку».

— Я готов!

«Да, но с обнаженным мозгом направлять такой поток энергии опасно для жизни. Я же не знаю твоего потенциала».

— Куллукет знает. Он будет следить за пере-

ключением. И защитит меня в том случае, если ты попытаешься пригвоздить меня вместо Фелиции.

Смех.

«Спокойно. В своем оборудовании я для вас недосягаем. Тебе со мной нечего тягаться, а уж тем более твоему Куллукету… А вот на Фелицию моих сил может не хватить».

— А может и хватить, верно?

Молчание.

— Верно? — переспросил король-узурпатор.

«Знаешь, что такое психореактивная подпитка? (Образ.) Самая утонченная форма метаконцерта. Здесь солист и оркестр настолько тесно связаны между собой, что рассредоточение одного неизбежно означает гибель другого».

Эйкен поцокал языком.

— Понятно. Наводчика убирают, и вся артиллерия летит в тартарары. Но для тебя-то опасность минимальная. Если Фелиция направит удар на меня, то я, конечно, погорю, но ты обрываешь связь между мной и Куллукетом на нейтральном модуле, и все вы прячетесь под синергетическим зонтом. Верно я говорю. Великий Маэстро? Именно так все и сработало, когда твой брат и его жена подавили ваш Мятеж?

Молчание.

— Ну? Ты что, уже не хочешь получить свой куш? Тебе ведь особо терять нечего — составил программу и привет!

«Лучше бы мне быть наводчиком. Тогда мы уж точно покончили бы с Фелицией».

— Не пойдет, Железная Задница! Здесь я король, ясно? Если ты вне игры, то я ввожу в действие мою старую неэффективную схему. А логово Фелиции я теперь найду и без помощи твоего испанского трио.

«Ладно. Поработаю с тобой и с твоим Дознавателем».

Усмешка плута молнией сверкнула через весь Атлантический океан.

— Я знал, что мы договоримся. Человек с человеком всегда сойдется, верно? А как же все-таки тебя называть? Если настоящим именем, то вся моя свита переполошится.

«Когда-то меня называли Аваддон note 14.»

— Подходяще. Итак, Аваддон, через неделю на берегах Хениля?

«Собери всех своих метапсихологов. Они тебе понадобятся, король Эйкен-Луганн».

---

note notes: Note14

см.: Библия. Апок. 9, II (европейское имя ангела, получившего ключ от кладезя бездны)

Эфир внезапно очистился, чужеродного излучения как не бывало. Шут услышал пение птиц, шум прибоя и тихий стон спящей Мерси.

Он вошел на цыпочках и сбросил халат. Она лежала, раскинув руки, — в ее позе было что-то очень нежное, уязвимое. И в этот волнующий миг триумфа Эйкен не устоял перед соблазном испытать ее еще раз. Он заглянул в ее сны и, увидев их объект, утвердился в своих подозрениях. Ноданн жив, но до поры до времени скрывается, так что с ним можно разобраться после.

Мерси улыбнулась во сне. Эйкен осторожно вытащил умственный зонд, подоткнул ей под спину атласное покрывало и наклонился поцеловать.

— И черт меня дернул в тебя влюбиться! — тихо проговорил он, выходя из спальни.

5

В рулевой рубке стояли трое; Хаген был у штурвала. Небо — чистейший кобальт, ни облачка, воздух мертвенно спокоен, однако судно стабильно делает шесть узлов благодаря метаусилиям вахтенных.

— Другим я ничего не говорил, — нарушил молчание Фил Овертон. — Им и без того забот хватает: дети, больные, психокинетическая нагрузка… Но меня беспокоят странные скопления в атмосфере примерно за две тысячи километров отсюда.

Подозрительная метеосводка отпечаталась в умах, будто на стереоэкране.

— Видите эти вихревые потоки? Как четко очерчены, а? Сравните их с нормальной сезонной областью низкого давления у излучины Бенина… Я третий день наблюдаю за океанскими капризами, они как-то неестественно окрепли и углубились.

Хаген так сильно стиснул рулевое колесо, что побелели костяшки пальцев.

— По-твоему, это происки отца?

— Проклятье! — воскликнул Ниал Кеог. — Ведь

до зоны западных ветров рукой подать!

Фил пожал плечами.

— Время года для цунами неподходящее, да и направлен он с явной аномалией. Однако погодные условия благоприятствуют быстрому его нарастанию независимо от помощи извне.

— Мы можем его избежать? — мрачно поинтересовался Хаген.

Фил начертил схему.

— Вот наш вектор, отсюда движется шторм. Следуя этим курсом, мы неизбежно окажемся на его пути. Наши координаты за три дня: тридцать шесть

— сорок пять северной широты и шестнадцать-двадцать западной долготы. Если замедлить ход, ветры нас запрут в северо-западном квадранте и отбросят к югу. А если ускорить — то он нас почти не заденет, а то и подтолкнет к зоне преобладающих западных ветров.

— Это при постоянном направлении шторма, — вставил Ниал. — Но коль скоро им управляет Марк — ручаюсь, оно таковым не будет.

— Что же делать? — Лицо Хагена болезненно сморщилось. — Есть у нас хоть какой-нибудь шанс разминуться с ним, кроме как увеличить скорость? Боже милостивый, Фил, мы и так на

последнем издыхании! Видел, что сталось с беднягой Барри? И Диана слабеет.

Фил задумался.

— Смотря по тому, что на уме у Марка.

— Ну, топить он нас не станет, — заявил Ниал. — Это он мог бы сделать уже десять дней назад. Первый раунд мы выиграли.

— А может он пригнать нас назад во Флориду? — спросил Хаген.

— Да нет, черт возьми! — отмахнулся Фил. — Слишком поздно начал. Теперь ему понадобился бы целый набор штормов… — Он просмотрел в уме сводки последней недели. — До сих пор было тихо. Этот циклон, можно сказать, его дебют.

— Итак, домой он вернуть нас не может и топить не собирается, — вслух размышлял Хаген. — Остается свернуть нас с курса, направив стабильный ветер севернее Мадейры. Если отцу удастся сдвинуть нас к юго-востоку, то мы вместо Европы приплывем в Африку.

Фил согласно кивнул. В мозгу его появилась еще одна метеорологическая диаграмма.

— Штормовые вихри дуют против часовой стрелки. Все, что ему требуется, это продержать нас часа три — от шести до девяти — в таком круговороте, и мы прямиком попадем в Марокко.

Даже течение, мать его так, ему на руку! Единственная наша надежда — что он не сможет долго подпитывать шторм. Тогда мы освободимся раньше, чем он сумеет выбросить нас на сушу.

— А что, если создать большое сигма-поле? — предложил Хаген. — Понизить коэффициент трения, чтобы ветер как бы обтекал нас?

— Не выйдет, — покачал головой Ниал. — На соленой воде генератор проработает максимум четыре-пять часов при нежелательной утечке энергии.

— Сучье вымя! Он разделает нас под орех! — Рот Хагена искривился в невеселой усмешке, вмиг сделавшей его похожим на отца. — Можно самим поворачивать на Африку. По крайней мере, спасем детей от шторма.

— Ты — капитан, тебе и решать, — отозвался Фил. — Только ведь мы пока не имеем никаких подтверждений тому, что за штормом стоит Марк.

— За подтверждениями дело не станет. Это он, можешь не сомневаться. Кто-кто, а я своего отца знаю.

Он включил компьютерный автопилот. Судно медленно накренилось вправо.

— Коррекция курса завершена, — раздался

металлический голос компьютера. — Курс один-один-пять градусов.

Хаген распахнул дверь рубки и стремительно взобрался на капитанский мостик.

— Ну что, доволен?! — во всю глотку заорал он, подняв глаза к небу. — Опять выиграл? Поздравляю! Чтоб ты в преисподнюю провалился, папа!

Ответа не последовало. Но Хаген его и не ожидал. Опустошенный морально и физически, он спустился по лесенке в кают-компанию.

Фил и Ниал молча размышляли о неизбежном.

— До конца вахты я один дотяну, — вздохнул Кеог. — А ты, малыш, ступай скажи психокинетикам, чтобы больше не надрывались. Теперь спешить некуда.

Морейн Стеклодув, лорд Вар-Меска, раздраженно погонял двух халиков — второй без седока — по лунному берегу. До чего ж он ненавидел этих скотов! И надо сказать, халики отвечали ему тем же: по большей части не слушались его телепатических команд. Будь он в окружении других всадников, те поддержали бы его слабый принудительный потенциал, но в загадочном послании ясно говорилось, чтобы он приехал один и во имя присяги, данной Гильдии Психокинеза, соблюдал строжайшую секретность. Потому он

тащился по призрачным пескам и внимательно смотрел под ноги, когда перебирался через быстрые ручьи, стекавшие с высокого континентального эскарпа. Тусклые морские волны набегали на песок; у самой кромки берега выброшенные водоросли запятнали ранее непорочную белизну. Концентраты соли резко снизилась, и мертвое море стало живым.

Он уже отъехал километров сорок от города и пересекал пустынный район, который через шесть миллионов лет станет Лазурным берегом. Не пора ли издать коротковолновый командный клич? Морейн оглядывал побережье, но взору открывались лишь дюны да соляные слитки. Неведомый брат психокинетик хорошо замаскировался.

«Сюда, Морейн!»

Ага, вон там, за соляной пирамидой, светится слабая розово-золотистая аура! Еще один бедолага провалялся несколько месяцев где-нибудь на забытом Таной побережье и только теперь нашел дорогу в Многоцветную Землю.

Приветственно подняв руку, Морейн объехал белый монолит со стороны суши, увидел плот и наконец узнал брата по гильдии, который, не раскрывая карт, вызвал его сюда.

— Лорд… Стратег! — задохнулся он.

Халики сорвались с неверной принудительной привязи и начали пятиться от окутанной светом фигуры, лежащей на белом песке.

— Да стойте же, чертово отродье! — заорал Морейн.

Ноданн открыл глаза, и животные стали как вкопанные. Морейн соскочил с седла и упал на колени перед Солнцеликим.

— Дай-ка я тебя плащом прикрою! Пить хочешь? Вот фляга! О Богиня — что с твоей рукой?!

— Это долгая история, брат психокинетик. Спасибо, что приехал. Я думал, пропаду здесь один. — Он надолго приложился к фляге с водой, потом опять рухнул на песок.

Морейн суетился возле него, заботливо укутывая плащом спину и ноги. Ноданн был в одном исподнем, теперь грязном и оборванном об острые камни. Обнаженные участки кожи сильно обгорели на солнце.

— А мы тебя, грешным делом, похоронили. Ну не чудо ли! — Морейн осекся. — То есть… я хочу сказать, ужас! Первобытный Эйкен Драм заставил нас провозгласить его королем. Ездил из города в город со своей гвардией и всем угрожал. Кто не захотел ему присягать, того уж нет в

живых. У нас в Вар-Меске, стыдно сказать, все ему покорились, кроме сына Целителя Миаканна. О Стратег, вот кем ты мог бы гордиться!.. Безумие, конечно, зато в лучших традициях нашего воинства! Миаканн подпоил самозванца и призвал его к ответу. Храбрый выпад, ничего не скажешь. Может, и сладилось бы, кабы не предатель Дознаватель… — Стеклодув опять прикусил язык.

— Спокойствие, брат, — сказал Ноданн. — Я все знаю. И про то, что Куллукет предал потомство Нантусвель, и про то, как он обошелся с Миаканном, и про то, что ты теперь глава этого города.

Морейн от стыда глаз поднять не мог.

— Не отчаивайся, — утешал его Стратег. — Стеклодув ты отменный. — Он указал на плот с парусами, сшитыми из шкур. К одному из брасов был привязан узел с доспехами. — Видишь? Твоя работа, триста лет мне прослужили. Только одну рукавицу я потерял. Придется тебе сделать новую, до того как я выйду на поле.

— Ты бросишь вызов узурпатору? — прошептал Морейн.

— До этого еще далеко, подлечиться надо. Нынче какой из меня Стратег

— одно название. Полгода в беспамятстве провалялся на Корсике, а как очухался, не было сил

даже знак подать. Да и теперь обо мне знают только двое: леди Мерси-Розмар и ты.

— Она замужем за королем первобытных! — горестно проговорил Морейн. — И короновалась вместе с ним.

— Спокойствие, — повторил Ноданн. — Я сам велел Мерси оставаться в Гории, пока время не приспеет. Но в душе она и сейчас мне верна, и мы воссоединимся, как только я получу назад все, что принадлежит мне по праву рождения. Ты поможешь мне, Морейн?

— Жизнь за тебя отдам. Стратег! Правда, жизнь моя недорого стоит. Ты ведь знаешь, я на ратные подвиги не гожусь. Эйкен Драм даже не взял меня с собой в Конейн…

— Слышал, за Копьем охотится. И за торквесами, чтоб надеть их своим убогим. Только много ли пользы он от них поимеет…

Морейн не сводил беспокойного взгляда с деревянной руки.

— Но ведь у нас нет целителя, чтобы залечить твою рану. Скольких корректоров смыло потопом — и не счесть. Тебе бы надо в Афалию, к Бодуругалу.

— К тому, что лечит моего брата Кугала? Знаю-знаю… — Ноданн, улыбаясь, согнул пальцы

протеза. — Но ты за меня не волнуйся, Морейн, этот заменитель неплохо мне служит. Чтобы нарастить новую руку, надо на девять месяцев влезть в Кожу. Разве я могу позволить себе такую роскошь, когда силы быстро восстанавливаются, а долг зовет? Так что окончательное исцеление отложим до лучших времен. Вот выдворю из Гории этого короля шутов, а уж тогда…

Сердце Морейна сжалось от недоброго предчувствия.

— О нет. Стратег! Ты не должен откладывать лечение! Теперь тебе все равно никто не присягнет…

— Вот как?.. — Ноданн был явно озадачен.

— О Великий, ты, наверно, забыл…

— Ну что ты мямлишь? — Он повысил голос. — Объяснись или по крайней мере откройся, покажи, что у тебя на уме!

Стеклодув осторожно приподнял завесу, и в уме его отпечаталась заповедь древней религии: калека не может быть королем.

Ноданн расхохотался. Эту заповедь и на пропащем Дуэте никто не помнил, не говоря уже о Многоцветной Земле.

— Ах, вот в чем дело! Да ты в своем уме, брат? Кто станет оглядываться на отжившие традиции,

когда трон захватил первобытный выскочка?!

— Наши заповеди никто пока не отменял, — упорствовал Морейн. — Эйкен-Луганн утвержден собранием вассалов, к тому же он избранник Мейвар Создательницы Королей. А что до чужой крови, то говорят, он появился на свет не как все люди, а благодаря какому-то чуду Старой Земли.

— Тоже мне — чудо! — усмехнулся Стратег. — Зародыш из пробирки, выношенный искусственной утробой! Таких людей пруд пруди.

Но Морейн не сдавался.

— Знаешь, что рассказала мне моя Гланлуиль?.. Сам-то я на Великой Любви не был по болезни, а она вместо меня поехала и говорит, на брачном пиру Дознаватель такое выдал!.. Он сказал, что король… Эйкен-Луганн то есть… и королева Мерси-Розмар… ну, словом, в их плазме содержатся гены тану!

— Эйкен Драм наш сородич?! Опомнись!

У Стратега похолодела спина. Про Мерси он давно знал от изменника Грега-Даннета, но чтобы этот коротышка… Нет, невозможно!

— Дознаватель теперь занимается генетикой, — продолжал Морейн. — Он с ихними специалистами консультировался и теперь якобы все тонкости постиг. Так вот, по его словам выходит,

будто все попавшие к нам мегаактивные люди обладают генами либо тану, либо фирвулагов. Есть, мол, такая таинственная сила, что связывает нашу расу с первобытными.

— Бред! Прямые предки человечества — рамапитеки, которые нам прислуживают. Так неужто мы оскверним свою кровь спариванием с животными? Ни за что! А мартышки не приблизятся к разуму раньше чем через пять миллионов лет, то есть задолго до того, как мы исчезнем с этой проклятой планеты.

— Ты уверен? — усомнился Морейн.

Ноданн умолк. Ему вдруг припомнилась трогательная старая пара: мятежная Анжелика Гудериан и антрополог Клод Маевский. Он застиг их на месте преступления и чуть задержал, прежде чем позволить провалиться во Врата Ада. Старик еще осмелился бросить ему вызов. Услышав гневный приказ: «Убирайтесь туда, откуда пришли!» — Маевский еле внятно пробормотал, но теперь его ответ до странности гулко прозвучал в памяти:

«Дурак! Мы пришли отсюда».

— Бред! — с досадой повторил Ноданн.

— Некоторые их легенды, — продолжал Стеклодув, — повествуют о древних расах, населявших

Землю за много миллионов лет до возникновения человечества и сохранившихся — правда, в ничтожном количестве — до самого Единства. Люди называют их по-разному: бесы, феи, боги, великаны, эльфы… Все первобытные свято верят, что эти расы действительно существовали, и время от времени они спаривались с людской породой.

— Довольно! — прогремел Ноданн. — Не смей повторять всякий вздор! — Он отшвырнул плащ Морейна и неловко поднялся на ноги. — Подведи халика вон к тому столбику, иначе мне на него не влезть.

Морейн поспешил выполнить приказание, но счел своим долгом все-таки закончить мысль:

— По мне. Величайший из Великих, все это сказки. Но другие тану так не думают, а гибриды — тем более. Легенда о нашем родстве с первобытными малость позолотила пилюлю, какой стало для нас их возвышение в Многоцветной Земле.

— Ничего, я им пропишу другое лекарство, — заявил Ноданн. — Возьми узел с доспехами и привяжи к моему седлу. Знаешь, что еще там внутри? Священный Меч. Оружие, которое я не выпустил из рук после первого поединка с узурпатором и которым одержу окончательную победу

над ним! А там поглядим, кто посмеет заикнуться о калеках, о самозванцах и ублюдках, которые якобы плоть от плоти тану и возвратились из будущего, чтобы спариться с собственными прародителями.

Морейна обуяла дрожь. Фигура Ноданна ослепила его яростным — до рези в глазах — солнечным светом.

— Осторожнее, Стратег! Берегись, враг может тебя заметить!

Жесткая аура мгновенно погасла.

— Ты прав, дружище. Мой гнев скороспел и глуп. Мерси предупреждала меня, что шпионы узурпатора шныряют повсюду. Отныне я буду осмотрителен, чтобы не подвергать тебя опасности.

— Да кому я нужен! — простонал Стеклодув. — Моей жизни грош цена! Я о твоей безопасности пекусь!

Скакун бешено заплясал перед ним, едва он попытался вставить ногу в стремя, и Морейну ничего не оставалось, как признать свое поражение. Он со вздохом взгромоздился в седло при помощи психокинеза и поспешно подтянул ослабевшую подпругу. Ноданн изо всех сил сдерживал улыбку.

— Беру тебя под свою опеку, Стратег, — торжественно произнес лорд Вар-Меска. — Моя священная обязанность скрывать тебя, пока лорд Селадейр и леди Розмар не явятся за тобой, чтобы препроводить в Афалию. — Мысленно он молил искалеченного титана, чье лицо теперь было скрыто в тени, о терпении. — Я спрячу тебя в укромном местечке и сам стану заботиться о тебе. Как бы только ты там не заскучал… Комнатенка маленькая, в подвале нашей фабрики. Но прошу тебя, сдержи на время боевой пыл!

— Чего-чего, а времени, чтобы закалить свою выдержку, у меня было достаточно.

— Да поможет тебе всемилостивая Богиня поскорей восстановить телесные и духовные силы и свершить свой великий долг.

Стратег наклонил голову.

— Командуй, Морейн, я в твоей власти.

Стеклодув подавил вздох облегчения.

— Поедем-ка, не мешкая, домой. Только… если не возражаешь, халиками командовать будешь ты.

— Само собой, — усмехнулся Стратег.

Бок о бок огромные животные покорно и резво затрусили по дороге к Вар-Меску.

6

— Едут! Едут! — крикнул козопас Калистро и помчался вдоль каньона в Скрытых Ручьях, забыв о своем стаде. — Сестра Амери, и вождь, и все остальные!

Люди высыпали из хижин и взволнованно перекликались. Длинная кавалькада уже показалась на окраине деревни.

Старик Каваи, услыхав крики, высунул голову из двери крытого розовой черепицей домика мадам Гудериан под сенью сосен. Увидев кавалькаду, он присвистнул сквозь зубы.

Она!

Маленькая кошка выпрыгнула из ящика под столом и чуть не сшибла его с ног, когда он подошел к столу за ножом.

— Мне ж еще цветов надо нарезать! — Он строго погрозил пальцем кошке.

— А ты смотри, вылижи хорошенько своих котят, чтоб они нас не опозорили.

Завешенная марлей дверь захлопнулась. Бормоча что-то вполголоса, старик нарезал охапку пышных июньских роз и поспешил по тропинке, роняя розовые и алые лепестки.

Старым друзьям Луговому Жаворонку Бурке, Бэзилу Уимборну и Амери Роккаро в Скрытых Ручьях устроили трогательный прием; их встречали как героев, принесших свободу первобытным. Почести распространились и на тридцать сорвиголов-пилотов, инженеров, техников, на которых население Ручьев возлагало огромные надежды. Штат новой экспедиции тут же окрестили «бастарды Бэзила» — с легкой руки Денни Джонсона, начальника первобытного гарнизона. Бывший альпинист и профессор Оксфорда был весьма польщен этим прозвищем.

После небольшой разминки в общественной бане вновь прибывшим был дан торжественный ужин из жареной рыбы и клубничного торта, на скорую руку испеченного Мариаленой Торрехон. Заведующий винными погребами Перкин самолично разливал рислинг, ароматное вино и сладкий белый мускат; заздравные тосты следовали один за другим, в результате чего многие жители деревни, а также бастарды Понго Уорбертон, Уклик и Шеймус Максуини не присутствовали на благодарственной мессе, которую отслужила Амери по завершении столь знаменательного дня.

Наконец старик Каваи привел измученную

монахиню в коттедж под соснами, хотя та противилась, говоря, что теперь это его дом и таковым должен оставаться.

— Об этом после, — заявил бывший электронщик. — Теперь ступай отдохни в спальне. Дух мадам благоприятствует этому, а я, честное слово, не стерплю, если ты откажешься от такой чести. Мне привычнее спать на тюфяке в кошачьей компании.

Он открыл дверь и пропустил Амери вперед. Она застыла на пороге, потом внезапно опустилась на колени и воскликнула:

— Дея!

Изящный маленький зверек, одетый в золотисто-песочную шкурку с черным кончиком хвоста, подбежал и прыгнул ей на руки — ни дать ни взять пума в миниатюре, если б не уши и не большие глаза.

Амери ласково гладила свою мурлыкающую любимицу, на глазах у нее блестели слезы.

— Думала, никогда больше ее не увижу. Она скучала обо мне, Каваи-сан?

— Вообще-то у нее были развлечения, — невозмутимо ответил японец и указал на ящик под столом, откуда выглядывали три крошечные головки. — Им девять недель, все коты и пока что

безымянные. Решил тебя дождаться. Знаешь, я дал обет мученикам Нагасаки…

Он свесил голову, и подозрительные капли покатились по кимоно. Амери опустила кошку на пол, встала и обняла его.

— Бестолковый старый буддист!

Потом она занялась котятами, а он пошел проверить, хорошо ли взбита постель в спальне.

— Назову вас Тарс Таркас, Каргорис и Эдгар, — сказала монахиня, сажая котят, а заодно и мать обратно в ящик. — Вам суждено стать родоначальниками всех домашних кошек.

Она кряхтя поднялась с пола, ощущая ломоту в костях и головокружение от усталости после всего, что пришлось пережить. Но недомогание как рукой сняло, едва она обвела взглядом маленькую комнату, служившую кухней и одновременно гостиной. Ее единственный дом в плиоценовом изгнании! Она прожила здесь всего несколько недель, пока Анжелика была в экспедиции, но успела запомнить и полюбить каждую мелочь. Вот занавески ручной работы, вот любимая кружевная скатерть мадам, вот коврики, сшитые из шкур. У камина стояли медная кочерга, совок и таган, отлитые Халид-Ханом, рядом корзинка для рукоделия Мизы Черил-Энн.

Ее собственная богословская и медицинская библиотечка тоже на месте, в шкафу, и монашеский клобук целехонек — недаром она перед отъездом насовала в карманы мешочков с травами. А вот тут, в шкатулке, деревянные четки — их выточил для нее Клод Маевский.

Каваи появился из спальни.

— Все готово.

— Как хорошо дома! — откликнулась она дрогнувшим голосом.

Старик низко поклонился.

— О-каэри насаи, Амери-сан. Добро пожаловать домой, дочь моя.

Бурке и Бэзил так вымотались, что все равно бы не заснули, к тому же надо было обсудить несколько неотложных дел.

— Пошли в мой старый вигвам, — пригласил великан индеец Денни Джонсона. — Познакомишься с тридцать первым бастардом Бэзила.

— Он очень стесняется, — добавил альпинист. — Наотрез отказался участвовать в празднике, поэтому мы проводили его в дом Жаворонка и натащили туда еды и выпивки. Надеюсь, он не объелся клубничным тортом. Маленький народ чересчур падок на сладкое.

Хижина вождя стояла вплотную к южному бе-

регу каньона, в нескольких метрах от того места, где смешивались холодный и горячий ключи. Тонкая струйка дыма выползала из трубы на крыше и терялась среди нижних ветвей секвойи.

— Калипин! — тихонько окликнул Бурке и, откинув кожаный полог, ступил внутрь.

Денни и Бэзил последовали за ним в почти кромешную тьму. Возле каменного очага зашевелилось что-то красное, бесформенное.

— Луговой Жаворонок! Ну наконец-то!

— Утомился ждать? Не возражаешь, если я зажгу свечу?

— Придется напяливать маску, — ворчливо отозвался голос из темноты. — Но что поделаешь, я же не у себя дома.

— Да ладно, не утруждайся, — сказал Бэзил.

— У меня свои инструкции. Ну вот, готово!

Бурке чиркнул спичкой и зажег две свечи в глиняной плошке. Их пламя осветило карлика средних лет в окружении грязной посуды и пустых бутылок из-под пива.

— Начальник нашего оборонительного гарнизона Денни Джонсон, — представил Бурке. — Денни, познакомься, это Калипин. Лорд Суголл назначил его сопровождающим бастардов Бэзила к Могиле Корабля.

Денни протянул руку. Мутант после некоторого колебания пожал ее.

— Вас, людей, хлебом не корми — дай друг друга потрогать, — брюзжал Калипин. — Уж на что я стараюсь привыкнуть к вашим обычаям, но это ох как тяжело! Одна Тэ знает, как тяжело! — Он горестно вздохнул и хлебнул пива из бутылки.

— А как же мы тебя при въезде не заметили, дружище Калипин? — удивился Денни.

— Да очень просто. Стал невидимкой — и все. — Карлика вдруг передернуло. — О-о, эти гомонящие первобытные умы! Странно, многие из моих собратьев готовы с вами породниться. А мой повелитель вообще уверяет, что нам без вас не выжить… Однако это тяжело. Ох, тяжело!

— Позади вигвама есть холм, а в нем пещера, которую я использую под кладовую, — сообщил Бурке. — Может, тебе там будет удобнее?

— Пещера?! — просиял мутант. — Мне так недостает земной защиты, с тех пор как мы перебрались с Луговой горы в Нионель! Слов нет — город большой, цивилизованный и немутагенный. Но для отдохновения души, для сладкого спокойного сна ничего лучше пещеры не придумаешь.

Бурке помог Калипину собрать пожитки, и они

вдвоем вышли из хижины.

Бэзил развел в очаге огонь, поставил чайник для кофе.

— Ну что? — обратился он к Джонсону. — Небось не терпится взглянуть, что наш маленький друг прячет в своем кожаном мешке?

Негр взгромоздил мешок на стол, развязал тесемки и присвистнул.

— Вот это да! Шоковые ружья! Черт побери, как удалось их протащить через врата времени?

— Контрабандой — как же еще! Тебе и не снилось, сколько всякого оружия понатаскали сюда наши братья. Эйкен Драм всю свою гвардию вооружил боеприпасами двадцать второго века.

— Слыхали. — Денни хитро прищурился. — Так вы что, сперли их у Эйкена Драма?

— Нет. Это подарок лорда Суголла. А он их получил от Шарна.

— О Боже!

— Вот именно. — Бэзил поставил на стол три кружки и жбан с медом.

Вернулся Бурке и тут же заметил развязанный мешок.

— Ага, подарочки рассматриваем? Два Бэзил возьмет с собой, к Могиле, одно останется здесь. Нам тоже предстоит жаркое лето, верно, Денни?

— Неужели фирвулаги посмеют открыто напасть на рудники? — спросил Бэзил.

Денни нахмурился, затем решительно мотнул головой.

— Не думаю. Объявления войны не было, посол из Высокой Цитадели… ну, этот, Деревянная Нога, появляется регулярно — сама любезность, мол, да здравствует мир! Мы им пеняем по поводу налетов, а они открещиваются, говорят: в Нионель со своими претензиями обращайтесь.

— Вот раздобудем парочку экзотических птиц, фирвулаги по-иному запоют, — заверил Бурке. — И золотая мартышка в Гории тоже.

— Когда мы прослышали про новейшее оружие, — сказал Денни, — я предложил Эйкену обменять несколько штук на чугун.

— И что он? — поинтересовался Бурке.

— Ничего. Он и сам не прочь захватить наши рудники, не будь они так близко от Высокой Цитадели. Поэтому решил оставить нас на произвол фирвулагов, пока мы все плиоценовое человечество не заразили вирусом свободы. А сам то и дело шлет эмиссаров доброй воли, обещает мир, совместное процветание, свободу и справедливость для всех. Но я-то вижу, что его интересует: хочет переманить к себе наших металлургов. В Бретани

много залежей железной руды, и у хитрозадого плута руки чешутся их разработать.

— А большой ущерб нанесли фирвулаги нашим шахтам?

— На Железной Деве и Длинной Кузне придется поставить крест. Черт, я бы отдал свой правый глаз и левое яичко в придачу за несколько дюжин лазерных карабинов с прибором ночного видения.

— Я уже подумал об этом, — с таинственным видом произнес Бурке. — Вот отправим Бэзила и кое-что изобразим.

— Мы выступаем послезавтра, — заявил Бэзил.

— Еще чего! Не успели прибыть, — возмутился Денни. — Надо же отдохнуть хоть малость. Да и мы еще как следует не познакомились с твоими бастардами. К примеру, эта Софронисба Джиллис очень даже неплохая бабенка.

— Если ты… ммм… положил на нее глаз, — строго заметил Бэзил, — советую быть поосторожнее. Когда мы перегоняли стадо сексуальных маньяков в Нионель, Фронси единственная из женщин не опасалась за свою безопасность.

— Ничего, я ее обработаю, — уверенно заявил Денни и тут же взвыл: — Ну неужто вы не можете побыть подольше?!

Бэзил покачал головой.

— Прости, старик, что порчу тебе обедню, но мы живем по расписанию — и твоя вожделенная Софронисба, и все остальные.

— Иначе нас могут опередить, — добавил Бурке.

— Вообще-то у Эйкена сейчас другие заботы. — Бэзил машинально коснулся своего золотого торквеса. — Элизабет заверила нас, что он пока не знает о нашей экспедиции. Однако цель бастардов теперь известна всем, кто был на сегодняшнем ужине… — Он тактично умолк.

— Да уж, — покачал головой Денни, — не иначе слушок докатится до рудников, а там сбежит какой-нибудь болтун в Горию — вот вам и вся конспирация.

— К тому же наблюдатели из Высокой Цитадели могут нас засечь, когда будем переплывать Рейн, — предположил Бэзил.

— Неужели Шарн донесет Эйкену? — недоверчиво спросил Денни.

— Не исключено, — кивнул Бурке. — Если сочтет нас основной угрозой.

На огне булькал кофейник, Бэзил разлил ароматный напиток по кружкам, и несколько минут все молчали, прихлебывая кофе.

— А почему маленький народ сам не отправится за птицами? — недоумевал Денни. — За последние месяцы они значительно расширили свои вооружения. Видно, Шарн и Айфа решили отставить древние традиции.

— Не все, — уточнил Бэзил. — Могила по-прежнему священна для обеих гуманоидных рас. Навещать свои захоронения — одно из их табу.

— Но как только летательные аппараты будут доставлены в другое место, отношение может измениться, — заметил Бурке. — Вот почему так важна маскировка.

— Для двух я нашел хорошую площадку, — сказал Денни. — Лучше не придумаешь. Ущелье Гиен в верховьях Протосены — туда фирвулаги ни ногой. Там растут гигантские деревья — отличное прикрытие на случай Летучей Охоты. Отсюда примерно двести километров на северо-запад. Из Нионели добираться очень удобно.

— Думаю, это подойдет, — одобрил Жаворонок.

— Макслтам был, — продолжал Денни. — Если вы возьмете его вместо бастарда со сломанной рукой, то он укажет вам дорогу. Вот только сумеете ли выбраться оттуда живыми…

— Ничего, прорвемся, — невозмутимо ответил Бэзил, смакуя свой кофе.

— А что вы думаете делать с остальными самолетами у Могилы? — не унимался верзила негр. — Не отдавать же их на откуп Эйкену, а уничтожить — святотатство.

— Это секрет, Денни, — заявил Бурке. — Даже бастарды Бэзила ничего не будут знать, пока не достигнут кратера.

— Тоже мне, секрет! Как будто я считать не умею: в вашей компании двенадцать пилотов.

— Четырнадцать, — поправил Бэзил. — Доктор Тонгза тоже летал на орбитальных аппаратах, и у мистера Бетси кое-какой опыт есть плюс к тому, что он опытный инженер.

— Этот шут ряженый? — фыркнул Денни. — Впрочем, наверно, вы не за красивые глаза его взяли. Но… *мистер Бетси*!

— Королева Елизавета Первая — его маска, — со всей серьезностью возразил Бэзил, — отсюда и рыжий парик с жемчугами, и… гм, костюм. В Содружестве его звали Мертон Хадспет. Он был старшим инженером-исследователем в аэрокосмической компании «Боинг» и специализировался по ро-полям.

— Да ну? — удивился Денни.

— Бетси — парень со странностями, но у кого из нас их нет? — Бурке потянулся и зевнул. — Вон

Бэзил предпочитает всю жизнь лазать по горам, нежели спокойно преподавать литературу в каком-нибудь университете. А достопочтенный судья Бурке разгуливает с перьями в волосах и в штанах с бахромой. Не говоря уже о тебе с твоим баритоном, коему место в «Ковент-Гарден». Скажи, черномазый, ты до сих пор распеваешь арию тореадора во всю глотку, когда делаешь отбивные из налетчиков?

— А ты как думал, краснокожий? Да, вот что… напомни-ка мне завтра созвать народ на выборы свободного лидера. Я снова намерен посадить тебя на сковородку.

— Ну, спасибо, черный зад!

— Ну, пожалуйста, желтая мошонка!

Лицо американского индейца осветилось улыбкой и тут же вновь посуровело.

— Ей-Богу, я был бы рад сидеть тут с вами и разыгрывать старого мудрого конгрессмена. Однако есть дела поважнее. И мне не терпится посоветоваться по этому поводу с Элизабет. — Он отставил кружку, взял кожаный мешок, туго завязал тесемки. — После финийской войны мы привыкли считать железные копья и стрелы самым страшным оружием. Конечно, они нас очень выручили и еще принесут немало пользы

в борьбе с гуманоидами. Но стрелять железными стрелами с борта магнитно-гравитационного корабля по меньшей мере глупо, друзья мои. К тому же гвардия Эйкена Драма не более уязвима для них, чем я или вы.

— Кто спорит? — откликнулся Денни. — Но где ты собираешься раздобыть настоящее оружие? Потрясешь арсеналы Шарна?

— Скажешь тоже! Да никого из нас живым к Высокой Цитадели ближе чем на десять километров не подпустят. Есть другая возможность. Шарн обеспечил себе запас, когда фирвулаги разрушили Бураск. Эйкен Драм, скорее всего, нашел свои ружья в подвалах замка Гории. Таким образом, по меньшей мере два лорда нарушили указ короля Тагдала об уничтожении контрабандного оружия. Но ведь могли быть и другие.

— Кое-что было в Финии… — стал припоминать Денни. — Но постой… как насчет Ронии? Я ведь оттуда бежал! Старый Принудитель лорд Бормол был весьма любознательный тип. Принудители своего никогда не упустят. У него вполне могли быть тайные склады! К тому же до Ронии рукой подать. Подплывем по реке, просочимся через доки — там даже крепостной стены нет.

— Но там и оружия может не оказаться. А у

нас теперь каждый воин на счету, — размышлял Бурке. — Нет, надо все тщательно взвесить. Окончательное решение я оставляю за Элизабет.

Денни возмущенно уставился на него.

— Да ты что?! Позволить этой мистической дамочке диктовать нам стратегию?!

— Именно ей, — подтвердил Бэзил. — К твоему сведению, так всегда было и будет. Элизабет — главный человек в мире.

— Бедняжка! — вздохнул Луговой Жаворонок.

7

Элизабет снова приготовилась к спуску в бездну.

Щель была коварно узка, но в любую минуту могла разверзнуться и поглотить все, тогда как безумное суперэго искало избавления в смерти.

Дионкет и Крейн сцепили умы на манер шлюза, сдерживая мощный напор агонизирующего сознания. Твердая решимость целителей стоять до конца в какой-то мере объяснялась чувством вины, ибо они понимали, что эта злоба, эта жажда насилия коренится в их собственной расовой эволюции.

А еще они понимали, что грозящая им опасность сейчас как нельзя велика. Запас послушания Фелиции был на исходе. Ресурсы ее человечности, даже в лучшие моменты весьма скудные, трещали по швам в преддверии необратимых изменений, которые сулила мозговая коррекция. Такая перспектива пугала девушку, побуждая к самому активному противодействию.

Всякий раз, как Элизабет, проходя между Крейном и Дионкетом, спускалась в эту выгребную яму, оба целителя думали, что она больше не вер-

нется. Если уж поверхностные уровни безумия пациентки оказывают столь яростное сопротивление метарасширенным умам, то какие же ужасы ожидают Великого Магистра в глубинах — особенно теперь, когда кризис так близок.

— У Фелиции дисфункция мозга почти в пятой степени, — предупреждал Дионкет. — Она балансирует на грани. Если катарсис не удастся, то она выпустит наружу психоэнергетический заряд такой силы, что от Черного Утеса камня на камне не останется. Тебе же известна ее мания вселенского разрушения. А если ты ее одолеешь, то вся агрессия может быть направлена внутрь, на самоуничтожение. Формально ты не достигнешь своей цели, но фактически это будет победа — победа над чудовищем.

— Я не могу нанести сознательный вред живому существу, — напомнила Элизабет, отдавая себе отчет в том, что теперь в ней говорят не столько старые запреты, сколько профессиональная гордость. — Я больше чем когда-либо верю, что сумею спасти ее. Я почти добралась до источника ее безумия.

Она показала им аномальную связь между конечностями и органами чувств, но гуманоиды не поняли ее, так как совершенно не разбирались

в эволюционной психобиологии. Корректирующая техника тану была скорее искусством, чем наукой.

— Дай ей умереть, Элизабет, — просил Крейн. — Если ты будешь упорствовать, она просто уничтожит тебя. Хуже того — ты попадешь в ловушку психокреативных козней и станешь вечной пленницей ее гигантомании.

— Да, но взгляните, что будет, если Фелиция излечится… — Элизабет раскрывала перед ними потенциальные чудеса, которые могла бы творить маленькая белокурая богиня под опекой Великого Магистра. — Многоцветная Земля навсегда избавилась бы от войн, от угрозы со стороны мятежных изгнанников в Северной Америке… Положив ее несокрушимую принудительную силу на верную чашу весов, мы достигли бы гармонии, создали бы Единство в миниатюре между тану, фирвулагами, окольцованными и метаактивным человечеством!

Дионкет и Крейн посмотрели на нее с грустью и в страхе оттолкнули видение.

— В процессе твоей коррекции становится все яснее, что Фелиция хочет смерти.

— Будь она здорова, она бы выбрала жизнь. И миролюбие.

Улыбка лорда Целителя могла бы показаться циничной, если б в ней не сквозила древняя, испытанная временем мудрость.

— Неужто метапсихологи из Содружества научились очищать душу от греха?

— Нет, конечно, — отрезала Элизабет и замкнулась в себе.

Но молчаливый спор продолжался. Наконец она сказала:

— Мне еще не приходилось заниматься такой страшной работой. Приобщение Бреды к Единству было детской забавой по сравнению с этим. Но ведьмы уже близки к успеху! Что бы там ни было, я не могу бросить Фелицию на полдороге, не могу позволить ей умереть. Ее ум бесценен. Она обладает принудительными и творческими способностями в шестисотой степени и почти таким же психокинезом. Во всем Галактическом Содружестве не было более сильной личности.

— Фелиция никогда не достигнет того, что вы называете Единством, — заявил Дионкет. — Она — дитя, но безнадежно испорченное, извращенное. Самое настоящее чудовище. Ее родители… — Он покачал головой. — В моей практике такие случаи не встречались. Одной Тане ведомо, сколь грешно наше племя, но даже среди нас никто не

позволял себе так надругаться над своим ребенком… причем без злого умысла, просто от скуки.

— Фелиция — не чудовище, — возразила Элизабет. — Уже не чудовище. Я открыла в ней кладезь душевности. Каждый раз, когда я спускаюсь в ее мозг, чтобы выкачать остатки желчи и вправить последние вывихи, она ведет себя все человечнее.

— Тогда почему она до сих пор боится? — спросил Дионкет. — Почему слабеет в своем желании пережить катарсис?

— Потому что, как ты точно заметил, она балансирует на грани и продолжает страдать.

— Она не выдержит и нападет на тебя, — предостерег лорд Целитель. — Ты погибнешь, Элизабет!

— Говорю вам, игра стоит свеч!

— Не забывай, Супруга Корабля назначила тебя своей преемницей, — рассудительно произнес Крейн. — Тебя, а не Фелицию.

— Бреда не имела права брать на себя роль Господа.

— А ты?

— Прекратите на меня давить! — закричала она. — Вы же сами вызвались помочь! Сами согласились, хотя знали степень ее безумия…

Ум Дионкета излучал сострадание.

— Не все поддается исцелению.

— Я вылечу ее! С вашей помощью или без. — В ее несгибаемом упорстве было столько огня, что он воспламенил обоих тану.

— Мы поможем тебе, — воскликнул Дионкет. — Даже ценой жизни.

Элизабет спустилась в Аврен note 15 и пробыла там шесть часов подряд.

Стены словно бы растворились. Трое целителей стояли возле кушетки, на которой безжизненно лежало хрупкое существо. Раздавленные, измученные черной, липкой, смрадной агонией, истерзанные осколками безумной памяти, задыхающиеся от ее неистовой ярости и детской беспомощности перед страшными унижениями, оглушенные непрерывными умственными криками, они терпели.

Несмотря на психоэлектронный барьер комнаты без дверей, часть ядовитых испарений, вместо того чтобы осесть в недрах Черного Утеса, выплескивалась в атмосферу. Зловонное грохочущее облако повисло в воздухе, изрыгая

---

note notes: Note15

в римской мифологии — озеро, считавшееся входом в подземное царство

оранжевые молнии, сплетавшиеся над крышей шале. Горячие, подернутые пылью ветры опаляли вечнозеленые растения, губили альпийские цветы. Певчие птички градом сыпались с ветвей наземь. Слабосильные охранники в золотых торквесах с криками устремились вниз по обрывистой тропе; даже самые твердолобые, обезумев от звенящего психического напряжения, попрятались в глубоких подвалах и лежали там, не понимая, на каком они свете.

— Пойдем, Фелиция, — позвала Элизабет.

Но бесформенное нечто боролось, извергалось, пятилось, трепало заботливо подставленные крылья, отталкивая их и все еще надеясь убежать, хотя собственные оковы любви крепко удерживали его. Нормальные мозговые клетки, так долго пребывавшие в атрофированном состоянии, теперь начали пробуждаться к жизни и петь от восторга и тревоги, свойственной новорожденным. А черные наэлектризованные каналы — их яд уже застывал — упорно требовали притока свежей силы, последней передышки в горниле знакомой боли, заслуженных, выстраданных объятий смерти (это ты, любимый?), ее отвратительных засасывающих поцелуев.

— Иди за мной, дитя мое. Выходи оттуда,

освободись, сбрось свои путы, оставь это тело, переселяйся в новое. Забудь тех злобных негодяев, которые тебя зачали шутки ради, поиграли живой игрушкой и жестоко отшвырнули ее за ненадобностью. Будь самозванкой! Самородком! Исцелись! Взгляни на себя как на человека, достойного любви. Помнишь, как безоглядно были преданы тебе твои друзья животные? Помнишь чистую, незапятнанную любовь сестры Амери? Я тоже подарю тебе свою любовь и жизнь, стану твоей матерью, а эти двое — твоими братьями. Иди сюда, дай нам обнять тебя!

«Амери не захотела…»

— Пойдем, Фелиция. Гляди, восхищайся своим сияющим обновленным существом. Ты прекрасна, девочка, и тело твое наполнено жизненной силой. А твой ум… о, посмотри, как он великолепен! Да, он рожден в физической агонии и нечистотах, но способен к духовному перевоплощению, полюби его за это.

«Он, все он! Мой Возлюбленный! Его я должна благодарить за высвобождение моих метафункций, за то, что он перерубил мои оковы своим сверкающим обоюдоострым лезвием. Куллукет!»

— Нет, Фелиция, это не он.

«Он, Куллукет!»

— Не смотри в ту сторону. Не надо. Ты доплыла, моя маленькая, стала такой чистой, такой сильной и почти доброй…

«Амери?»

— Отвернись от прошлого. Обрати взор к свету, к миру, к единению с другими умами, которые по-настоящему любят тебя.

«Куллукет? Амери?»

— Смотри: взбаламученный омут тих, эмоции управляемы, воля сильна и направлена. А теперь стань на путь бескорыстной любви! Выбери доброту, благородство, щедрость…

«Я выбираю… выбираю…»

— Просыпайся, Фелиция, открой глаза.

Огромные карие глаза распахнулись на бескровном лице под серо-пепельными бровями и нимбом платиновых волос. Они удивленно оглядели Элизабет, Дионкета, Крейна, опять вернулись к Элизабет. На миг затуманились слезами, потом засияли как звезды.

— Я здорова? — Фелиция приподнялась на локте и окинула взглядом самое себя. — То же тело, тот же ум, но все иначе. — Она тихонько засмеялась. Карие глаза сверкнули, сцепились с горящим взором Элизабет. — Зачем ты меня разбудила, ведь я еще не сделала выбор?

Целительница промолчала.

— Ты хочешь, чтобы я была похожа на тебя, Элизабет?

— Сделай собственный выбор. — Голос Великого Магистра звучал мягко, но ум был напряжен, встревожен.

— Хочешь, чтобы я была такой, как ты. — На щеках девушки проступили два красных пятна, и волосы точно вдруг ожили. Одним прыжком она вскочила на постели, маленькая, хрупкая, неимоверно сильная. Все ее тело светилось жемчужной аурой. — Такой, как ты, да, Элизабет?! — Фелиция откинула головку и засмеялась, звенящий смех был наполнен диким ликованием. — Я выбираю себя! Посмотри на меня! Загляни мне внутрь! А ты не хотела бы стать такой, как я? Свободной в своем выборе, не связанной нуждами других?

— И снова раздался радостный, здоровый смех. — Бедная Элизабет!.. — Богиня протянула руку и коснулась плеча Великого Магистра. — Но все равно спасибо тебе.

Она вмиг исчезла.

Элизабет сидела неподвижно, устремив взгляд на пустую кушетку, на слезы и отчаяние уже не было сил. Огненный кокон пылал рядом, манил к себе, но она рассматривала его с ощущением

некой отстраненности, сознавая, что истинный выбор уже сделан, а все остальное — лишь его последствия.

— Не уходи, — попросил Дионкет.

Крейн глядел на ее бледное окровавленное чело и чувствовал, как впервые золотой торквес до боли сдавил горло. Длинные, унизанные перстнями пальцы с выпуклыми суставами протянули ей чашу:

— На, попей.

Однажды такое уже было.

Она отхлебнула горьковатого чаю из трав, затем опустила умственный заслон, чтобы целители могли ясно увидеть огненный саван, маячивший перед нею как соблазн, как испытание.

— Ты нужна нам как никогда, — проговорил Крейн.

Однако суровый Дионкет оказался мудрее и нашел слова, которые смогли утешить ее.

— Ты не заслужила чистилища. Ты должна быть здесь, пока сама все не исправишь.

— Да.

Она улыбнулась и зарыдала.

8

Клу положила цветы на холм и выпрямилась. Совершенно сухие глаза были устремлены на самую крупную орхидею, которая заслоняла от нее могилу. Букет был огромный, из тридцати разных цветков. Она собрала его за пять минут, даже не удаляясь от причала на реке Хениль.

— Тану называют Испанию Конейном, — проговорила девушка. — Это значит Земля Цветов. Я слышала, как кто-то из них говорил, что нигде в Европе не встретишь такого разнообразия цветов. Я, пожалуй, больше всего люблю голубые орхидеи. И бледно-зеленые с бархатно-черными краями. Орхидеи в трауре… Бедная Джилл!

— Мы сделали все возможное. Стейнбреннер предупреждал нас об опасности менингита.

Элаби посмотрел на каменную плиту, установленную меж старых корней платана, и камень светился под взглядом психокинетика, пока он высекал надпись. Гарь и дым от расплавленного минерала заглушили своей вонью и тонкий аромат цветов, и веяние свежего бриза от реки. Наконец, довольный своей работой, Элаби с помощью психокинеза водрузил плиту на вершине

могильного холма.

ДЖИЛИАН МИРИАМ МОРГЕНТАЛЛЕР 20 СЕНТЯБРЯ — 3-2 ИЮНЯ (27 ЛЕТ)

«ГДЕ ТА ЗЕМЛЯ, КУДА КОРАБЛЬ ПЛЫВЕТ?

МАТРОСАМ НЕИЗВЕСТНО НАПЕРЕД…»

— Как думаешь, простоит она шесть миллионов лет? — спросила Клу.

— Кто знает? Залив Гвадалквивир будет погребен под илом.

Клу медленно пошла к вытащенной на берег шлюпке.

— Прошлой зимой, когда мы только затевали все это, я спросила Алексиса Маниона, не было ли обнаружено в исследованных плиоценовых породах следов Изгнания. Он ответил, что нет, но мне трудно поверить. Неужели ничего не сохранилось?

Она залезла в шлюпку, Элаби прыгнул за ней и, снова включив психокинез, начал толкать надувную посудину по коричневой, словно крепкий чай, стоячей воде. В пятидесяти километрах от Муласена они должны были встретиться со специально приспособленной для речных мелей яхтой Эйкена Драма.

— Если бы какой-нибудь палеонтолог и нашел в плиоценовых скальных образованиях скелет

Homo sapiens, то, скорее всего, промолчал бы, чтобы не вылететь из клуба костокопателей. Что же до ископаемого бермудского кеча…

— Доктор Манион говорит, что будущее уже *есть и*, чем бы мы тут ни занимались, мы не в силах на него повлиять.

— Ничего себе, утешение! Напомни мне о нем, когда мы с Эйкеном Драмом снесем к дьяволу вершину Муласена.

Шлюпка подплыла прямо к веревочной лестнице. Клу закрепила фалинь и взобралась на борт.

— Оуэн еще спит, — заметила она, послав легкий корректирующий импульс в нижнюю каюту.

— Хорошо. Пусть оклемается, а то ведь сколько ночей вы не спали из-за Джилл. Я думал, он станет настаивать, чтобы его взяли на похороны. — Он порылся в холодильнике, достал флягу с кокосовым пуншем и гамма-сандвичи, захваченные из Окалы. — Это вместо поминального пирога. Расслабься, детка. Передохни перед встречей с королем эльфов.

Они уселись в шезлонгах на корме; навес защищал их от солнца. Клу жадно набросилась на сандвичи.

— О-о, цивилизованная пища! Боже, как я уста-

ла от рыбы, жареных речных угрей и безвкусных кокосов! Во Флориде сейчас время завтрака. Ты только представь: яичница с беконом, овсянка с медом, апельсиновый сок и сладкий чай со льдом.

— Прекрати, жестокая! — рявкнул на нее Элаби и наполнил ее бокал тягучей жидкостью молочного цвета. — Что, уже раскаиваешься?

Она покачала головой:

— Нет, я понимаю, это необходимо для всех нас. Даже ребята, которых папа загнал в Африку, ни о чем не жалеют. Все-таки мы хоть немного да приблизились к цели. Заставили папу принимать нас и наши требования всерьез. — Она помолчала. — Знаешь, он сам скоро прибудет в Европу.

— Это точно?

— Не сомневайся, уж я-то его знаю.

— Он будет с нами или против?

— Кажется, он еще не решил. — Девушка отодвинула тарелку с гамма-сандвичами и силой психокинеза поймала бабочку, что летала над поручнями. Клу долго и внимательно рассматривала дрожащие антенны-усики, потом выпустила насекомое, и оно припустилось вслед за остальными. — Я была права, папа не хочет нас убивать. Он не станет этого делать, если мы его не выну-

дим: намеренно не навлечем на него и на всех наших стариков угрозу открытия врат… или сами не попытаемся его убить.

— Кое-кто из нас и раздумывать не стал бы.

— Знаю, — спокойно отозвалась она. — Хаген… и ты.

— Но не ты? — Сдвинув брови, молодой человек потряс кубики льда в своем стакане и, не дождавшись ответа, задал новый вопрос: — Ты пойдешь против всех, если у нас не будет другого выхода?

— Я хочу, чтобы все мы были свободны. Если бы старое и молодое поколения могли работать вместе, а не на противоположных полюсах!.. Ты отдаешь себе отчет, что смонтировать аппарат и установить его посреди варварского круга будет очень трудно? Скорей всего, невозможно.

— Напрасно ты так быстро сбросила нас со счетов. Да, часть своих позиций мы утратили, но кое-что, думаю, приобрели. Наша конспирация полетела к черту благодаря твоему бешеному братцу. Марк слегка усомнился в нашей с тобой верности. Но в предстоящей схватке не только у твоего отца будет большое оружие. Не забывай об узурпаторе. Если все в Многоцветной Земле посыплется в пропасть, он, вероятно, попытается расширить свои горизонты.

Клу с сомнением повела плечами.

— Это здесь Эйкен — крупная рыба в маленьком пруду, а кем он будет на фоне Единства? Если уж папа своими репетициями поверг его в такой трепет…

Элаби тихонько хмыкнул.

— Не обольщайся. Он еще молод. Однако же в двадцать два года умудрился без оружия, одним лишь мозгом подчинить себе истэблишмент, который сорок лет управлял плиоценом.

— Брось ты, он только подобрал обломки кораблекрушения. Король обломков! Полубог после гибели богов!

— Как знать, как знать. По-моему, он настроен очень даже оптимистически. И не надо его недооценивать, детка, это первоклассный ум. Сдается мне, твой отец поймал на крючок рыбку, которая ему не по зубам.

Клу отвернулась и стала глядеть на берег, туда, где в обрамлении роскошных цветов светился надгробный камень.

— Неужели ты думаешь, Эйкен справится с такой массированной синергией? Вполне возможно, что папа в решающий момент перехватит у него инициативу.

— Я до сих пор не могу понять, как он согла-

сился сделать Эйкена наводчиком. Либо Марк действительно верит в гениальность золотого мальчика, либо это его обычные козни. Будем надеяться, что он снова потерпит поражение, и тогда мы со временем перетянем плута на свою сторону.

— Представить себе не могу, чтобы кто-то во Вселенной мог тягаться с папой, — озадаченно пробормотала Клу.

— Он слишком долго воображал себя богом, — с горечью заметил Элаби. — Даже мы забыли, что Марк — всего лишь человек. Причем неудачник. Он все поставил на карту в Содружестве и проиграл, потом у него не прошел номер с нами, а теперь он боится, что его точно так же подставят Эйкен и Фелиция.

— Неправда, папа был и остается Великим Магистром принуждения, творчества, ясновидения. Будь у него достойная поддержка, он бы не сидел в плиоцене, а давно бы стал, как прежде, вторым по величине координатором галактики. По силе его превосходит только дядя.

— При случае непременно поставлю свечку во здравие Джека Бестелесного.

Клу, напрягая дальнее зрение, рассматривала островки в устье Хениля, где два дня назад разме-

стились войска Селадейра и Алутейна, как и они с Элаби, ожидающие встречи с флотом Эйкена Драма. Затем она перевела взгляд западнее и начала сканировать просторы Атлантики.

— Что-то Эйкена до сих пор не видно. Они еще далеко, Элаби?

— Около пятнадцати часов ходу. В пути они старались беречь свои метафункции, полагаясь на природные ветры. Но сегодня утром, как только обогнули мыс Сан-Висенти, Эйкен пустил в ход свой психокинез. Сейчас его флотилия делает не меньше двадцати шести узлов в час. Так что завтра, точно по расписанию, отправимся в Бетские Кордильеры.

— И, быть может, все умрем. — Клу подошла, положила ему голову на плечо, крепко обняла и вонзила ногти в мышцы спины. — Элаби, милый, я сама не знаю, что со мной… Сперва Джилл, теперь эта дурацкая вылазка с Эйкеном… Наверно, я схожу с ума, но…

— Нет, дорогая, — прошептал он ей на ухо, — нет ничего нормальнее, чем тянуться к жизни в предчувствии близкого конца света. По крайней мере так написано в одной книге из библиотеки Окалы. Все стихийные бедствия — чума, войны, землетрясения — являются мощным стимулом

сексуальных эмоций.

— Глупость какая!

Он поцеловал ее.

— Да, глупость, ну и что? Давай немного раскачаем нашу посудину, а уж потом будем наводить блеск перед королевским визитом.

Обнявшись, они спустились по лестнице в кают-компанию. Ветер утих, и все лесные твари словно замерли в полуденном зное. Из густых зарослей выбрались два рамапитека, увидели холм и цветы, потрогали странные надписи на каменной плите. Затем, удовлетворив свое любопытство, скрылись из вида.

В тесной каюте тримарана-флагмана королевской флотилии — Куллукет чинил свои рубиновые доспехи: укреплял разболтавшиеся драгоценные камни, менял потертую перевязь, начищал кирасу так, что стеклянный панцирь с выгравированной caput mortuum note 16 блестел ярче свежей крови.

«Умирать, так с музыкой, — говорил он себе. — Наконец-то ты поумнел, Дознаватель! Если тебя не поглотит твоя демоническая возлюбленная, то твой извилистый мозг превратится в отбив-

---

note notes: Note16
мертвой головой (лат.)

ную котлету, после того как послужит живой связующей нитью между Эйкеном Драмом и Ангелом Бездны. Ты умрешь за своего короля, как настоящий мученик древней воинской религии. Потомок Нантусвель не мог бы пожелать себе более славной участи. Жаль только, что ты предал свою кровь и ни во что не веришь, а потому пойдешь на любое унижение, лишь бы пощадили твою страстную привязанность к жизни. Ты бы даже стал умолять ее, не будь это столь бесполезно…»

— Куллукет! — прервала Мерси его горькие размышления.

Он вздрогнул. Фигура в серебристо-зеленом парадном доспехе материализовалась из небытия. Она проникла через запертую дверь. Это было почти такое же серьезное нарушение этикета, как подъем в воздух без скакуна.

— Верховная Властительница, ты?! — Он поспешно собрал в кучу разбросанные части доспехов, освобождая для нее место.

Умственное излучение с такой беспощадной принудительной силой ударило по его мощному заслону, что у Куллукета потемнело в глазах.

— Ты проводишь меня к лорду Селадейру, пока Эйкен репетирует с этим проклятым Аваддоном.

Быть может, это мой единственный шанс. Поспеши, друг! И захвати с собой сигма-поле, что дал тебе Эйкен для защиты от Фелиции.

Он быстро облачился в доспехи. Невидимые, они полетели над заливом Гвадалквивир, тут, где старая ущербная луна лениво поднималась над лесами Андалусии. В лагере, где лорд Афалии, Властелин Ремесел и прочая знать Конейна ожидали прибытия короля, соблюдалась тщательная маскировка: войска, техника и три с половиной тысячи халиков были спрятаны в мангровых зарослях.

Как только показался берег. Мерси распорядилась:

— Вызови на интимном канале твоего брата Кугала. Пусть встретит нас в своей палатке вместе с Алутейном и Село.

— Кугал здесь? — озадаченно спросил Куллукет. — Неужели и его заставили?..

— Делай, как я велю, — перебила его Мерси. — Это я позаботилась, чтобы Кугала привезли сюда. Скоро узнаешь зачем.

Куллукет и Мерси спустились в лагерь и, войдя в тускло освещенную палатку выздоравливающего Сотрясателя Земли, сбросили покровы невидимок.

Кугал лежал на походной койке, выстеленной подушками. Рядом стояли два ветерана тану и молча ждали объяснений. Во взглядах, которыми они смерили Дознавателя, сквозила враждебность.

— Ноданн жив! — выпалила Мерси.

— О Всемилостивая Богиня! — воскликнул Кугал, а Куллукет поспешил наложить на воспаленный мозг брата охлаждающий умственный компресс.

— Доставай сигму, — скомандовала королева. — Эйкен пока ни о чем не подозревает, но лучше остеречься.

Куллукет извлек из-под доспехов небольшое устройство, поставил на тумбочку у изголовья Кугала и включил его. Ночные звуки, доносившиеся из чащи, мгновенно смолкли. Палатка оказалась изолированной внутри непроницаемого динамического поля.

— Мне еще в мае стало известно про его спасение, — ответила Мерси на невысказанные вопросы. — Все это время он пролежал в пещере на Керсике. Вот почему никто его не обнаружил, даже я. А он был парализован и не мог подать сигнал. Его выходила первобытная женщина.

— Где же он теперь? — растерянно спросил

Селадейр. — И в какой форме?

— Его прячет лорд Вар-Меска… — Ее проницательный взгляд пронзил обоих стариков. — Надеюсь, вы не забыли, что Морейн, как и вы, принадлежит к первым пришельцам и точно так же верен древним традициям.

— Но постойте! — запротестовал Алутейн. — Я дал присягу…

— Кому? Проклятому узурпатору?! — вмешался Кугал. — Под угрозой смертной казни. Такая присяга противна Богине! От нее следует отречься!

— Охолони сперва, — посоветовал ему Властелин Ремесел и, пододвинув к себе прочно сколоченный табурет, опустил на него свое грузное тело.

Остальные тоже расселись перед койкой; Мерси и Куллукет сняли шлемы.

— Вот что, милая, — обратился Алутейн к королеве, — давай-ка выкладывай все по порядку. И как на духу, слышь!

Мерси собрала воедино скопившуюся в мозгу информацию и без лишних комментариев выставила ее на обозрение. От их глаз она скрыла только свою радость.

Лорды внимательно изучили обстоятельства дела и почтительно поклонились ей, а Кугал взял

тонкую руку в латной рукавице и припал к ней губами. Впервые с момента возрождения к жизни в глазах его появился живой блеск.

— Да благослови тебя Богиня, Мерси-Розмар, — проговорил он. — Ты и впрямь достойна быть нашей королевой.

Старик Село воспринял сообщение не столь восторженно.

— Ноданн хотя и встал на ноги, но до сих пор слаб, как котенок. Быть может, он и в лучшей форме, чем ты, Кугал, но пока ему рано тягаться с Эйкеном. — Он воззрился на Мерси. — Ты долго молчала… наверное, так было нужно. Чего же ты хочешь от нас теперь?

— Бросьте Эйкена, — прямо заявила она. — Оставьте его Фелиции. Все мы умеем летать. Кугала понесет Селадейр. Под прикрытием сигма-поля полетим в Вар-Меск через Авен и Керсик — там есть где спрятаться от золотого гнева. Дальнобойных психоэнергетических орудий у Эйкена нет, а в погоню он не пустится: у него теперь есть дела поважнее.

— Думай, что говоришь, девка! — укоризненно качнул головой Алутейн. — Счастье совсем вскружило тебе голову.

— Ты что, разве мы можем отдать наших витя-

зей Фелиции? — подхватил Селадейр. — Неужто Стратег дал тебе такие распоряжения?

— Флот вот-вот причалит, — вздохнул Кугал. — Наши люди обречены. О великая королева, ну почему ты раньше не сказала?

— Потому что не решилась прибегать к телепатии, — оправдывалась Мерси. — Я еще очень плохо концентрируюсь. Когда мы общались с Поданном, связь держал он! И предупреждал меня… — Она вдруг резко повернулась к Куллукету и обрушила на него всю свою злость: — Ты нас подслушал! Эйкен что-то подозревает — я чувствую! А может, даже знает наверняка. Я боялась, что либо моя телепатическая речь выдаст Ноданна, либо это сделает Куллукет.

Дознаватель опустил голову.

— Моя вера в узурпатора сильно пошатнулась, с тех пор как он заключил сделку с Аваддоном. Вы знаете, какую роль навязали мне эти двое…

У Алутейна вырвался короткий смешок.

— А еще мы знаем, что стоит твоя вера по сравнению с твоей драгоценной шкурой! Бедный Кулл! На сей раз ты сам себя высек.

— Я знаю, что Куллукет ненавидит Ноданна, — ледяным тоном произнесла Мерси. — Но все-таки они кровные братья. И одного племени. Теперь же

у Кулла есть еще один резон совершить поворот на сто восемьдесят градусов! А, брат корректор?

— Нашей великой королеве мудрости не занимать, — безучастно отозвался Куллукет.

В глазах Мерси вдруг заполыхал прежний дикий огонь.

— Ладно, если нам нельзя сейчас лететь к Ноданну, давайте хотя бы подумаем, как нам использовать Фелицию, чтобы она расправилась с Эйкеном. Может, предупредить ее, что он собирается нагрянуть в ее сокровищницу?

— Фелиция сейчас у Элизабет, в комнате без дверей, — сказал Алутейн.

— Так что она вряд ли нас услышит. А если услышит, то никого не пощадит.

Кугал смертельно побледнел.

— Во имя Таны, моя королева, не связывайся с этой дикаркой! Спроси Кулла, он тебе расскажет, на что она способна!

— Даже всемогущий Аваддон трепещет перед Фелицией, — сказал свое слово Дознаватель. — И раз уж мы строим планы дальнейших действий, позвольте вам напомнить: Аваддон — непревзойденный метадирижер. Оттуда, из-за океана, он не сможет оказать принудительное давление, но его психокреативные удары достанут нас где угодно,

да и ясновидец он потрясающий.

— Что ж тогда он не донес Эйкену на Стратега? — поинтересовался лорд Афалии.

Куллукет пожал плечами.

— Не знаю, я ведь с ним напрямую не общаюсь. Меня он в грош не ставит, и вообще его не интересуют наши политические интриги. Это манипулятор в глобальном масштабе.

— В отличие от тебя, братец, — усмехнулся Кугал.

— Ему наплевать, кто управляет Многоцветной Землей. Будь Ноданн на месте Эйкена, он и его бы использовал.

— Подонок! — прошипела Мерси. — Откуда он такой взялся?

Четверо тану изумленно воззрились на нее.

— Как? Ты не знаешь? — удивился Властелин Ремесел. — Ну, ты даешь, девка! То-то я гляжу, ты понастроила воздушных замков.

И он рассказал ей все, начиная с событий двадцатисемилетней давности, коим сам был свидетелем, когда вместе с бывшим Главным Принудителем Гомнолом и лордом Ронии впервые встретил Марка Ремиларда и его отряд изгнанников-метапсихологов.

Мерси слушала, окаменев.

— Коли так, — заключила она, когда тот умолк, — значит, у нас нет никакой надежды остановить облаву. Ни малейшей. Но если Эйкен завладеет Копьем, то у Ноданна не будет перед ним преимущества в последнем Поединке Стратегов.

— Это уж точно, — не без ехидства улыбнулся Куллукет. — Ноданну, если он хочет быть королем, придется встретиться с Эйкеном в честном бою… А в честном бою у него мало шансов на победу.

— Довольно, брат! — Кугал с трудом приподнялся. — Все уже поняли, что предотвратить облаву не удастся. Мы должны безоговорочно поддержать Эйкена Драма, и только милосердная Богиня знает, чем все это кончится и кому она будет благоприятствовать. Но если нам суждено уцелеть, тогда все мы как один сплотимся вокруг нашего настоящего властелина и он поведет нас на Войну с Мраком!

С лицом, перекошенным от боли, Кугал вновь откинулся на подушки. Куллукет наклонился над братом, прижал ладони к его вискам. Почти тотчас же Кугал расслабился и уснул.

Мерси выключила генератор сигма-поля и подала его своему спутнику.

— Да, — понизив голос, продолжал Селадейр, — как ни крути, а бедняга Кугал прав. Во время облавы надо изо всех сил помогать Эйкену Драму и его злому гению, нравится нам это или нет.

Он откинул полог шатра и вместе с Алутейном вышел в ночь.

— А ведь тебя мое сообщение не удивило, — сказала Мерси Дознавателю.

— Ты с самого начала знал о Ноданне, правда?

— Среди потомства Нантусвель я лучший корректор и уж непременно почувствовал бы, если б мой старший брат испустил дух.

— Значит, ты предупредил Эйкена?

— Он сам догадался. Я лишь показал ему, в каком месте твоего мозга запрятана информация.

— Интриган чертов!

— Стараюсь не отставать от тебя, моя королева. Только под моими интригами, кажется, пора подводить черту.

Он улыбнулся ей, прежде чем спрятать свой прекрасный лик под шлемом. Она приложила латную рукавицу к тому месту панциря, под которым билось его сердце, и с удивлением заметила, что в глазницах черепа — его геральдической эмблемы — сияют два сапфира, до странности похожие на его глаза, а обрамляет маску Смерти

огненный ореол — точь-в-точь его собственные волосы.

— Ты что, боишься? — удивилась она.

— Да.

— И я боюсь. Дай руку, Смерть! Ты можешь снова меня утешить?

Кивнув, он опустил забрало и притянул ее к себе. Два силуэта — высокий рубиновый и маленький изумрудно-серебряный — улетучились вместе, словно пара призраков, оставив Сотрясателя Земли во сне без сновидений.

В рассветной дымке, окутавшей Скрытые Ручьи, Амери шагала к маленькой бревенчатой часовне, неся с собой хлеб и вино. Кричали петухи, хрипло блеяли козлы, ржали халики, но никто из жителей деревни и гостей еще не поднялся после вчерашнего веселья.

«Я рада, Господи, что нынче утром мы будем с тобой вдвоем», — думала Амери.

Она зажгла две свечи у алтаря, приготовила дары, потом вошла в небольшую ризницу снять свое монашеское покрывало и апостольник и облачиться в алую ризу Пятидесятницы. Вновь открыв дверь в Святилище, начала молебен:

Приидите, поклонимся и припадем, Преклоним колени пред лицем Господа, Творца нашего; Ибо

Он есть Бог наш, И мы — народ паствы Его…
note 17

Она творила молитвы, преклонив колени у алтаря, затем обернулась в темноту часовни для первого благословения.

— Господь с вами!

— Со Отцом и Святым Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь, — ответила Фелиция.

Монахиня застыла с поднятыми руками, когда девушка в длинных белых одеждах двинулась к ней по проходу и, улыбаясь, остановилась у ступеньки алтаря…

— Я вернулась. Элизабет поработала надо мной и вытравила из меня всю злобу. Я теперь здорова, Амери. Чудесно, правда? Я могу любить по-настоящему, без боли. Могу свободно выбирать, кого мне любить и как. Я могу одарить тебя радостью, такой же, как моя. Элизабет велела мне выбирать, а у меня есть только ты и Куллукет. Помнишь его? В своем безумии я любила его больше. А теперь нет. Теперь я выбираю тебя.

— Фелиция… — еле слышно вымолвила Амери, — у меня свой выбор… свой обет…

---

note notes: Note17
Библия. Пс. 94, 6-7

— Да, это я, — заявила девушка. — Не кто-нибудь, а я! Ты любишь меня, и я нужна тебе не меньше, чем ты мне. Пойдем со мной!

— Ты не понимаешь. Я дала обет Господу. Я принесла ему в жертву свое тело, как хлеб и вино к этой мессе. Я посвятила ему себя очень-очень давно…

— Так забери свой обет назад. — Фелиция стояла перед алтарем, озаренная пламенем свечей, такая хрупкая, что, казалось, ее вот-вот сдует участившееся дыхание монахини; стояла и смотрела, словно из глубины колодца. — Уйдем, улетим отсюда! Я теперь белый сокол, а ты будешь птицей-кардиналом.

— Нет, — прошептала Амери, — я не могу, Фелиция. Ты все еще не поняла. Я должна быть здесь, служить людям. Я лечу их и проповедую им слово Божье. Они любят меня, а я…

— Меня ты любишь больше, — перебила ее девушка.

— Да, — признала Амери. — Тебя я люблю больше и всегда буду любить. Но это ничего не меняет. Я не могу не любить, но могу заставить себя не идти на поводу у своей любви. Такой мой выбор.

Выражение лица Фелиции медленно менялось. Сначала на нем отразились удивление и расте-

рянность, патом гнев.

— Значит, не пойдешь?

— Нет.

— Твой Бог тебя не пускает, не так ли? Заманил в дурацкую паутину самоотречения и не пускает!

— Никакое это не самоотречение, ты не понимаешь.

— Прекрати твердить одно и то же! Я все понимаю. Ты предпочла мне его! Ты до сих пор считаешь мою любовь нечистой, грешной! — Слезы ручьями хлынули, как из бездонных колодцев. — Я нехороша для тебя. В глубине души ты все еще боишься меня. Ты не пойдешь со мной и никогда не позволишь мне остаться здесь. О нет! Я недостаточно человечна, чтобы стать твоей овцой, не правда ли, великий пастырь? Меня, Богиню всего живого, ты предпочла своему старому, подлому, ревнивому, несуществующему Богу!

Амери упала на колени.

— Ты — человек… человек, Фелиция. Но ты не такая, как мы. Возвращайся к Элизабет. Пусть она научит тебя жить в мире твоего разума. Там твое место.

— Нет! — В голосе девушки прорвались рыдания. — Мое место рядом с тобой!

— Я не смогу жить в твоем мире, Фелиция. Мне, обычной женщине, это не под силу. Я боюсь таких людей, как ты, и ничего не могу с собой поделать… как ничего не могу поделать со своей любовью к тебе. Оставь меня, ступай к тем, кто тебе близок.

— Нет! — взвизгнула Фелиция. — Я никуда не пойду без тебя! Если ты не пойдешь по своей воле, я тебя заставлю!

Алтарные свечи внезапно потухли. Только из двух окошек и от священной лампады исходил тусклый свет.

Руки Фелиции схватили монахиню за плечи. Психическая энергия полилась из ее мозга, и Амери скрючилась, как от электрошока.

— Ты будешь повиноваться мне! — вскричало хрупкое, но страшное в своем принудительном напоре создание. — И останешься со мной до тех пор, пока нужна мне, слышишь?

Амери не смогла ответить, потому что голосовые связки свело судорогой, но вдруг почувствовала, как ноги ее оторвались от пола. Под пальцами девушки задымилась сначала риза, потом сама плоть монахини, и сердце ее остановилось.

«Вознесем сердце наше…»

— Выбери меня, Амери! Сделай это, и я снова запущу твое сердце. Просто скажи, что любишь меня.

«Достойно есть, яко воистину…»

Фелиция швырнула тело в алой ризе на пол и взвилась ввысь, расплываясь в тумане.

«Сие есть Тело мое». note 18

— Выбери меня! Умоляю тебя, Амери!

«Ныне и присно…»

— Умоляю!

«И во веки веков…»

Глаза Амери сверкнули. Ум ее передал Фелиции предсмертное послание: «Нет. Я люблю тебя. Эта молитва о тебе». А затем вырвался, оставив убийцу в бессильной ярости и невыразимом горе. Она сменила свое обличье на прежнее — ворона — и полетела в сторону Испании, чтобы предоставить право выбора другому возлюбленному.

---

note notes: Note18
Евангелие. Мк. 14, 22

9

«Она вырвалась. Вырвалась. Фелиция вырвалась».

Нелепый рефрен навязчиво звучал в подкорке Эйкена, и в ответ ему поднималась из глубины волна ужаса. Плохие вести он получил не от своего тупоголового лазутчика, засланного на Черный Утес, но от самой Элизабет, которая вызвала его на рассвете, когда ему оставалось меньше часа до встречи с войсками в Конейне и с тремя североамериканскими оперантами.

«Она вырвалась, Эйкен! Фелиция вырвалась. Я ее упустила… И она убила Амери».

— Черт возьми!

«Смерть Амери на моей совести. Я могла не выводить Фелицию из забытья во время коррекции. Могла позволить ей остаться там навсегда. Разрушить ее „эго“. Она обратилась бы в прах, Крейн и Дионкет настаивали на этом, и я могла, да, могла, бездействие в таком сложном случае не было бы нарушением врачебной этики. Но нет! Я понадеялась на то, что сумею ее спасти и она станет здоровой».

— Здоровой — человечной. Так?

— Фелиция не избавилась от эгоцентризма, от сознания вседозволенности. Она меня одурачила.

— Ты святая невинность, Элиза, детка.

— Я много работала с детьми в Содружестве. Фелиция тоже ребенок. Бели бы она осталась со мной, позвонила бы мне обучить ее, довести до зрелости!.. О Эйкен, теперь она никогда не повзрослеет. Она вырвалась…

— Черт тебя возьми совсем! (Мурашки по спине. Скрюченные гениталии. Бешеное сердцебиение.) «Безумного монстра еще можно обвести вокруг пальца и затравить. Здоровый монстр = Я + Ангел Бездны!!!»

«Вырвалась… вырвалась. Не знаю, где она… не могу отследить. Ее умственный экран безупречен. Попроси Ремиларда, чтобы пустил в ход усиленную экстрасенсорику. Фелиция наверняка станет искать Куллукета. Амери ее отвергла, и потому теперь она обратит взор к другому предмету своей любви. Ты без меня знаешь, что будет, если она его найдет. Ты должен защитить Куллукета».

«Кулл выполняет мое задание».

«Нет-нет, спрячь его подальше, в какой-нибудь пещере, вообще убери из Европы как можно скорее! Твой налет на гнездо Фелиции — это са-

моубийство! Откажись от него».

«Мне нужно Копье, детка. Фотопушка + подготовленный метаконцерт = огневая сила на моей стороне. И не только в сражении с Фелицией…»

«Эйкен, ты не должен устраивать облаву, пойми, Фелиция вырвалась!»

«У нас все на мази. Отсрочка ничего не даст. У нас есть шанс захватить добычу, прежде чем она поймет, что происходит. Фелиция не сильна в ясновидении».

«Не надо, ради Бога, не надо!»

«Я должен».

«Фелиция вырвалась! Вырвалась, вырвалась! Фелиция вырвалась!»

«Черт, отпусти меня, не затягивай петлю…»

«Фелиция уничтожит тебя + все твое войско».

«Я выиграю!» (Паника. Не поддавайся соблазну. Держись. Закройся от нее.) «Вырвалась, Фелиция вырвалась! Вырвалась, вырвалась…»

«ЗАТКНИСЬ, ЭЛИЗАБЕТ, ЗАДУШИШЬ!»

«Ты погибнешь, и на моей совести будет еще одна смерть… Много смертей…»

«Пошла ты к дьяволу со своей совестью? Отцепись от меня! Лей крокодиловы слезы где-нибудь в другом месте, понятно?»

«Прошу тебя, Эйкен…»

«Иди в...»

...

Он выпустил в нее очередь брани, и мысль Элизабет отстала, удалилась в стены комнаты без дверей.

— Вот-вот, и не высовывайся оттуда, святоша! — завопил он вслух. — Предоставь мне самому копаться в этом дерьме! Я сделаю то, что задумал!

Он направил шифрованное послание в Северную Америку. Хотя аура Фелиции надежно скрыта и никакой ясновидец не в состоянии ее обнаружить, но ум чудовища обладает физической массой, которую невозможно спрятать. Сканируя южное побережье Испании, Аваддон сумеет с точностью определить, где ее нет. После продолжительной, измотавшей все нервы паузы Эйкен получил гарантии, что в настоящий момент в районе восьмидесяти тысяч квадратных километров вокруг горы Муласен Фелиция отсутствует.

Этого было достаточно, чтобы начать операцию.

Все способные держаться на плаву посудины Многоцветной Земли общим числом семьдесят пять бросили якорь в устье Хенили в 05:30. Двух-

тысячная гвардия Эйкена мгновенно спустила на воду сто восемьдесят надувных барж с моторами, работающими на солнечной энергии, и двинулась к базовому лагерю, где был сосредоточен испанский контингент. Каждая баржа вмещала двадцать рыцарей тану с иноходцами плюс спартанский запас провизии и фуража. На двух баржах находились лазерное оборудование и запчасти, с тем чтобы в случае захвата Копья не терять времени на приведение его в боевую готовность.

Около восьми часов Эйкен оседлал своего черного халика и поднялся на командную высоту перед выстроенным войском. В отличие от остальных рыцарей, на нем не было стеклянных доспехов, а только всегдашний золотой костюм с кармашками, черный летящий плащи широкопалая шляпа с черными перьями; теперь поверх нее красовался еще монарший обруч. Взмахнув небольшим лазерным жезлом, нынешним символом своей власти, он поприветствовал Высокий Стол, королеву Мерси-Розмар и остальных участников предстоящего действа.

— Доблестные воины! Итак, мы готовы совместными усилиями выступить против чудовища. На вершине горы Муласен, в логове Фелиции,

спрятано священное Копье Луганна, вырванное из моих рук Великим Потопом. Это не только одно из главных сокровищ древнего наследия тану, но и мощное оружие, способное защитить нас и от Фелиции, и от врага-фирвулага, и от любого иного противника, кто осмелится напасть на нас. Кроме того, в пещере есть склад золотых торквесов. Поскольку оборудование для их производства разрушено, этот запас нам жизненно необходим, с его помощью мы сделаем наших детей мегаактивными, пока не начнем порождать естественных оперантов. Таким образом, священное Копье и торквесы представляют собой не что иное, как средство для выживания расы тану! В обеспечении нашей жизнеспособности и состоит по большому счету цель нашей операции.

Не стану скрывать, что все мы подвергаемся смертельной опасности. Ум Фелиции сильнее всякого другого ума в Многоцветной Земле, сильнее любого ума, который будет существовать в Галактическом Содружестве через шесть миллионов лет. Но вместе мы выстоим! Сплотимся в метаконцерте под моим чутким руководством и навсегда избавим свет от этого дьявола в юбке. Верьте мне!..

Теперь сообщу вам порядок действий. Река

Хениль судоходна на протяжении ста тридцати пяти километров или девяноста лиг тану. Мы поплывем по ней до горы Муласен, откуда она берет начало. На нескольких участках есть быстрина, однако нашими судами правят лучшие лоцманы плиоцена, так что не волнуйтесь. Психокинетикам дано задание содействовать быстрому продвижению судов. К четырнадцати часам мы должны быть на месте. На берегу пересядем на халиков. Будем скакать по открытой местности еще примерно двадцать пять — тридцать километров. Через час с лишним достигнем предгорий Сьерра-Невады, где опять начнутся леса и где нас прикроет громада Муласена.

На реке и в степи ваши умы должны поддерживать непрерывную связь и создавать над нами защитный психоэнергетический купол. А у подножия горы каждый будет действовать самостоятельно и найдет себе убежище с хорошим обзором логова чудовища. К пещере я полечу один. Вы же будете охранять тыл до тех пор, пока я не извлеку оттуда Копье и торквесы. Перенести добычу мне труда не составит, так как я могу удерживать в воздухе более четырехсот тонн. А вот когда я буду лететь назад, тут вам придется попотеть и помолиться, так как мои основные

силы будут направлены на подъем и я не смогу в случае чего влить свой удар в наступательную мощь метаконцерта. Но если все обойдется и я благополучно спущусь к вам, тогда мы, что называется, отпустим вожжи и поскачем к реке. Плыть по течению будет уже легче. На обратном пути наши работящие техники под руководством Пита. Карвальо и Югота Макджилликадди наладят Копье. Если я в это время не буду биться за наши жизни, то окажу им свое монаршее содействие. Давайте опять-таки помолимся, чтобы так и вышло.

Если мы починим священную пукалку, наше дело, считай, в шляпе. Аваддон тщательно взвесил потенциал совместного метаконцерта и сопоставил его с усилиями, приложенными Фелицией на Гибралтаре. На теперешний момент наши силы примерно равны, но если в дополнение к метаконцерту мы ударим из фотонной пушки, то могу вас уверить: от чудовища мокрого места не останется.

Итак, вперед, друзья! Мы победим! Слово Сиятельного!

Всем строго наказали хранить молчание, не позволять себе даже негромкого отклика. И тем не менее эфир задрожал от ликующих воплей.

Не успели надувные баржи пуститься по водам Хениля на скорости более двадцати узлов, как три тысячи пятьсот пятьдесят воинов сплотили свои умы в трехдюймовом метаконцерте, призванном обеспечить как наступательную силу, так и оборону солиста — короля Эйкена-Луганна.

Трое специалистов из Северной Америки без промедления принялись сортировать умы и располагать их слоями один над другим. Оуэн Бланшар взял на себя координацию принудителей, возглавляемых Альбораном Пожирателем Умов, Артиганном Амализанским и Кандатейром Ронийским. Клу Ремилард руководила психокинетиками, коими командовали Чемпион Блейн, Нейл Сазаранский, Диармет Геронийский и Кугал Сотрясатель Земли (последнего привлекли только для проформы). Весь творческий отдел взял на себя Элаби Гатен; он сотрудничал непосредственно с Мерси, Алутейном Властелином Ремесел, Селадейром Афалийским, Ламновелом Мозговзрывателем и Туфаном. Рыцарям Высокого Стола поручили оттачивать вспомогательные звенья каждой цепи и связывать воедино не самые мощные умы, которые благодаря высокотехнологичным усилителям Аваддона должны были в целом оказаться сильнее, чем просто

сумма составных частей.

Как только метаконцерт набрал необходимое ускорение, на сцену выступил Марк Ремилард. Выровнял погрешности, подключил умы подчиненных ему мятежников с Окалы и их ропщущих, но усмиренных детей-беглецов, что расположились биваком на марокканском побережье в девятистах километрах от Муласена. К, этой комбинации Марк добавил свой гигантский творческий потенциал, подкрепленный вспомогательной мозговой энергетикой. Таким образом, наступательно-оборонительный комплекс был во всеоружии, причем наступательная мощь опиралась главным образом на творцов, оборонная же — на принудителей. Его собственные виртуозные действия не подвластны ни Эйкену, ни кому-либо из тану. Однако в том случае, если внимание главного наводчика вдруг отвлечет хитрый обходной маневр Фелиции, беспристрастный наблюдатель из Северной Америки мгновенно подает сигнал тревоги и скорректирует ситуацию.

Последним был введен в строй ум Куллукета. Ему отводилась пассивная роль проводника психической энергии, которая могла поступать через этот живой аппарат только в одном направлении

— наружу. Отследив его, Фелиция, возможно, попытается при помощи обратной связи заткнуть этот выход. Тогда одушевленная спайка между дирижером, солистом и оркестром лопнет, что будет означать мгновенную смерть Куллукета. (Такой конец был бы для него благом, но внутренний голос предательски нашептывал ему: не надейся, ты умрешь не раньше, чем сполна заплатишь по счету!) Проведя заключительную настройку, безликий гений по прозванию Аваддон представил Эйкену сотворенный им организм во всем великолепии.

— Тебе нужно сфокусировать свои усилия и занять позицию над ним. Ну как, справишься?

Огромное совершенное здание высилось перед умственным взором Эйкена. Программу составил, разумеется, Аваддон, но теперь он передает свое детище ему, Эйкену, и пусть все увидят, как дерзко он им распорядится.

Небо, проглядывающее сквозь защитный купол, было почти фиолетовым, и на нем сверкал ярко-алый солнечный диск с раскаленно-белой сердцевиной. Впереди стеной вставал лес; его темная густая зелень граничила с чернотой, а река, все еще подернутая туманом, раскручивалась до бесконечности, напоминая расплавленное

золото.

— Ну как, справишься?

Справится ли он?..

Вдохнув полной грудью, Эйкен пропустил через себя сокрушительную силу, попробовал ее на вкус, исполнился сознанием божественного могущества. С этой минуты он — Мерси, Алутейн, Альборан и Блейн. И первоклассный принудитель Оуэн Бланшар, и юные операнты Клу и Элаби, и три тысячи связанных воедино рыцарей тану, и сорок ветеранов Метапсихического мятежа, и двадцать восемь их взрослых потомков. Он — Марк Ремилард, бросивший вызов галактике, закованный в холодную броню, из-под которой светится его заряженный энергией мозг.

Он — это все они плюс он сам, их Король!

Теперь Фелиция была уверена, что отыщет его, где бы он ни прятался. Но, облетев Стеклянный замок Гории, порыскав по окрестностям и прилегающим плантациям, с удивлением обнаружила, что его там нет.

Сбитая с толку черная птица полетела вдоль Атлантического побережья к Росилану. Но в леденцовом городе его тоже не оказалось. Неудача постигла ее и в Сазаране, и в верховьях Гаронны (или Баара, как называют эту большую реку та-

ну), и в Амализане, столице золотых приисков, и в Сейзораске, омываемом водами Нижней Роны, и в Дараске на берегу Провансальского озера.

«Куллукет! Любимый!»

Пусть он не откликается на призывы, но после проведенной коррекции ее ясновидение значительно улучшилось, так что ледяную ауру цвета застывшей крови она сможет различить за десять километров. А раз она до сих пор ее не отследила, стало быть, Дознавателя нет ни в одном из французских городов.

Среди зеленеющей долины, раскинувшейся западнее широкого озера, она углядела детеныша антилопы, камнем бросилась на него и полакомилась молочным языком. Немного отдохнув, она снова взмыла ввысь и насмешливо прокаркала что-то, пролетая над Черной Скалой. Элизабет не отозвалась, но ворон и не ожидал ответа.

Когда-нибудь Великий Магистр ей еще пригодится. Кулла она отыщет и без ее помощи. Гораздо интереснее охотиться за ним в одиночку.

Со скоростью ветра она понеслась над Восточными Пиренеями. Возлюбленного не было ни в Геронии, ни в Тарасии, поэтому она пересекла Каталонскую пустыню и быстро достигла Большого Иберийского каньона. Над бурлящим потоком

сиротливо нависала крепость Каламоска — владения Алутейна Властелина Ремесел. Никаких следов Куллукета. Более того — весь город будто вымер.

Ворон призадумался. Повсюду, где он побывал, царило столь же странное запустение. Куда же подевались гуманоиды?

Бескрайние равнины юга поменяли цвет с изумрудного на лимонно-желтый: дождей не выпадало уже два месяца. Зелеными оставались лишь ручьи, болота да низины больших рек, таких, как Протохукар, на берегу которого стоит Афалия.

«Куллукет! Куллукет!»

Вновь ни проблеска рубиновой ауры возлюбленного. И Селадейр Афалийский вместе со своим воинством куда-то исчез. Что же могло случиться? Быть может, Эйкен Драм в Западных Альпах устраивает облаву на мародеров-фирвулагов? Фелиция не стала прочесывать города в верхнем течении Роны, а полетела из Скрытых Ручьев прямо в Горию, где рассчитывала обнаружить свою добычу. Она знала, что Дознаватель теперь охраняет Эйкена Драма, и если король отправится в карательную экспедицию…

Неизвестность томила ее. Пожалуй, хватит

догадок, надо искать методично — повернуть к Средиземному морю, обследовать заброшенный Вар-Меск, потом Барделаск и Ронию. Но день уже на исходе, а от этой сумасшедшей гонки она порядком устала.

«Полечу-ка я на Муласен, — решил ворон, — и завтра начну с новыми силами».

Сердце ее воспарило на черных крыльях, когда она устремилась на юго-запад к Бетским Кордильерам. Домой, в уютную пещеру, к ее сокровищам и верным друзьям-животным!

Скоро там будет и он, закованный в золото. Да! Она представила себе его мускулы в оплетке из драгоценного сверхпроводящего металла и снаружи каждого нервного окончания золотой терминал. Мозгу тоже понадобится разветвленная сеть, которую он сам поможет ей сплести. Потрясающая перспектива! В такой экипировке Куллукет станет великолепным музыкальным инструментом, и она сможет без устали играть на нем, сперва подогревая его хладнокровие простенькими инвенциями и каприччо, а потом переходя к симфониям наслаждения и боли.

«Ах, любимый! С тобой я познала безумную радость восприятия, а теперь исцелилась и готова к еще большей радости воздаяния, коей

наслаждаются все здоровые умы — даже те, кто с негодованием отвергают ее. Мы-то с тобой знаем, любимый, что вид чужих страданий укрепляет нашу силу, наполняет нас ощущением свободы. Мы торжествуем от собственной безнаказанности. Цена, заплаченная другими, — вот наша высшая награда».

(Разве она не страдала, разве не умерла за меня, creucifixa etiam pro nobis [note 19], как ее безмозглый Бог — за нее?) «Я ты примешь славные муки, возлюбленный мой, но не умрешь. Моя любовь слишком велика, чтобы я позволила тебе умереть».

Эйкен приблизился к пещере Фелиции верхом на паутинке одного из множества только что вылупившихся паучков, которых горячий полуденный ветер сдул с вершины. Сверкающая нить повисла на сосне, а он перебрался на край ветки, погруженный в свою паучью думу. А вдруг Аваддон пропустил, не заметил чудовище? На всякий случай паучок с ближнего расстояния сам обследовал внутренности пещеры. Пусто! За окаймленными зеленью уступами, в расщелинах, среди распустившихся бело-розовыми

---

note notes: Note19
распятая за нас (лат.)

гроздьями альпийских цветов тоже никого нет. Он удостоверился, что ни в чреве Муласена, ни по меньшей мере в километре от пещеры Фелиция не прячется.

Паучок спрыгнул с дерева и превратился в золотого карлика. Надежно прикрыв метапсихическим щитом вход в логово, он достал из заднего кармана прочную сетку и расстелил ее на земле. Затем, широко улыбаясь, проследовал во внутренние покои, легко сдвинув с места заслонявшую их каменную плиту.

Вот они, золотые торквесы — стопка повыше его будет. Надо же, сколько натибрила безумная сорока-воровка! Да их здесь тысячи, каждый — как драгоценная раковина, напичканная микроэлементами с фабрики Гомнола. Во всех городах тану такого количества не наберется.

Легкий умственный посыл — и торквесы сложились сами собой в приготовленную сетку, а Эйкен добрался до Копья Луганна.

— Наконец-то! — пробормотал он, беря в руки оружие и батарею к нему.

В последний раз он держал его на неоконченном Поединке Стратегов. Видел бы его сейчас Ноданн! С Копьем наперевес и узлом за плечами он вышел из пещеры и остановился, чтобы рас-

смотреть обретенные сокровища при дневном свете. Дело сделано, пора возвращаться к своим. Фелиция, быть может, никогда и не пронюхает, кто ее ограбил…

Но просто так уйти он не мог.

Эйкен взвился в воздух и перенес огромный узел километра на два севернее вдоль гряды, соединяющей Муласен с его сестрой-близнецом Алькасабой. Оставив торквесы и Копье, полетел назад и вновь завис над зевом пещеры.

— Убрать экран! — скомандовал он. — Перехожу в наступательный режим!

Солнце вмиг засияло ярче, а воздух обрел свою кристальную чистоту. Мозг Эйкена стал расширяться до невероятных размеров, когда вся наступательная мощь метаконцерта потекла в его творческий резервуар, сужаясь в фокусе.

— Эй, парень, осади назад! Никак, ты задумал сровнять с землей проклятую нору? Не смей, слышишь? Это может привлечь ее внимание, где бы она ни находилась. Да и энергетический уровень для тебя великоват, ведь ты впервые ощутил целостность. Так что давай уноси ноги. Покажи ей свою геральдическую фигу и привет!

— Как же, разбежался!

Он захохотал и, точно Зевс, услышал громовые

раскаты своего смеха. Огромная шапка горы откололась и всем своим весом рухнула на тайное обиталище девушки-ворона. Непыльная работенка, а дыма и вовсе нет. Однако же логова Фелиции как не бывало.

Взрывная волна, обжигая, пронзила его, он споткнулся в воздухе, захлестнутый болью. Даже смягченная отдача метаконцерта едва не выпарила всю плазму его мозга.

«Марк, Марк, что такое, Боже, помоги!»

«Безмозглый дилетант! Ты выбрал не тот канал! На нижнем уровне прицела был бы в полной безопасности. Фелиция и та остерегается использовать этот уязвимый творческий модуль».

«Да знаю. Сделай же что-нибудь! Мне больно!»

«Перегрузка убьет тебя так же, как обратный ход и выключение всех систем! Я не знал, что ты такой невежда».

«Ради всего святого, учитель, придумай что-нибудь! Покажи, куда направить мегавзрыв!»

(Приглушенные ругательства в сочетании с эзотерическими образами.) «Понял, куда, Твое Королевское Величество?»

«А? Повтори!»

«Король Эйкен-Луганн, забирай к чертовой матери свои трофеи и возвращайся к остальным.

Я продолжу урок в спокойной обстановке. И надеюсь, на сей раз ты его лучше усвоишь».

Рыцари всех цветов радуги скакали по гранадской степи. Мощные когти халикотериев взрезали сухой торф, вырывая с корнем полевые цветы. Топот копыт распугивал стада газелей и гиппарионов. Саблезубые кошки урчали, не понимая, кто мог потревожить их послеобеденный сон. Неуклюжие дрофы кружили над разоренными в траве гнездами. Дымное солнце медленно клонилось к закату. Столбы пыли поднимались в небо и маячили, точно огромные призраки, на фоне мерцающего защитного балдахина.

Всадники не сдерживали скакунов. Ум каждого был полностью сосредоточен на ведении своей партии метаконцерта, и хотя глаза видели, уши слышали, а сознание воспринимало жару, и запах пыли, и свист луговой травы, но ни у кого не было личных желаний, ощущения собственной независимости. Каждый мозг функционировал как составная клетка Единого Органического Ума, направляя часть психической энергии на удержание исполинского щита и готовя основной ее запас к наступательному броску, который надо будет нанести по первому приказу.

Армию вел к судоходному участку Хенили

король Эйкен-Луганн. К его седлу и к седлам других всадников были приторочены мешки, набитые золотыми торквесами, и те звенели в такт движениям халиков. В руке монарх сжимал позолоченное Копье, подсоединенное шнуром к батарее, — она свободно свисала с мощного крупа. Датчик батареи показывал нулевой заряд, а пять цветных рычажков покрылись соляными наростами, равно как и тонкий, словно игольное ушко, ствол. Пока священное оружие Луганна мертво, но у реки уже ждут техники, способные вернуть ему жизнь. При мысли, что скоро его вновь можно будет использовать, маленькая фигурка короля сияла внутренним светом. Фотонной пушкой он победит Фелицию, покорит фирвулагов и, наконец, завершит то, что было прервано потопом: уничтожит Ноданна.

Все еще одетая в перья ворона, с тщательно зашторенными мыслями Фелиция прилетела на Муласен к своей берлоге. И, не веря глазам, стала кружить над чудовищным оползнем, оказавшимся на месте ее жилища. Деревья, цветущие кусты, водопад с озерком, обрамленным папоротниками — ее купальня, — кострище, грубо сработанные лавки у входа в пещеру, мшистые валуны и каменные дрозды, что сидели на них

и распевали для нее в вечерней тишине, — все исчезло. Маленький горный ручей, где плавала жирная форель, был похоронен под грудами обломков вместе со звериной тропой, приводившей лесных друзей к ее порогу. Единственное живое существо окрест — рысь, Pseudaelurus, сидела на отколотой глыбе, нежась в последних лучах угасающего солнца.

Ворон с криками спускался вниз по спирали. Поначалу он решил, что это стихийное бедствие, но затем разглядел в пыли золотой торквес и взглядом ясновидца обследовал глубины осыпавшейся пещеры. Так и есть, сокровищница ограблена.

— Куллукет! — взвизгнула она.

Эхо раскатилось над головокружительной пропастью, на дне которой зарождалась Хениль. Рысь съежилась, прижала уши.

— Это ты, Куллукет… А еще Эйкен Драм!

Зверек скрылся в развалинах, а черноперая птица села на опустевший камень и перевоплотилась.

На скале возникло фантастическое существо, одетое в черные сверкающие доспехи, оставшиеся от прежней профессии, но подновленные в соответствии с нынешними причудами ее ума.

Грани щитков стали острее, контуры жестче. Ранее открытые руки и ноги теперь были защищены наколенниками и латными рукавицами, украшены изогнутыми шпорами и шипами, напоминающими когти. Передняя часть зигзагообразного гребня на шлеме оканчивалась хищным клювом, задняя уходила к затылку. Из прорези для глаз вырывались два ярких, белых, как вспышка магния, луча. Когда Фелиция обратила взор к степям Гранады, эти лазерные лучи, словно головку сыра, просверлили попавшуюся им на пути гряду метаморфических скал. Фелиция прочесала глазами долину нижней Хенили, наконец углядела свою добычу и, как метеор, как ангел-мститель, ринулась за ней в погоню.

Флотилия на всех парусах шла вниз по реке. Эйкен давал указания техникам, сверлившим ствол Копья, и вдруг последовал резкий телепатический сигнал Марка:

«У вас на хвосте Фелиция!»

— Скорей заканчивайте, ради Бога, скорей! — крикнул Эйкен так громко, что Карвальо и Макджилликадди выронили Копье, и тут же в шипящем озоновом облаке перенесся на флагман:

«Вижу ее!»

На этот раз он сконцентрировался почти мгновенно: глубоко задышал, вбирая в себя текучую энергию, сделал мощный выдох — и жуткий сверкающий шар с воем понесся по направлению к черной колючей точке, четко выделявшейся на фоне закатного неба.

Огненный шар в мгновение ока выжег внизу сорок квадратных километров леса. Чудовищный энергетический всплеск потряс Эйкена. По жилам словно пропустили раскаленную лаву. Мозг не просто горел, а мерцал наподобие переменной звезды, готовый взорваться при каждой вспышке. Противный визгливый голос откуда-то изнутри донимал его: Марк был прав, ты переусердствовал и теперь можешь ставить по себе свечку за упокой!

Но сумасшедшее головокружение постепенно прекратилось, и он, к удивлению своему, обнаружил, что все еще крепко сидит в фокусе Органического Ума, а вместо насмешек и укоров услышал олимпийски спокойное одобрение Аваддона:

«Весьма недурно для обнаженного мозга. Думаю, ты ее приложил».

— Я?!

«На сканере энергетической массы чистый

ноль».

— Твоими бы устами… я тоже почти пустой…

«БОЖЕ, НЕТ, ОНА РЕТРАНСЛИРОВАЛАСЬ! (Туманный образ.) ОНА ПРЯМО НАД ТОБОЙ, БЕЙ, ЭЙКЕН, БЕЙ!!!»

Крик Аваддона бился в перегородки его надтреснутого мозга. У себя над головой он вновь увидел Фелицию, выросшую до невероятных размеров. Она была уже не вороном, а женщиной, одетой в языки белого, трепетавшего, как тонкий шелк, пламени. Лицо чудовища и ставшие совсем черными глаза изливали такой же яркий свет, каким лучился ум. Эйкену почудилось, что защитный барьер над флотилией прорвался. Видимо, что-то вышло из строя в принудительном секторе, не выдержал какой-то жизненно важный компонент, и вся структура вот-вот рухнет.

Но экран тотчас же окреп. Марк Ремилард включил запасные усилители на участке, оголившемся в связи со смертью его человека, Оуэна Бланшара, однако шестое чувство подсказало Эйкену, что эта импровизированная подпорка продержится лишь долю секунды — ровно столько, сколько ему потребуется для переключения на атакующий модуль. Он должен снова выпустить в Фелицию огневой заряд, даже если и сам после

этого не выживет.

На тщательный прицел уже не оставалось времени. По первому запросу он получил колоссальный объем энергии и немедля переправил его по назначению.

Нечеловеческие крики сотрясали эфир. Столкнулись встречные творческие заряды. Детонация от взрыва была беззвучна и бестемпературна, она проявлялась лишь в световом излучении. Отлаженная структура рассыпалась тысячами многоцветных, быстро гаснущих брызг. Тонкая колеблющаяся полоса карминного цвета закрыла собой полмира. Что это? Шов между его и моей болью?.. Живой мостик вспыхнул смертельным белым пламенем, перед тем как провалиться в черноту. Свеча, догорающая в рубиновом подсвечнике. Взрыв смеха. Утробный рев, постепенно затихающий в бездне отчаяния.

— Аваддон?

«Слышу тебя… Король Эйкен-Луганн».

— Мы… достали ее?

«Да. Ее больше нет. Ни мне, ни тебе больше ничто не угрожает. Связь между нами прерывается до того момента, когда наступит твой черед выполнять взятые на себя обязательства. До той поры никаких контактов. Привет».

— Марк… я надорвался. Я умру? Марк?

…

— Марк, ОТВЕТЬ МНЕ!

…

Удивительно, подумал он, от такой мозговой перегрузки мне давно пора бы отдать концы, а я вроде как жив! Вижу свой ум, ветхое переплетение обугленных волокон, бесстрашно сверкающих в пустоте. Выпусти меня из этого гулкого внутриутробного колокола в реальный мир — и я рассыплюсь…

— Чепуха, Эйкен. Главное, держись за меня, я тебя уже почти слепила. Здоровые и хитрые шотландцы так рано не умирают.

«Элизабет?»

— Тс-с!

«Я думал, ты не умеешь проводить коррекцию на расстоянии».

— Не умею. Я рядом. Хватит болтать в конце-то концов! Я уже неделю с тобой вожусь и смертельно устала. Не отвлекай!

«Неделю!..»

Он погрузился в прострацию, не переставая, однако, воспринимать этот шепот. Сотни, да нет, черт возьми, тысячи умов тану. Его народ. И женщина-корректор в золотом торквесе.

«Элизабет! Метаконцерту каюк, да?»

— Тихо! Вы свое уже отыграли. Ага! Вот здесь… *здесь*.

Огни! Множество огней!

Он видел, слышал, чувствовал запах и вкус. Стоило ему приподняться на столе, обитом сукном, как простыня соскользнула, и он остался в чем мать родила. Как будто все на месте. С четырех сторон маленькой палатки натянуты сетки для вентиляции. Сквозь них проглядывает пышная зелень испанского леса и доносится вполне соответствующая обстановке звериноо-змеино-птице-насекомая какофония. Возле него сгрудились Элизабет, Крейн с Дионкетом в простых одеждах корректоров и еще один тану с обветренным лицом, короткой пшеничного цвета бородой и непреклонными голубыми глазами принудителя. Он протянул Эйкену золотые жокейские штаны.

— Погоди, я сам тебе надену.

Сбитый с толку, почти беспомощный король позволил облачить себя в костюм с множеством кармашков. Ничего более неудобного в носке не придумаешь.

— Так с Фелицией покончено? — спросил он.

— Врезалась в Хениль, как метеорит, — Дион-

кет сопроводил это сообщение телепатической картиной. — Взрывная волна отколола глыбу шириной метров двести, и ее накрыло в реке, будто могильной плитой. А вместе с нею кое-кого из твоих воинов.

— Да… Я почувствовал, как их снесло. — Эйкен невидяще уставился в лесной мрак. — Кого?

Элизабет положила руку ему на плечо.

— Девяноста шести душ недосчитались. Алутейн Властелин Ремесел. Артиганн Амализанский. Юный творец из Северной Америки Элаби Гатен. Куллукет Дознаватель… И Мерси.

— Мерси погибла? — Он обвел целителей недоверчивым взглядом. — Нет, не верю!

— Тело не нашли, — сказала Элизабет. — Но не знаю, могла ли она уцелеть в такой лавине. Все русло Хенили перепахано. Обнаружены останки Властелина Ремесел, Элаби Гатена и еще нескольких, рангом пониже. А пожилой Принудитель Оуэн Бланшар скончался от сердечного приступа.

— И чуть всех нас за собой не утянул! — с горечью проговорил Эйкен. — И надо же было старому ублюдку скопытиться, как раз когда Фелиция пошла в атаку! Если б не Марк… — Он зашатался, уронил голову на руки. — Ну и баталия, видела

бы ты! — Он поднял на Элизабет глаза, они горели каким-то странным, напряженным блеском.

— Ты еще долго не опомнишься от похмелья, Эйкен. Побереги свой ум.

Он согласно кивнул, но во всех его жестах уже ощущалось нетерпение.

— Где мы?

— В лагере, где же еще? Возле устья Хенили. Армия ждет тебя. Тяжелораненых не так уж много. Застигнутые лавиной и те, кому обожгло мозг, когда пала оборона, срочно доставлены в Афалию.

Эйкен смущенно улыбнулся.

— Спасибо, что пришла… И прости меня за мой поганый язык, детка. Я тогда малость погорячился.

— Да ладно, — усмехнулась Элизабет.

Эйкен повернулся к бородатому тану, которого узнал и по эмблеме на бирюзовой тунике, и по складу ума.

— Это ты доставил их сюда с Черной Скалы?

Тот едва заметно кивнул.

— Спасибо, Минанан. Может, передумаешь и вернешься, а? Многоцветная Земля теперь уж не та. Все переменилось. Дело для тебя найдется.

Бывший Стратег, а ныне отшельник-еретик улыбнулся одними глазами.

— Я буду наблюдать за тобой с Пиренеев. Заезжай в гости. Только без армии.

— О'кей. — Эйкен пожал руки Крейну и Дионкету, осторожно водрузил шляпу с пером на пульсирующую макушку и уже у выхода задержался, вспомнив о главном. — Не знаете случайно, что с Копьем?

Элизабет подавила вздох.

— Действует. Заперто в твоей каюте, и при нем Денно и нощно Блейн и Альборан.

— Фантастика! — Король одарил медиков лучезарной улыбкой. — Я рад, что не пришлось расходовать его на Фелицию. Такие, как она, недостойны священного оружия. Молодцы мы, что разделались с ней только силой ума. Жаль старину Кулла, но это, наверное, тоже к лучшему.

Нетвердыми шагами он вышел из палатки, обернулся и весело помахал им всем. Снаружи, перекрывая лесной шум, раскатились приветственные кличи, а затем на судах, стоявших в заливе Гвадалквивир, грянула Песня.

Стекая с Муласена, река Хениль проложила себе новое русло среди обломков. Все мертвые тела были погребены, так что вездесущим шакалам и прочим стервятникам попировать не удалось.

Глубоко в недрах могильного кургана, точно

в темной часовне, едва-едва теплилось белое пламя, выжигая остатки масла из рубиновой лампады.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КОРОЛЬ ШУТОВ

1

Морейн Стеклодув пробирался впотьмах по заброшенному фабричному складу. Тонкие струйки стекали с мокрых жестких волос за ворот плаща. Он чихнул. Да, ненастно для середины июня. С Нового моря дует студеный ветер. Даже погода в Многоцветной Земле и та словно взбесилась, горестно размышлял он.

Скорей бы прилетал Село со своим корректором! Морейн в отчаянии сверлил глазами черное небо. Может, все-таки раскрыть маленький психореактивный зонтик? Баловство, конечно, однако железная выдержка — не единственное достоинство тану, а разумная осторожность вовсе не признак трусости и морального разложения.

Он снова чихнул, и невидимый зонтик тут же раскрылся над головой. На всякий пожарный Морейн навертел вокруг промокших ног небольшой инфракрасный кокон. Что могло задержать Село? Уже час назад он обещал быть здесь. Не то чтобы Морейну не терпелось избавиться от своего подопечного, нет, Стеклодув почитал великой честью заботиться о Стратеге и был горд его похвалами. Ноданн радовался как ребенок, когда

он раздобыл редкостные элементы для починки Меча, отреставрировал доспехи, изготовил новую латную рукавицу на деревянную руку. Ох уж эта рука!

Но по мере того, как к нему возвращались силы. Стратег все больше томился вынужденной пассивностью. Во время пересменок на соляных рудниках он стал потихоньку выползать из тайного каземата в траншеи. Заметить его могли только рамапитеки, а они болтать не умеют. Но поскольку Ноданн, тренируя свой ослабленный психокинез, принялся помогать мартышкам в погрузке и разгрузке тележек, возникла опасность привлечь внимание серого мастера. Морейн положил конец этим забавам, и тогда Стратег от безделья пристрастился играть с мышами. Тучи грызунов, поселившихся в сточных канавах у крепостных стен, проникали на фабрику, и не раз потрясенный Морейн заставал совершенно невероятную картину: сидя на куче стеклянного лома и являя собой карикатурный образ Аполлона Сминтея, Ноданн командует своим миниатюрным воинством, а маленькие хвостатые твари маршируют взад-вперед — занимаются строевой подготовкой.

Да, пора ему перебираться в Афалию, наращи-

вать себе руку, чтобы дурные предзнаменования не подтвердились.

Хотя ноги согрелись. Стеклодува вдруг охватил леденящий ужас. Однорукий воин! Согласно вековым преданиям тану, это самое верное знамение Сумеречной Войны, Прихода Мрака.

«Морейн», — прозвучал в мозгу тихий оклик.

«Наконец-то! Сюда, Село! Я здесь, внизу!»

Два темных всадника начали по спирали спускаться вниз; кожаные плащи и тела иноходцев поблескивали в слабом освещении окутанного туманом города. Несколько секунд — и они очутились на территории склада.

— Привет тебе, Брат Творец! — поздоровался Морейн с лордом Афалии, когда тот спрыгнул с седла.

Затем повернулся к другому всаднику, и кровь застыла у него в жилах. Ошибки быть не может: хрупкая фигурка явно принадлежит человеку, женщине, а ум хотя и плотно зашторен, однако нетрудно догадаться, что никакой она не корректор. Морейн не вчера на свет родился, чтобы не узнать Сестру по гильдии.

Она подняла забрало шлема, и Морейн не сдержал громкого восклицания:

— Ваше Королевское Величество! Вы живы! А

говорят… Мы оплакивали вас… и других жертв чудовищной Фелиции…

— Необходимая предосторожность, — объяснила Мерси. — Проводите меня к мужу.

— О да, конечно!.. — Морейн дважды чихнул. — Чтобы ввести в заблуждение узурпатора… Понимаю! Извольте следовать за мной.

Они привязали иноходцев к ограде и вошли в барак, набитый устаревшим оборудованием. Морейн открыл потайную дверцу, и все трое очутились в подземном переходе, каких много пролегало под городом стеклодувов. Путь им освещало только психокреативное пламя, сверкавшее на пальце Морейна; с пустыря, где рамапитеки разрабатывали кристаллический углекислый натрий, доносилось журчание соленых ручьев.

Вскоре они проникли в дымное помещение, наполненное оранжевым сиянием. Белые и пастельно-розовые отложения были подернуты сажей, напоминая адские фрески, оживающие в неверном свете. От ручейков исходили зловонные испарения. Маленькие мартышки с огромными блестящими глазами в дубленых шкурах и защитных рукавицах обрубали тесаками из небьющегося стекла щелочные сосульки, нагру-

жали их в тележки и катили к подъемнику.

— Ну и дыра! — заметила Мерси. — Бедные зверушки!

— Они работают посменно, не более шести часов, — попытался оправдаться Морейн. — А запах серный, неядовитый, к тому же есть доступ свежего воздуха. Эти шахты, высокочтимая леди, просто рай по сравнению с золотыми приисками Амализана.

— И он все время торчит здесь? — не слушая его, потрясенно спросила Мерси.

Туннель уходил все глубже. Воздух спертый, за стенами непрерывный гул

— то ли от водопада, то ли от каких-то машин.

— Всемилостивая Богиня! — пробормотал Селадейр, стягивая с головы капюшон. — Настоящая душегубка! Далеко еще, а, Мори?

Стеклодув наконец остановился у запертой на засов двери. Доски слегка вибрировали от доносившегося изнутри шума.

— Туда! — Стеклодув снова воспламенил кончик пальца, взглядом отодвинул засов и распахнул дверь, что, казалось, вела в Тартар.

Перед ними открылся огромный люк. Оттуда воняло, как из клоаки; воздух стал градусов на пятнадцать холоднее. Мерси ахнула, а Селадейр

опять надвинул капюшон и опустил забрало.

— Ступайте за мной, только осторожно! — предупредил Морейн, Шагнув на узкий настил и засветив поярче палец. — Это подземный отрезок реки Вар. По ней мы спускаем промышленные отходы в континентальный шельф. Когда-то это был участок в несколько сот лиг, а теперь Новое море прибывает, и он становится короче с каждым днем… Здесь направо.

Они наконец свернули в ответвление тоннеля, где было сухо. Морейн отпер последнюю дверь, и несколько десятков мышей выскочили из-под ног.

Мерси, оттолкнув Стеклодува, ворвалась в каморку, чуть больше прорубленной в солончаках ниши, освещенную и обставленную крайне скудно. Посреди каморки стоял Ноданн, бледный, осунувшийся, золотая голова упирается в потолок, на исхудалых плечах белая шерстяная туника. Он протянул Мерси руки — одну из плоти, другую из дерева.

Она разразилась слезами. Ноданн обнял ее, прижал к груди, в которой билось пылающее сердце, и сказал Селадейру и Морейну:

— Оставьте нас. Подождите наверху. Я знаю дорогу.

Как только оба рыцаря затворили за собой дверь, Ноданн оторвал свою возлюбленную от пола и нашел ее губы. Умы их издавали бессловесные возгласы, что были по ту сторону счастья и боли. Они живы, они вновь соединились, но душевный голод, испытанный за все прошедшие студеные месяцы, едва ли можно было утолить первым объятием. Слишком мало было у них времени, слишком долгий предстоял путь, чтобы они решились растратить на банальный экстаз столь необходимую жизненную силу. И потому объятие демона было легким, как вздох, а блаженство его возлюбленной — кратким, точно взмах ресниц под слепящим лучом солнца. Они стояли вплотную друг к другу, отогреваясь в нежном слиянии умов.

— Как изменило тебя материнство, — заметил он. — Ты просто кладезь утешения.

— Да, для тебя, — уточнила она. — Теперь я не покину тебя даже ради Аграйнели. Она — только моя плоть. А ты — душа моя, мой ум, моя жизнь! Как могла я усомниться в том, что ты жив? Как могла принадлежать другому? Ты простишь мне мою измену?

— Если ты простишь мою. — Он рассказал ей про Голду. — Я изменил не по своей воле, но не

скрою — от этого греха испытал необъяснимое наслаждение. А теперь жалкая полукровка носит первого сына в моем потомстве, сына, которого я должен был подарить тебе, Розмар!..

— Не печалься, любимый. Теперь мы вместе, и все снова встанет на свои места.

Она почувствовала, как напряглось его тело. Он чуть отстранился, две горячие руки — мягкая и жесткая — сильнее стиснули ее плечи.

— Вот что… Тебе, возможно, придется вернуться к нему.

— Нет! — выкрикнула она, и ужас ножом полоснул ее по сердцу. — Зачем? Что ты задумал?

Он отвернулся, начал снимать тунику. Потом из-под матраса своей походной койки извлек два узла — один со стеклянными доспехами, другой — с исподним.

— Он законно провозглашен королем, и низложить его будет не так-то легко. Оставим пока в стороне вопрос о том, получу ли я поддержку всего нашего воинства, и рассмотрим чисто стратегический аспект. Ты ведь знаешь, Мерси, он грозный противник. Я его не улавливаю… Даже когда не носит защитных приспособлений, он все равно слишком силен, чтобы я мог проникнуть в его мозг. Только с твоей помощью я сумею его

отследить — ты будешь рядом с ним и подашь мне сигнал.

Ум королевы все еще был окутан туманной завесой. Глаза глубже, чем море, тоже затуманились слезами.

— Мы едва обрели друг друга, а ты уже меня гонишь!

— Я не гоню, — вымолвил он с тоской в голосе.

Она вдыхала экзотическое тепло его обнаженной груди, вслушивалась в стук его сердца.

— Я сделаю, как ты хочешь, любовь моя, но только… мне было видение…

Прядь длинных золотистых волос упала ей на лицо. Все тело содрогалось под плащом из шкуры молодого олененка. Стараясь унять эту дрожь, он еще крепче прижал ее к себе.

— И что ты видела?

Она открыла ему свои мысли:

«В нем моя смерть. Он убьет меня, хотя и любит. Точно такое же видение было связано у Кулла с Фелицией». (И как странно, что мы, двое приговоренных, смогли утешить друг друга!)

— При чем тут Кулл?.. Я верю, что Эйкен тебя любит, но убить?.. Вздор! Как он может убить леди Творца, чья энергия несет жизнь?

— Она несет жизнь тану, — прошептала Мер-

си, — но не людям. Вспомни Брайана, ведь он умер по моей вине.

В тоне Ноданна прозвучала циничная насмешка.

— Но твой Сиятельный утверждает, что в его жилах, как и в твоих, течет кровь тану. Если сам он верит собственным россказням, то едва ли посмеет поднять на тебя руку.

— Это как посмотреть. Мое творчество сильнее, потому что оно направлено на созидание, а его — на разрушение. Быть может, он завидует. Да и вообще Эйкен из тех, кто, не задумываясь, принесут любовь в жертву власти. Он уже раскаивается, что полюбил меня. Со мной он не чувствует себя в безопасности, а значит, мне лучше умереть.

— Ну, не такое же он чудовище, как Фелиция.

— Нет, — произнесла Мерси. — Он мог бросить Кулла ей на растерзание и таким образом спастись, но не сделал этого. Знаешь, Эйкен сам чуть не погиб и до сих пор еще не восстановил свои силы.

— Знаю, — удовлетворенно кивнул Ноданн. — И рассчитываю на это.

Она в конце концов подняла на него глаза.

— Так ты настаиваешь, чтобы я вернулась? О мой демон, конечно, я это сделаю. — Глаза ее дико

сверкнули. — Я почту за счастье умереть за тебя.

Он просунул голову в вырез нательной рубахи.

— Даже если Эйкен заподозрит, что я жив, он все равно не причинит тебе зла. Ни один мужчина в здравом уме не станет убивать ту, которую любит.

— Ни один тану, — невесело усмехнулась она. — Люди, сердце мое, совсем иначе устроены… Но ты не обращай на меня внимания. В Содружестве всякие предчувствия, предзнаменования считались пережитками. Кое-кто им все же доверял, но таких записывали в разряд шарлатанов. И ваши ясновидцы тоже немногого стоят. Подумать только, Бреда заявила, что Элизабет — главнее всех в мире! Эта никчемная, вечно неуверенная в себе особа! Я-то знаю, кто в мире самый главный. Ты!

Ноданн быстро облачился в золотисто-розовые доспехи; выражение его лица оставалось серьезным.

— Ну, скорей уж, тот загадочный оперант из Северной Америки, Аваддон. По сравнению с ним Эйкен и я просто дети.

В глазах у Мерси мелькнул испуг.

— Этот ведет какую-то свою игру. Село подозревает, что он хотел погубить Эйкена вместе с Фелицией. Говорит, во время метаконцерта он за-

метил странные умственные всплески. Впрочем, не мне об этом судить. Меня накрыло обломком скалы, и я бы не выбралась, если б не Селадейр. Он мне помог, и мы вместе решили разыграть мою гибель. Я спряталась, а Село предъявил всем мой шлем.

Ноданн задумался.

— Значит, Аваддон хотел натравить Фелицию на Эйкена? Гм, вполне вероятно… Может, мне удастся заключить с ним соглашение?

— Попробуй, — ответила Мерси. — Его дочь в Афалии.

– *Что*?!

Мерси кивнула.

— Ей раздробило тазовую кость, и корректоры решили не отправлять ее в Горию, а сперва подлечить во дворце Село. — Она лукаво прищурилась. — Смотри, Стратег! Клу Ремилард — потрясающий психокинетик и неплохой корректор. Когда поправится, она ничем не уступит Великому Магистру. Шикарная блондинка. Как раз в твоем вкусе.

Аполлон откинул золотую голову и захохотал. Потом взял ее лицо в ладони.

— В моем вкусе только одна женщина, я ждал ее восемьсот лет. — Его прекрасные глаза блеснули,

и он поцеловал Мерси в ложбинку меж бровей.

Она ухватилась за его настоящую руку.

— Позволь мне остаться в Афалии, ну пожалуйста! По крайней мере до твоего окончательного выздоровления. Не отправляй меня к нему, пока мы хоть чуть-чуть не заполним пустоту внутри.

— Ладно, — согласился он. — Только ненадолго. Чтобы нарастить новую руку, надо провести девять месяцев в Коже, а этого я позволить себе не могу. Я выступлю против Эйкена сразу же, как соберу силы. Пока ум его не окреп.

Мерси отпрянула.

— Ты что, собираешься сражаться с ним одной рукой?

— Чтобы держать Меч, и эта сгодится. — Он сжал в кулак деревянные пальцы. — Правда, выглядит неказисто, но служить может.

Она пощупала протез.

— Дерево? О нет! Такой материал не для тебя, мой демон. — Глаза ее пошарили по стенам комнаты. — Тебе бы золото подошло, но у нас только два торквеса! — Потом она перевела взгляд на посуду, из которой Морейн кормил высокого гостя. — Серебро! Леди Творец в знак своей любви подарит Стратегу серебряную руку.

Она тряхнула кудрями, и тускло поблескиваю-

щие тарелка, кувшин, кружка вдруг засветились, расплавились и, слившись в бесформенное, искрящееся облако, осели на вытянутую деревянную ладонь.

— Серебро! — опять воскликнула Мерси. — Ноданн Серебряная Рука!

Дело сделано. Грубое приспособление, выточенное Айзеком Хеннингом, исчезло. На его месте красовалась точная копия недостающей руки, отшлифованная до зеркального блеска и так ладно подогнанная, что даже стык не был виден. Мерси наклонилась, поцеловала каждый серебряный палец, затем ладонь.

— Буду ее носить, пока не расправлюсь с Эйкеном Драмом, — пообещал Ноданн. — Пока не сяду на трон Многоцветной Земли рядом с моей королевой.

Он надел латные рукавицы и распахнул перед, ней дверь. На обратном пути через тоннель они даже не замечали витающего в нем зловония, и света им было не надо, потому что их сияющие лица рассеивали мрак.

2

— Эй, вы там, готовы? — донесся изнутри гулкий голос Бетси.

— Так точно! — отозвался Уклик, разматывая провода.

— Проверь магнитную гидродинамику в третьем отсеке, — приказал Бетси.

Технику были видны только пышные юбки на облицованном металлокерамикой полу; верхнюю часть туловища, казалось, поглотил экзотический механизм, над которым колдовал Бетси.

— Вроде нормально, — доложил Уклик.

Из люка высунулась и повисла в воздухе рука с наманикюренными ногтями.

— Ну, теперь либо починим, либо доломаем. Давай сюда термоиглу номер десять, вон ту розовую, с ихним кодом.

— Держи! — Уклик проворно положил устройство на ладонь инженера.

Послышался странный шипящий звук. Струйки дыма обвили туго затянутую корсетом талию. Затем визгливый фальцет выдал целую серию красноречивых эпитетов елизаветинской эпохи.

— Черт, жабо припаял!

Он оторвал обугленные кружева, поправил унизанный жемчугом парик, надвинул маску и снова нырнул в чрево машины.

Опять что-то зашипело, и раздался странный перезвон.

— Слава Богу! — Голова Бетси вновь появилась на поверхности. — Теперь посмотрим внешнюю оплетку.

Техник с нарастающим волнением стал изучать перфокарту.

— Ажур, Бетс!

— К полету готовы?! — заорал Бетси.

— Готовы! — проворковала баронесса.

— Включить зажигание!

Задраив люк, Бетси услышал резонирующий гул всех шестнадцати генераторов экзотической машины. Он облизнул накрашенные ногти и ухмыльнулся.

— Чарли, слышишь меня? Включить сеть-Икс!

— Есть включить сеть-Икс, — отозвалась баронесса. — Эй, ребята, мы полетим наконец или опять наземные испытания?

Бетси стряхнул с себя пыль. Роскошное парчовое платье абрикосового цвета было в нескольких местах разодрано, от рюшей на манжетах оста-

лись одни ошметки. Но жемчуга над глубоким декольте, отороченным золотистыми кружевами, переливчато сияли. Он снял маску, засунул ее в ридикюль.

— Огни для дураков дают добро, — объявила баронесса Шарлотта Амалия фон Вайсенберг-Ротенштейн. — И сеть, как видите, надежная. Голосую за полет. До ужина еще есть время.

Бетси скосил глаза на причудливо раскинутые крылья машины, вспыхнувшие лиловым светом ро-поля.

— Ладно, была не была! Взлетаем!

Пальцы баронессы замелькали над приборным щитком, Бетси, шумно выдохнув, рухнул в кресло, Уклик облокотился на бак для горючего, задумчиво покусывая усы и не сводя глаз с перфокарты.

Машина без малейшей вибрации вертикально ввинтилась в небо и медленно полетела над кромкой кратера по направлению к стоянке остальных птиц.

Из микрофона донесся голос связиста:

— Ого! Добро пожаловать, номер Двадцать Девятый! Ты уже на ходу?

— Скоро выясним, — кратко откликнулась баронесса. — Держи нас на экране, Понго.

Небо за стеклами машины из кобальтового ста-

ло фиолетовым, потом черным. Люди на борту не ощущали движения или ускорения; лишь стремительное мелькание по левому и правому борту да экзотические приборы свидетельствовали о том, что они находятся на краю земной атмосферы и движутся со скоростью двенадцать тысяч километров в час. Баронесса лихо управлялась с рычагами управления и скоростей, и машина в ответ совершала головокружительные зигзаги.

Затем она ринулась назад, к земле, и зависла над кратером, раскинувшимся к северу от плиоценового Дуная, как скорбная отметина: тысячу лет назад здесь разбился Корабль Бреды.

Матово-черная ракета теперь больше, чем когда-либо, напоминала птицу. В свободном скольжении она изящной ласточкой покачивалась над озерной гладью. Внизу, по южному берегу чаши, выстроились двадцать восемь других длинноногих экзотических птиц, опустив крылья и уткнувшись носом в землю, как бы в глубокой задумчивости. Кое-где края Риса обвалились, из опаленной растительности торчали осколки металлокерамики. Несколько машин не выдержали испытаний. Одна взорвалась на старте, другие не удалось отремонтировать, поэтому их «раздели» и каркасы сбросили в озеро.

Из сорока двух аппаратов, обнаруженных месяц назад бастардами Бэзила, этот двадцать девятый был последней машиной, спасенной благодаря упорству Бетси и его команды. Реабилитация экзотических птиц стоила жизни двоим пилотам и четверым техникам, а инженер Шеймус Максуини однажды ночью, набравшись во время смены, вывалился из люка и сломал обе ноги.

Если не считать этих издержек, экспедиция оказалась на удивление успешной.

— Возвращаемся, — сообщила баронесса радисту. — А хороший ход у этой двадцатьдевятки.

— Чарли! Наконец-то! А мы, признаться, уже поставили на ней крест.

Бетси глубоко вздохнул и сказал во второй микрофон:

— Я тоже, Понго. Если б Дмитрий не придумал этот финт в третьем отсеке, мы бы так и не оторвались от земли. У меня чертов драндулет уже в печенках сидит.

— Как бы там ни было, Бетси, такое, кроме тебя, никто бы не сделал, — раздался другой голос.

— Это ты, Бэзил? — спросила баронесса.

— Да, малышка, я наблюдал за вами на экране. Великолепное шоу. Праздничный стол накрыт. Антилопье жаркое под соусом из дикого чеснока.

Уклик часто задышал.

— Все. Последний птенец из гнезда вылетел, — пробормотала баронесса-пилот.

Легкий толчок обозначил соприкосновение ро-поля с посадочной площадкой. Сухая трава задымилась, и машина ткнулась носом в землю. Баронесса погасила фиолетовую сетку, отключила все системы и откинулась в кресле, рассеянно глядя на мертвые приборные щитки.

— Я танцева-а-ать хочу-у…

Бетси ободряюще похлопал ее по плечу. Уклик уже откинул люк.

— Пойдем, Чарли, дорогая. Наш благородный вожак, поди, заждался. А мне не терпится узнать, где он намерен спрятать нашу эскадрилью.

— Улететь бы на край света! — сказала баронесса. — И никогда не возвращаться в это проклятое место. В плиоценовой Австралии или в Китае небось нет ни фирвулагов, ни наших психов, мечтающих стать королями Вселенной. Ох, Бетси, как хочется украсть эту машину!

— Твои настроения многим известны. И Бэзилу тоже, имей в виду.

— Да уж, недаром он выставляет охранение — якобы от фирвулагов. Бэзила не проведешь.

— А ты как думала? — Бетси разгладил эспа-

ньолку и заговорщически подмигнул обведенным фиолетовыми тенями глазом. — Хватит с него Шеймуса.

— Шеймуса?.. Да не может быть!

— Почему не может? Он рисковый малый. Да и специалист, каких поискать. У них с Тонгзой наверняка сговор был. Вот только они просчитались, посвятив в свои планы Софронисбу Джиллис. Вот поистине верная душа.

Баронесса загоготала.

— Так это Фронси выкинула старину Шейма из люка в ту ночь? Думаешь, он предложил угнать машину?

Бетси пожал плечами.

— Бэзил не отстранил бы от работы инженера только из-за пьянства. А его закадычный дружок пилот после того случая стал как-то пугливо озираться. И я его понимаю: когда такая дама, как мисс Джиллис, следит за каждым твоим шагом, поневоле заробеешь.

— Фронси в роли вышибалы? Боже мой!

— Бэзил — настоящий лидер и любит своих бастардов. Но за долгие годы, проведенные в академических джунглях, он достаточно хорошо изучил человеческую натуру, чтобы понять: летательные аппараты — соблазн для любого из

нас, даже самого преданного.

Они направились к люку.

— Тэффи Эванс тоже служит сторожевым псом. И Назир. И работяга Бенгт Сэндвик. Да, теперь припоминаю, они глаз не спускали с нас во время испытаний, особенно когда становилось ясно, что машина полетит. Ну и ну!

Баронесса зацепилась каблуком за какой-то шнур. Холеная рука елизаветинского трансвестита проворно и твердо подхватила ее, хотя дама весила на добрых пятнадцать килограммов больше его. Она удивленно заглянула в его блестящие зеленые глаза.

— А может, и ты этим спортом увлекаешься?

— Ужин стынет, — отозвался Бетси и кивком указал на люк. — Только после вас, мадам.

Первая машина спустилась на десять тысяч метров над ослепительно сверкающим узором горных пиков.

— Фантастика! — воскликнул Понго Уорбертон и выровнял ход машины. — Бэзил, какова ж их высота?

Бэзил и Альдо Манетти несколько минут колдовали над экзотическим индикатором, фиксируя на карте все подъемы и спуски центральной части массива.

— Самая высокая вершина, Монте-Роза, девять тысяч восемьдесят два метра, — взволнованно сообщил бывший профессор Оксфорда. — Соседние — около восьми тысяч.

— Это что, выше Эвереста? — поинтересовался Понго.

— Эверест доходит до восьми тысяч восьмисот пятидесяти, — заявил Альдо. — В зависимости от того, сколько выпало снега и как давно убирали мусор, оставленный туристами со всего света.

Пилот опустил машину еще ниже.

— Потрясающе! — прошептал Бэзил.

— Девственная красота! — добавил Альдо. — Ей-Богу, сейчас заплачу!

— И выше точки в плиоценовой Европе нет? — допытывался Понго.

— Нет, — откликнулся Бэзил. — Геологи утверждают, что в этот период Альпы были выше Гималаев. Позже они значительно понизятся — ледники, тектонические утряски и все такое. Бедная Монте-Роза уступит свой приоритет Монблану. В Содружестве она числится только второй по высоте в Европе, и лишь местные жители да такие заядлые скалолазы, как мы с Альдо, знают это название…

В наушниках послышался голос радиста:

— Первый, первый, я двенадцатый. Высота двенадцать километров.

— Держи ее, — сказал Бэзил. — Любуйся пейзажем, пока мы с Альдо отыскиваем для птичек подходящую холодильную камеру.

— Неужели будем высаживаться? — Бэзил не узнал голоса на связи — настолько тот был искажен отчаянием.

В первой переправе поневоле участвовали все бастарды. Только проводник от ревунов Калипин остался на кратере.

— Да, — отрезал Бэзил. — Таков мой план.

В ответ послышалось странное истерическое хихиканье.

— Эй, девочки, кто собирается прыгать с нашей птички, не забудьте меховые комбинезоны и ледорубы.

— Ну и льдины! — уныло откликнулся чей-то голос. — Легче растопить сердце Фронси.

— Главное преимущество этого места в его неприступности, — пояснил Бэзил. — Ни один гуманоид, даже летающий всадник, сюда не доберется. А зверей отпугивают разреженный воздух и холод.

— Кое-кто из тану умеет летать и без иноходцев, — возразил Тэффи Эванс. — И эта сволочь

Эйкен Драм — тоже.

— Разумеется, стопроцентной безопасности мы обеспечить не можем, — признал Бэзил. — Но если правильно выбрать укрытие, машину быстро засыплет снегом, и обнаружить ее с помощью… э-э… сканирования будет очень трудно. Кроме того, карта маскировочной площадки в единственном экземпляре будет храниться только у лидера первобытных. Когда нам понадобятся машины, мы легко растопим наст слабым лучевым пламенем.

Радиоперекличка продолжалась, пока Бэзил и Альдо производили разведку на местности. Их машина села в горной долине, возле северного склона Монте-Розы; с него сошли ледники, но в середине июля он был все еще покрыт свежим снегом. Скалолазы хорошо акклиматизировались на больших высотах и вдобавок сравнительно недавно прошли омоложение, поэтому, наказав Понго Уорбертону не высовываться, они оделись потеплее и начали, как дети, бегать по сугробам, обследуя поверхность звуковыми бурами.

Наконец Манетти присел отдохнуть на уступе и поднял глаза к вершине.

— Идеальная площадка для начала восхождения, а?

— Согласен. Здесь над уровнем моря… постой-

ка… пять тысяч девятьсот двадцать четыре метра — что ж, разбег вполне приличный. — Он слегка понизил голос. — Знаешь, я ведь затем и прибыл в плиоцен, чтобы найти и покорить Монте-Розу. Вот и добрался.

— Может, война долго не продлится?

Бэзил поднес к глазам подзорную трубу и начал обозревать долину.

— Н-да, комфорта маловато. Заходить на посадку можно только с севера. Не представляю, как мы будем подвозить сюда припасы.

— Да очень просто. Мы же решили спрятать две машины в Вогезах. А позже, когда обучим летный состав, можно будет переправить в более удобное место всю замороженную эскадрилью. Это, конечно, не моего ума дело, но тебе не кажется, что твои опасения насчет угона несколько преувеличены? К чему такая перестраховка?

— Приказ старика Бурке. Я только выполняю приказы, как библейский центурион, и готов быть им до конца дней.

Альдо встал, потянулся.

— Ну, давай сажать остальных? Нам же еще возвращаться за второй партией. Думаю, сегодня мы без труда переправим всех.

— Надо будет выставить дополнительный

дозор у кратера, — сказал Бэзил уже на пути к самолету. — Ведь случись что-нибудь — домой не на чем будет добираться... Правда, как заметит в далеком будущем твой земляк Ювенал, «quis custodiet ipsos custodes?» note 20

— Может, и я бы не устоял, если б умел обращаться с этими штуковинами, — засмеялся Альдо и добавил: — И если б не соблазн залезть в один прекрасный день на Розу — с тобой, compare mio note 21.

— Мы так близки к цели, Альдо. Теперь особенно обидно будет, если произойдет что-нибудь непредвиденное...

— Что может произойти? Да не волнуйся ты, завтра будем дома!

Бэзил, казалось, не разделял его оптимизма.

— У меня есть причины для волнений, поверь.

— Неужели опять Тонгза? — Альдо презрительно выпятил губу. — Не думаю. Фронси такого страху нагнала на этого провизора, что он теперь в отхожее место один не пойдет.

— Нет, боюсь, дело посерьезней будет. Хотя незачем тебя этим обременять. Я руководитель

---

note notes: Note20
Кто устережет самих сторожей? (лат.). — Ювенал. Сатиры, VI, 347-348

note notes: Note21
приятель (итал.)

экспедиции и должен справиться сам.

— Да уж, доля центуриона незавидна. Если не ошибаюсь, им иногда приходилось и отдавать приказы.

Некоторое время они шагали молча. Оказалось, что и в снежной стране солнце припекает вовсю. Уже на подходе к машине они стащили через голову вязаные шлемы и расстегнули спасательные жилеты.

— Будь здесь вождь Бурке, — снова заговорил Бэзил, — уж он бы не стал медлить. А мою кровь, видно, разжижили столетия цивилизации. Можно я задам тебе гипотетический вопрос?

— Валяй, — растерянно проговорил Альдо.

— Предположим, прошлой ночью наш испытанный товарищ в разговоре с другим испытанным товарищем попытался склонить его к измене. Второй, будучи моим… ммм… тайным осведомителем, притворился, что клюнул на приманку, а сам доложил обо всем мне.

— Господи Иисусе Христе!

— Предположим, до сих пор гипотетический изменник вел себя образцово. Допустим, это человек выдающихся способностей, очень нужный нам человек, но не пилот, потому и надеялся совратить пилота…

— Но, ради всего святого, с какой целью?!

— Чтобы выдать координаты места стоянки Эйкену Драму… за обычных тридцать сребреников.

— Оставим твой вопрос в области гипотез, — пробормотал Альдо. — Итак, у тебя два выхода. Numero uno: ты без лишних слов кончаешь с этим ублюдком, не дожидаясь, пока он найдет более податливого пилота. Numero due: если он действительно нужный нам человек, ты сажаешь его в колодки, как бывало на Лилмике, и говоришь ему, что он жив, покуда не рыпается.

Бэзил стиснул зубы и кивнул.

— И какой из двух выходов, по-твоему, благоразумнее?

— Трудно сказать… пока, насколько я понял, дальше слов дело не зашло, так?

— Да. Предложение моему информатору было сделано в крайне осторожной форме, однако намерения вполне ясны.

— Черт его знает… А если твой агент неправильно понял? Или у него свой камень за пазухой? — Манетти утер пот со лба.

— Я уже думал об этом.

— Почему бы не понаблюдать за предателем? Не намекнуть ему, что ты в нем сомневаешься? Возможно, он пойдет на попятный, решит, что

игра не стоит свеч. И тогда он тебе еще пригодится. Здесь, в плиоцене, специалисты на дороге не валяются.

— Верно. Спасибо за совет, Альдо, ты мне очень помог. Другой на моем месте вряд ли пошел бы на компромисс. Но мы, альпинисты, в душе неисправимые романтики. Я считаю, что каждому необходимо дать шанс.

Уже взбираясь по трапу, Альдо глянул через плечо и улыбнулся профессору.

— Умение найти психологический подход порой важнее увесистого кулака.

— Надеюсь, ты прав, — отозвался Бэзил. — От души надеюсь.

Бэзил застонал, заворочался на своем надувном матрасе. Кто-то тряс его за плечо. Снаружи доносились отрывистые голоса и отчаянные всхлипы.

— Бэзил, проснись, — повторил Бенгт Сэндвик. — У нас ЧП.

— Проклятье!

Вожак бастардов заставил себя подняться и взглянул на ручной хронометр. Почти четыре. Голова кружилась (видимо, горная болезнь). Слова Бенгта доходили до него с трудом. Он нащупал ботинки и сунул в них гудящие ноги.

— …треснул по башке Назира и хотел увести Единицу. К счастью, мистер Бетси подоспел с шоковым ружьем…

— Кто? — устало спросил Бэзил, хотя уже знал ответ.

— Альдо Манетти. Он уговорил баронессу сесть за штурвал.

Бэзил натянул рубаху и вышел из палатки. Тэффи Эванс скрутил руки альпинисту; тот все никак не мог прийти в себя — выстрел оглушил его. Баронесса Шарлотта Амалия находилась в стальных объятиях Фронси Джиллис. Бетси сменил свой роскошный наряд на летный комбинезон на молнии, в котором чувствовал себя гораздо мобильнее, однако парика не снял. Стоя чуть сбоку, он держал обоих пленников под прицелом «Гускварны».

Бэзил подошел поближе к Альдо.

— Стало быть, выход numero due тебя не устроил?

Альдо не смог собрать необходимых сил для плевка: слюна потекла по загорелому подбородку.

Бэзил отвернулся и опять взглянул на часы.

— Скоро рассвет. Пора сниматься с якоря. — Он окинул взглядом два высоких черных силуэта

машин, четко выступавших на фоне сереющего неба и кратера. — Жаль, нет деревьев. Впрочем, сойдет подножка люка.

— Что ты задумал? — взвизгнула баронесса.

— Привяжите их к шасси Единицы. Всем готовиться к полету.

— Что ты задумал?!

— Задумал повесить тебя, моя радость, — ответил Бэзил и вернулся в палатку, так как впопыхах не успел одеться.

3

Бодуругал, главный корректор Афалии, закрыв глаза, сидел на стуле посреди темной реабилитационной камеры, полностью сосредоточившись на работе. Такого успеха даже он не ожидал. С тех пор как ему пришла идея совместить великолепно сочетающиеся мозговые функции пациентов под своим корректирующим контролем, у обоих наступило значительное улучшение. В частности, произошла полная регенерация атрофированного правого полушария мужского мозга под влиянием женского. Одновременно и женщина стремительно выздоравливала. Восторг Бодуругала не поддавался описанию, причем к чисто научному триумфу примешивалась некая сентиментальная радость.

Тела стояли бок о бок в одних набедренных повязках, недвижимые, как алебастровые статуи, обернутые плотно прилегающей прозрачной Кожей. Однако между рыцарем тану, женщиной и корректором происходило активное общение. И кроме того, пациенты в Коже разговаривали друг с другом на интимном калане.

Клу. Неужели вы не видите, что ваше поколение постигла та же участь? Родители все за вас решили. А вам не только не дали слова, но и лишних вопросов велели не задавать. В точности как нам.

Кугал. Могло ли быть иначе? Наши отцы покинули Дуат ради свободы своих убеждений, ваши тоже, насколько я понял.

Клу. Да, во всяком случае, так они утверждали. А мы долгие годы верили им.

Кугал. И в конце концов изверились… Что ж, и среди нас есть еретики.

Клу. Критическое восприятие действительности вовсе не ересь… Разумеется, если ты способен мыслить свободно.

Кугал. Хотите сказать, что мы на это не способны?

Клу. Не только вы. Мое поколение было в равной мере сковано невежеством, пассивностью, страхом. Но в жизни рано или поздно наступает момент, когда мы обязаны разрешить наболевшие вопросы, как это ни опасно.

Кугал. Простите, я не понимаю.

Клу. Рассказать вам нашу историю?

Кугал. Да… Время у нас есть. Возможно, мы тоже проявили невежество и пассивность в от-

ношениях с вами. О вашем обществе мы могли судить лишь по малой его части — по волонтерам, путешественникам во времени. Тех, кто не был наделен метафункциями, мы использовали в сфере обслуживания, а латентных приняли в свою духовную семью. И лишь Ноданн предчувствовал угрозу в развитии наших связей, но в большинстве своем мы не слушали его предостережений. Слепота и глухота удобнее, знаете ли.

Клу. Знаю.

Кугал. Но я вас перебил. Начните с самого начала. Расскажите, как среди вас возникли операторы. И как зародилась идея Мятежа.

Клу. Вам известно, что население Старой Земли крайне медленно культивировало свои естественные метафункции, до тех пор, пока племена гуманоидов не вышли с ним на связь и не побудили примкнуть к Содружеству.

Кугал. Припоминаю. Нам об этом рассказывал человек, бывший у нас Главным Генетиком.

Клу. Операторы, жившие в конце двадцатого столетия, начали стремительно приближаться к статусу умственного Единства. Но по мере возможности они скрывали свои таланты от обычных людей. Одни — в особенности это касается Принудителей и Творцов — занимались

совершенствованием собственных метафункций. Другие, настроенные альтруистически, изучали умственную деятельность, ставили опыты на себе и на других оперантах и впоследствии выработали специальную технику, которая позволила целому ряду одаренных людей достичь максимальной близости к Единству. Эти ученые слепили маленькую и несовершенную копию Единого Ума Содружества и заявили о своем открытии. Содружество восприняло это как сигнал тревоги, подтолкнувший его к Великому Вторжению две тысячи тридцатого года. Оно было начато несмотря на то, что основная часть человечества находилась пока на очень примитивном уровне психологической зрелости. Повыше, конечно, чем тану, но по сравнению с пятью расами Единства мы были самыми настоящими варварами.

Кугал. Так мы с вами варвары? Вот, значит, в чем тайна совместимости наших генов?.. Но извините, я опять вас перебиваю.

Клу. Одним из главных центров метапсихологии на Земле стало отделение Дартмутского колледжа в Северной Америке. До Вторжения его возглавляли Дени Ремилард и Люсиль Картье. Оба обладали высокой степенью мегаактивности и принадлежали к схожим этносам. Совместная

работа сблизила их, и вскоре они поженились. Это были мой прапрадед и прапрабабка. Из семерых детей Дени и Люсили самым мощным оператором был младший — мой дед Поль. Он родился через год после Вторжения и прошел метапсихическую подготовку еще в утробе матери — тогда эта техника считалась неслыханной, потом стала стандартной. Поля называли «Человеком, который продал Нью-Гемпшир», поскольку именно его стараниями маленькая североамериканская область стала межпланетным центром мегаактивности в составе Содружества.

Кугал. И ваш род укрепил свои позиции.

Клу. Безусловно. Поля первым из людей избрали в Консилиум, руководящий орган Галактического Содружества, куда входили исключительно Великие Магистры, то есть люди, изрядно поднаторевшие в психоанализе и решении этических задач. Поль также произвел на свет блестящую плеяду оперантов. Его старший сын сделался Великим Магистром первого класса, одним из величайших умов галактики.

Кугал. Это ваш отец, человек по прозвищу Аваддон?

Клу. Да… Такую кличку ему присвоили во время Мятежа. В нашем Священном Писании есть

глава, где говорится о конце света, когда силы добра и зла вступят в последнее единоборство. Аваддон возглавляет армию демонов. У него есть и другие прозвища: Ангел Бездны, Разрушитель. Мой папа…

Кугал. Единоборство перед концом света! В нашей религии оно тоже есть. Мы называем его Сумеречной Войной, Приходом Мрака. Тану и фирвулаги были изгнаны с Дуата, их родной планеты на краю галактики, именно за то, что собирались ее развязать. Но вмешалась Бреда, и ее муж Корабль доставил нас сюда. А теперь Селадейр и его приспешники уверены, что Сумеречная Война произойдет в Многоцветной Земле!.. Простите, Клу, я все время вас прерываю. Вы хотели рассказать о Мятеже вашего отца.

Клу. Я мало что знаю о нем. Мне был только год, а моему брату Хагену

— два. Наши родители составили какой-то колоссальный заговор с целью учредить абсолютную власть человечества в Содружестве. Папа со своими сотрудниками — доктором Стейнбреннером и другими — выработал план, согласно которому мы, их дети, со временем должны были стать сверхчеловеками, ультрапсихологами. После переворота мятежники намеревались

ввести план в действие, но, разумеется, затея провалилась. Папа никогда подробно не рассказывал о том, какие виды имел на нас, а все записи тщательно стерты из памяти компьютеров. Но думаю, план его был ужасен, потому что мама…

Кугал. Можете не продолжать. Я и так вижу. Мне очень жаль.

Клу. Нет, папа нас любит. Я не верю, что он мог бы сознательно причинить нам зло.

Кугал. И все же чем кончилась та история?

Клу. Мятеж вспыхнул в две тысячи восемьдесят третьем году. Военные действия длились меньше восьми месяцев. В нем участвовали практически все операторы, а также миллионы обычных людей. Потери были огромны не только на Земле, но и на захваченных мятежниками планетах. Против папы выступили брат Джон — он на четырнадцать лет моложе — и его жена Доротея. Джон Ремилард был мутантом. Когда он достиг совершеннолетия, у него уже не было тела, а только обнаженный мозг, который по усмотрению владельца мог принимать какие угодно формы. В моем описании дядя выглядит чудовищем, но в Содружестве его причислили к лику святых, после того как ему удалось подавить Мятеж. Жена Джона также была Великим

Магистром и специализировалась на метаконцертах. В результате несчастного случая она лишилась половины лица, но не пожелала его регенерировать, поскольку ущербность стала своеобразным символом ее власти. Она носила алмазную маску.

Кугал. Джек Бестелесный и Алмазная Маска… Я слышал о них от Гомнола.

Клу. Они оба умерли, а папа жив. После поражения он провел уцелевших через врата времени… В том числе меня и Хагена.

Кугал. Вовек не забуду тот черный день, когда мы сражались с ними в Пустынных пещерах. Они разделали нас под орех, а потом ушли на запад, за океан. Король Тагдал повелел вычеркнуть этот эпизод из нашей истории.

Клу. Да, папа переправил нас в Северную Америку. Он вовсе не хотел с вами сражаться. Многие получили тяжелые ранения, да и сам он чуть не умер от ожогов мозга. Мы поселились на сказочном острове под названием Окала. Все дети, кроме нас с Хагеном, родились уже там.

Кугал. И почему же вы покинули его, раз он такой сказочный?

Клу. Пока были детьми, мы поневоле следовали за нашими родителями. Папа перетащил в

плиоцен кучу всякого оборудования. Сразу после выздоровления он построил обсерваторию и начал обследовать звезды в поисках другой метаактивной расы. Он убежден, что если найдет ее, то сумеет основать новое Единство и таким образом осуществит свою грандиозную идею о владычестве над миром здесь, в плиоцене. Многие из его соратников верят, что он на это способен. Папа кого угодно убедит… Но шли годы, тысячи звезд были обследованы без какого бы то ни было результата, старики начали отчаиваться, вплоть до того, что начались самоубийства… Кого-то папа вынужден был убрать, кто-то пристрастился к наркотикам, иные просто устранились. И все это происходило у нас на глазах. И мало-помалу мы решили, что пора жить своим умом, а не папиными бесплодными мечтаниями. Сперва была сделана ставка на Фелицию, хотя мы заинтересовались вами еще до ее появления в плиоцене. С помощью довольно грубых приборов, расширяющих ясновидение, мы постоянно следили за тем, что делается в Европе.

Кугал. Ну да, детки от скуки наблюдают за низшими формами жизни! Как за муравьями, правда, Клу? И однажды вам пришла в голову мысль: а что, если взять да и залить муравейник

водичкой?..

Клу. Нет!

Кугал. А для чего тогда вы помогли Фелиции разрушить наш мир?

Клу. Нам нужна была Многоцветная Земля. Не сама по себе, а как ступень для возвращения в Содружество.

Кугал. В Содружество? Назад через врата времени?! Но это же невозможно!

Клу. Почему? Элаби Гатен… он погиб в сражении с Фелицией… уверял, что можно создать дубликат машины времени, установленной в Содружестве. На компьютере мы изготовили полный комплект чертежей. Но мой брат вместе с другими бежал с Окалы и забрал с собой все оборудование и все карты минеральных месторождений.

Кугал. А ваш отец? Как он к этому отнесся?

Клу. Поначалу резко отрицательно. А теперь… не знаю даже… Кажется, мы заставили его пересмотреть свои взгляды. Во всяком случае, он понимает, что на Окалу мы не вернемся, что у нас есть право идти своим путем. После всего, что случилось с Фелицией и Эйкеном, папа, вероятно, даже поможет нам. А заодно и вам.

Кугал. Что вы имеете в виду?

Клу. Папа насильно высадил Хагена и других на побережье Африки. Сидя там без дела, они внимательно изучили ход битвы с Фелицией и по телепатической связи сообщили мне свои выводы. Тану в силу своей примитивности вряд ли отдают себе отчет в том, как странно развивались события на реке Хениль. Надеюсь, и Эйкен Драм ничего не заподозрил.

Кугал. Объяснитесь!

Клу. Хорошо. Давайте рассмотрим составленную папой программу метаконцерта. Конечно, мы тоже слишком неопытны, чтобы до конца в ней разобраться, но одно совершенно очевидно: папа хотел, чтобы в этом сражении погибли и Фелиция, и Эйкен.

Кугал. Всемилостивая Богиня!

Клу. При всем папином могуществе ему далеко до Фелиции. Он сознавал, что, даже собрав все умственные силы в метаконцерте и бросив их против нее, ходит по лезвию ножа. А если бы им удалось наладить фотонное Копье, то опасность увеличилась бы вдвое… Ну так вот, в проведении наступательного метаконцерта есть целый ряд вариантов. Но во всех случаях солист рискует гораздо больше прочих. Папа выдал Эйкену программу, которая предусматривала выжимание

из их связки всей психоэнергии без остатка. Вздумай Эйкен использовать ее целиком — как он, вероятно, и поступил бы в случае паники — удар такой мощности, пройдя через мозг, убил бы его, как и Фелицию. Но после пробного взрыва на горе Эйкен испугался и потому смягчил первый удар. А папу это поначалу ввело в заблуждение: он решил, что с Фелицией покончено.

Кугал. Да-да, помнится, Аваддон передал, что ее масса и энергия равны нулю. Но потом… честно говоря, я толком не понял, что это значит… он сказал, что Фелиция… транслировалась.

Клу. Ретранслировалась. На нашем специфическом жаргоне это означает, что она переместилась в другое измерение. На такое даже в Содружестве способны лишь единицы. Иначе это называется телепортацией.

Кугал. Корабль Бреды!

Клу. Что?

Кугал. Гигантский живой организм, ее супруг… Корабли достигали сверхсветовой скорости при помощи одной силы ума. И вы хотите сказать, что Фелиция…

Клу. У нее это могло получиться бессознательно, просто защитная реакция. Но Хаген считает, что она все время следила за лучом папиного

ясновидения, и пока тот находился на внешнем модуле, сбила его с толку!

Кугал. Разве она не за Эйкеном охотилась?..

Клу. Все произошло в долю секунды. Когда Фелиция вновь возникла в небе прямо над головой Эйкена, папа немного изменил тактику. Он руководил тылами, но в момент первого удара быстро переключился на внешний модуль наступательного канала. После ретрансляции защитный экран начал рушиться. Оуэн Бланшар умер на месте. Судя по форме пробоин в экране, его убила папина вспышка. А потом папа сумел сгруппироваться и поддержать распадающуюся оборону, прежде чем принял участие в завершающем ударе.

Кугал. Значит, Фелиция не нанесла никакого ущерба вашему отцу?

Клу. Ну да, не нанесла! Нет, он тоже пострадал, иначе почему не выходит на связь уже больше месяца?

Кугал. Но он ведь продолжал действовать после ретрансляции?

Клу. Вот именно, и его закрутило в мозговом энергетическом вихре, по мощности не уступающем водородной бомбе. Но папа Великий Магистр и умеет наращивать потерянную энергию. Прав-

да, когда он снимает скафандр и отключает искусственную нервную систему, у него начинается головная боль. Хаген в этом понимает лучше меня. По его словам, на сей раз боль была такой сильной, что папе пришлось отправиться в барокамеру. Вот почему эфир между Европой и Северной Америкой в последнее время был подозрительно чист.

Кугал. Какая удача для вашей команды!

Клу. И для вашей тоже.

Кугал. То есть?..

Клу. Слушайте и постарайтесь понять. Я уверена, что у тану, у нас и у папы теперь общие цели. Если мы еще хотим пожить на этом свете, всем надо объединиться.

Кугал. А Эйкен Драм?

Клу. Он должен был умереть. Но не умер. Бьюсь об заклад, Фелиция *сама* в последний момент отвела от него удар. Бог знает как и почему. Она мертва и уже ничего не объяснит. А Эйкен живехонек, только ослабел немного. Теперь у него есть программа, и он в состоянии обойтись без посторонней помощи. Он уже может сам устраивать метаконцерты, причем не подвергая себя ни малейшей опасности. Поэтому, как только он чуть-чуть оправится, то выступит против вашего

брата Ноданна и его клики, а поджарив ваши мозги, займется папой.

Кугал. Или вами.

Клу. Мы хотим всего лишь вернуться в Содружество, и все. Помогая нам, вы ничего не теряете. А у нас есть что вам предложить.

Кугал. Это я уже заметил.

Клу. Ну, в данном случае помощь была обоюдной. Я почти здорова, причем исцелилась в три раза быстрей, чем в нашей барокамере.

Кугал. Я думал, идея Бодуругала — сущий бред. Потеря брата-близнеца мне казалась невосполнимой. Считалось, что биотехнические возможности Кожи не распространяются на полушария головного мозга. А вышло вон что…

Клу. Да, налицо дополнительная адаптация. В человеческой медицине известны случаи, когда левое полушарие с успехом выполняет функции правого и наоборот.

Кугал. Быть может, вы не только регенерировали мой мозг, но и научили меня человечности.

Клу. Боюсь, до этого еще далеко. Впрочем, ничего невозможного нет.

Бодуругал открыл глаза и улыбнулся. Исполняемый пациентами дуэт психокинеза и коррекции оказался на удивление гармоничен. Собственно

говоря, его вмешательство стало уже излишним. Он поднялся со стула и подошел к двум неподвижным фигурам — мужской в золотом торквесе и женской в венце золотистых волос.

— Пожалуй, пора оставить вас наедине. Еще неделя — и будете как новенькие. Весьма обнадеживающее начало.

Наклонившись, Бодуругал чуть поправил Кожу на уровне точеной ножки Клу Ремилард.

— Весьма обнадеживающее, — повторил он, выходя из палаты интенсивной терапии.

4

Когда Мерси в конце июля вернулась в Горию, здоровье Эйкена, подорванное схваткой с Фелицией, постепенно пошло на поправку. Мозговые травмы затягивались. Рассказанная королевой легенда была в общих чертах такова: после того как ее затянуло в оползень, она утратила память и бродила одна по лесам восточнее Хенили, пока на нее не наткнулись неокольцованные собиратели цветов и кореньев; они, разумеется, ее не узнали и доставили в Афалию, лишь когда отыскали редкую разновидность орхидей для оранжереи леди Пеннар-Йа, жены Селадейра. Хотя история выглядела малоправдоподобной, Эйкен принял ее без оговорок и не сделал ни одной попытки проникнуть в мозг жены. Мерси вернулась живой и невредимой, на его страсть отвечала с прежним пылом — ему этого было достаточно, да и ее устраивало.

Погожим августовским днем они отправились на берег пролива Редон посмотреть на испытательные полеты, которые проводил Йош Ватанабе, готовясь к Великому Турниру. Король, королева и большая свита придворных удобно

расположились под огромным тентом, наслаждаясь свежестью бриза. На пикнике лилось рекой охлажденное медовое вино, а потешные сражения были увлекательны и порой опасны.

Первыми в воздухе появились легкие ромбовидные змеи из Нагасаки. Несущие поверхности были покрыты осколками стекла и ярко разукрашены красными, белыми и голубыми узорами. Когда один змей прорвался сквозь оборону противника, хорошо обученные рыцари тану хором прокричали традиционное: «Кацуро!» и рассчитались по ставкам, в то время как Йош, сияя и раздувая щеки, излагал дальнейший ход событий.

Подхваченные ветром большие воздушные змеи свободно парили на фоне стоящего в зените солнца. Среди них были десятиугольники «Саньо» почти в половину роста тану с изображением отважных самураев и драконов на крыльях, и прямоугольные «О-дако» размером семь на пять метров, украшенные сказочными рыбами, птицами и образами японского фольклора. Тяжеловесные боевые аппараты с экипажем от пяти до десяти человек не отличались большой маневренностью и могли участвовать лишь в лобовых схватках. Побежденный змей, сотрясаясь, терял

управление, и победитель увлекал его за собой на землю, нарушая таким образом весь строй. Последний приземлялся плавно и торжественно, тогда как его незадачливый противник летел вверх тормашками, превращаясь в скомканную массу разорванной бумаги и беспорядочное нагромождение бамбуковых палок.

Как только ветер окреп, на берег вынесли двух настоящих гигантов, коим отводилась роль не в отборочном, а в главном турнире. Параметры «О-дако» достигали четырнадцати с половиной на одиннадцать метров и восьмисот килограммов. Бесчисленными канатами они были привязаны к временным помостам, а на другом конце каната сплетались в один толстенный, накрученный на тяжелую лебедку. Авиатор висел на нижней раме с легким противовесом и управлял полетом при помощи специальных постромок; однако основные маневры осуществляла с земли команда из пятидесяти человек посредством свободно висящих канатов, которые крепились к несущим частям змея огромными карабинами.

Когда все было готово к запуску, Йош в своем роскошном самурайском облачении подошел доложить об этом королю. Его сопровождал помощник по имени Вилкас, угрюмый литовец в

сером торквесе и не менее живописных, чем у начальника, одеждах.

Йош церемонно поклонился Эйкену и Мерси.

— Позвольте предложить вашему вниманию первую демонстрацию воздушного боя. — Он подал королю для осмотра несколько странное оружие — кривое лезвие, насаженное на длинный шест. — Это нагината. Сейчас мы с Вилкасом будем биться им в воздухе. Учтите, что бой чисто тренировочный. Воины будут без страховки, тогда как в настоящем бою вся конструкция, включая бамбуковую раму и бумажное покрытие, защищена страховочной сеткой.

— Опасная, должно быть, игра, — сочувственно заметила Мерси.

Юная принудительница, нянчившая Аграйнель в отсутствие королевы, подошла с ребенком на руках и встала позади раскладного трона. Мерси взяла у нее девочку и принялась тихонько ее покачивать, в то время как Йош продолжал свои объяснения.

— Да, для обычных людей, таких, как Вилкас и я, действительно есть риск. Но мы сводим его к минимуму и тем самым увеличиваем зрелищность мероприятия, привлекая к делу мощных психокинетиков. — Японец почтительно покло-

нился человеку в золотом торквесе, что стоял рядом с высокой и статной Олоной. — Лорд Салливан-Танн любезно согласился поддерживать Вилкаса в полете.

Эйкен рассеянно перевел взгляд на Салливана.

— А трудно быть наземным тягачом?

Плюгавый психокинетик пожал плечами и самодовольно усмехнулся.

— На мой взгляд, совсем просто.

— И как проходит игра? — спросил Эйкен Йоша.

— Тягач дает телепатические установки не только спортсмену, но и наземной команде. Ему также дозволено порождать ветер, но только для своего змея. Противодействие аппарату противника становится основанием для дисквалификации. Поэтому манипуляция с ветром ограничена периодами, когда воины находятся довольно далеко друг от друга, если, конечно, ветродуй не обладает поистине отточенным мастерством. Думаю, вам понятно, что тесная связь с наземной командой улучшает управление в моменты клинча. Если игрок запутался в постромках, обязанность тягача не дать ему грохнуться наземь. Вот почему лоцманами в данной игре могут быть только психокинетики.

Эйкен кивнул. Улыбка его казалась вымученной, а глаза-щелочки горели лихорадочным огнем на пергаментно-бледном лице. На нем были золотые джинсы и черная рубаха, расстегнутая у ворота.

— Итак, твоего противника сегодня поведет Салливан. А кто же будет твоим ведущим?

— Я надеялся, вы окажете мне эту честь, Эйкен-сама.

— О Ваше Величество, соглашайтесь! — пропищала Олона. — Я уверена, победа будет за вами!

Салливан побагровел перед лицом такого предательства со стороны своей молодой супруги, но тоже выдавил из себя:

— И я прошу вас, мой король, возьмите второго змея.

Эйкен заколебался.

— Но я еще не в форме…

— Если меня собьют, — сказал Йош, — то вам не придется держать весь аппарат. Достаточно спустить на землю меня. А я со всеми потрохами вешу шестьдесят четыре килограмма.

С видимым усилием Эйкен поднялся.

— Черт с вами, попробую. Ты проделал большую работу, Йош. Продолжай в том же духе!

Йош ухмыльнулся.

— Не сомневайтесь, босс. — И вместе с Вилкасом поспешил к стартовой площадке.

Эйкен снова сел, глядя на суетящихся спортсменов. Жара усиливалась по мере того, как заходящее солнце нависало все ниже над тентом. Салливан и Олона вполголоса пререкались, Аграйнель капризничала, а Мерси прилагала умственные усилия к тому, чтобы успокоить и развеселить ее.

Наконец королю надоело это нытье.

— Ты что, не видишь. Мере, ребенок голоден! Пусть Олона ее покормит.

— Ах ты, бедная крошка! — запричитала принудительница, охотно принимая ребенка и вытаскивая из выреза голубого шифонового платья налитую продолговатую грудь. — Проголодалась, Гранечка! Ну иди к няне!

Ребенок начал жадно сосать. Раздражающее блеянье перешло в восторженные всхлипы.

— Отойди с ней в глубь навеса, милочка, — сказала Мерси. — Там попрохладнее.

— Слушаюсь, моя королева. Принести ее обратно, когда она насытится?

Выражение лица Мерси было отсутствующим, почти отрешенным.

— Найди какой-нибудь тихий уголок и убаюкай

ее. Она, очевидно, перевозбудилась. Наверно, не надо было ее брать сюда, но… мне так не хотелось с ней разлучаться.

Кормилица, словно боясь, что Мерси передумает, отвесила поспешный поклон и удалилась.

— Жена любит Аграйнель как собственную дочь, моя королева, — заметил Салливан.

— Вижу. Я несказанно благодарна ей за то, что она кормила малышку, пока я… отсутствовала. Думаю, именно подспудная тревога за Аграйнель помогла мне преодолеть амнезию в джунглях Конейна.

Эйкен тихонько хмыкнул.

— Ну, ясное дело, не за меня же!

Он с преувеличенным вниманием наблюдал за приготовлениями на берегу. Из-под двух огромных змеев убрали помосты, и их теперь удерживали два туго натянутых каната. В окраске змея, порученного Салливану, преобладали алые и золотистые тона, а его эмблемой был великолепный японский воин, нарисованный на фоне цветущих вишневых деревьев. Змей Эйкена выглядел более строго — голубая цветовая гамма в изображении волны цунами, готовой разбиться о скалистый островок.

Салливан изо всех сил старался сохранить свет-

скость, но помимо его воли она была оттенена зловещими умственными обертонами.

— О великая королева, когда Олона вызвалась кормить ваше драгоценное дитя, моему удивлению не было предела. Я думал, что это невозможно для женщины, которая сама не рожала. Не правда ли, тану — загадочная, магическая раса? Так близки людям и столь очаровательны в своей непохожести! Эта странная удлиненная грудь нашла отражение в фольклоре нескольких европейских стран… Эллефольк и Скогра в Скандинавии, Фе во Франции, немецкая Никсен, Агуана в Итальянских Альпах, Джана Сардинии…

— Да-да, у всех фей длинные груди, — мягко перебила Мерси. — А в кормлении нет ничего загадочного, дорогой Танн. Стоит очень сильно захотеть, и гормон пролактина будет выделяться наряду с другими даже у бездетных. Женщина или тануска — никакой разницы. Любовь и желание — вот и вся магия.

— Точней не скажешь, — последовала насмешливая реплика Эйкена. — Но есть и обратная зависимость. Так что нам с Аграйнелью обоим повезло.

Салливан вспыхнул, попятился; из плохо за-

щищенного мозга выплеснулись унижение и бессильная ярость.

Мерси обратила печальный взор к мужу.

— Это верно, у меня уже нет молока. Я была больна, морально раздавлена и не нашла в себе жизненных сил для моей бедной девочки… А на *тебя* их как будто до сих пор хватало. Или я не права?

— Я… пойду, пожалуй, на берег, — промямлил Салливан. — Ставьте на моего змея… Разрешите… Простите… — Он почти бегом выбрался из-под навеса; полы золотисто-розового кафтана трепетали на знойном ветру.

— Как жестоко с твоей стороны выставить его на посмешище, — упрекнула Эйкена Мерси. — Думаешь, он ничего не видит?

— Он идиот. Кастрат… — проговорил Эйкен и устало закрыл глаза. Темно-рыжие вихры взмокли от пота и облепили правильный округлый череп. — Он бы не задумываясь продал меня первому встречному, если б знал, что это сойдет ему с рук. И потом… тебя так долго не было… — Он разомкнул веки и посмотрел на нее ничего не выражающим взглядом. — Мне сказали, что ты погибла, Мерси.

— А правда, что ты обливал слезами мой изу-

мрудный шлем? — В ее голосе проскользнула едва уловимая насмешка.

Он отвернулся.

— Правда. Всю дорогу до Гории я пластом лежал в каюте и не выпускал его из рук. Все мои мысли были о тебе. Хотя шлем искупался в водах Хенили, он все еще хранил запах твоих духов. Да, малышка, я действительно плакал… хотя и знал, что ты жива.

— Вот как?

— Я не думал, что ты вернешься. Это была его идея, не так ли?

На берегу раздавались восторженные восклицания:

— Эге-гей!

— Поднимается!

— Глядите! Глядите!

Вся знать тану высыпала из-под навеса, чтобы получше рассмотреть, как золотисто-алый боевой змей медленно возносится в раскаленное небо, а за ним длинным хвостом тянется его человеческий экипаж. Спустя мгновение змей-цунами тоже воспарил. Йош направил королю телепатическое послание:

«Жду указаний, босс!»

«Начинай», — скомандовал Эйкен.

Два огромных змея словно бы поклонились друг другу и ринулись в первую схватку. Серебряная нагината блеснула на солнце. Каждая команда держала канат толщиной в руку, пока лебедчики ликвидировали люфт.

Эйкен глянул на небо, оценивая силу ветра, потом опять повернулся к Мерси.

— Видимо, ты получила задание наблюдать за мной и доносить обо всем ему. Иначе как он прорвется сквозь мои щиты?

С надменным, неприступным видом она откинулась на подушки; золотистые волосы рассыпались по загорелым плечам и составляли ослепительный контраст с зеленым платьем.

— Я буду рядом с тобой, пока нужна тебе. Нужна или мне уйти?

Голубой змей, поднявшись метров на десять выше алого, неожиданно нырнул вниз. Молнией сверкнуло лезвие нагинаты; Йош перерубил одну из постромок противника. Алый змей отлетел в сторону, и все увидели, как Вилкас поспешно вяжет узел.

— Боишься меня, — заметил Эйкен. — До страсти боишься! Никуда ты не уйдешь. Ты так же дико хочешь меня, как после танца вокруг майского дерева. Я могу дать тебе больше, чем он. И

люблю сильнее. Скажешь, нет?

Алый змей раскачивался, точно взбесившийся маятник, уклоняясь от ударов голубого. Вилкасу удалось вывести из строя несколько постромок, но Йош, казалось, даже не почувствовал этого. Он нацелился на правое крыло противника и резал постромки, отхватывал клочья бумаги, пока раскрашенное лицо самурая не исчезло из виду. Алый змей спустился совсем низко, несмотря на титанические усилия подъемной команды, и болтающиеся ноги Вилкаса едва не задевали чахлые ветви деревьев, росших на верхушках самых высоких дюн.

Эйкен изобразил на лице улыбку. Он больше не глядел на Мерси, но она занимала все его мысли и знала это.

— Ноданн теперь собирает в Афалии своих приверженцев, — небрежно проронил он. — Рассылает депеши реакционерам, обиженным, человеконенавистникам, призывая их под свое солнцеликое знамя. Как думаешь, скольких ему удастся завербовать? И сколько будут весить их мозги, вместе взятые?.. Он сам, Село, его брат Кугал, если ему склеят череп, возможно, старая задница Туфан из Тарасии… Неужели он всерьез надеется свалить меня с таким отребьем?.. Или

задумал починить свою пушку и сразиться со мной на Великом Турнире? Как будто речь идет об избрании сельского старосты.

Зрители разразились громом приветствий. Алый змей вздрогнул; его отбросило назад воздушным потоком, когда Йош перерезал последнюю пару постромок. Вилкас бросил нагинату и вцепился в сетку противовеса. Змей стремительно приближался к заполненной народом песчаной косе и, казалось, вот-вот прихлопнет пилота, словно подхваченная ураганом якорная подушка. Отчаянный умственный крик литовца, усиленный серым торквесом, потряс Эйкена и Мерси. Толпа металась по берегу, команды побросали канаты.

— Черт бы побрал этого Салливана!

Король в ярости вцепился в плетеные подлокотники трона, прищурился, и лицо его исказила мучительная гримаса. Вилкас, запутавшийся в каркасе змея, уже готов был впечататься в упругий влажный песок. А змей Йоша потерял управление, поскольку разбежалась команда, и его быстро уносило в открытое море.

Эйкен глухо застонал.

Вилкас, держась за противовес, вдруг дернулся в сторону и сумел таким образом увернуться от

падения. Спустя несколько секунд он мягко спланировал на землю. Голубой змей, откликаясь на внезапный порыв психокинетического ветра, отклонился от своей опасной траектории и теперь парил на такой высоте, какую позволяла привязь. Лебедчики, позволившие канату раскрутиться, вновь подскочили и вместе с перетрусившей командой спешно задействовали тормозной механизм для плавной посадки. Издалека донеслись радостные крики знати, занявшей наблюдательный пост на вершине дюны, и едва слышные извинения Салливана-Танна на личном телепатическом канале короля.

Мерси встала и, склонившись над Эйкеном, явственно увидела, каких огромных усилий все это ему стоило. Она вытащила из рукава шелковый платок, утерла мужу пот, ручьями струящийся по восковому лбу и заливающий глаза. Когда же его тяжелое свистящее дыхание выровнялось и он, откинув голову, расслабился, она в растерянности проговорила:

— А я и не знала… Это что, все Фелиция?

— Кто же еще? — Он взглянул на нее прищуренными, затуманенными болью глазами. — Теперь знаешь. И можешь его обрадовать. Только напомни ему про Копье, оно работает как новенькое…

и про диковинки, припасенные в подвале на случай, если он вздумает нанести нам дружеский визит.

Мерси промолчала.

— Скажи, чтобы не медлил, — добавил Эйкен. — К вашему сведению, Огненная леди, я очень странное существо. Всякий раз после ночи с тобой силы мои удваиваются. Олона тоже кое-чем помогла, но ты — мое главное лекарство. Оставаясь со мной, ты готовишь его поражение. И свое собственное!

Пальцы Мерси коснулись его туго обтянутых кожей скул и длинного, прекрасно вылепленного носа. Потом она опустилась на колени среди валявшихся у трона подушек и с нежностью поцеловала тонкие, почти бескровные губы. Приподняв умственную завесу, дала ему почувствовать острый вкус страха, неразрывно связанного с желанием.

— Аваддон! — прошептала она. — Роковой властелин моего тела!

— Но не души. Она никогда не будет принадлежать мне.

— Все по-прежнему, все как в Майской роще. Бери все, самозванец, все, что тебе надо. Бери, пока не поздно, ведь когда меня не станет, другой

такой ты себе не найдешь.

5

В конце пути, подыхая от голода и жажды, от бесконечного взбрыкивания вьючных животных, от садистских умственных приемчиков поработителей-гуманоидов. Тони Вейланд крикнул что было сил:

— Я солгал вам! Никаких птиц нету! Я все это выдумал, чтобы вы не искромсали меня на куски, как других. Это была ложь! Я солгал, говорю вам! Убейте меня! Умоляю, убейте!

Перед его ослепленным взором заклубилось огненное облако. Оттуда выглянуло чудовище с одутловатой мордой и прочирикало:

— Всему свое время, первобытный. Умник выискался! Лжет, говоря, что солгал! — Монстр нанес ему страшный удар по нервам, расколов огнедышащую иллюзию на тысячи крохотных оранжевых искр. — Погоди, предстанешь перед Их Величествами, тогда всю правду скажешь, не будь я Червь Карбри!

Видение и впрямь превратилось в червя, в тысячи мерзких червей, что через ноздри заползали в череп Тони. Он захлебывался, визжал, клялся, что больше не будет, и наконец потерял сознание.

Ровена, его нареченная из племени ревунов, подошла, стала утешать.

Порой она была волнующе прелестна, порой принимала свое настоящее обличье, не прикрытый веками глаз смотрел прямо из середины лба, спина и локти были покрыты чешуей, а волосы на голове и в других местах напоминали песцовый мех.

— О Тони, что они с тобой сделали? — говорила она. — Я помогу тебе, любимый. На, попей, поешь. Не бойся, скоро ты обретешь спокойствие в моих объятиях, я буду охранять твой сон, и ничего плохого с тобой больше не случится.

Он почувствовал ее пылкий поцелуй, два ряда жемчужных зубок, никогда не причинявших боли, а словно бы излучающих любовь…

— Ровена, где ты?

Он опять очнулся на спине прыгающего по камням элладотерия и вспомнил: его везут в Высокую Цитадель. Глаза по-прежнему не видели, а тело было крепко-накрепко перевязано веревками, как брауншвейгская колбаса.

— Ровена, где ты, мой цветочек! — стонал он. — Зачем я тебя покинул? Зачем?

— Нетрудно догадаться, зачем, верно, ребята? — прозвучал насмешливый голос Карбри.

Остальные фирвулаги встретили это заявление непристойным гиканьем, фырканьем и гоготом.

— Надо было побольше чеснока есть и трюфелей. Эх ты, слабачок!

— Или жареную ежатину!

— Или корень мандрагоры! Наших баб не так-то легко ублажить! А ревуны, они ведь тоже наши, хоть и страхолюдины.

— Какое там, говорят, у ревунш промеж ног мясорубка!

Веселые чудовища еще долго высказывали свои похабные предположения, но Тони их не слышал. Слезы не могли пробиться сквозь восковые нашлепки на глазах. Ремни из сыромятной кожи до крови врезались в запястья и лодыжки. Подпрыгивание элладотерия перетряхивало все внутренности. Он молил Бога о том, чтобы снова лишиться чувств.

Брошенная Ровена осталась в Нионели и, наверное, до сих пор сотрясает своим ревом стены их уютного гнездышка на краю льняной лужайки; ее преданное сердце разбито. Бедняга Дугал, с неохотой согласившийся сопровождать своего хозяина, должно быть, убит, и тело его валяется теперь где-нибудь в овраге. Остальные, все, кого он предал, тоже, скорее всего, погибли… Орион

Блу, Джиро, Борис и Каролина. Все они его жертвы! А когда он будет ползать на коленях перед монархами фирвулагов (а он, разумеется, будет, если дотянет до конца пути), то это принесет смерть всем, кто сейчас трудится над летательными аппаратами в Ущелье Гиен.

— Я — подлец! — завопил Тони Вейланд. — Подлец! Сволочь! Мой серебряный торквес… зачем они отняли его?

Тело его корчилось в таких неистовых судорогах, что даже глупый элладотерий испуганно зашатался. В конце концов Карбри треснул его как следует по загривку и даровал желанное забвение.

Тони упал, но летел не долго и приземлился мягко — на опилки, или прелые листья, или какую-то дубленую кожу, отдающую хвойным маслом.

— Развяжите его, — произнес незнакомый, острый как бритва голос. — Отмойте немного, а потом втащим внутрь.

— Будет сделано, Устрашительница, — отозвался один из его конвоиров-чудовищ.

Когда ремни были перерезаны, тело его обмякло, почти парализованное. Потом возникло ощущение, будто в лицо направили инфракрас-

ную лампу. Восковые затычки в глазах начали таять. Чьи-то когти поскребли ему переносицу, затем послышался жуткий щелчок. Тони лишился всех ресниц, но зрение вернулось к нему. Стон его был так, слаб, что его едва можно было расслышать в гомоне толпы:

— Воды! — Он протер глаза грязной ладонью.

Солнце слепило нещадно. На ярком фоне выделялся силуэт карлика в пропыленных обсидиановых доспехах — одного из тех, что подстерегали его в засаде, — и великана явно более высокого ранга, чьи черные доспехи были подбиты золотом и усыпаны огромными драгоценными камнями. Глаза последнего напоминали медленно гаснущие угли — должно быть, не инфракрасная лампа, а излучение этих глаз устранило его временную слепоту.

— Дайте ему попить.

Только теперь он понял, что это не великан, а великанша. Кто-то поднес к губам рог с прохладной жидкостью, и Тони благодарно присосался к нему. Второй карлик подошел с тазиком и, намочив тряпку, обмыл лицо и руки, затем грубо помассировал занемевшие конечности, чтобы восстановить кровообращение.

Он огляделся вокруг. Его запихнули в какую-то

конюшню. В дверном проеме виднелась переполненная народом площадь — похоже на ярмарку. По периметру площади высились валуны и каменные обломки, которые Тони сперва принял за естественный рельеф. Но вскоре заметил мириады маленьких окошек, распахнутых дверей, террас, обсаженных альпийскими цветами балкончиков, откуда более состоятельные представители маленького народа созерцали чернь на переполненной площади.

Карликовый рынок был заставлен сотнями ломящихся прилавков под навесами; повсюду реяли знамена с изображением тотемических символов. Торговцы наперебой предлагали пищу, одежду, домашнюю утварь, украшения, ковры, оружие, травы, спиртное, духи и лекарства. Большая толпа собралась у помоста, где продавали с молотка гиппарионов, маленьких резвых лошадок с восторженными и чуть испуганными глазами. Еще одно скопление народа наблюдалось перед входом в яркий шатер, где стояли в почетном карауле два гиганта, держа в руках штандарты, увешанные гирляндами позолоченных черепов. Воздух вибрировал от криков и смеха торговцев, покупателей, зевак, от музыки бродячих карликов-музыкантов.

— Поднимите его, — приказала красноглазая великанша в черных доспехах.

Тони подняли на ноги. Он стоял, превозмогая дрожь в коленях и растерянно хлопая глазами. Маскировочный костюм из оленьей кожи, который он выбрал себе перед побегом из Нионели, был весь заляпан кровью и грязью.

Великанша покачала головой:

— В таком виде его нельзя показывать великим. Во имя Тэ, раздобудьте какую-нибудь попону или плащ, чтобы прикрыть это убожество.

— Сей момент, капитанша!

Один из карликов нырнул в толпу и быстро вернулся с почти чистым пончо из зеленой кожи. Его натянули на голову Тони; Устрашительница Скейта придирчиво оглядела пленника и кивнула, сделав знак подчиненным следовать за нею. Два карлика подняли черные зазубренные алебарды и повели его сквозь шумную толпу. Откуда ни возьмись появился Карбри Червь и милостиво ответил на поклоны низкорослых оруженосцев. Он успел почиститься и освежиться, сменил полевые доспехи на парадные и теперь сиял почти таким же великолепием, как сама Скейта.

— Молодец, Карбри, славная добыча, — похвалила она его вместо приветствия. — Ум у него

как решето — все видно. Одной Тэ ведомо, что Королевские Величества выудят из этого ума, но уж потешимся всласть.

— От первобытных никогда не знаешь, чего ждать, — снисходительно усмехнулся Карбри. — Нам повезло наткнуться на их отряд на быстрине Глубокой реки. Обычно мы не заплываем по ней дальше чем на двадцать лиг, главного пути держимся — вдоль Пликтола. Но тут решили свернуть. Один из наших парней прослышал от кого-то, что там на берегу кореньев больше, чем блох у охотничьей собаки… А вместо кореньев вон какая добыча попалась.

Они пробирались к королевскому шатру. Карлики прокладывали им дорогу алебардами и кричали:

— Дорогу, голодранцы! Дорогу великой капитанше Скейте и герою Карбри Червю!

Под гомон и смешки толпа зевак рассыпалась. Все строили рожи Тони, передразнивали его походку, поскольку он едва волочил ноги. Затем их небольшая группа оказалась внутри большого павильона, полного фирвулаговой знати — кто в доспехах, кто без. Рев толпы стал глуше, и Тони расслышал, как доложили об их прихода. Жуткий монстр, которого Скейта почтительно именовала

Медором, подошел к ним и сообщил:

— Сейчас ремесленники принесут Поющий Камень. А затем ваша очередь. Подходите сюда, поближе. Ей-ей, не пожалеете!

Карлик подтолкнул Тони в спину, и тот очутился у заграждения из красных и золотых канатов. За ним на помосте восседали король Шарн и королева Айфа в окружении знаменосцев. Монархи были в легких одеждах с голубыми, зелеными и серебристыми полосами, а на головах у них красовались одинаковые серебряные диадемы. То и дело к ним подходили пажи с блюдами фруктов и сластей, бутылями пива и сидра, стоявшими в ведерках со льдом, и другими дарами от ищущих королевских милостей. По левую руку от Их Величеств сидел королевский писарь, принимая петиции, жалобы, предложения и доносы.

Вперед выступил главный герольд и громко провозгласил:

— К удовольствию Верховных Властителей и Карликового совета фирвулагов Гильдия Ювелиров и ее предводитель Ючор Кропотливая Лапа представляют на рассмотрение всего племени Великий Трофей!

Собравшиеся фирвулаги испустили единый благоговейный вздох. Коротышки, увешан-

ные регалиями гильдии, пробились к тронам с огромным подносом, на котором стоял Поющий Камень. Это был огромный прозрачный голубовато-зеленый берилл, вырезанный в форме походного стула, какими пользовались фирвулаги и тану на королевских акколадах в ходе Великой Битвы. Сиденье изгибалось мелкой дугой; стул был без спинки, но с витыми подлокотниками. Ножки тоже витые, с украшениями в виде геральдических существ — крылатых драконов Дуата. Резьбу подчеркивала филигрань из платинородиевого сплава. Зеленая шелковая подушечка была расшита нитью из тех же металлов. Где-то в самой глубине камня слабо мерцал свет.

— Отныне и до скончания мира, — продолжал герольд, — Великий Трофей станет новым символом соперничества между маленьким народом и его гнусным врагом!

Последовали приветствия, воинственные кличи, проклятия: «Смерть тану!», «Илахайл Эйкену-Луганну!»

Король и королева подняли руки, призывая к тишине, и герольд закончил свою речь:

— Поющий Камень будет присужден победителю Турнира, что состоится в нынешнем году

на Золотом поле фирвулагов. Он исполнит радостную песнь на его голосов, но только в том случае, если на него усядется истинный Верховный Властитель Многоцветной Земли. А вздумай на него взгромоздиться какой-нибудь выскочка или рыцарь менее высокого ранга, его ждет не торжественное пение, а смерть!

По Тронному залу снова прокатился гром. Многие фирвулаги напялили свои иллюзорные обличья; смешные и кошмарные видения появлялись то тут, то там в толпе нарядно одетых великанов и карликов.

Президент Гильдии Ювелиров приблизился к помосту, куда перед этим его приспешники поставили Трофей.

— Ваши Королевские Величества! Полноправные Властители Высот и Глубин, Монархи Адской Бесконечности, Отец и Мать Всех Фирвулагов, Владыки Всем Известного Мира, извольте лицезреть!

Сияя улыбкой, карлик отступил в сторону, указывая на драгоценный стул. Шарн с любопытством взглянул на Трофей, но не двинулся с места.

Айфа строго ткнула пальчиком в достопочтенного Ючора:

— Ты уверен, что устройство работает?

Мастер сорвал с себя шапку и бухнулся на колени.

— О да, моя королева!

— Только после тебя, милый, — оборотилась королева к мужу.

Шарн величаво прошествовал к Поющему Камню, остановился, повернулся и медленно опустил на него монаршее седалище.

Под сводами шатра прозвучало восемь нот. Они гудели, как огромные колокола, вобравшие в себя множество экзотических голосов. В воздухе словно бы ощущалось чье-то физическое присутствие, и фирвулаги не только услышали, но и прочувствовали их; одна нота отражала и оттеняла другую чудесными гармоническими вибрациями. Казалось, мелодия вызвала отклик всей земли — от окружающих скальных монолитов до самых костей слушателей. Каждая реприза музыкальной фразы была громче, торжественнее, проникновеннее предыдущей.

Клише. Ноты.

Не в силах опомниться от первого потрясения, Тони Вейланд расхохотался. И хотя пение Камня заглушало все звуки, король Шарн все равно расслышал его и встал. Музыка стихла раскатистым

диминуендо, а безумное хихиканье Тони все звучало шокирующим контрапунктом, пока он не осознал, что все умы гуманоидов в негодовании устремлены к нему.

Поперхнувшись смехом, он пробормотал:

— Мм, э-э, видите ли… это… то есть… — И промурлыкал в том же ключе какой-то напев, странным образом слившийся с еще звенящим эхом песни Камня. — Ну, это что-то вроде шутки… Вроде розыгрыша проклятого Денни Джонсона или еще кого-то… Колпак под колпаком, под колпаком колпак!

Гигантский альбинос с просвечивающими внутренностями навис над несчастным Тони, а следом за ним Карбри, Скейта и все карлики.

— Заткнись!

Карбри пожал плечами.

— Ваши Величества, он малость обалдел с дороги. Погодите, он вам все расскажет.

Шарн завертелся волчком, принимая нормальное обличье. Затем поднял руки, и яростное бормотанье, послужившее аккомпанементом неуместному выступлению Тони, стихло.

— Благодарим наших верных слуг из Гильдии Ювелиров и ее президента Ючора Кропотливая Лапа за добросовестную работу, — вымолвил в

наступившей тишине король. — Пусть Поющий Камень отнесут в королевскую сокровищницу, где он будет храниться в неприкосновенности до Великого Турнира, который состоится через десять недель.

Раздались аплодисменты. Айфа нахмурилась, глядя на съежившегося от страха металлурга. Крепко держа за руки, конвоиры скрестили под его подбородком стеклянные алебарды.

— Кто этот ублюдок? — поинтересовалась королева.

— Сейчас допытаемся, — сказал король.

— Я люблю ее всей душой, но она так ненасытна, — рассказывал Тони Вейланд. — Я понял, что мне надо хоть немного передохнуть — иначе конец. То есть… будь у меня мой серебряный торквес, я бы сдюжил. Но с голой шеей…

К счастью, у меня был друг, Дугал, он тоже выбрал себе невесту из племени ревунов на Великой Любви и тоже был на последнем издыхании, поэтому однажды темной ночью мы удрали, решив пробираться в Горию, к Эйкену Драму. Говорят, он дает торквесы всем, кто станет под его знамя… И вы слыхали?.. Что, не дает?.. Ну надо же, никому нельзя верить?..

Так вот, мы с Дугалом держались в стороне от

Нонола и Пликтола: на их берегах непременно встретишь ревунов. Вместо этого мы выбрались к Протосене, реке, которую ваш народ называет Зиколом. Понимаете, мы ничего не знали про гиен.

Мы шли вверх по течению день или два, а потом углубились в какую-то адскую чащу. Около полудня наконец набрели на самшитовую рощу — почти открытое место с большими деревьями. И там-то увидели птиц — летательные аппараты, я имею в виду. Боже, я чуть не свихнулся! Огромные махины на ходулях прятались среди ветвей, а люди что-то с ними делали — Бог их ведает! Мы решили дождаться сумерек в кустах, а потом незаметно улизнуть. Но, наблюдая за людьми, мы поняли, что одну птицу готовят к взлету… Разве можно было пропустить такое зрелище? Будь я проклят, если это не магнитно-гравитационный аппарат, действующий на основе ро-поля, то есть по тому же принципу, что яйцеобразные машины в Галактическом Содружестве. Как они попали в плиоцен — ума не приложу!

— Правда?.. На такой же разгромили Финию?.. Черт подери!

— Ну, словом, поглядели мы, как она взлетела и приземлилась. К тому времени совсем стемнело, а в темноте оттуда не выберешься. Ночью на нас

напала стая гиен и не разорвала на куски только благодаря Дугалу, который как фокусник владеет мечом. Пока отбивались от гиен, наделали столько шуму, что и мертвых можно было разбудить. Из лагеря первобытных подоспели люди и помогли нам расправиться с остатками стаи.

Но, на мое несчастье, один из первобытных меня узнал…

В Финии я носил серебряный торквес. Первобытные захватили меня в плен, срезали торквес и предупредили: или, мол, буду работать на них, или мне выпустят кишки. Пришлось согласиться, но мы с Дугалом улучили момент и сделали ноги. Мы еще тогда решили бежать к Эйкену Драму, но нас поймали ревуны, и… черт… что толку повторяться!

Короче, этот первобытный — Орион Блу — узнал меня, назвал изменником, и они уж было собрались вздернуть нас с Дугалом без лишних разговоров. Но вмешался Бэзил, их вожак в золотом торквесе, и приказал доставить нас в Скрытые Ручьи, на суд вождя Бурке.

Наутро мы тронулись в путь. Нас сопровождали Блу и трое других первобытных. В дороге напоролись на вашу засаду. Остальное вам известно. Когда я увидел, как бедняга Дугал упал и

остальных тоже прирезали, я понял: надо спасать свою шкуру. Ну и завопил про самолеты. Ваш подданный, Карбри, решил доставить меня сюда. Уверен, вы счастливы принять такого гостя.

А теперь жрите мои мозги и будьте прокляты!

Что?.. Да, там было только две машины. Одна на ходу. Другая, наверно, тоже, поскольку вся трава вокруг нее выжжена. Люди таскали туда-сюда какое-то оборудование.

Сколько их было?.. Да мы не считали. Человек тридцать пять, а может, больше… Ну да, как же без охраны? Часовые с железными копьями и стрелами, а один черномазый верзила с шоковым ружьем, ей-Богу!.. При мне они своих планов, разумеется, не обсуждали. Ведь я, если помните, грязный изменник. Двуликий Тони! Сперва предал тану, выбрав жизнь и позволив первобытным срезать мой торквес. Потом первобытных — сбежав с ихних рудников. Потом ревунов и свою жену. А если вы меня сразу не прикончите, то и вас продам! Так-то, тра-ля-ля, лю-лю, ха-ха!

— Ну, что вы скажете? — подала голос Айфа, после того как стражники увели Тони.

— Мы знали, что первобытные снарядили экспедицию на восток, к Могиле Корабля. А теперь знаем, что она увенчалась успехом.

— Как поступим, Ваши Величества? — спросила Скейта. — В Сумеречной Войне и речи быть не может о союзе фирвулагов с первобытными. Они направят машины против нас.

Против короля и королевы за маленьким столом сидели Скейта и ветеран Медор. Они уединились за ширмой в королевском шатре, чтобы взять интервью у Тони, а теперь, когда аудиенция была окончена, задумчиво потягивали охлажденное пиво из высоких стеклянных стаканов.

— Хочу обратить ваше внимание на тот факт, что Ущелье Гиен находится в непосредственной близости от Нионели, — вымолвил король.

— Думаешь, ревуны участвовали в угоне птиц? — усомнился Медор, вытирая пену с потрескавшейся верхней губы.

— Наверняка, — ответил властелин фирвулагов.

— Мы опасались подобного исхода после истории с невестами, — угрюмо проронила Айфа. — Фитхарн Деревянная Нога все разнюхал во время своей дипломатической миссии в Нионели. У нас имеется его подробный отчет, который мы завтра представим на Карликовом совете. Номинально Суголл хранит верность Высокой Цитадели. Его подданные трудятся, как бобры, наводя блеск на

Золотом поле. Но на их поддержку в Сумеречной Войне можете не рассчитывать. Все племя ревунов переметнулось к людям — это голый факт.

— Но с птицами надо что-то решать, — не унималась Скейта. — И дело не из легких. Слыхали, что сказал тот ублюдок? Первобытные железом охраняют машины.

— Если мы станем прорываться туда силой, — сказал Медор, — то раньше времени насторожим Суголла… Или Эйкена Драма.

— Да хрен с ними! — взревела Скейта. — Вот бы захватить эти машины и летать на них самим!

Медор сочувственно посмотрел на нее.

— Разбежалась! Из первых пришельцев и в живых-то, почитай, никого нет, не говоря уже о тех, кто управлял машинами, когда мы покидали Корабль Бреды. Не думаю, что теперь кто-нибудь из нас способен на такое. Лично я не могу, клянусь Тэ, а ведь во всем Совете я единственный хоть что-то смыслю в технике. Нет, птицы нам без надобности.

— Ну, не скажи. — Огромная пасть Шарна медленно растягивалась в улыбке. — Пораскиньте-ка мозгами. Власть в стане врага перешла к ничтожному человечишке, и он засел в Гории прочнее, чем этого хотелось бы Ноданну и Село. Никогда,

помяните мое слово, им не выбить Эйкена из Стеклянного замка с горсткой рыцарей. Даже если у них будет священный Меч.

— Наш Меч! — напомнил Медор.

— Нашел кому объяснять! — огрызнулся Шарн. Как будто не прапрадед моего прапрадеда сражался им в первом Великом Поединке у Могилы Корабля! А придет Сумеречная Война, я возьму его в руки… Если идея моя принесет плоды.

— Я, кажется, догадалась! — воскликнула Айфа. — Ноданн знает, что такое слово чести, не будь он принцем высокожопых! Он никогда не нарушит обещания.

— Кто? — не поняла Скейта. — Какого обещания? Кому?

— Мы расскажем Ноданну о машинах, — объяснил Шарн. — Враг лучше нас в электронике разбирается. Селадейр Афалийский и Туфан — неплохие творцы и оба из первых пришельцев. Более чем вероятно, что они по памяти смогут поднять в воздух птиц. А память подведет, так у них есть технические библиотеки.

— А если тану заберут аппараты себе, тогда сверху нам ничто не будет угрожать! — взволнованно добавил Медор. — Ноданн слишком благороден, чтобы использовать их в Сумеречной Войне.

— А для битвы с Эйкеном это как раз то, что ему нужно, — заметила Айфа.

Медор откинулся в кресле и захохотал во всю глотку.

— Ноданн устроит на коротышку славную Летучую Охоту, не дожидаясь Великого Турнира! И станет королем тану! Вот здорово! А в обмен на нашу помощь…

— Он отдаст мне Меч, — закончил Шарн. — Отдаст, как только завоюет Горию и вырвет Копье из мертвой руки узурпатора.

На лице великанши Скейты было написано благоговение.

— О властитель, мудрость твоя не знает границ!

— Да ладно тебе! — Он отхлебнул пива и подмигнул королеве. — Но временами у меня и вправду бывают наития…

— Когда ты свяжешься с Ноданном? — спросил Медор.

Король напустил на себя таинственность.

— Да вот, выберу ночку потемнее… Он наверняка клюнет — ставлю свою корону! Завтра доложим на Карликовом совете.

Медор поднялся.

— Сказать Карбри, чтобы кончал этого парня…

Тони?

Скейта задумалась.

— Дайте-ка его мне на время. — Она улыбнулась в ответ на изумленные взгляды остальных. — Вы что, не знаете меня? Я консервативна до мозга костей. И все же… надо выяснить поподробнее, что на уме у этих ревунов.

Шарн, Айфа и Медор были явно шокированы.

— Попытка не пытка, — рассудительно заметила Устрашительница.

6

В Афалии почти рассвело, и первый прилив эйфории после переговоров с королем фирвулагов уже схлынул.

Ноданн, Кугал и Селадейр сидели в разоренной библиотеке замка и попивали кофе с бренди.

Пол был весь усеян поисковыми кристаллами — следами маниакальной погони за инструкциями и учебниками по пилотированию древних летательных аппаратов. Наконец их обнаружили — совершенно не в том отделе, и теперь Селадейр, прихлебывая ароматный напиток, манипулировал с видеодисплеем, а двое других пытались выработать порядок действий.

— Вы только взгляните! — говорил Селадейр, демонстрируя на экране увеличенные схемы внутренних отсеков самолета. — Я совсем позабыл о большом багажном отделении в хвостовой части. На борт можно взять около двухсот воинов. А в двух машинах четыреста — неплохой десант, верно? Послезавтра из Тарасии прилетит Туфан со своими, и у нас будет вдвое больше голов.

— Благодарение Тане, старик обучен пилотажу, — задумчиво проговорил Ноданн. — Но ты,

Село…

— Я прошел шестичасовую подготовку на Дуате! — запротестовал ветеран.

— Кто еще может этим похвастаться?

— Когда ты ее прошел? — скептически бросил Кугал. — Тыщу лет назад?

— Так ведь в учебнике все черным по белому написано, — возразил Село.

— Управление предельно простое — никаких вывертов. Держи ее на высоте, прикрывай щитом, а после с короткого радиуса — бац по золотому ублюдку из Меча! Поглядим, как ему теперь поможет сигма-поле!

— И все-таки, по-моему, лучше, если кто-нибудь из молодых творцов…

— Да когда их готовить, твоих молодых? — бушевал Село. — Сам справлюсь! Напичкайте меня перманганатом кальция, пущай Бодуругал со мной поработает, освежит старые рефлексы — и полечу, словно мне перо в задницу вставили! А старый Громоперд меня подстрахует, когда вылетим из Ущелья Гиен.

– *Если вылетим*, — хмурясь, уточнил Ноданн и плеснул себе еще бренди в чашку с кофе. — Думаю, самое трудное в этом предприятии — начало. Надо увести машины так, чтоб Эйкен

не пронюхал.

— Да, у малыша везде шпионы, — согласился Село.

— А Шарн сказал мне, что вожак первобытных носит золотой торквес. Они, конечно, предпочтут у власти Эйкена Драма, нежели меня. Малейшая оплошность в Ущелье Гиен — и они успеют его предупредить. Если нападение на Горию утратит элемент внезапности, это станет нашей роковой ошибкой.

— Чего там, истребим их всех на корню, — уверенно заявил Селадейр. — Вычистим с нашей земли под гребенку, как в старые добрые времена!

В смехе Аполлона прозвучала горечь.

— Я уже не тот Стратег, как в старые добрые времена, а первобытные — не та глупая дичь, как в прошлом году. Они хорошо вооружены. Птиц охраняют человек сорок — не меньше. Причем ни одному из них нельзя позволить даже подать сигнал тревоги — не то что сбежать. К тому же операцию должен провести совсем небольшой отряд. У меня здоровья не хватит, чтобы перенести Охоту в полном составе из Конейна в Герсиньянскую пустыню, а и хватило бы, мне все равно надо экономить энергию, иначе в Гории

буду как выжатый лимон.

— Может, повременим, пока ты не окрепнешь… — начал было Селадейр.

Ноданн безнадежно махнул рукой.

— Каждый день проволочки означает, что Эйкен Драм все больше набирает силу. Мерси подробно информирует меня о его состоянии. Она даже… способствует его выздоровлению, хотя и помимо своей воли. Нет. Если мы хотим победить узурпатора, надо выступать как можно скорее.

— И каково же твое решение, брат? — спросил Кугал.

— Надо отобрать небольшую группу самых сильных. На север полетим без иноходцев, на крыльях метапсихического ветра, затем нанесем умственный удар первобытным в Ущелье Гиен — никакого рыцарского противостояния, никакой Охоты. — Ноданн улыбнулся в ответ на мгновенно подавленную ярость, вспыхнувшую в мозгу старого чемпиона. — Ну вот. Село, видишь, как низко я пал? Однако первобытные не находятся в шорах нашей воинской религии, потому и я буду биться всеми правдами и неправдами.

Селадейр немного помешкал и выпалил:

— Если ты будешь сражаться с Эйкеном такими же нечестными приемами, народ тебя не поймет.

Ведь он — избранник Мейвар Создательницы Королей и утвержден конклавом.

— С узурпатором я встречусь по всем правилам искусства, — разуверил его Ноданн. — Меч против Копья, как дрались на Серебристо-Белой равнине, да не окончили из-за потопа.

— Ну, тогда все в порядке! — просиял старый творец. — Что до угона самолетов… предложение твое любопытно, но как его осуществить? Ведь стоит первобытному в золотом торквесе передать одну фразу — и вся операция насмарку.

— Ох, был бы Кулл жив! — вздохнул Стратег. — В такой переделке воин-корректор нужен как воздух. Он бы рассортировал чужеродные умы, успокоил подозрения, заглушил крики.

— Самые способные умокруты переметнулись к Эйкену или — еще того хуже

— к Дионкету и пацифистам. Мой Бодуругал — превосходный целитель, но в стрессовых ситуациях теряется. А из его подручных ни один корректор не имеет достаточного опыта для работы с голошеими. Адски трудно дурить мозги первобытным, если они не носят серых и серебряных торквесов. А уж как справиться с золотым, я и вовсе не представляю!

— Мерси бы сюда! — продолжал мечтать Но-

данн. — Чтобы справиться с людьми, нужен человек.

Чашка Сотрясателя Земли тихонько звякнула о блюдце. Лицо его вдруг просветлело.

— Конечно! — прошептал он. — Конечно!

Клу. Я сделаю это.

Хаген. Совсем сбрендила! Быстро же ты забыла беднягу Элаби ради гуманоида!

Клу. Скотина! (Импульс боли.) Хаген. Ох, черт! Прости… Но ты не должна так рисковать. Ведь мы уже близки к цели. Завтра, если сможем починить гусеницу, пересечем гряду Риф. Жду не дождусь полюбоваться на знаменитый водопад! А после переплывем Средиземку, проберемся вдоль Балеарского полуострова — и вот она, твоя Афалия! Я хочу, чтобы ты встретила нас там, детка, а не пускалась в какой-то бессмысленный рейд со своим новым любовником.

Клу. Я обеспечу Ноданну летательные аппараты для нападения на Эйкена Драма, разве это бессмысленно? При моей коррекции никто из человеческих охранников не забьет тревогу. К тому же для меня это еще важнее, пускай тебе и наплевать, — я спасу человеческие жизни. Я всех надежно отключу, и мы возьмем их на борт как пленников, вместо того чтобы уничтожать,

как планировали вначале гуманоиды. А сама я ничем не рискую… Ну, разве что подстрелят из «Гускварны».

Хаген. Из «Гускварны»?! Боже, Клу! Откуда у первобытных настоящее оружие? Я думал, у них все больше луки да стрелы…

Клу. Точно не знаю. Но здесь его очень много, и пользуются им не только первобытные, но и гвардия Эйкена Драма.

Хаген. Вот сучество!

Клу. В маленьком сценарии Кугала и Ноданна мне отводится главная роль, и в то же время опасность для меня минимальна.

Хаген. Что ж, удачи тебе, сестренка. Но смотри: в замок Эйкена ни ногой! Ни под каким видам, слышишь?

Клу. Да ладно, ладно, не бойся.

Хаген. Подумай о нас и о временнОм люке. Мы все рассчитываем на тебя. Только ты можешь быть посредником между нами и отцом. Выйдет же он когда-нибудь из барокамеры… если он действительно там. И когда вернется к жизни, то уж не станет торчать на Окале, а свалится прямо нам на голову, будь уверена. Если кто и способен на него повлиять, так это ты.

Клу. Я все время вызываю его, и никакого толку.

Скорей всего, он в барокамере. Если, конечно… Слушай, Хаген, а не могло так случиться…

Хаген. Не будь идиоткой!

Клу. Но ведь Фелиция чуть не убила Эйкена. И если она ретранслировалась в Северную Америку, то могла, невзирая на экраны, заявиться прямо к папе в обсерваторию под прикрытием его внешнего луча…

Хаген. Да жив он, жив, черт бы его побрал!

Клу. Тебе не удалось пробиться к Маниону?

Хаген. Нет. Вейко все время пытается, но не может собрать необходимую мощность для скрытого канала… Все-таки он во многом уступает покойному Вону. А работать открытым текстом мы не рискуем. Но, кроме Алексиса, никто на Окале не скажет нам правды.

Клу. Они здесь. Мне пора идти.

Хаген. Будь осторожна, детка, очень тебя прошу!

Клу. И ты тоже… Не сочти за труд, сделай для меня несколько стереокадров Гибралтара. Стоящее, должно быть, зрелище.

Охотники на бекасов из лагеря в Ущелье Гиен наткнулись на Дугала. Через неделю после засады фирвулагов он был все еще жив, но без сознания. Тело его превратилось в кровавое месиво ран и

укусов насекомых. Ему удалось проползти около двадцати километров, прежде чем он потерял сознание на болотах чуть южнее самшитовой рощи, где были спрятаны летательные аппараты.

— С восторгом в гроб я лег бы, как в постель! note 22 — пробормотал Дугал, когда спасители вытащили его из грязи. — О мавританка! Так горькою своей судьбой измучена, что жизнь на карту хоть сейчас поставлю! note 23

— Самой иногда так тошно — хоть ложись да помирай! — откликнулась Софронисба Джиллис. — Ну, выкладывай, сучий потрох, как ты ускользнул от Ориона и остальных.

Но речь Дугала перешла в бессвязный лепет. Уже когда его приволокли в лагерь, он на миг очнулся при виде двух запаркованных машин и простонал:

— Увы! Гордые соколы пойманы и растерзаны… — И тут же снова погрузился в транс.

Фронси и ее спутники отнесли бесчувственного Дугала в лазарет. Сгустились сумерки, чуть щербатая луна посылала свои поисковые лучи сквозь густые ветви самшитовых деревьев и серебрила

---

note notes: Note22
В.Шекспир. Мера за меру. Акт II, сцена 4. Пер. Т.Щепкиной-Куперник

note notes: Note23
В.Шекспир. Макбет. Акт III, сцена 1. Пер. Ю.Корнеева

черную обшивку экзотических птиц. Все бастарды Бэзила, кто нынешней ночью не был в дозоре, собрались возле палатки. Но опытные лекари Тонгза и Магнус Белл никак не могли привести пленника в чувство.

— Думаю, это безнадега, — сказал Магнус Бэзилу. — Парень в шоке. Ко всем поверхностным ранам у него почти наверняка прободение селезенки. Одному Богу известно, как он вообще еще жив.

— Пошли все вон отсюда! — распорядился Тонгза.

Бэзил повел всех на залитую лунным светом поляну.

— Надо непременно выяснить, что сталось с партией, конвоировавшей пленников, — на ходу говорил он Софронисбе. — То ли Дугал просто сбежал, то ли они нарвались на людей Эйкена, то ли на фирвулагов. Ты уверена, что он не сказал ничего осмысленного? Ни намеком не сообщил, что наше укрытие рассекречено?

Чернокожая женщина-монолит пожала плечами.

— Да нет, обычный словесный понос. Все Шекспира цитирует. Когда мы притащили его сюда, он что-то лопотал про машины. Называл их «горды-

ми соколами» или еще как-то.

Бывший профессор Оксфорда вытаращил глаза.

— Что он сказал? Дословно?

Вперед выступил один из охотников за бекасами.

— Я запомнил! Он сказал: «Гордые соколы пойманы и растерзаны».

Взгляд Бэзила остановился на длинноногих летательных аппаратах с опущенными крыльями и кабинами, напоминающими склоненные птичьи шеи. Он продекламировал:

Был гордый сокол пойман и растерзан Охотницею на мышей Ты был затравлен и убит совой.
note 24

— О Аллах! — выдохнул техник Назир.

— Н-да, в точности мои собственные чувства. — Бэзил погладил свой золотой торквес. — Как ни туманно, однако, боюсь, цитата Дугала допускает одно-единственное толкование. И стало быть…

— Стой! Стрелять буду! — раздался крик с противоположной стороны каньона.

Послышались другие голоса и топот ног; среди густых теней за второй машиной вспыхнули

---

note notes: Note24
В.Шекспир. Макбет. Акт II, сцена 6. Пер. Ю.Корнеева

лучи электрических фонариков.

— Кому говорю, стоять, не то уложу на месте! — вопил Тэффи Эванс.

Пятна света скользнули по стволу красного дерева, к которому прижалась хрупкая женская фигурка. Инженер в кринолине и круглом жабо наставил на нее копье с железным наконечником, и незваная гостья отчаянно разрыдалась.

Бэзил и все бастарды застыли как громом пораженные.

— Не убивайте меня! — всхлипывала женщина. — Пожалуйста, не убивайте!

Охрана, обступив пленницу, двинулась к Бэзилу.

— По крайней мере человеческой породы, — сообщил мистер Бетси, — а не ихний поганый оборотень!

— Да, да, я человек! — подхватила женщина и споткнулась.

Тэффи Эванс быстро переложил в другую руку шоковое ружье и поддержал незнакомку. Она благодарно улыбнулась ему.

— Не спускай с нее прицела, Тэфф! — предупредил бдительный трансвестит в маске королевы Елизаветы Первой. — Одно неловкое движение — и ты взлетишь на воздух!

— Да будет тебе, — отмахнулся пилот.

Когда пленница ступила в полосу лунного света, она показалась всем настолько безобидной, что даже охранники заметно помягчели. На ней были белые полотняные шорты, клетчатая рубашка, завязанная узлом под грудью, и небольшой рюкзак за плечами. Белокурые волосы, перехваченные на затылке узкой ленточкой, отливали чистым блеском луны. Несмотря на испуганный вид и слезы, она была так ангельски хороша, что у бастардов дух захватило.

Бэзил шагнул вперед; в открытом вырезе рубахи-сафари сверкал золотой торквес. Клу Ремилард подошла к нему вплотную и проговорила:

— Вы, надо думать, профессор Уимборн!

— Боюсь, я не имел чести… — начал было альпинист, но вдруг на него нахлынули боль и досада.

«Как же я мог не узнать Алису?» — подумал он. Взрослую и быстроглазую Алису с лебединой шеей, сбежавшую из Страны Чудес и теперь прикладывающую пальчик к его губам. Одновременно он почувствовал, как глохнет ум, готовый выплеснуть в эфир сигнал тревоги.

— О нет, не надо! — мягко произнесла Клу.

Корректирующие импульсы, точно щупальца морской звезды, потянулись ко всем умам.

Бастарды окаменели, точно статуи под августовской луной. «Гускварна» и все железное оружие посыпались на землю. В глазах мистера Бетси, казавшегося разряженной восковой куклой мадам Тюссо (если не считать неуместных усов и козлиной бородки), стояли слезы бессильной ярости.

Оба врача, повинуясь непререкаемой команде корректора, бросили пациента, вышли из палатки и присоединились к остальным.

— Есть еще кто-нибудь? — спросила Клу, глядя куда-то вверх, и, видимо, получила отрицательный ответ. — Стойте, еще не время! — заявила она тоном, не допускающим возражений. — Пока на нем торквес, возможен выброс адреналина.

Бэзил в трансе смотрел, как она сбросила заплечный мешок и развязала тесемки, затем извлекла оттуда остро заточенные кусачки. Абсолютно лишенный воли, Бэзил опустился на колени и подставил шею. Одним движением Клу перекусила обруч, и альпинист без чувств повалился на землю.

— Все, теперь можно, — сказала она.

Парализованные люди не могли издать ни звука: голосовые связки не повиновались им. Но все видели, как в лунном свете материализовались четыре высоких привидения и затмили

ночное светило сиянием стеклянных доспехов. Двое излучали зеленоватое свечение творцов, третий был окутан бледными соляными парами психокинетика, а четвертый, возвышавшийся над всеми, сверкал, точно полуденное солнце. Летчики, инженеры, врачи и просто головорезы пришли в страшное отчаяние при виде этого четвертого. Ноданн, первый враг человечества, поклявшийся избавить Многоцветную Землю от всех путешественников во времени — неважно какой ценой.

— Ты обещал, — напомнила ему Клу Ремилард.

— Да, — вздохнул Аполлон.

Почти безболезненным касанием девушка погрузила всех своих пленников в спасительную тьму, и ни один из бастардов (не говоря уже о бредившем Дугале) не очнулся раньше чем через двое суток, проведенных в подземелье афалийского замка; за это время спор между двумя Стратегами уже разрешился.

7

Мерси застала Салливана-Танна в захламленном помещении на самом верху северо-западной башни Стеклянного замка за чтением «Essais de sciences maudites» note 25 и смакованием «Стреги» из венецианского кубка самой что ни на есть непристойной формы.

— Великая королева! — Он поспешно захлопнул книгу; спрятать кубок было, к сожалению, некуда.

Лицо Мерси поразило его своей бледностью, а мозг, прикрытый не полностью, был объят пламенем неистовых чувств.

— Прости, Танн, что нарушила твое уединение, но у меня к тебе дело жизненной важности.

— Все, что смогу… — Он вдруг изменился в лице. — Что?! Что он сделал? Оскорбил вас? — трусоватый психокинетик внезапно исполнился благородного негодования, бросился к Мерси, обнял ее за плечи и усадил в кресло перед окном, в которое вливался свежий ночной бриз.

— Он не сделал ничего из ряда вон выходя-

---

note notes: Note25
"опытов проклятых наук» (франц.)

щего, — угрюмо отозвалась она. — Но еще до исхода ночи я отомщу… Если ты поможешь мне, Салливан.

— Я готов! — без колебаний заявил тот.

— Ты можешь открыть любой замок?

— Без проблем!

— Даже те секретные, в подвалах замка?

Салливан-Танн выпучил глаза.

— Как?! В подвалах, где хранится оружие из Содружества?

— Да. Можешь?

Чтобы не пугать его до срока, она сдерживала свои огромные принудительные и творческие силы, способные по одному ее желанию уничтожать и высвобождать энергию. Замок был заковыристый и не поддавался ее умственным волнам. Тут нужен талант психокинетика, поэтому в своей попытке потихоньку от Эйкена нейтрализовать тайный арсенал она сделала последнюю ставку на Салливана-Танна.

— Я… Я попробую, леди Творец.

Мерси вскочила с кресла; ее зеленое газовое платье с серебряной тесьмой трепетало на ветру, как парус.

— Постарайся, Салливан. Ради справедливого возмездия. Ведь ты ненавидишь его так же, как я.

Но очень скоро, быть может на рассвете, он полной мерой заплатит за все свои грязные проделки. Надо спешить, пока он еще спит, насытившись мною. — Схватив влажную руку психокинетика, она сильно сжала ее; глаза сверкали дикой яростью. — За мной! — крикнула она и устремилась по винтовой лестнице.

Салливан-Танн семенил следом, домашние кожаные туфли глухо шлепали по стеклянным ступеням, полы вишневого халата раздувались, белобрысые волосенки на макушке встали дыбом от страха. В Стеклянном замке было тихо. Они промчались по внутреннему дворику, где позвякивали ветряные куранты и шелестел маленький фонтанчик. Из темного угла навстречу хозяйке выскочила огромная белая собака; Салливана чуть удар не хватил.

— На место, Дейрдра! Быстро! — прошипела Мерси, и собака послушно исчезла.

Перед ними открывались наполненные звенящей тишиной залы, освещенные маленькими гирляндами волшебных лампочек. Высоко в небе плыла луна, пронизывая зловещим светом стеклянную крышу галереи и разливая под ногами лавандовые, розовые, янтарные лужицы. Маленькие рамапитеки с метелками из перьев

и тряпками упархивали прочь при звуке их шагов, точно вспугнутые птицы. Из людей они не встретили никого, кроме пожилого стражника в сером торквесе; застыв на пороге тронного зала с поднятым кверху мечом из небьющегося стекла, он напоминал гранитную скалу.

Наконец они проникли в королевские покои. В глубине вестибюля горели масляные факелы и уходила вверх еще одна винтовая лестница — в спальню. Мерси указала Салливану на неприметную бронзовую дверь.

— Взломай! Постарайся не наделать шума!

Он сосредоточился, сжал губы, наморщил лоб. Раздался приглушенный щелчок. Дверь распахнулась, словно бы в адскую тьму.

— Совсем не сложно. — Салливан выдавил из себя улыбку.

— Настоящая работа будет внизу. Скорей, дружище! Он может проснуться в любую минуту.

Она соорудила огненный шар и заскользила по грубо вытесанным из камня ступеням. Сырости и плесени почти не ощущалось, но спуск по лестнице, рассчитанной на длинные ноги гуманоидов, все равно был опасен. Салливан задыхался и лишь психокинетическим усилием предохранял себя от падения. Чувствуя, что вот-вот начнет

считать ступеньки, поднимался в воздух наподобие воздушного шара.

Наконец они спустились в подвал. Вот и арочная дверь с батареей экзотических кодовых замков. Салливан подошел, чтобы осмотреть их, и по спине у него побежали мурашки.

— Здесь еще и силовое поле, моя королева. Слава Богу, не сигма. Должно быть, оно направлено против сырости… — Он судорожно глотнул и добавил с нервным смешком: — А также против воров и злоумышленников.

— Открывай! — приказала Мерси, сохраняя полнейшую невозмутимость.

Он приступил к выполнению задачи. Пот градом струился по лбу и спине. Каждый код состоял из огромного скопления микроскопических пузырей, наполненных психочувствительными химикалиями. В глазах у Салливана двоилось. Он сфокусировал зрение и начал взламывать, сгибать, колоть.

Вроде получается. Сначала обследуй хорошенько. Ага, последовательное соединение. Неплохо! А в основании рассыпаны нули…

Что-то загудело. Все, силовое поле взрезано!

Та-ак… Уже хорошо. Ну, дави, тяни, толкай, скручивай!

Запоры с грохотом падали. На миг наступила тишина, потом дверь отворилась.

— Ура! — Оттолкнув его, Мерси влетела в помещение и зажгла свет. — Все это надо сохранить для Ноданна, но привести в такое состояние, чтобы *он* ничем не мог воспользоваться, когда мой возлюбленный демон нанесет удар!

С минуту она оглядывала длинные проходы с плексигласовыми стеллажами, тысячи разных предметов, упакованных в прозрачную пленку, стены, обшитые толстой водонепроницаемой изоляцией, компьютер с инвентарной описью, робота-ищейку, стоящего у самой двери.

— Начнем с вас! — Мерси выпустила из ладони изумрудный луч.

Робот и компьютер задымились; из них потекла вонючая пузырчатая жидкость.

— Боюсь, мой король, ваш следующий шоп-тур будет неудачным. Что дальше?.. Надо сделать все оружие непригодным до тех пор, пока его тщательно не промоют и не прочистят специальными растворами. Их формулы составит для Ноданна какой-нибудь химик из Содружества.

Салливан Танн в ужасе пятился к двери. Мерси взглянула на его искаженное страхом лицо и рассмеялась.

— Все в порядке, Салливан, душка. Теперь беги отсюда, ты сделал свое дело. Улепетывай, если жизнь дорога. А я буду варить адское зелье в ведьмином котле и окуну туда все оружие, чтобы Эйкен Драм не смог обратить его против моей любви!

Страшный взрыв сотряс каменные стены. Зловонная жижа все прибывала.

— Полимерное покрытие! — воскликнула Мерси, надежно защищенная психокреативной сферой. — Никто, кроме меня, не сумеет так расплавить, растянуть, сплющить длиннющие молекулы полимеров. Я — хозяйка органической материи. Из навоза я делаю цельные питательные продукты. А еще могу сварить дьявольский клей и намертво запечатать пакеты, ящики, свертки. Потом напущу сюда ядовитых газов, чтобы наши враги и близко не подошли к этой чертовщине.

Жуткая магма заполняла каждый уголок складского помещения. Мерси выплыла из двери и взглядом затворила ее, дико смеясь. Весь подвал уже пропитался отравленными испарениями, поэтому она быстро взлетела на верхнюю площадку, где ее ожидал Салливан. Бронзовая дверь, ведущая в подземелье, с треском захлопнулась, и

оба, тяжело дыша, прислонились к ней, ощущая вибрацию воздуха.

У подножия винтовой лестницы сидел Эйкен Драм и смотрел на них.

— Дело сделано! — ликуя, воскликнула Мерси. — А он уже на пути сюда! Ты, жалкий шут, будешь биться с ним в честном бою, потому что на приведение в порядок всего этого барахла из Содружества уйдут недели. Бери Копье, король Эйкен-Луганн. Включай свой обугленный мозг, если сможешь. Ноданн скоро будет здесь! И это конец!

— Да, — согласился Эйкен. Потом небрежно кивнул Салливану Танну. — Эй ты, отойди от нее.

Психокинетик взмыл в воздух и полетел через огромный вестибюль во двор. Но вдруг его тело словно бы наткнулось на невидимую преграду. Послышался сдавленный крик.

— Далеко не уходи, — предупредил Эйкен.

Салливан повис на иллюзорной стене. По лицу его текла кровь, челюсть отвисла, разбитые зубы оцарапали нижнюю губу. Из горла вырывались булькающие хрипы.

Затем его пятки начал лизать огонь.

— Нет! — крикнула Мерси.

— Это дело твоих рук, — спокойно возразил

Эйкен.

Дым извивался, густел. Тело корчилось, звуки, исходившие из ума и глотки, были не менее ужасны, чем сползающая клочьями кожа. Одежда вспыхнула мгновенно; пламя распространилось выше колен; на месте ступеней и лодыжек уже торчали голые кости.

— О Боже! — взвизгнула Мерси и метнула маленький сверкающий шар, поразив заживо горящего человека прямо в мозг.

Умственные, крики прекратились. Тишину нарушали только потрескивание огня да приглушенные всхлипы Мерси.

— Пойдем наверх.

Эйкен подал ей руку. Она медленно подошла к нему, лишь теперь заметив, что он весь в черном; даже золотые сполохи мыслей потухли в этой страшной, волнующей черноте.

Мерси оперлась на руку, согретую человеческим теплом.

— Ну?.. — В голосе ее звучала веселость обреченной на смерть. — И как ты это сделаешь, Амадан-на-Бриона?

— Пойдем, — сказал он. — Увидишь.

Копье.

Золотое на фоне обступившей их темноты,

кровожадное, полное горячей энергии. Вовсе не стеклянные, как она думала, а живой ствол из плоти и крови. Он выпустил жгучий болевой заряд, а потом вобрал в себя всю ее энергию, всю жизненную силу, всю радость и горе, всю память, все мысли, все, что было задумано и выполнено. Поглотил ее, и она исчезла.

А сам он засиял еще ярче.

Как ни странно, взглянув на останки, он почти не испытал боли.

8

Ноданн повелел приблизиться к Гории со стороны моря, подальше от заходящей полной луны, хотя было ясно, что узурпатор не только знает о вторжении, но и приготовил своему главному противнику великолепный прием.

Город был залит огнями, и все небо создавало перламутровый фон мерцающему многоцветью, зданий. На огромной крепостной стене пылало ожерелье оранжевых костров, с каждого бастиона светили на море фиолетовые и голубые прожекторы. Стоящий на высокой скале фасадом к морю Стеклянный замок, казалось, парил в воздухе короной сверкающих аметистов, сапфиров, топазов в обрамлении колонн и филигранных шпилей с золотыми искрящимися звездами.

Оседлав ночной ветер, над крепостью взметнулись змеи на золотых и серебряных канатах.

Их были сотни — от овальных и ромбовидных титанов двадцатиметрового диаметра до мощных сороконожек и японских драконов всех боевых типов и форм. Огромные, озаренные крошечными огоньками конструкции (на сей раз без пассажиров) несли на крыльях изображения

кривляющихся самураев, восточных демонов, мифических чудовищ.

Ноданн взревел при виде такой зловещей эскадрильи. Два летательных аппарата под прикрытием психокреативных щитов подлетели к крепостным стенам и зависли на высоте в несколько тысяч метров; десантники ожидали приказа.

— Что будем делать, Стратег? — послышался в динамике голос Туфана. — Воздух так и кишит этой саранчой.

Ноданн стоял за спиной Селадейра, ведущего Единицу, и пытался дальним зрением охватить это безумное барражирование.

— Бумага, хлипкий шелк и бамбуковые палки! — наконец вынес он свой приговор. — Наше ро-поле сожжет их как сушняк. Правь прямо на них! Всем приготовиться! Как только я поражу Мечом королевские покои, будем садиться.

— Слушаюсь, — сказал Туфан.

В прорези стеклянного забрала мелькнула торжествующая ухмылка Селадейра, и, приняв на себя рычаг управления, он почти на скорости звука врубился в гущу змеев.

Две магнитно-гравитационные машины, летящие бок о бок, одновременно запутались в

сверхпроводящих тросах. Змеи вспыхнули и в момент сгорели, но их золотые и серебряные хвосты плотной паутиной облепили черное металлокерамическое оперение ро-птиц, и силовой поток с трудом пробивался сквозь эту сетку, расчерчивая небо дымными дугами плавящихся проводников. Возникала угроза утечки энергии и потери гравитационного равновесия.

В эфире зазвенел телепатический смех шута, перекрывая скрежет задыхающихся генераторов ро-поля, треск разрываемых проводов и громовое шипение ионизированного пара над бурлящим внизу морем.

— Прыгайте! — крикнул Ноданн своим рыцарям. — Всем срочно покинуть машины!

— Брат! — завопил в ответ Сотрясатель Земли. — Люк заклинило!

Мощным психокинетическим усилием Ноданн взрезал вакуумный замок и проложил защитный тоннель для десантников. Тех, кто не умел самостоятельно держаться в воздухе, Стратег и Кугал опускали на парапет набережной, словно поток радужных метеоритов. Увидев благополучно приземлившегося Селадейра, Ноданн, сжимая фотонный Меч, последним выбросился из люка.

Его тут же отнесло в сторону, и он увидел, как

машина вздрогнула, медленно повернулась вокруг своей оси и стала падать в море, окутанная фиолетовыми клубами.

— Туфан! — загрохотал штормовой голос. — Прыгай, Туфан!

Пассажиры второго корабля в панике молотили по заклинившему люку стеклянным оружием и бесплодными психокреативными импульсами. В умственной сумятице Стратег едва расслышал мысль первого пришельца:

«Прости, Стратег, садиться опасно… Благородным рыцарям тану никогда не постичь низменных хитростей науки…»

На самой высокой башне Стеклянного замка заплясала искорка, вытягиваясь сверкающей иглой. Сноп зеленого света, выпущенный из Копья, пронзил безвольно застывшую экзотическую птицу. Ноданна оглушило взрывной волной. Над морем мучительно медленно вздулся огненный шар вторичной детонации, испещренный лиловыми кристаллами разорванного силового поля.

Ноданн приземлился. Слишком поздно! Когерентный луч, двойник разрушившего машину, превратил верхушку башни в пар. Воздух задрожал от взрыва.

И от смеха.

«Попробуй еще раз», — достигла его сознания обидная издевка шута.

Вне себя от ярости, Ноданн смел всю башню до основания. Но, разумеется, Эйкена там уже не было; лишь звенело эхо его насмешек.

Ноданн обследовал главный бастион крепости. Двести уцелевших рыцарей выступили навстречу врагу. Верные королю силы тану во главе с Чемпионом Елейном и Альбораном Пожирателем Умов готовились к наступательному метаконцерту. Третьим выстрелом из фотонного оружия Стратег отколол большую глыбу фасада и обрушил ее во двор на защитников крепости.

— Назад! — крикнул Блейн, мгновенно переключившись на оборонительный психокинетический модуль.

Три десятка тану под его командованием сумели отвратить удар; задело очень немногих. Но рыцари Ноданна теснили их, и в пылу рукопашной схватки дисциплина, потребная для скоординированного умственного усилия, была нарушена. Возобладал древний боевой инстинкт расы; защитники и нападающие противопоставили друг другу стеклянное оружие и разрозненные мозговые усилия.

— Сплотить умы! — взывал Альборан.

Юные лоялисты сомкнулись вокруг гибрида-принудителя, вновь применив эффективную тактику метаконцерта. Сраженные массированным умственным напором воины Стратега либо погибали на месте, либо получали множественные мозговые травмы. Однако Ноданн сумел воспользоваться преимуществом создавшейся суматохи. Самых слабых рыцарей он отправил на передний двор, а наиболее доблестным велел прорываться в покои. Разбившись на три отряда (первый возглавил он сам, второй — Кугал Сотрясатель Земли, третий — Селадейр Афалийский), они углублялись в чрево замка.

— Ищите Эйкена Драма! — Стратег пылал благородным негодованием. — Рассыпаться по всей крепости! Но кто найдет его — помните: он мой!

Обычного ясновидения было недостаточно, чтобы обнаружить узурпатора, чьей маскировкой служили не только природная хитрость, но и переносное устройство двадцать второго века, с которым он не расставался. Ноданн понимал, что легче выманить его на открытую схватку, чем отыскать в закоулках дворца.

Селадейр в сопровождении семидесяти с лишним рыцарей пробился в отведенное людям крыло замка, преодолев отчаянное сопротивле-

ние серых и серебряных стражников. Окольцованные оказались бессильны перед натиском воинов тану, способных оказать на них принудительное воздействие через торквесы. Отряд за отрядом серые под командованием серебряных офицеров натыкались на властные посылы врага, побуждавшие их бросать железное оружие и покоряться грозной силе стеклянных мечей.

— Перебить всю первобытную свору! — рявкнул лорд Афалии. — Стереть с лица земли!

Он повел свой отряд к казармам, полагая, что Эйкен укрылся среди представителей собственной расы. По ходу рыцари убивали всех голошеих, серых и серебряных. Но стоило им выйти из-под эгиды Ноданна, как на пути у них вырос отряд золотой королевской гвардии, должно быть, поджидавшей в засаде.

Первобытные были при полном рыцарском облачении, которое отражало, впрочем, лишь слабые психокреативные удары, и держали в руках казавшееся до странности хрупким оружие. Их было всего-то два десятка во главе с командиром Конгривом, чей доспех сиял голубоватым светом метапсихической энергии. На скрытом канале он четко отсалютовал Селадейру.

— Эй, Конгрив! — прорычал Селадейр. — Ты

же был верным слугой Стратега, пока золотой червяк не задурил тебе мозги. Бросай оружие! Переходи к нам!

— Сдавайся, лорд Афалии, — ответил Конгрив. — Король Эйкен-Луганн пощадит вас.

Селадейр и его рыцари расхохотались, потрясая мечами.

— Да ведь нас втрое больше, — попытался образумить его старый творец.

— Слышь, даю тебе пять секунд!

— Готов, Джерри? — тихо спросил Конгрив.

— Ах, так?! — взревел Село и пальнул по мозгам наглых первобытных.

Но Конгрив даже не шелохнулся. Тогда из задних рядов, словно Ангел Божий, вылетел психокинетик и навис над людьми, размахивая огненным мечом.

— Убери его, Джерри, — досадливо поморщился Конгрив.

Гвардеец положил палец на спусковой крючок лазерного карабина. Тут же послышалось какое-то чириканье, сверкнул алый луч и надвое разрезал психокинетика прямо через доспехи. Тот рухнул на каменные плиты метрах в двух от Селадейра.

— Сдавайтесь, — повторил Конгрив.

На миг тану оцепенели. Затем вперед выскочили четыре принудителя и творец. Первая шеренга гвардейцев выстрелила по ним из карабинов «Мацушита»; лучи были тоньше игольного ушка. Пятеро атакующих один за другим попадали, пораженные в сердце или в мозг. На каменных плитах пола послышался погребальный звон доспехов.

— Сдавайтесь. — Голос Конгрива звучал устало. — Мы получили приказ по возможности сохранить вам жизнь. Король Эйкен-Луганн просил напомнить вам, что соперником в Сумеречной Войне будут не люди, а фирвулаги.

Селадейру вдруг почудился пронзительный вой, доносящийся из внутренних покоев вместе со звуками ожесточенной схватки. В полном отчаянии он послал мольбу Стратегу:

«Помоги, мы погибаем!»

Ответа не последовало. Позади него еще один меч со звоном полетел на пол — рыцари падали, не успевая оплакать рухнувшие надежды. Селадейр медленно разжал пальцы, расслабил мышцы руки, и его сверкающий меч с позором шмякнулся оземь, моментально потемнев.

Командир золотых отдал приказ:

— Карабины убрать! «Гускварны» на изготов-

ку!

Селадейр, словно в полусне, увидел, как гвардейцы быстрым движением передвинули за спину легкое оружие и ухватились за стволы более мощных винтовок.

Не веря глазам своим, он крикнул:

— Но мы же сдались!

Конгрив отозвался чуть ли не виновато:

— К несчастью, у нас нет времени! Приготовиться! Пли!

И «Гускварны» просвистели свою песню, что повергла в забвение лорда Афалии и всех его рыцарей.

Нашел ее Сотрясатель Земли.

Взламывая двери, заглядывая в альковы, шаря за ширмами, наводя ужас на лакеев и горничных, истребляя путающихся под ногами серых охранников, он наконец очутился перед позолоченной двустворчатой дверью. Над нею висел гербовый щит, покрытый эмалью в оправе из алмазных завитков; стилизованный узор отдаленно напоминал геральдическую фигу узурпатора.

— Это его покои! — воскликнул Кугал.

Один взгляд — и дверь с гулким звоном надломилась по шву.

Размахивая золотисто-розовым мечом, он во-

рвался внутрь, а за ним сорок рыцарей. Вначале они попали в прихожую, обставленную легкой плетеной мебелью и выходящую на широкий, посеребренный луной балкон; за прихожей были две гардеробные, до отказа набитые одеждой, далее — внутренний салон, откуда одна дверь вела в роскошную ванную, выложенную ониксом и золотом, а другая — в королевскую опочивальню. Здесь гирлянды фиолетовых и янтарных лампочек освещали огромное круглое ложе под золотистым балдахином и покрывалом из черного атласа.

На нем покоился бледный силуэт.

Лишь через несколько минут Кугал смог собрать силы для телепатического сигнала:

«Брат! Ноданн, ко мне!»

Стратег мгновенно очутился рядом и наполнил комнату солнечным сиянием. Кугал сделал знак своим воинам удалиться и сам вышел, оставив Ноданна одного.

— Моя Мерси-Розмар! — прошептал Аполлон, склоняясь над нею.

Дорогие ему очертания остались нетронутыми: хрупкие руки — одна откинута, другая покойно вытянута вдоль тела; ноги с удлиненными ступнями, ямочки на коленях, изящный изгиб бедер,

темная загадочная расселина ее женственности, небольшая упругая грудь жемчужно-серого оттенка, слегка выгнутая шея с похолодевшим золотым торквесом, нежная линия расслабленного подбородка. Лицо излучает покой, губы слегка приоткрыты и все еще подсвечены теплым сиянием, однако на волосы и ресницы уже легла прозрачная снежная пелена.

— Твоя ненасытная жажда жизни вселила в него ужас, — промолвил Ноданн. — Теперь он обратит твои жизненные силы на мою погибель. Ах, Мерси, ведь ты знала, ты предупреждала меня!.. Постой…

Он снял розовую стеклянную рукавицу. Серебряная рука быстро прошлась по телу Мерси, и оно рассыпалось в пыль; остались только торквес и пушистые кольца на черном атласе…

Заходящая луна вместо серебра плеснула в окно расплавленным золотом. И чей-то внутренний голос скомандовал:

«Выходи!»

Они сошлись высоко в небе над бушующим морем, и защитой им, как того требовал ритуал, служили только собственные умы.

Когда сверкнула зеленая сигнальная молния и гром раскатился по уступам горы, все прочие

схватки разом прекратились. Всем не терпелось лицезреть поединок титанов. Даже мирные жители города, до той поры прятавшиеся в подвалах, высыпали на бастионы и затесались в толпу безмолвных рыцарей в стеклянных доспехах.

По чьей-то команде погасли все метапсихические огни; масляные светильники тоже догорали в предрассветных сумерках, и Гория теперь походила на город-призрак. Над проливом Редон то и дело мелькали зеленые вспышки, затмевая два сверкающих силуэта.

Кое-кому из зрителей довелось стать свидетелем первого поединка между Эйкеном и Ноданном, что был прерван потопом в Серебристо-Белой равнине. Они могли отметить некоторые отличия в боевой тактике противников: маленький человечек держался более осмотрительно, избрав оборонительную тактику; богоподобный Ноданн, напротив, дрался самозабвенно и яростно, что было совсем не в его стиле.

Да, Стратег проявлял необычайную агрессивность. Розовый нимб стал багровым, и Стратег бомбил врага непрерывными очередями фотонного Меча. Звездные вспышки сотрясали защитный экран шута, вспыхивающий то голубым, то желтовато-зеленым, то пунцовым

пламенем.

— Выскочка! — ревел ураганный голос Ноданна. — Самозванец! Я — наследник короля Многоцветной Земли, старший сын Тагдала и Нантусвель. А кто твои родители? Стерильная посуда в генетической кухне? Пробирки для смешивания замороженной спермы и тухлых яиц мертвой бабы? Какой из тебя король?..

Чудовищные валы прокатывались по взбаламученной поверхности моря. Фигурка в черных доспехах с золотым подбоем совсем потускнела.

— Что молчишь? — бушевал Ноданн. — Или твоей храбрости хватает лишь на женщин? Испугался ее страсти, гнида? Спрятался, как слизняк от солнечного света? Конечно, куда тебе затмить солнце!

Эйкен хранил безмолвие за медленно разрушающимся умственным щитом. Обвинения, казалось, не доходили до него; вся ярость их тонула в темной воде.

— Отвечай же, черт побери! — гремел Ноданн изнутри своей ауры, струящейся, как хвост кометы. — Или ты ищешь смерти?.. Думал за ее счет заткнуть трещины в своем мозгу? Не вышло, да? Ты и сам понимаешь, что твой жалкий умишко не стоит мизинца единственной женщины, кото-

рую ты любил!

Ноданн нажал верхнюю кнопку на рукояти Меча. Счетчик питания показывал, что в батарее хватит энергии еще только на один залп такой мощности.

— Утомился, поди, сидеть на троне! Твои подданные ненавидят и презирают тебя, а ты ничего не можешь поделать — кишка тонка! Ничтожество! Шут! Заговорщик! Противник чести, благородства, красоты!

Вспышка невероятной силы вырыла кратер в волнах, и Эйкен вместе со своим щитом скрылся из виду. Потом вдруг заклубился, зафонтанировал вихрь мощных испарений, и где-то в глубине его пульсировало слабое золотое сияние, перемежаясь с приглушенно-карминным светом морских глубин.

Стратег выжидал. Наконец из клубов пара выделился небольшой шар совершенной формы и цвета густеющей крови. Его едва хватало, чтобы обволакивать фигурку в доспехах и тусклое стеклянное Копье.

— Выходи! — призывал Аполлон. — Хватит прятаться, король шутов!

Шар напоминал череп, туго обтянутый блестящей алой кожей, а глаза точно утонули в

глубоких колодцах.

Ноданн приготовил Меч.

— Так и умрешь, не сказав ни слова? Ну смотри, дело твое!

В последний залп Ноданн вложил всю мозговую энергию в сочетании с полной мощностью фотонного оружия. Вспышка получилась ослепительно белой, а отдача раскатилась нескончаемым эхом между холмами Арморики и Бретани.

Золотой шут стоял напротив во всей своей незащищенности.

— Нет!.. — прохрипел Стратег.

Сиятельный улыбнулся и широко распахнул ум. Ноданн в отчаянии осознал, что все было заранее спланировано, чтобы измотать его и позабавить зрителей, даже тех, которые не обладали даром ясновидения, поскольку исход поединка просматривался невооруженным глазом.

Эйкен, не торопясь, отстегнул перевязь и поднял Копье на вытянутой руке. Ноданн почувствовал, как коварный психокинетический импульс подтачивает силу его мышц. Мгновение — и ремень соскользнул с плеча, а рукоять выскользнула из невольно разжавшихся пальцев. В тот же миг Эйкен бросил Копье.

Ноданн снял шлем. Защитный нимб испарился

во время завершающего удара, но стан Аполлона вобрал в себя сияние восходящего солнца.

Эйкен же походил на обнаженную звезду.

— Мне и твой мозг пригодится, — только и вымолвил он.

Аполлон вспыхнул и сгорел как свечка, оставив после себя серый пепел, угасающую насмешливую мысль и серебряную руку, что стремительно падала в море.

Король подхватил ее на лету. Из-за крепостных стен вставало солнце, и народ Многоцветной Земли пел Песню в его честь.

«Неплохо сработано», — подумал он и отправился восвояси.

ЭПИЛОГ

На острове Окала еще царила глубокая ночь.

Три лягушки разучивали увертюру к осенней любовной симфонии. В ветвях палисандрового дерева, нависшего над крыльцом, мелькали светлячки. Заходящая бронзовая луна, казалось, передразнивала кривую усмешку Марка Ремиларда.

— Этого ты ждал? — спросила Патриция Кастелайн.

Он медленно выбрался из брезентового шезлонга — второй Вагнер с метапсихическим уклоном.

— Примерно. Правда, трюк с поглощением умов меня слегка озадачил. До Единства полтроянцы практиковали нечто подобное по отношению к своим врагам, но чтобы человек пошел на такое… Невероятно! Впрочем, весьма любопытно… Весьма.

Она просунула руку ему под локоть. Эпизоды разыгравшейся в Европе драмы прокручивались в его полностью восстановленном мозгу.

— Слава Богу, тебе лучше, — сказала она. — А то я уж начинала бояться.

Он беззаботно рассмеялся, точь-в-точь как в былые времена.

— Пора бы уже привыкнуть, что Аваддону убивать не впервой. Меня застигли врасплох. Больше такого не повторится.

— Все-таки пойдешь?

— Не я, так он придет ко мне.

— Пусть лучше он.

— Я подумаю.

Марк обнял ее за плечи и поцеловал. С озера потянуло прохладой.

Патриция вздохнула.

— Вообще-то хотелось бы посмотреть на Великий Турнир.

— Почему бы и нет? — отозвался Марк Ремилард.

Рука об руку они вошли в дом.

На землю пала роса, лягушки смолкли, светлячки спрятались в листве, и остров уснул.